

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2010
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М. Мазгаров**

Зам. главного редактора — академик **М.А. Усманов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь — главный редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингеборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Редакторы

А.Г. Аксенова, В.П. Лашенцова

Переводчик

Д.К. Вахитова

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор — 292-40-34.

Зам. гл. редактора — 292-79-39.

Ответ. секретарь — 292-15-64.

e-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 21.09.2010.

Формат 70x108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 1000 экз.

Заказ 09-10/02-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-05-61

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2010

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2010

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

- 6 **Гайнуллина Г.Р.** Татарская проза военных лет (1941–1945 гг.)
- 17 **Загидуллин И.К.** Фронтовые письма из фондов музея истории КГУ
- 33 **Сакаев В.Т.** Кампания по сбору теплых вещей в Татарской АССР в 1941 г.

К 90-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ТАССР

- 42 **Валиев А.М.** Становление и развитие государственности татарского народа в 1920–1930-е гг.
- 51 **Валиев Р.Г.** К вопросу о предпосылках образования Татарской АССР: политико-правовой аспект
- 55 **Галлямова А.Г.** Татарская республика в 1940–1980-е годы: модернизация по-советски
- 71 **Салихов Р.Р., Хакимов Р.С.** Традиции государственности татарского народа в свете задач современной исторической науки
- 75 **Хакимов Р.С.** «Модель Татарстана»
- 80 **Ягудин Б.М., Сулейманов Р.Р.** Республиканский симпозиум «Татарстан – 2009: достижения, проблемы, перспективы»

ИСТОРИЯ

- 85 **Азаматова Г.Б.** Деятельность представителей татарского дворянства Уфимской губернии в земских учреждениях и просвещении мусульманского населения (вторая половина XIX – начало XX вв.)
- 93 **Бакиева Г.Т.** Особенности волостного управления и суда у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в.
- 106 **Гилязов И.А.** Шафи Алмас – личность и судьба
- 115 **Загидуллин И.К.** Особое межведомственное совещание по делам мусульман 1914 г.: подготовка, проведение и решения
- 129 **Лушников О.В.** Классическое и современное евразийство: проблема преемственности идейного комплекса
- 141 **Усманов М.А.** О судьбе казанского востоковедения
- 166 **Шайдуллин Р.В.** К вопросу о реализации национальных интересов татарского народа в России

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- 179 **Аминева В.Р.** Художественно-содержательное своеобразие сюжетов в произведениях татарских писателей начала XX в.
- 192 **Брусько З.М.** Мунаджаты как структурный компонент похоронного обряда у татар
- 196 **Ибрагимов М.И.** Типология лирических систем в сопоставительном изучении лирики
- 202 **Небольсина М.В.** Детская поэзия Рустема Кутуя
- 207 **Шакурова М.М.** Становление и развитие методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории
- 215 **Юсупов Ф.Ю.** Всегда на напряженном творческом пути. К юбилею Ф.А.Ганиева
- 222 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

THE 65TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

- 6 **Gainullina R.G.** Tatar prose of the wartime (1941–1945)
- 17 **Zaguidullin I.K.** Front letters from the funds of the historical museum of KSU
- 33 **Sakaev V.T.** Campaign for gathering warm things in the TASSR in 1941

THE NINETIETH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE TASSR

- 42 **Valiev A.M.** Formation and development of the statehood of the Tatar people in the 1920–1930s
- 51 **Valiev R.G.** Preconditions of the formation of the TASSR: political legal aspect
- 55 **Gallyamova A.G.** Tatar Republic in the 1940–1980s: modernization in a Soviet way
- 71 **Salikhov R.R., Khakimov R.S.** Traditions of the statehood of the Tatar people from the standpoint of the aims of modern historical science
- 75 **Khakimov R.C.** «Model of Tatarstan»
- 80 **Yagudin B.M., Suleimanov R.R.** Republican symposium «Tatarstan: achievements, problems, prospects»

HISTORY

- 85 **Azamatova G.B.** Activity of the representatives of the Tatar nobility of the Ufimskaya province in zemsky establishments and in the enlightenment of the Moslem population (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)
- 93 **Bakieva G.T.** Peculiarities of the volost government and court of the Siberian Tatars in the 2nd half of the XIX- the beginning of the XXth century
- 106 **Gilyazov I.A.** Shafi Almas – personality and fate
- 115 **Zaguidullin I.K.** Special interdepartmental conference on the point of the Moslems in 1914: preparation, realization, decision
- 129 **Lushnikov O.V.** Classical and modern Eurasianism: the problem of succession of ideological complex
- 141 **Usmanov M.A.** Fate of Kazan orientology
- 166 **Shaidullin R.V.** Realization of the national interests of the Tatar people in Russia

PHILOLOGY

- 179 **Amineva V.R.** Ways of creating the sphere of the character-subject in the works of the Tatar writers of the first third of the XX century

CONTENTS

192 **Brusko Z.M.** Munadz hats as a structural component of the Tatar funeral ceremony

196 **Ibragimov M.I.** Typology of lyric systems in comparative studying of lyrics

202 **Nebolsina M.V.** Children's poetry of Rustem Kutuy

207 **Shakurova M.M.** Formation and development of methods of teaching the Tatar language in the audience speaking another language

215 **Yusupov F.Y.** Always on the intensive creative way. By the anniversary of the Ganiev F.A.

222 LIFE CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 821.0+355/359

ТАТАРСКАЯ ПРОЗА ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941–1945 гг.)

Г.Р. Гайнуллина, кандидат филологических наук, доцент КГУ

Художественная литература не живет обособленно от историко-социальных явлений, процессов, событий, которые оказывают влияние на самосознание социума, внося серьезные изменения и в литературу. Влияние Великой Отечественной войны на общественное сознание народных масс было неоднозначным. С одной стороны, произошло то, что Борис Пастернак выразил устами одного из персонажей своего романа «Доктор Живаго»: «И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение...»¹. В людях, которые считали себя защитниками Родины и своими жизнями платили за просчеты оперативного командования, политической верхушки страны, пошатнулась вера в справедливость существующего государственного устройства, в какой-то мере появились зачатки самостоятельного, независимого мироощущения, возросло самоуважение. Однако, с другой стороны, – в атмосфере всеобщего ликования сам факт победы в ужасающей, протяженной и кровопролитной войне воспринимался многими как свидетельство политической и военной мудрости Верховного правителя и подтверждение превосходства советского социалистического строя.

Вместе с тем, безусловно, самое значимое событие XX века – Великая Отечественная война – буквально «разорвало» пространство литературы появившимся вследствие этой «трагедии

человеческих судеб» тематическим, структурно-жанровым, видовым и т.д. разнообразием.

Проявления этих процессов мы наблюдаем и в татарской литературе – одном из элементов целостной системы так называемой советской литературы.

Военные годы ознаменовались развитием татарской прозы в рамках двух направлений, тенденций.

Основа для первого направления, на этапах своего развития имеющего горизонтальную градацию, была идеологически и семантически подготовлена условиями политической и социальной жизни, воцарившимися после революционных событий октября 1917 года, изменивших практически все существовавшие устои жизни общества, в том числе и течение собственно историко-литературного процесса. Этот сокрушительный поворот в социально-политической жизни России в срезе литературно-художественном признал главной и первоочередной ценностью изображение человека в контексте бытовых и общественных взаимоотношений; эстетическая же функциональность искусства и идеологического строя в целом трансформируется в задачу воспитания тесных внутрисоциальных, внутрикоммунных отношений, основанных на высоких идеалах дружбы и доверия. Авангардом художественных идей априорно становятся те из них, которые способны принести пользу для базисной социально-общественной единицы молодого советского государства – пролетариата, а также

для становления и развития самой социалистической системы и идеологии в целом.

В основу направления были положены новые принципы изложения реальной действительности, которая переносилась на семантико-событийную канву художественных произведений сквозь кальку революции, ее [коммунистических] идеалов, взглядов; сама же революция находила собственное выражение в рамках революционного же искусства. Кроме того, по мнению Д. Загидуллиной, художественное произведение начинает активно влиять на течение реальной жизни – концептуально произведения выстраиваются как своеобразное пособие по воспитанию пролетариев, трудового народа, в рамках коммунистической идеологии². Принцип равенства, ставший главенствующим после Октябрьской революции, привнес в сознание общества так называемую «политику масс», интерпретируемую в философии как «подъем масс». Частным результатом этих явлений в татарской литературе стала замена традиционных идеалов социалистическими ценностями, образами.

Именно в таких условиях в татарской литературе появляется целый ряд художественных произведений, в которых доминирующей являлось раскрытие, описание социалистических идей. Таким образом, метод социалистического реализма, официально признанный и одобренный в 1934 году, способствует появлению в литературе 1940–50-х гг. целого направления. Однако трагические события Великой Отечественной войны, ее колоссальное влияние на общественное мировоззрение изменяют в чем-то догматичный характер соцреалистического метода, внося в семантическую и образительно-словесную структуру художественных произведений новые темы, проблемы, конфликты, оппозиции войны/мирной жизни, врага/защитника Отечества, чужбины/Родины, жизни/смерти. Одновременно, с развитием различных художественных

приемов, соцреализм переживает, особенно в военное время, стремительное разделение по вертикальной шкале литературных ценностей. Постепенно на передний, системообразующий план выходит такой внутренний элемент произведения, как местно-временные характеристики – хронотоп.

В рассказах татарских писателей, написанных в промежутке 1941–1945 гг., хронотоп определяется с большей степенью точности: все события происходят в военных условиях: в воинском подразделении, роте, госпитале, оккупированном населенном пункте, у реки и т.д. Вместе с тем лирическая окрашенность повествования требует обращения к ретроспекции, ретроспективному времени. Значение хронотопа еще более усиливается и усложняется с усилением художественного конфликта «мирная жизнь/военное время». В лирическом рассказе М. Амира «Сьерчык» («Скворец», 1943) собирательный образ деревни прошедшего дня раскрывается от имени скворца в диалоге между птицей и нарратором-повествователем, составляющем сказочный пласт в произведении. образу «вчерашней деревни» присущи такие черты, как распускающиеся ранней весной зеленой зеленью листья, цветущая затем желто-белым липа, наполняющая всю окружающую местность пьянящим запахом меда; сад, дом, срубленный из сосновых бревен. В противовес образу деревни мирного времени дается описание этой же местности после боевых действий: сгоревшие останки сосновых срубов, в которых с трудом угадываются красующиеся когда-то дома; лес, состоящий из одного-единственного жалкого, обглоданного огнем деревца, в котором царит уныние. Безусловная находка автора – переложение мыслей-переживаний нарратора в изображенный мир, тем самым диверсифицируя внутренний монолог – один из методов психологизма. Смысловая нагрузка в рассказе полностью лежит на образах-символах, хронотопических описаниях (частое использование

образа весны с семантической нагрузкой перерождения, образов ночи, ненастного вечера; а также описание реальных хронотопов, связывая с ними образы-символы).

Частый прием, воплощенный в произведениях этого периода, – переплетение событийной канвы с эмоционально-лирической линией произведения; в монологе героев определяется и авторская позиция.

Эмоциональные оттенки переживаний героя проходят эволюцию от одиночества, беспокойства за близких людей до чувства страха перед неизвестностью, неопределенностью. Конфликт в данном случае приобретает вполне ощутимые рамки и конкретизируется как оппозиция спокойствия мирного времени и реальности военных будней, жизни и смерти. В рассказе И.Гази «Малай белән эт» («Мальчик и собака»), структурально близком к жанру воспоминаний, общий физиологический портрет мальчика дополняется национальными чертами; безграничная, нежная любовь к ребенку с ангельской внешностью («карими глазами, длинными ресницами, круглым лицом») нескольких взрослых важна для противопоставления смерти мальчика; трагический уход из жизни ребенка, с чистой душой, предстает в таком обрамлении еще более бессмысленным. Образ матери, использованный в тесной связке с образом ребенка, близок по характеру к архетипу Матери («ил анасы»). Событийная составляющая рассказа И.Гази «Ана» («Мать», 1942) определена поступками матери, пережившей глубокую личную трагедию – потерю ребенка, ее самоотверженной помощью отряду партизан.

Ряд произведений военных лет связан единым осевым образом – образом старца, который символизирует истину, терпение, великодушие. Таковы, в частности, рассказы «Түбән оч» («Деревенская история», 1943) Ф.Хусни, «Дустым кабере янында» («У могилы друга», 1945) А.Шамова. Специфика военного времени творчески пе-

реносится на художественную почву трансформацией образа старца в образ фронтового лейтенанта, полковника, отождествлением их функционально-семантической нагрузки. В рассказе А.Еники «Бала» («Девочка», 1941) образ лейтенанта бифокусируется – в первом случае это отец ребенка, во втором – командир Зарифа. В рассказе «Солдат хикәясе» («Рассказ солдата», 1942) Ф.Хусни одна из осей повествования строится вокруг судьбы полковника.

Заметным событием в татарской литературе военного лихолетья стали произведения Г.Апсалямова. Рассказы писателя выстроены в форме ленты документальных событий, с выверенным течением событийной канвы. Художественный конфликт реализуется в форме вечных оппозиций с биполярными ценностно-бытовыми понятиями на полюсах. В частности в рассказах «Зәңгәр иртә» («Утро», 1945), «Зәңгәр кыя» («Голубой яр», 1944), «Үлемнән көчлерәк» («Сильнее смерти», 1943), «Бөркет токымы» («Соколиное племя», 1944) ярко выражены документальные оттенки, дополненные живописными описаниями, обрамляющие острый конфликт жизненных ценностей. Рассказы Г.Апсалямова намеренно просторечны, лексика их нацелена на воссоздание фронтовой обстановки и событий тыла.

Особое место в творчестве писателя, как и в этом направлении татарской прозы военных лет, занимают циклы очерков и рассказов «Карелия блокнотыннан» («Карельские очерки»), «Заполярье блокнотыннан» («Очерки из Заполярья»), «Маньчжур сызмаларыннан» («Маньчжурские очерки»). Жанровая размытость, довольно обширный по объему лирический пласт, доминирующая документальность, оппозиционные противоречия жизни и смерти, долга и чести, любви и страха – все это ставит произведения данного цикла в ряд классических образцов военной прозы.

Развитие второго направления в татарской военной прозе связано с

влиянием высокоинтеллектуальных, философских, полисемантических, сложных по своей структуре произведений, преимущественно национального характера, начала XX в. молодых писателей, осознанно представивших свое творчество вниманию широких масс читателей именно в годы войны. В частности, фундаментальные основы, главенствующие принципы этого направления закладываются, прослеживаются в рассказах Амирахана Еники.

Как отмечает литературовед Д. Загидуллина, в рассказах А. Еники военного времени прозвучали нотки первых изменений в литературе, которые впоследствии окажут влияние и будут идентифицированы в татарской литературе второй половины XX в. Такие произведения писателя, как «Бала» («Девочка», 1941), «Ана һәм кыз» («Мать и дочь», 1942), «Бер генә сәгаткә» («Лишь на час», 1944), «Ялгыз каз» («Одинокий гусак», 1944), «Мәк чәчәге» («Мак», 1944), отдельным течением выделялись в общем потоке военной литературы, детально описывающей ужасающие подробности фронтовой и тыловой реальности, примеры жестокого поведения врагов, подвиги трудового народа и военных. Прозаик обращает свой взор на жанровые вариации, развивавшиеся в татарской литературе начала XX в., внося в свой творческий арсенал «прозу открытий», жанр нәсер. Основанная на психологизме, «проза открытий» позволяет писателю быть очевидцем человеческих переживаний, их внутреннего развития, трансформации. В рамках непривычной для себя реальности со всей полнотой раскрывается глубина характера личности, определяются границы его великодушия, чувства сострадания; военные события, функционирующие в художественной реальности в качестве временного хронотопа действия, противопоставляются общечеловеческим ценностям, человечеству в целом. Жанр нәсер обретает в творчестве А. Еники вторую жизнь, не теряя при этом преемственности

с произведениями начала века – схожие методы усиления философского содержания символическими образами, эстетического и психологического влияния произведения с помощью гармонии звучания. Все эти методы-принципы художественного произведения вкупе с изображением окружающей реальности через призму дебрей человеческой психологии, окрепнув, получают последующее развитие в татарской литературе 1960–80-х гг.³.

Творчество А. Еники выделяется наличием системообразующей тематически-идейной цепочки «цивилизация, человечество – нация – отдельная личность». В рассказах, воплощающих картину философии бытия, смысла существования в творческом синтезе, соединяются образы-понятия смерти, безнадежности, потери жизненных ценностей и различные группы образов-символов. Рассказы А. Еники логически синонимичны с использованием в них речи повествователя в качестве способа выражения авторской позиции. Философия бытия, обрамленная в вариативные психологические описания, принимает оттенки национального. Автор, воссоздавая в художественном пространстве произведения переживания реального читателя, связанные с художественным воплощением конфликта оппозиций жизни и смерти, основывается на национальной модели философии бытия.

Одно из наиболее характерных и ярких произведений второго направления прозы военных лет – рассказ А. Еники «Бала» («Девочка», 1941). Структурно произведение начинается с эпиграфа-посвящения, который выступает связующим элементом между авторской точкой зрения, названием произведения и персонажем. Повествователь строит экспозицию вокруг образа-мотива дороги, художественным воплощением которой в произведении выступает лесная тропа, по которой «по направлению к передовым позициям с величайшей осторожностью» продвигается «рота лейтенанта Ивано-

ва». Семантическая наполненность образа дороги-пути угадывается отчетливо и заключается в пути преодоления сложностей, различных испытаний. Сложность этих испытаний дополнительно усиливается синтезом хронотопа дороги и лесного пространства. По словам М.Бахтина, каждый литературный герой в рамках литературного произведения должен иметь свой собственный путь, «обеспечивающий» его передвижения в определенные временные промежутки⁴. В данном случае передвижения героя в какой-то мере предопределены: дорога не пустынна, что является показателем трансформации личностного пути в обезличенное пространство, уже кем-то пройденное; законы и правила его прохождения выработаны еще до конкретного момента действия. Именно поэтому мотив дороги становится выше личностно-ограниченного пространства героя: *«Эта дорога – единственный безмолвный свидетель огромного бедствия. Только ей одной известна вся трагичность беспощадной войны, укравшей сыновей и мужей у столько семей»* (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи). Нарратор вводит читателя именно в пространство этой дороги, на которой герой встречается с невинным ребенком.

В связи с этим важно раскрыть сущность образа невинного ребенка. Образ, использованный в сильной позиции – с вынесением в название и эпиграф, приводит героя к необходимости преодолевать испытание. Таким образом, данное обстоятельство, которое и в повседневной жизни заставит призадуматься каждого человека, принять ответственное решение – встреча на распутье с ребенком, в художественном контексте может прочитываться как разговор человека со своей совестью, чувством долга. Авторская позиция при этом заключается в утверждении, что начало личностного пути означает возникшую потребность в возвращении к своим духовным истокам, к внутренней гармонии с самим

собой, своим эго. Изначально описанная как «многолюдная», дорога на данный момент повествования пустынна, что может свидетельствовать только об одном – до того определяющего момента, как наследие поколений, зов предков, их жизненный путь начнут резонансировать с моноличностной формой прохождения пути бытия, субъективная «дорога-путь» пустынна; ошибки, совершенные при преодолении одних преград, неправильный жизненный выбор становятся первопричиной очередного, намного более сложного, испытания.

Подробное описание пространства леса может быть расшифровано как выявление собственно сути испытания. Путь испытаний, в данном случае воплощенный в лесу, «затихшем, словно прислушавшемся к себе», может трактоваться как момент истины, мгновение, когда человек замер, чтобы внять своему внутреннему «я». Читатель как бы приглашен к аналогичному моменту – ему предлагается вслушаться в звуки собственного внутреннего мира, символическая картина леса должна стать для него понятной и близкой. Повествователь дальнейшим описанием только усиливает деликатную интимность момента обращения к собственной душе: *«Рассвет. Верхушки величавых сосен сияны нежным свечением, они словно застыли в упоительной неге тишины...»*. Ключевой образ-символ картины – божественный свет – сакрально-художественное воплощение-предтеча наметившихся изменений во внутреннем пространстве личности, который использован в синтезе с хронотопом рассвета; угадывается, что в недалеком будущем это состояние неги должно трансформироваться в чувство любви. Автор подготавливает читателя к правильному восприятию нового состояния души: *«Серебристые, сверкающие листья, изредка встречающихся среди других деревьев осин, дрожат, радуясь, переливаются веселым смехом от дыхания предрассветной тишины...»*.

Это радостное, предвосхищающее состояние осинových листьев – показатель того нового состояния, которое должно прийти вслед за тишиной. Радость, возникающая от окружающей гармонии, еще еле осязаема, она практически бестелесна, беспочвенна, беспричинна; первопричина ее – осознание возвращения в лоно своей души, завершившийся поиск самого себя еще запрятан в оболочке души, еще не преодолел преград устоявшихся догм мировоззрения.

Таким образом, прежде чем знакомить с самим героем, автор предлагает читателю экспозицию его душевного, духовного состояния. Под влиянием картины внутреннего мироощущения героя читатель призывается настроиться на волну переживаний героя, задуматься. Автор устами нарратора словно напоминает о неизбежных следственных цепочках будущих и настоящих мыслей и действий с предыдущими: *«... вслед за идущими на полотно дороги отпечатывались следы, протяженные словно черно-зеленая нить»*.

В последующих описаниях автор обращается к тем из людей, которые проживают жизнь под личиной примирения с устоями, не ставя перед собой определенных целей, понукаемые чужими жизненными устоями предпочитают безответственное существование самостоятельно проторенным дорогам в светлую даль своего собственного выбора, судьбы: *«Блажь этого чарующего утра, расслабляющая безответственность кажущегося непричастным к людским страданиям леса заставляет забыть даже то, что где-то рядом проливается кровь, продолжается ужасающая война, гибнут тысячи. Белый, словно сбитый из молока туман маскирует все опасности, поглощает все тревоги, отдаляя их от людей. Эта убаюкивающая гармония природы обманчива, подавляет волю человека»*. Автор призывает выбраться из сетей непричастности, безразличия, утверждая ошибочность этого пути.

Описание нарратором идеальной модели мирной жизни Зарифа приводит к выводу о том, что единственные понятия, наполняющие существование, бытие человека смыслом, это – Отечество, Родина, любимый человек, ребенок. Осознание этого утверждения, являющегося осевым, в творчестве А.Еники, в рассказе «Бала», трансформируясь из ряда обычных тем, приобретает оттенки проблематики.

Абсолютно во всех художественных картинах, связанных с передачей внутренних переживаний Зарифа с помощью внешних пространственных описаний, А.Еники поразительно выверенно и точно определяет границы двух миров – внешнего и внутреннего, возводя зеркально достоверные модели внутреннего мира героя, в итоге приходя к заключению о том, что духовная и душевная закалка позволяет всегда найти свое место даже в чуждой реальности.

Событийная канва произведения способствует утверждению априорной достоверности идеальной модели реального бытия Зарифа – любовной гармонии. Любовь воспринимается в качестве некоей всеобщей объективной истины бытия, высшего смысла человеческого существования. В завязке рассказа читатель присутствует при встрече Зарифа с явлением божественной красоты, воплощенной в образ маленькой девочки.

Беззащитность, одиночество ребенка – дополнительные критерии испытания, которое встает перед Зарифом. Судьба проверяет твердость его внутренних убеждений, принципов в столкновении с реалиями суровой действительности. Герой оказывается перед выбором, становится на распутье, решение – показатель его подготовленности к дальнейшим испытаниям: *«... сразу родилось желание – взять девочку на руки, унести ее с собой. В то же мгновение в голове Зарифа пронеслась мысль о невозможности отставания от своей роты»*. Первоначально Зариф намеревается исполнить боевую

задачу, солдатский долг: *«первое его движение было в сторону дороги, по которой только что прошли его товарищи»*. Но он тут же останавливается: *«...он, не сделав ни шагу в сторону уже потерявшейся из виду роты, стремительно подошел к ребенку и так же стремительно поднял ее на руки»*. Зариф еще и сам не осознает своего выбора, он действует инстинктивно, подсознательно, вследствие заложенных в нем устоев. Последующее косвенное сравнение собственной дочери героя – Фариды – и заблудившейся девочки свидетельствует о фактическом нивелировании в сознании Зарифа разницы между собственным и чужим ребенком, тем самым демонстрируя причины, приведшие к душевному порыву героя; читатель понимает, что основной, побудившей Зарифа взять девочку с собой, стало чувство любви. Чувство ответственности, в данном случае послужившее внутренним наполнением чувства любви, существует в личностном пространстве Зарифа вне зависимости от него самого, оно константно при любых условиях. Однако примечательно то, что доминирование этого бессознательного порыва, чувства преобладает человека, его мироощущение. Ответственность, до того пребывавшая в человеческой душе, в подсознании, в чувственном его пласте, трансформируется в элемент сознательного, с течением времени все усиливаясь. Любовь предстает вселенской догмой, структурной частью упорядоченной единицы оппозиции космос/хаос – космоса, воплощаясь в качестве единственно осуществимой и верной возможности достижения гармонии, формы бытия. Эта система ценностей декларируется автором желаемым и долженствующим идеалом для каждого человека.

Читатель понимает, что Зариф достойно преодолел испытание. Слезы, появившиеся на его глазах, свидетельствуют о неизбежности его убеждений: *«Родители живы ли у тебя? – спросил Зариф, чувствуя, как ком подкатил к горлу, и увлажнились глаза»*.

В тексте находит отражение еще одна сущность философии любви. Слова ребенка о родителях доносятся до Зарифа, а через него и до читателя, и позволяют сформировать утверждение, что искусство любить заключается в умении быть опорой, гордостью близких людей.

Вместе с тем читатель пребывает в ожидании следующих испытаний для новоприобретенного чувства любви и ответственности Зарифа, испытаний, которые призваны еще более укрепить убеждения героя. Испытание не заставляет долго ждать: последовавший бой, звуки канонады пугают ребенка, девочка плачет, прижимается к Зарифу, ждет от него защиты. Страх ребенка становится причиной страха героя – Зариф не уверен в своей способности успокоить девочку. Автор демонстрирует читателю единственную силу, способную разрушить гармонию любви, – страх. В субъективном, внутреннем монологе героя поднимается ключевой вопрос произведения – *«Без кая барабыз?»* (Куда мы идем?). Герой задается вопросом от безысходности, он колеблется, кажется, вот-вот, и еще неустоявшееся, неокрепшее, новое чувство не спасет героя от ошибки, и он дрогнет. Однако в этот роковой момент Зариф замечает устремленный на него серьезный взгляд девочки, этот взгляд становится решающим, он обрубают все сомнения героя, Зариф снова обретает тропинку, ведущую к божественной гармонии, гармонии с самим собой. Герой добирается до станции, являющейся символическим отображением начала пути, выбранного героем. Железная дорога, уходящая вдаль, – показатель верности, неизбежности этого пути. Встреча ребенка, спасенного героем, со своей матерью – символическое изображение мгновения прозрения Зарифа, осознания им собственной сути, сущности гармонии, его воссоединения с космосом: *«Он [Зариф. – Г.Г.] смог только бросить нежного восхищения взгляд на девочку, нашедшую свою мать»*.

На этом этапе сюжета автор вводит героя в чуждый мир с чужими ему [герою] людьми и обстановкой – Зариф беседует с лейтенантом. Образ лейтенанта являет собой эталонный образ личности, живущей в единении со Вселенной, с макрокосмом любви и ответственности. Разговор с ним, его одобрение завершают становление чувства ответственности и любви в Зарифе.

Заключительная часть произведения подводит черту под авторской позицией. Высказывается мысль, что сознательная жизнь человека должна начинаться с веры в себя. Веря в себя, человек сможет стать частью и воплощением сакральной сущности бытия. Безучастный пейзаж, отображение внутреннего состояния героя сменяются вожделенным, желанным спокойствием, осознанием гармонии природы и самого себя, к чему так стремился Зариф. Вместе с этим образ смерти теряет свое зловещее значение, она уже не пугает героя, так как жизнь его наполнена смыслом, уверенностью в своей правоте, верой в себя; эта вера и ответственность за близких уводят его от мыслей о смерти.

Мастерство А.Еники в полной мере проявилось в его деликатном стремлении раскрыть читателю сакральную суть и бытийную ценность философии любви и гармонии. Прозаик убежден, что именно согласованность внутреннего мира человека и его поступков, его чувство ответственности позволяют человеку всегда находить правильное решение, свое предназначение в чуждых ему обстоятельствах, и призывает читателя следовать этому пути, принципы которого передаются из поколения в поколение.

Второе значимое произведение татарской прозы военных лет – рассказ А.Еники «Бер генә сәгатькә» («Лишь на час», 1944). События рассказа разворачиваются в тесной связи с местностным хронотопом «железной дороги, проходящей в двух километрах от деревни, у покатога холма». В расска-

зе этот хронотопический образ-символ многократно дублируется, неся в себе символическую нагрузку мононаправленной дороги и сакрального центра. Авторская позиция реализуется в субъективной речи Галимджана абзый, сам же автор позиционируется как сторонний наблюдатель, очевидец. Описание начинается с приглашения читателя в его избу. Объективное содержание выражается в пейзажном описании станции и домов около нее и заключается в мыслях внезапно остановившегося человека, утверждается, что именно переживания этого мгновения приведут к осознанию истины. В синтезе с этим описанием используется хронотоп дороги-пути, в котором заключено признание гипотетической возможности различных оттенков душевного состояния человека: *«Несколько рядов путей, тянущихся по обе стороны станции, иногда пустуют; и только в тупике, словно всеми забытый и покинутый, в одиночестве молчаливо простаивает вагон... Бывает, что на путях останавливаются длинные-длинные эшелоны»*. Образ-символ тупика – воплощение пустоты, равнодушия «забрешей в тупик» души человека. Чувства, которые влекут человека по жизненному пути, являются элементообразующими частицами бытия. Человек движется вперед, развивается только при упорядоченном течении этих частиц-чувств, их равномерном выражении.

Главный персонаж, с которым знакомит повествователь, – Марьям абыстай, эмоционально находящаяся в процессе поиска истины бытия, определения жизненных приоритетов. Наблюдая через окно стремительное движение поездов, выходящую серебряную ленту рельсов, она тем самым подсознательно готовится к духовным изменениям. Символично, что в качестве своеобразного сакрально-мистического проводника между небом и землей, космосом – вселенским и внутренним пространством человека выступает образ окна, в котором и воплощены предтечи судьбоносного перелома.

Образ Марьям, трое сыновей которой ушли на фронт, собственно символически – дуалистическое противостояние философии жизни и смерти находит отображение в художественной структуре произведения через семантические рамки этого образа. По представлениям Марьям абьстай, жизненный процесс – цепь неизменно повторяющихся чувств, эмоций и переживаний: *«в назначенное время они должны были вернуться домой; и придут они той же дорогой, в тех же самых вагонах, на ту же станцию»*. Рассказ посвящен оценке, исправлению этой незамысловатой «теории» пожилой женщины. Автор делает своеобразный срез человеческой души, на изломе этого среза читатель наблюдает эмоциональный пик желаний человека, который к этому пику приходит сквозь протяженность временного измерения. Парадокс заключается в эволюционировании надежды в уверенность о непременной достоверности, осуществимости желаний. Писатель проводит исключительный психологический эксперимент в рамках художественного пространства – эмоциональная напряженность, взращиваемая в тесном аквариуме души, сталкивается с безразличием, глубоким равнодушием окружающей реальности (героиня приходит на станцию, ждет, что из остановившихся вагонов поезда вот-вот появятся сыновья); человек, казалось бы, проходит эмоциональный пик, однако напряжение не спадает, переходя в аффективное состояние иступления, в свою очередь трансформирующееся в безнадежность. Крушение надежд человек, эмоционально ставший рабом своих желаний и чувств, воспринимает как завершение жизни, своеобразную эрзац-смерть.

Автор намеренно именно на данном этапе повествования сравнивает портретно-психологические характеристики двух духовно антагоничных героев – Марьям и Галимджана. Сравнение имеет своей целью демонстрацию дальнейшей перспективы трансфор-

мации эмоциональных переживаний Марьям, которые являются не только переживаниями матери. Психологический портрет Галимджана раскрывает читателю образ мужчины, пережившего глубокую личную трагедию, однако не сломавшегося перед испытаниями. Его жизненный девиз заключен в двух словах: *«Сабыр ит!»* («Будь смиренным!»). Галимджан – выразитель точки зрения автора в произведении. Конфликт в рассказе начинается с момента приезда сына Марьям и Галимджана. Кратковременность его пребывания дома вносит раздор в семью. В сцене семейного разговора находит отражение очередная истина философии бытия по Еники – время дано человеку не для переживания тяжелого ожидания исполнения тех или иных желаний, а для выражения светлых чувств. Стоит упомянуть о значимых символических образах огня, очага. Функциональная составляющая этих символов выражается в передаче закодированной ментальной информации, очаг – знак сохранения племени-рода. Вместе с тем жизненное кредо Галимджана, смиренное отношение к чему бы то ни было, признается автором ментальной особенностью, национальной моделью философии бытия.

Отдельно выделено художественное единство образов матери и сына, они – выразители авторской мысли о всемогущей космоэнергии истиной любви, лишь ежесекундно ощущая которую возможно найти выход из потемок лабиринта души и подсознания.

Время, отведенное Гумару на встречу с родственниками, родителями, невестой, иссякает. Чувства, которые каждый испытывает при расставании – словно вывернутые наизнанку зеркально точные психологические портреты каждого из персонажей – Гумар «старается не показать глубину обуревающих его чувств», Марьям плачет, а Галимджан абзый призывает к смирению и терпению. Эпизод примечателен тем, что слезы появляются у каждого, а образ-символ материнских слез

несет в себе семантическую нагрузку любовной философии, божественного начала, абсолютной красоты, предтечей которой она [любовь] является.

Встреча сына с родителями несет в себе, помимо всего прочего, отпечаток рокового; она является своеобразной моделью людского бытия, человеческой жизни, которая состоит из приезда (прихода), времени погостить (жизнь) и ухода (смерть). Символична и краткая продолжительность встречи, всего лишь час; автор как бы предупреждает о бренности и непродолжительности бытия. Встреча с сыном стала определяющей для Марьям абыстай. Она осознала жизненную философию, которая единственно верна, «приобщилась» к истине любви, терпения, гармонии, о чем свидетельствует шаль, наброшенная ею на плечи. Образ шали, согласно Е.Н.Бохонной, в устном народном творчестве символизирует границу, предел между двумя мирами, пространствами⁵.

В заключительной части рассказа «Бер генә сәгаткә» философия вселенской любви канонизируется, догматизируется, показывается вариативность ее функционально-бытовых проявлений. Авторская позиция выражается в признании аксиоматичности утверждений о том, что искренняя любовь способна наполнить мимолет-

ное существование человека на Земле смыслом; сущность любви позволяет человеку жить, а не существовать, освобождая его из рабства низменных чувств; любовь приближает человека к идеальной реальности, создавая гармонию человека с природой, с окружающими, с любимыми, с самим собой.

Таким образом, можно прийти к заключению о преемственности между татарской прозой военных и философскими произведениями начала XX в., в массе которых четко прослеживается трансформация философии смерти от признания ее личностной трагедией, страшным концом всего до живого, до утверждения сакрального значения избавления от цепей, страдальческих рамок существования. По мнению Д.Загидуллиной, мотив страха перед смертью, использованный в произведениях, заострял внимание читателя на непродолжительности жизни, призывал не тратить его на мелочные, низменные, не приносящие пользу действия, поступки⁶. Система ценностей с корневыми понятиями красоты, мечты, надежды, жизни, окружающей реальности признается в качестве мировоззренческого идеала, появляется стремление вычленивать отдельные элементы бытия, смоделировать целостный художественный его аналог.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М.: Эксмо, 2006.

² Загидуллина Д.Ф. Татар әдәбияты нәзариясенә барлыкка килүе һәм үчеш баскычлары (XX йөзгә беренче утыз елы): Филол. фәнн. докт. дис. – Казан, 2001. – Б. 291.

³ Загидуллина Д.Ф. XX гасырның икенче яртысы татар әдәбиятын өйрәнү мәсьәләсе / Әмирхан Еники һәм XX йөз әдәбияты. – Казан: РИЦ «Школа», 2009. – Б. 15.

⁴ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 391.

⁵ Бохонная Е.Н. Функции цветообозначения единиц с семантикой «одежда» в лирической песне (на материале сибирского фольклора) / library.krasu.ru. – С. 159.

⁶ Загидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография. – Казан: Мәгариф, 2006. – Б. 109.

Аннотация

В свете непрекращающегося интереса к событиям Великой Отечественной войны, ко всему, что с ней связано, проза военного времени видится особенно важным пластом для литературоведческого исследования. В статье рассматриваются характерные особенности произведений военных лет в аспекте новых тенденций в литературоведении. В работе предложена новая концепция анализа художественных произведений.

Ключевые слова: литература военного времени, хронотоп, нарратор, литературный образ, символ, авторская позиция, творчество А.Еники, «проза открытий», философия любви, философия бытия.

Summary

In the light of constant interest in the events of the Great Patriotic War and everything connected with it, the wartime prose seems especially important layer for the researches of literary criticism. This article deals with the characteristics of works of wartime the sense of new trends in literary criticism. Also the article proposes a new concept of analysis of art works.

УДК 355/359+94(47)

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ КГУ

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Коллекция музея истории КГУ представляет собой собрание документального, книжного, вещевого фото и фоноисточников, в котором отразилась история старейшего учебного заведения России – Казанского университета. Большая часть музейного собрания представлена материалами XX в. Особо стоит выделить тематическую коллекцию «Университет в годы войны». Важнейшей частью этой коллекции являются материалы мемориального характера, принадлежавшие ученым, сотрудникам, студентам университета: фотографии, письма-воспоминания, личные вещи. В предлагаемой публикации фронтовых писем музей истории университета обращается к памяти прошедшей войны. Мы пытались сохранить орфографию того времени, показать эмоции, надежды, боль и любовь военного времени. Письма очень разные по содержанию, но в каждом письме вера на возвращение: «... Галим Валеевич! Я хочу весной приехать сдавать кандидатский экзамен по истории философии, диалектике и историческому материализму. Подготовка в полном разгаре. Как Вы смотрите на это?» (из письма Маринича А.М. декану географического ф-та Фазлуллину Г.В.).

Вера в победу – доминантный мотив всех писем с фронта: «Я в обороне не был и быть не думаю. Будем наступать!» (из письма домой Попова В.А.).

Каждое письмо как натянутая струна – испытание человеческих сил и возможностей: «...Здоровье как на смех, несмотря на все эти трудности

чувствую себя хорошо, дома наверно не выжил. По несколько суток в снегу день и ночь в обороне».

В данной публикации представлены как письма из семейных архивов – сугубо личные, так и письма учеников к своим учителям. Эмоциональные, с живым интересом к гражданской, университетской жизни: «...Хоть и давно не посещал я нашего храма науки, давно не имею о нем абсолютно никаких сведений, но жизнь его меня по-прежнему интересует, ибо жизнь, годы, часы и минуты, проведенные в стенах университета незабываемы!» (из письма Игнатьева).

В редких случаях по отложившимся письмам мы можем проследить судьбу солдата до Победы. Особо тяжело читаются похоронки апреля – мая 1945 года за несколько дней до окончания войны: «...Уважаемая Вера Николаевна! От Вас получен запрос, о судьбе Вашего мужа Ракова Петра Ивановича. Сообщаю, что он погиб в бою за город Форст 16.04.1945 ...».

Если судьбу солдата еще можно проследить по хронологии 1941–1945, то по географии это сделать сложно. Все письма с фронта проходили через руки военной цензуры, в обязанности которой входило не только сохранение военной тайны (военная цензура вычеркивала названия населенных пунктов), но и отслеживание «настроения» в воинских частях. Солдаты и офицеры знали об этом. В письмах ужасы войны, смертей и ран не описываются. Солдатские письма отличаются некой бравадой о подвигах, о скорой Победе.

Перед нами письма с тщательно вымаранными строчками, и мы безуспешно пытаемся прочесть, что было написано под черной краской.

Удивительно талантливые и полные надежд молодые люди уходили на фронт. Среди писем из личных архивов самые сильные по эмоциональному восприятию – это письма к любимым. В данной публикации это выражено стихами А. Колесникова:

...Ты со мной, когда крылья
на Запад стремятся,

Ты со мной, когда бомбы
летят на врага...

...В бой лечу за тебя,
за Отчизну и знаю:

Ты со мной, дорогая, со мной.

Особо стоит выделить письма с героико-патриотической символикой, которые сменили фронтовые треугольники. Это конверты, открытки с рисунками на тему военных подвигов и победы.

До 65-летия Великой Победы не дожил ни один из авторов этих писем и данная публикация – это память о их военном подвиге.

*Ильина Ирина Сергеевна,
главный хранитель
музея истории КГУ*

Письма из фронта

Кому: Казань, ул.Лихачевская,
д. 14, кв. 16

Артемьеву Александру Георгиевичу
От кого: П.П.С. 1828 часть 399

Артемьев Георгий Александрович¹
17.02.43 г.

Дорогие мои!

Жив, здоров. Но уже не учусь, а учу, среднего командира еще нет, и мне приходится заправлять взводом, будто я окончил училище, но в бой поведет, конечно, полноправный лейтенант, а я буду помощником, а сейчас провожу занятия на тех

полях где в прошлом году проходили настоящие бои. Сейчас здесь тихо, раны область залечивает, но все же имеет грустный вид опустелых деревень почти без мирных жителей, от немцев остались лишь пустые банки от консервов, которые валяются на каждом шагу. Одели нас тепло, у меня замечательные белые валеночки, прямо детские, Зоиньке бы дома носить, питание тоже хорошее, давненько не видал я белой вермишели, зарплату буду получать как младший командир, вообще жизнью доволен, да я ни где унывать не буду, может стану жить здесь, то оно будет лучше выковаться в огне, чем в училище. Желаю всего наилучшего, смерть немецким оккупантам, крепко целую, с фронтовым приветом Ваш «Унтер» Юрий.

16.П.43 г.

Кому: Казань, ул.Лихачевская,
д.14,кв. 16

Артемьеву Александру Георгиевичу
От кого: П.П.С. 1828 часть 399

Артемьев Георгий Александрович
Дорогие мои!

Шлю Вам привет с фронта отечественной войны. По зову партии и правительства мы покинули училище и выехали на фронт, где сегодня вступил в должность пом.ком минометного взвода. Видимо скоро аттестуют и присвоят соответствующее военное звание, правда более низкое, чем при формальном окончании учебы. В бои еще выступим не скоро, сейчас у нас тихо, немец покоен, мы от него верст за 30, но как будто и нет войны, совсем не то, что говорят бывало раньше, относительно моего географического положения, скажу, что я там же, где был в прошлом году... Перед отправкой из Ярославля получил обе ваши посылки. Передайте Тане об изменении моего адреса, пусть ждет писем от героя. Жди меня... но завтра я буду писать еще, если же и будет задержка с письмами, то не беспокойтесь, это еще само по себе ничем не угрожает, надейтесь на благополучный исход. Целую крепко, смерть немецким оккупантам! Ваш фронтовик Юрий.

¹ **Артемьев Георгий Александрович** (1923–1943). Студент историко-филологического факультета. Погиб в 1943 г.

Артемьев, стихи, 1941 г.

Где глаз людей обрывается
худый...в...венке
революций грядет....

16 год. В.Маяковский

Войны рычаг в ход пущен
(Архимедами себя возомнили)
Он месит кровавую гущу
Крушит вековые твердыни

В мир, что гниет постепенно
В застой, в гниль быстроту несет
Он быстро убьет несомненно
Мир, что тихонько гниет

Опять новогодие встречает
Опаленный войной мир
Несчастьям конца не знают
Жиреет кровавый кумир

Архимеды, ваш глаз куцый
Не видит, что на войну
Ответят революцией
Народы в новом году

Не в этом – не важно, в следующем
Поэт не кудесник, не маг
Но все же меру вам требующуюся
Сполна отвесит рычаг

Завтра весь окутается пышным паром
Словно ватой, помнишь с елки
дед мороз,
И умчится вдаль по бесконечным
шпалам
Увозя меня в далекий путь
могучий паровоз

Убежали вдаль дни золотые детства,
школы
Этой вереницы последний день угас
И наши дни по новым жить,
путям готовы
И жизнь на время разлучает нас

Но мы всегда ведь в думах
вместе будем
Расчерчен день как чертежа листы
И как бойцы в шеренге сомкнуты
минуты
Но я всегда с тобой, всегда
со мною ты

Скрипка и сердце (перевод)

Шагая дорогою степною
Бродяга музыкант идет
Играет он на скрипке
И песни он поет

Песней и музыкой чаруя
Цыган играет вечерком
А девушка тоскуя
Вздыхает за окном

На скрипке он играя
Ее шутя увлек
Плачет она страдая
Его же путь далек

18.VI.41 г.

В деканат

Географического факультета КГУ.

От аспиранта Белавина А.Я.¹

Заявление

Прошу дать командировку в г. Мурманск в П.И.Н.Р.О., для сбора и обработки материалов к диссертационной теме. Срок командировки с 1 июля по 1 ноября 1941 г.

Документы: путевку, командировочное удостоверение, а так же выписать стипендию и литературные прощу приготовить к 27 июня, т.к. выехать намерен 27 июня.

Белавин

Резолюция: ректор КГУ – Прошу представить командировку сроком с 1 июля по 1 ноября с/г – для завершения диссертационной работы.

19/VI41 г.

МИКУ КП-2782 д.8760

12 июля 1943 г.

Здравствуй Саша! Шлю тебе привет с фронта. Не удивляйся Саша, я еще все жив и здоров. Вот уже 17 месяцев на фронте, везет. Дела идут, пока, хорошо. Привык, освоился с жизнью на фронте и надо сказать что не так уж и плохо на

¹ **Белавин Алексей Яковлевич.** Ушел на фронт аспирантом географического факультета КГУ. Погиб в июле 1944 г. в г. Ровно.

фронте. На нашем фронте начались сильные бои, но пока идет все благополучно, а немцу задаем перцу. Передайте привет всему коллективу преподавателям и студентам. Саша, если знаешь адрес Архипова и Дуглава, сообщи мне. Что нового в КГУ? Да! С каким удовольствием взглянул бы на этот старый близкий, родной университет, проводя почти 2 года в оврагах, в лесу в условиях ужасных. Напиши Саша ответ. До свидания. Белавин Алексей.

Адрес Куда: Татарская АССР.
г. Казань, Казанский госуниверситет.
Кафедра физгеографии.

Кому:

Доценту Ступишину Александру В.
Обратный адрес:

41010 – С Полевая почта.

Белавин Алексей Яковлевич.
МИКУ КП 2300/7, Д-1757.

26.11.44 г.

Уважаемая тов. Белавина!

Нелегкое дело писать такие письма. Сейчас, когда это стало уже прошлым можно более последовательно описать прошедшее.

12 июля мы перешли в наступление. Противник отступал, но яростно сопротивлялся. Дивизион, в котором служил Ваш муж, поддерживал полк соседней дивизии. Крепко дрались артиллеристы этого дивизиона. Очень часто, они были впереди пехоты и сами разделялись с полками и пехотой противника.

Ваш муж погиб утром 15 июля. Он вел свой взвод в хвосте дивизии, который преследовал отходящего противника. Тяжелый снаряд противника разорвался под ногами его лошади. Лошадь была разорвана в куски. Ваш муж получил несколько смертельных ранений и умер мгновенно. Его схоронили свои солдаты. Они любили своего командира. Могила расположена у развилки дорог. Когда я вырвался из штаба, чтобы проститься с ним, он уже был схоронен. Могила обнесена оградой. Надпись на могильном памятнике и его пор-

tret под стеклом. Неизвестные девушки, украинки украсили могилу венком из красных маков. Они уже были увядшими, когда пришел я, как и увяло горячее сердце того, чью могилу они украшали. На утро мы вновь пошли вперед.

Вот это пожалуй и все о гибели вашего мужа. Вечером они принесли его документы. Они были избиты осколками и орошены кровью.

Вашего мужа хорошо знали бойцы и офицеры нашей части. Его сильно жалели вспоминая хорошим словом и сейчас много и честно поработал он, служа Родине. Долго щадила его смерть. Не раз он бывал в сильных переплетях. А вот сейчас осталось о нем одно воспоминание. Не раз мы мечтали с ним вместе вернуться домой и в кругу родных отдохнуть от ужасов войны. Но не суждено этому было сбыться. И все мы когда придем в небытие. Но жаль умирать в расцвете сил и вдали от родных.

Что же поделаешь. Вернуть его уже нельзя. Но навсегда о нем осталось светлое воспоминание, как о человеке отдавшем все для защиты своей Родины. И эта светлая память есть лучшая награда ему боевому офицеру Красной Армии.

С уважением П.Раков.

МИКУ КП-2300/8, Д-1758

14/ХП. 41 г.

Здравствуй, милая Ниночка.

Добрался наконец я до своей новой части, куда я был откомандирован с прежнего места, и с места в карьер еду на фронт. Чувствую себя вполне спокойно. Куда, в какое место еду – неизвестно. Остается невыясненным только вопрос о моей должности: это выяснится по прибытию части к месту назначения. Ты не волнуйся Нинок – война есть война. Важно, что я спокоен. Сейчас нет времени подробно писать, потому что идет погрузка эшелона. Тороплюсь.

Целую тебя крепко. Привет всем. Юра.

(Баранов Г.В.)¹

¹ **Баранов Георгий Владимирович** (20.5.1910–1941). С 1939 года ассистент кафедры органической химии Казанского университета. В 1941 г. погиб на фронте.

Адрес кому:
 Николаю Григорьевичу Четаеву
 От кого: Полевая почта 053539
Багаутдинов Газиз¹

Глубокоуважаемый
 Николай Григорьевич!

Прошу принять мой боевой привет и искреннее поздравление в связи замечательной датой – 50-летием со дня Вашего рождения и награждения Вас орденом Трудового Красного Знамени.

Мы, воспитанники Казанского Университета в Вашем лице видим крупнейшего советского математика и своего учителя. Желаем Вам, дорогой Николай Григорьевич, долгих лет жизни и плодотворной дальнейшей работы в деле развития математической науки и воспитания нового поколения талантливых советских математиков. Мы офицеры и артиллеристы Красной Армии даем Вам обещание, дорогой Николай Григорьевич, не жалея сил и крови продолжать беспощадное истребление фашистских захватчиков, чтобы полностью очистить дорогу для дальнейшего развития науки. Разрешив эту задачу, мы вновь возвратимся в стены старого Университета и с еще большей энергией примемся за работу по овладению высотами любимой науки.

От имени группы офицеров – артиллеристов б. аспирант Каз.Университета.

29/09/43

Куда АТССР г. Казань,
 ул. Достоевского, д.48, кв.4
 Васильеву Я.С.

Откуда: г. Кострома
 ЛОЛКВИУ им. Жданова литер «Д»
 Васильеву А.Я.²

Здравствуйте дорогие папа, мама, Миша и Леля! Первым долгом шлю всем горячий привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Во вторых, я очень

сильно обеспокоен вашим молчанием, ведь последнее письмо от вас я получил еще в последних числах августа м-ца, а сейчас уже на исходе сентябрь, чем объяснить ваше молчание не представляю, возможно тем, что папа работает, а ты мама перегружена домашними заботами. Правда, 21 или 22 сентября я получил от вас перевод на 100 руб. за что весьма благодарен. Меня очень интересует как вы живете как обстоит дело с огородами, удалось ли выкопать картофель и другие овощи, правда, как вы писали в последнем письме, что дело с огородами нынче весьма плачевное, но я думаю, что немного вам все же удалось собрать и обеспечить себя на несколько м-цев. Здесь например картофеля собирают порционно. Как поживает,мама, твоя коза, достается же тебе с ней, наверное, еще больше чем с поросенком. Мама ты, наверное, сейчас все дни одна, ведь папа работает, Ольга тоже. Как доволен папа своей работой или нет, я думаю, что устает очень сильно, ведь ходить то очень далеко. Как новые жильцы еще не показали себя с плохой стороны,вы писали, что попали, как будто хорошие люди, чему я со своей стороны рад правда было бы значительно лучше жить одним. Как поживает Миша, я думаю что он ещё на старом месте т.е. как писал мне папа и бывает дома, хотя и редко но пусть и редко но зато на старом месте. Мама как твое здоровье, как дело с зубами, ты, наверное очень сильно соскучилась по сладкому, ведь по карточкам, наверное тоже ничего не дают, но я думаю продают на базаре и ты бы немного себе покупала. Сейчас наверное цены на базаре значительно ниже интересно, есть ли на базаре яблоки. В первых числах сентября получил письмо от Милочки пишет, что тоже работает и что они также посадили картофель и др. овощи от вас они также давно не получали писем.

¹ **Багаутдинов Газиз Нурмухаметович** (2.3.1915). В 1940 г. – старший лаборант, старший преподаватель Казахстанского университета. В 1941 г. призван в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации вновь преподаватель Казахстанского университета. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, медалями.

² **Васильев А.Я.** (1918–1945) – студент геолого-почвенного факультета. Погиб в апреле 1945 г. в боях при освобождении Польши.

Что касается моей жизни то она протекает по-старому по определённом, закономерному руслу. Весь сентябрь м-ц работали на хоз. работах. С 1го октября опять приступаем к учебе вот уже кончилось лето опять наступают холода, будет немного похуже. Мама скоро возможно разрешат посылать посылки, то я бы попросил если можно прислать перчатки и носки, возможно, придется опять провести здесь зиму.

Вася также вместе со мной и еще один наш казанский, один выбыл из училища и попал в часть. Какие изменения произошли за этот период в Казани, где сейчас Коля Куликов, заходит ли он к нам. Пишут ли домой Игожины Виктор и Николай, я им очень завидую, что им приходится участвовать в данных боях, когда немец бежит с нашей территории как трусливый заяц.

Ну пока всего хорошего крепко всех целую ваш сын Шура В. г. Кострома 29-9-43г. Р. S. Пишите почаще письма

Кому: Лелюсе

От кого: **Ионенко И.М.**¹

Полевая почтовая станция 48, действующая армия северо-западный фронт

6.01.42 г.

Дорогая Лелюся!

По-прежнему никаких вестей от Вас. Меня берет сомнение, получаете ли вы мои письма, которые я пишу почти ежедневно! Конечно, с тех пор как мы расстались, мы половину времени провели в пути. Теперь же, как будто наступило время, когда письма нас могут догнать (если немцы не будут бежать так быстро, что обычная машина не будет успевать за ними). Кое-что о боевых буднях напишу в ближайшие дни. Сейчас переживаем напряженные, полные большого смысла и вдохновенья минуты. Как-то вы там? Пишите, возможно, чаще, может быть хоть одно письмо, наконец, прорвется. О поло-

жении на нашем фронте, как и на других, читай в газете. Теперь мы с братом рядом. Правда, я еще не получил от него письма и не сумел в силу сложившихся обстоятельств встретится с ним. Пока, счастливо оставаться. Целуй от меня сынушу моего милого «пусенка». Обнимаю и целую Иван.

P/S

Пиши подробно, как начался у вас новый год. Привет и лучшие чувства Папе и Маме. Не забывай моих стариков и ребят. Время от времени навещай их и делись, тем, что знаешь обо мне. Я им пишу редко. Целую Ваня.

8.1.44

Здравствуйте Галим Валеевич!

Привет и наилучшие пожелания!

Хоть и давно не посещал я нашего храма науки, давно не имею о нем абсолютно никаких сведений, но жизнь его меня по-прежнему интересуется, ибо жизнь, годы, часы и минуты, проведенные в стенах университета незабываемы!

Незабвенными остаются и профессорско-преподавательский состав нашего факультета и среди них безусловно на особенном месте Вы.

Часто вспоминаются занятия, экзамены, «Географ», экскурсии и всевозможные практики. В общем – золотое время! И сейчас, кажется с величайшим удовольствием начал бы все снова.

Но нет. Всему свое время.

Сейчас об этом можно лишь думать.

Работаю примерно в том же направлении, что и раньше. Правда, сама работа много сложнее, но в то же время и интереснее.

Но где бы я не был, я по-прежнему не забываю бумаги, карандаша и красок. На здоровье не жалеюсь.

Привет всему профессорско-преподавательскому составу нашего факультета. Крепко жму руку. В.Игнатъев.

¹ **Ионенко Иван Михайлович** (10.6.1913 – 20.12.1989). В 1941г. призван в Красную Армию, участник Великой Отечественной войны. После демобилизации – декан исторического факультета КГПИ, профессор Казанского университета. Награжден орденом Красной Звезды, юбилейными медалями Великой Отечественной войны.

Куда. Татарская АССР. г. Казань
Казанский государственный
университет

Кому: декану географфака
Г.В. Фазлуллину

От кого: Полевая почта 24320 «ш».
В.Игнатьеву¹

16.08.42 года

Привет с фронта.

Здравствуй Ира!

Шлю я тебе свой пламенный привет. Привет Вере, Люде, Маме, Сергею Николаевичу, а также Степану Т., если он в Услоне. Целую племянницу Алечку и Юрия. Напишите от меня Ване, да пусть он напишет мне, если у него изменился адрес. Ира я получил письма и от тебя и от Вани, от Галины, от Веры, очень был рад, получил и от Степана из Казани и от Кати, но не на одно письмо еще не отвечал, сегодня пишу первое тебе письмо после долгого перерыва. Ваня знает какие бывают моменты на фронте, поэтому Вы и напишите ему, чтобы он написал свой адрес, т.к. он, наверное, уже уехал из госпиталя в Свердловск. Письма я получил в те дни, когда было не до писания, правда, вот были дни посвободнее, но все же писать времени не было. Интересно письма мне скопились, и я сразу получил их пять. Но в эти дни постараюсь написать ответные письма. Дни были горячие, то есть деловые и боевые и занятые. По углу этого листка вы поймете, что бумага пострадала, а порвана осколками снаряда. Вещь мешок мой весь изорвало, и все что в нем было, это оставшаяся бумага в самом центре мешка, в полевой сумке и то порвало. Но не жаль всего этого, а жаль людей, которые лежали около, и остались лежать, жалко старшину, с которым я был боевым другом я в этот момент был на другом конце. Но за смерть друга я не жалел мин и старался выпустить их больше на головы фрицев. И еще фрицы за друга получают по своим поганым башкам мин. В эти дни

я первый раз еще увидел, хотя на фронте с февраля м-ца и видел вражеские самолеты, правда они летали редко, впервые, как бомбят с воздуха, как сыпется .... сверху и их действие. Видел, как загорается в воздухе, и падают самолеты. Наши самолеты проносились совсем низко над нами и как они обрушивались на фрицев пулеметным огнем. А ночью от ракет и пожаров озаряются и беспрестанно вспышки от орудийных обстрелов. Война, все же должна же она кончиться, 1942 год он будет разгромом для банд Гитлера. Как хочется опять пожить в мирной обстановке, надеть свой костюмчик и вечером пройти в садик, в кино. Заняться учебой или же поработать, опять на катере проплыть по Волге. У Вас, наверное, теперь поспевают помидора, яблоки, фрукты и др. Но я не видел еще ни одного яблока и помидоры, хотя правда видел огороды, но там помидора только еще цвела. Ира, смогла ли купить хотя козу, тебе без коровы или без козы быть нельзя, т.к. ребятам всегда необходимо молоко. Пишите, как живут в Услоне, бывают ли в Казани. Приехала ли Катя в Услон. Если получила от меня деньги 600 рублей то все на тебя, т.к. Кате я усрал отдельно. Пишет ли что Галина. Да, возможно Ира пришлешь мне фотокарточку, где вы сняты с Ваней или еще с Алечкой и Юрием, возможно, пришлет фотокарточку Вера. Все я здесь взгляну на Вас и немного развлекусь, все же воспоминания оживленнее. Пока до свидания, жду от Вас с нетерпением письма.

С приветом ваш

Георгий Кривошеев²

10.1.42

Дорогая моя девочка, любимая моя, достал несколько открыток, поэтому представилась возможность черкнуть свободную минутку пару строк моей хорошей, моей милой Юльке. Получил вчера два твоих письма и больно читать мне как ты тоскуешь. Милая девочка, мне тоже тяже-

¹ **Игнатьев Виктор Петрович** (7.11.1918 – 16.03.1992). По окончании университета призван в Красную Армию, участник Великой Отечественной войны, кадровый офицер, преподаватель Казанского суворовского училища, преподаватель КГПИ. Член Союза художников СССР.

² **Кривошеев Георгий Н.** Студент географического факультета КГУ. 22 сентября 1942 г. был ранен, умер от ран 29 сентября 1942 г.

ло без тебя, но так нужно. Надеюсь, что если не в этом, то в будущем году, пройдя по многим городам, пронеся на берега чужих морей свое сердце, полное ненависти к эти мерзавцам и любви к Родине и к тебе, моя жемчужина, я вернусь и так поцелую тебя, как никогда прежде тебя не целовал твой поэт. К стати, кое-что из моих вещей, не знаю только что именно, будет в сборнике стихов нашего фронта.

Пиши чаще. Целую тебя, моя хорошая, моя нежная и целую нашу девочку, которую, надеюсь, дождетя своего папу. Привет всем твоим (вернее нашим) твой Анатолий.

Куда г.Белая Холуница,
Кировской области. Ул.Ленина, д.21
Кому Бадер Юлии Владимировне
Полевая почта «439»
14-ая авиозащитная.
Младшему лейтенанту
Колесникову А.Н.¹

20.5.42

Дорогая девочка, вот и май подходит к концу . У вас там сильно наверно жарко, купайтесь, а у нас еще снег, правда бывают солнечные хорошие дни, и снег тает, но недавно он опять шел. У нас зато жарко в отношении дел – иной раз по суткам глаз не сомкнешь. Из одной перегородки выбрались каким-то чудом – могли попасть к «фрицам», ну тогда сама знаешь – пистолет ко лбу и *finita la comedia*. Одного сбили зенитки, но благополучно дотянул почти до своих и выбрались со штурманом домой. Жутко все таки смотреть как тебя обстреливают трассирующими пулями – ясно видишь как они летят мимо тебя и чувствуешь, что ничего не можешь сделать, все зависит не от тебя, от пилота.

Но все-таки красиво. Но ничего, хоть и мы живем тут. Ты все пишешь, что бы я тебя выписал сюда – но это слишком опрометчиво. Хотя и хотелось бы видеть твои

глазки, слышать каждый день твой голос, знать что любящее существо с тобой рядом, но здесь и тревоги, и бомбежки и пробраться сюда очень трудно. Получила ли ты письмо с моей заметкой, с вырезкой из газеты... Теперь пиши: лейтенанту.

А теперь маленькое стихотворение из письма «Далекой» кому? догадайся.

Ты со мной

Ты со мной, когда солнце
дробится в озерах,
Ты со мной, когда вихри
взмывает пурга.
Пусть не вижу давно
ни улыбок, ни взоров –
Ты по-прежнему мне дорога, дорога.

Каждый час – это бомба
с зарядом тревоги.
Может быть мой последний
стоит за спиной
Но в любую минуту,
на каждой дороге
Ты со мной, дорогая, со мной.

Ты со мной, когда ночью
сизжу за стихами,
Ты со мной, когда дверь
засыпают снега.
Помню все: и глаза
и волос твоих пламя –
Ты по-прежнему мне дорога, дорога.

Помню вечер, прощанье
на шумном перроне...
Я ушел, я подхвачен разлуки волной,
Но тепло твоих пальцев
храню я в ладонях –
Ты со мной, дорогая, со мной.

Ты со мной, когда крылья
на Запад стремятся,
Ты со мной, когда бомбы летят на врага.
Далеко ты и песне к тебе не добраться,
Но по-прежнему мне дорога, дорога.

¹ Колесников Анатолий Николаевич (31.1.1917 – 13.1.1972). Выпускник биологического факультета КГУ 1940 года. Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в освобождении Польши, Чехословакии, в войне с Японией. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени; медалями «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», « За победу над Японией».

Кто-то там пробирается
в облачных стаях –
Это враг распростер
свою тень над страной.
В бой лечу за тебя, за Отчизну и знаю:
Ты со мной, дорогая, со мной.

...Посылаю тебе одно из моих, кроме
этого у меня есть еще, но это думаю мож-
но переложить на музыку. Напечатано
было в дивизионной газете.

Пришлось прервать письмо – вызыва-
ли.

Юлька, подумай, ведь с каждого спро-
сится по окончании войны, когда будет
разбита коричневое чудовище: «а что ты
делал во время Великой Отечественной
войны?»

и не завидую тому, кто ничем – ни сло-
вом, ни делом, ни ценой крови, ни ценой
жизни – не помогал истекающей кровью
Родине уничтожить саранчу, которая на-
пала на нее.

Наш аэродром

Среди угрюмых скал, берез полярных,
В краю озер, суровом и глухом,
Зеленым кругом врезался
в кустарник,
В болотах вырос наш аэродром.

Громады скал ворочали и рвали,
Прошлись катками по полю кругом,
Ветвями елок землю засыпали,
Маскировали наш аэродром.

Разведчик – «асс»,
скользнувший белой ночью,
Увидит луг, пронизанный ручьем,
Но не узнает самый лучший летчик,
Что он увидел наш аэродром.

Ночь. Тишина. Но вот приказ получен –
Звено взовьется в воздух за звеном
И на грабителей сквозь боевые тучи
Пошлет подарков наш аэродром.

И если враг, коварный и заклятый,
Десант готовит в сумраке ночном –
Штыком и пулей, миной и гранатой
Гостей уложит наш аэродром.

Пройдет война и кончатся тревоги,
Страна споет победу над врагом –
Пусть разведут нас разные дороги,
Мы не забудем наш аэродром.

Вот Юлька, это еще сентябрьское. Бо-
лее позднее пришло потом.

Милая, дорогая, целую тебя и Гулень-
ку. Привет твой Толик. (Колесников)

3.1.44

Ясная морозная ночь. Снег все так же
мерцает на сопках и звезды так же смот-
рят на нас. Вот уже неделю холодный юж-
ный ветер не переставая дует из тундры и
с отрогов Хибин. Все так же, как и было.
Только почему все кажется ярче? Поче-
му в голове необыкновенная легкость и
приподнятость. Ведь это Новый год. Ведь
это еще один год ушел в прошлое. А что
впереди? Все та же тоскливая цепь дней,
все то же сидение в землянках, все те же
мелкие действия небольших групп – это
у нас. Затем, я уверен, будут бои. Где-то
далеко на юге они идут, на Новый год и
нас поведут на Запад. Новый год – это
год конца войны, год встреч и возвраще-
ний. В этом году, моя бесценная, я при-
жму тебя к своей груди, загляну в твои
прекрасные, так любимые мною глаза и
скажу: « Будь благословенен этот год». Пусть
будет он самым черным годом для
Германии, пусть будет сверкать для нас.
Юлька, я в эту ночь немножко пьян, как
и ты, наверное. Но я начеку – передний
край не любит беспечности. Вот сейчас
слышу – опять заговорили пулеметы. Под
их музыку рождается этот год и под их
музыку в моем немножко шальном серд-
це твой образ улыбается мне. Прими мои
новогодние поцелуи – пусть они будут
задатком поцелуев настоящих, поцелуев
нашей встречи. Дорогая, солнце жизни
моей, моя Юлька, моя лучшая песня це-
лую тебя всю – всю.

Куда г. Казань, Кировский район,
ул. 1 Мая, д 1 .кв.5
Кому Колесниковой
Юлие Владимировне
От кого: Полевая почта 28536 Г
Колесникову Анатолию Николаевичу

25.2.44

Дорогая тетя Надя, вот и праздник прошел, наш, армейский праздник.

Не скажу, чтобы очень шикарно его провели – не мирное время и не в городе мы, а в этих сопках, где так близко противник – не до шиху. Одно только сейчас создает праздничное настроение в душе – это то, что все дальше и дальше врага отбрасывают от Ленинграда, от родного города. Никогда раньше до войны я не представлял себе как я его люблю, как я люблю эти гранитные невские набережные, этих сфинксов, эти каналы и улицу архитектора Росси, и екатерининский скверик, и памятник «Стерегущему» на Кировском, и домик Петра – как все это близко и дорого. Жаль только, что я не там, не на том фронте. Кончится война – все силы приложу к тому, чтобы жить там. Прочитай в письме Юльке два моих ленинградских стихотворения – о Царском селе и о «Стерегушем». А вот и тексты:

На Дворцовой площади

Не рвать им больше воздух канонадой,
Не извергать им гибель никогда.
Железные ладони Ленинграда
Схватили их и бросили сюда.

Во всей смертоубийственной красе их
Ты видишь здесь. Вот, злобой налиты,
Чудовищными жабами присели
Они в снегу.

О Ленинграде

И вспоминаешь ты:
Над старой германской рекою
Леса бесконечные труб
Там жил в тишине и покое
Старик по фамилии Круп.

Он был, вероятно, любезен,
И весел, и верен жене.
(Как яростен скрежет железа!,
Как бесится сталь на войне!)

17.7.44

Как это, и опьяняет и кружит голову. Пиши мне по адресу: полевая почта 38686-К. Что было до того, как попал сюда – напишу в более подробном письме. Во всяком случае ....на переднем и ....

Пиши чаще, ...не было писем от тебя и от мамы. Скучаю и волнуюсь крепко. Вчера дал телеграмму – воспользовался благами цивилизации, которых был лишен два года. Дорогая моя, любимая девочка, сердце чувствует, что скоро – скоро встретимся. Смотри какими гигантскими шагами идут наши на запад. Скоро, скоро. А пока целую тебя и нашу дочурку и маму.....

Куда: г. Казань, Кировский р-н,
ул. 1 мая, д.1, кв.5

Кому: Колесниковой Ю.В.

От кого: Полевая почта 38686 – К,
Колесникову А.Н.

13.07.45

Кому: Полевая почта 97701

Копырину

Меркурию Александровичу¹

От кого: Москва 19

Сивцев Вразжек 4 кв.9 **Н.Четаев**

Дорогой Меркурий Александрович, благодарю за поздравления и Ваши сердечные пожелания. Я работал не ради наград, а для молодежи, для лучшего нашей родины. Приятная мне награда укрепляет меня в том, что сделанное мной не бесполезно. Ваше поздравление мне было приятно до крайности. На юбилее Академии Г.В. присутствовал, но с ним мне не удалось о вас переговорить: его было редко видно, так как в Москве в то время заболела его жена, которой он был озабочен. Скоро он будет опять в Москве и я с ним обязательно переговорю. Он будет принимать деятельное участие в организации филиала Академии Наук в Казани. Всего хорошего. Передавайте

¹ **Копырин Меркурий Александрович** (26.10.1915 – 12.3.1982). Аспирант Казанского университета. В июне 1941г. призван в ряды Красной Армии, участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

привет вашим боевым друзьям. Надеюсь мы скоро с вами увидимся – вы вернетесь к мирному научному труду. Всего хорошего Четаев Н.

13 июля 1945 г.

P/S ГВ – это Каменков Георгий

8/XII-42 г.

Целую дорожную семью. Жив, здоров пишу с передовой. Враг коварен и зол. Настроение бодрое. Жив буду вернусь. Страшно скучаю о вас. Условия нелегкие. Нуждаться ни в чем не нуждаюсь. Правда обещают выдать валенки. Погода зима, ветра снег. Враг занимает часть деревни, часть мы. Население эвакуировано. Милка обо мне не беспокойся, береги себя и сына. Знаю, что тебе нелегко. Помощи от меня нет, но в этом меня не вини. Привет все родным и знакомым.

С приветом.

Любящий тебя муж Миша.

Куда: гор. Казань, Чернышевская ул., д.18 кв.19.

Кому: Ипполитовой Е.К.

От кого Полевая почта

ППС 2252 часть 220 **Ланцову М.Д.**¹
(МИУ -1179/2)

3/I-43 г.

Добрый день. Дорогая Фима. Целую тебя и сына. Шлю привет и наилучшие пожелания. Как я по Вас соскучился, мне кажется разрыв произошел периодом вечности.

Я не могу себе представить как вы живете. Знаю Фимочка, что тебе достается с Вовиком крепко. Дорогая Фима получила ли ты мое летнее пальто в посылке? Продавай что можно продать, лишь бы купить что кушать. Проси бабку чтобы она картофелю тебе одолжила. Напиши Феде письмо в Пораты от меня относительно картофеля. Фима можешь загнать мое зимнее пальто, часы. Живы будем купим все что понадобится меховую мою шубу, если еще не продали.

Коротенько о себе прошли большие походы и сразу в бой. Били немцев (фри-

цев), итальянцев (макаронников), финн и мадьяр.

Товарищ расстроил, части уехали на лечение а я вот сейчас перешел в другую часть этой же дивизии.

Здоровье как на смех, несмотря на все эти трудности чувствую себя хорошо, дома наверно не выжил. По несколько суток в снегу день и ночь в обороне.

А об остальном хорошего нет, питались хорошо, когда отвоевывали деревню за деревней.

Погода стоит зимняя морозная. Посылку от тебя еще не получил и писем нет, пиши по адресу: Полевая станция 2252, часть 28 **Ланцову**. С приветом любящий семью муж и папа привет Олечке, Лизе и другим.

(МИУ КП -1179/1, Д – 6051)

1.01.45г.

Здравствуй уважаемый Галим Валевич!

Лучше позже, я с новым победным годом Вас поздравить я должен. Желая дальнейших успехов в творческой и руководящей работе, которая слилась с Вашей личной жизнью

Глубоко уверен, что в 1945 г. и мне удастся возвратиться к любимому занятию.

Сейчас заворачиваю комсомолом. Работы много. Часто приходится выступать с докладами и лекциями. Вам очевидно известно, какое внимание сейчас уделяется идейному росту коммунистов. Читаю политическую карту мира в партшколе, выступаю в роли консультанта по различным вопросам истории ВКП (б) и даже по философии.

Занимаюсь самообразованием. Учусь на заочных курсах ин. языков, изучаю английский.

Галим Валевич! Я хочу весной приехать сдавать кандидатский экзамен по истории философии, диалектическому и историческому материализму. Подготовка в полном разгаре. Как Вы смотрите на это?

¹ **Ланцов Михаил Дмитриевич** (12.7.1899 – 1943). Директор Научной библиотеки Казанского университета. В 1942г. призван в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны. Пропал без вести.

Возможно ли это т.е. допустят ли меня, есть ли смысл. Жду ответ. Привет Кирилл Прокоф. Ив.Алек, Вл.Ник., Вл.Викент, аспирантам и всем студентам и сотрудникам географака. С приветом Саша.

Адрес кому: г.Казань,
ул.Чернышевского 18,
Университет. Фазлуллину Г.В.
От кого Полевая почта 36821-Д
Маринич А.М.¹

26 февраля 1942 г.

Милая моя Надюша!

Получил от тебя весточку и очень обрадовался. Догадываюсь, что живешь не важно, но, Надя, ничего не поделаешь. Вся страна переживает тяжелые испытания и придется во имя будущего потерпеть. Вот уже несколько недель наша землянка ходит ходуном от разрыва снарядов. Но пока все благополучно. Сiju и думаю о тебе, а адъютант ком.полка заливается на баяне. Слушаю старинный вальс, и вспоминается наша с тобой тихая, спокойная жизнь, наша радость – дочка... Наши с тобой встречи...

Как соскучился я по Казани, по родным местам, близким людям. Сидим в крестьянской бане, от коптилки дым, копоть. Холодно. Села тут жгут гады начисто. Каждую деревню приходится брать с боем... Берем. Даем им жару. Если так пойдет, то осенью 1942 года начну курс лекций в университете. Как вы все там поживаете. Целую крепко крепко Александр. (**Плакатин**)².

3 апреля 1943 г.

Многоуважаемая Надежда Ивановна!

Сегодня 3 апреля 1943 года на военном посту погиб Ваш любимый муж и наш боевой друг и товарищ заместитель командира полка по полит. части майор Плакатин Александр Павлович.

Смерть товарища Плакатина является большой утратой для нашего полка. Това-

рищ Плакатин как большевик – командир отдавал все свои силы и знания для разгрома немецко-фашистских оккупантов. Он беспредельно любил свою Родину и ненавидел врага. Свою ненависть он выражал в повседневном укреплении боевого духа всего личного состава, в разжигании ненависти к врагу всех бойцов и командиров, он был любимцем бойцов. Он постоянно находился в красноармейской среде, в траншеях, в землянках, и ДЗОТах он внимательно всех выслушивал и всегда быстро принимал соответствующие решения. Советское правительство высоко оценило его боевые заслуги перед Родиной и наградило орденом Красной Звезды. В последних наступательных боях за его мужество и храбрость он вновь представлен к правительственной награде

Бойцы и командиры воодушевленные своим любимым майором Плакатиным смело и храбро шли в бой изгоняли немецко-фашистских бандитов и освобождали нашу родную землю от фашистской нечисти. Немецко-фашистские изверги вырезали из наших рядов верного сына партии Ленина-Сталина; ... нашего боевого товарища и Вашего любимого друга.

Бойцы перед прахом Александра Павловича клялись жестоко отомстить немецким бандитам за его смерть.

Надежда Ивановна вместе с Вами глубоко скорбим о преждевременной гибели Вашего мужа, который честно и благородно отдал свою жизнь за дело партии Ленина-Сталина и социалистическую Родину.

Группа его боевых друзей и товарищей.

Командир полка майор Баяршинов,
Майор.... (подпись неразборчива)

Капитан .....

Капитан .....

Капитан.....

капитан Троцько

(МИКУ КП- 970, Д-)

¹ **Маринич Александр Мефодьевич** (4.9.1920). Студент 4 курса геолого- географического факультета в 1941 году добровольцем ушел на фронт. С октября 1942 по июнь 1943 аспирант географического факультета. Затем вновь в Красной Армии. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, 2 орденами Трудового Красного Знамени.

² **Плакатин Александр Павлович** (1904–1943). Декан историко-филологического факультета. Батальонный комиссар. Погиб при освобождении Гжатска (под Вязьмой). Награжден орденом Красной Звезды.

Бельцы. 20.08.44.

Дорогие мамочка и сестренка!

Пишу на вокзале.

Едем на фронт.

Эти дни будут отмечены в истории нашего фронта.

Если прочтете чтонибудь то, вспомните мое предсказание.

Авиация наша все время висит в воздухе.

Я в обороне не был и быть не думаю. Будем наступать!

Целую ласково и крепко.

Саша.

20.08.44 г.

Адрес куда: г. Казань

ул. Чернышевского дом 2

Коммерприбор

Поповой Варваре Николаевне

От кого: Полев. Почта 24041 «А»

Попову А.В.¹

(МИКУ КП-2339/2 Д-72770)

Письмо Ракова Петра от 22.07.43

Веруська

Не дожидаясь твоего письма пишу очередное послание. Твоего письма нет уже некоторое время. Очевидно, это связано с тем, что там, что должно оно было проходить было местом жарких боев. Очевидно, и мои письма придут с некоторым запозданием. Но сейчас положение изменилось. Красная Армия наступает на ряде участков фронта и уже освободили порядочную часть нашей земли. Сейчас дело быстро пойдет вперед. Скоро вперед пойдет весь наш фронт и чем дальше, тем быстрее будет идти наступление. Это безусловно сильно всех нас радует и обещает скорый конец войны, скорую победу. Правда,

впереди еще жестокие бои, впереди еще много жертв и лишений. Но разгром Германии это дело нескольких месяцев. В жизни моей никаких особых событий не произошло. На нашем участке пока продолжается затишье, но вблизи идут жаркие бои. Очевидно, скоро наступит и наша очередь идти вперед. Ждем этого момента с большим нетерпением. Хочется своим непосредственным участием ускорить разгром врага, приблизить желанную победу.

Лето. Днем довольно жарко, почти ежедневно выпадают дожди. Жду Ваших писем. Крепко целую Вас Петр.

1945 г. мая 29 дня.

Извещение о гибели П.Ракова.²

Уважаемая Вера Николаевна!

От Вас получен запрос, о судьбе Вашего мужа Ракова Петра Ивановича. Сообщаю, что он погиб в бою за город Форст 16.04.1945 о чем я вам написал письмо и послал фотоснимки о его похоронах в г. Лисса Польша. Извещение мною выслана, выслана и его расчетная книжка. Ордена будут высланы в самые ближайшие дни. Он представлен еще к награде Ордена Отечественная война 1 степени – посмертно. Высланы Вам деньги, найденные при нем примерно 2400 руб. Потеря его для меня так же тяжела. Особенно сейчас чувствую его отсутствие. Вспоминаю ежедневно о нем. Сегодня на ваше имя выслана посылка, организованная некоторыми военными. Посылка состоит из ценных вещей. Вера Николаевна, В случае неполучения чего либо из перечисленного немедленно пишите. А пока пожелаю Вам всего наилучшего. Остаюсь искренне уважающий вас ... (подпись неразборчива).

¹ **Попов А.В.** (22.03.1924 – 9.06.2008) в 1942 г. призван в ряды РККА. Участник Великой Отечественной войны. Студент биологического факультета КГУ. Директор Зоологического музея КГУ.

² **Раков Петр Иванович** (23.11.1911–16.04.1945). Аспирант химического факультета КГУ. Защита кандидатской диссертации состоялась 23 июня 1941 г. Через неделю Раков был призван в действующую армию. Пал смертью храбрых 16 апреля 1945 г. при взятии города Форст (на подступах к Берлину).

Сулейманов Исмагил Галиевич¹

18.4.42

Дорогая Самара!

В прошлом (предыдущем?) письме ты писала о любимой карточке Наила, хоть и с задержкой (время и прошло!) для него как бы эту карточку посылаю. Вместе прочтете.

Здоровье и (самочувствие, силы?) как раньше. Почему-то в последнее время письма от тебя стали приходиться долго и реже. Д. аттестат о получении – не получении д. аттестата извещай – пиши. Со скучившись о тебе и Наиле, с приветом. Исмай.

Декабрь 1943

Дорогая Самара!

Эта открытка возможно не успеет дойти к самому началу нового года. Даже если так случится, к новому году, доброму году, который принесет окончательный разгром врага, посылаю праздничный привет. Самочувствие пока такое же как писал в своих прежних письмах, здоровье нельзя назвать плохим. Если (фото)карточка успеет до нового года дойти, глядя на нее, меня вспоминай...

29 сентября 1942 г.

Действующая армия.

Ст. лейтенант

Хамитов Галлий Суфьянович²

Дорогие мои супруга Музочка и дочка Луиза шлю вам обоим с передовой позиции отечественной войны сердечный привет и желаю вам хорошей жизни и доброго здоровья. Так же шлю привет всем, кто только окружает вас и делит вашу долю.

На сию минуту сегодняшнего дня пока я жив и можно сказать здоров, если не принимать во внимание обыкновенную «гражданскую» болезнь, которой на сегодня страдаю в сильной степени. От тебя дней 15 тому назад получил не-

сколько писем и написал тебе ответное письмо в деревню. Но вот сегодня, сидя в наблюдательном пункте в метрах 300-400 от проклятых немцев, задумал написать еще, хотя от тебя и не получил. Это письмо думаю послать по адресу, где ты должна уже работать может быть быстрее получишь. В дальнейшем и мой адрес несколько изменится (именно с 1 октября по новому положению) теперь полк и батарея не будут указываться и полку будет присвоен почетный №, так, что ты не думай, что я куда-то перехожу. В скором будущем я этот адрес сообщу. Но мой адрес ты не теряй, он еще может пригодиться. Теперь несколько слов о моей «гражданской» болезни, ты не думай, что она у меня довоенная болезнь, до войны я такой болезни не имел. У меня в последнее время как только пройду несколько километров так колени начинают болеть и так сильно болят я совсем не могу идти иначе говоря отказываются шагать, а ведь на войне без ноги, человек может быть легкой жертвой. Здесь конечно лечить и думать не приходится, пока они чуть шагают, значит валяй. Если ты получила ранее написанные мои письма, то наверное знаешь, где я сейчас воюю. Я сейчас на самом ответственном участке фронта и здесь идут самые тяжелые, самые крупные бои, конечно если жив буду расскажу когданибудь более подробно.

Могу написать, что я сейчас сижу в своем наблюдательном пункте в сгоревшем танке. Здесь конечно пули не страшны, но только выходить опасно, особенно большую трудность представляет процесс справления своих естественных надобностей, ведь для этого приходится выходить! Пока здесь стоят теплые дни, только ветры очень сильные, да они для меня непривычные – степные.

Пока все. Милая моя пиши почаще писем, пиши как работаешь, много ли приходится работать, не трудно ли, каковы квар-

¹ Сулейманов Исмагил Галиевич (1904–1973). Участник Великой Отечественной войны. Завершил военную службу в звании капитана. С 1971–73 гг. зав. кафедрой физиологии растений КГУ.

² Хамитов Ганий Суфьянович (11.12.1913 – 11.1.1943). Ассистент кафедры физики Казанского университета. В 1941 г. призван в ряды Красной Армии. Погиб под Сталинградом. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

тирные условия жизни? Вообще пиши обо всем. Теперь тебе есть писать о чем.

Особенно пиши побольше о Луизочке.

Остаюсь желанием увидеться с вами милые мои. Целую и обнимаю тебя и Луизу твой муж Галлий.

Хамитов Г.С. МИКУ КП 448/37

3.11.42.

Действующая армия
ст. л-т Хамитов Г.С.

Здравствуйтесь дорогие мои супруга Муза и дочка Луиза! Шлю вам свой горячий сердечный привет и желаю всего доброго в вашей повседневной жизни. Вот я опять сегодня пишу коротенькое письмо и с письмом посылаю вырезку из газеты, где написано о моей работе на фронте. Как видишь Музочка, на войне приходится переживать всякие минуты. И потому не зря я пишу, что жив, здоров на сию минуту сегодня. Когда я вышел из окружения мой товарищ Харитонов говорил « думаю – говорил – неужели Хамитов написал это письмо в последний раз и взял да прочитал твою открытку» вот ведь как было дело Но я не боялся смерти, а просто презирал ее и потому остался жив и победил Теперь товарищи говорят, что я буду жить очень долго, я про себя только повторяю « пусть это будет правда».

Сегодня после завтрака часа два очень хорошо уснул и видел во сне тебя и Луизу. Даже разговаривал с Луизой. Когда встал долго сидел и перебирал в голове все подробности сна, и как мне было приятно все это. Больше писать особенно как будто нечего т.е. конечно я бы написал очень много. Сама понимаешь, не все можно писать в письме, да и все что здесь происходит не опишешь в письме. Теперь может быть тебе еще не известно мой друг Нагим в моей батарее и он был со мной в этом переплете, но я его сейчас перевел на другую работу, здесь немного сердцем слабоват. Теперь несколько слов о подготовке к празднику, думаем провести нечего – т.е. как можно больше бить врага в эти дни, чем больше уничтожим врага, тем веселее для нас и конечно для

всего народа нашей Родины. Еще о погоде, здесь еще теплые солнечные дни стоят, только ночью холодно.

Теперь в эти дни сделали много снимков, если удастся получишь, то жди пришло тебе обязательно, только ты их береги, даже если меня не будет. Пока все дорогая моя, пиши писем почаще, ведь тебе сейчас есть о чем писать.

До скорого свидания. Целую тебя и Луизу твой муж Галлий.

МИКУ КП- 448/36

1942 г.

Здравствуйтесь дорогие родные мои крошки : Лия и мой сыночек Анатолий!

Шлю я вам свой пламенный боевой привет и самые горячие пожелания в вашей жизни, а главным образом в вашем здоровье! Дорогая моя Лиичка, можешь сегодня поздравить меня с 25-ой годовщиной К.А. Нынче годовщину К.А. приходится отмечать в совершенно иной обстановке, чем раньше. Сейчас вот я сижу на нарах в землянке и пишу тебе эти строчки. Приходится сожалеть, что на время прервалась наша письменная связь, но я надеюсь, что она скоро восстановиться, только пиши почаще. Пиши и об нашем сыночке. Какой он интересно сейчас стал. Наверное скоро будет пытаться встать на собственные ножки. Очень бы мне хотелось его посмотреть. Как к нему относятся бабушка и дедушка ? Мне кажется он им солидно надоел. Воспитание ребенка дело конечно нелегкое. Хорошо, что большую долю этой заботы приняла на себя твоя мама и в этом мы оба ей во многом обязаны и нельзя не выразить чувства благодарности. О себе нового ничего сообщить не могу. Живу по – старому. Здоровье и самочувствие хорошее. Будьте здоровыми. Крепко целую тебя и сына. Привет твоим родителям. Георгий.

Адрес Куда: Тат АССР. г. Казань
ул.Пионерская д. 18/23 кв. 3
Кому Копп Л.Г.

Откуда: Полевая почта 3676. Часть 40.

Черняев Георгий Васильевич¹

¹ **Черняев Георгий Васильевич** (1916–1943). Студент геолого-почвенного факультета. Погиб в 1943 г.

Кому: г.Казань, Ягодная слобода,
ул. Стахановская д.21, кв.1
Щербакову Александру Ивановичу
От кого: Полевая почта 28707 «Ж»
Щербаков¹

28.11.43 г.

Здравствуйте дорогие Папа, Мама и Фая!

Шлю Вам горячий сердечный привет и пожелания всего наилучшего в жизни! Прежде всего, можете поздравить меня с правительственной наградой – медалью «за боевые заслуги».

Почему вы мне не пишете? Я даже не помню, когда получил от Вас последнее письмо. Фая, хоть бы ты не забывала писать мне, если Папе с мамой некогда. Пишите!

нахожусь я сейчас в Белоруссии. Здоровье и самочувствие хорошее. Живу в палате в лесу. У Вас наверно уже зима в полном разгаре, а у нас еще осень. Правда выпадает снег, но он быстро тает, а поэтому сильно мешает воевать, потому что дороги очень от этого стали плохими, грязными, но, не смотря на это, мы уверенно приближаемся к старой границе.

Мама и Фая, присылайте мне в письмах воротнички для гимнастерки. Ну, пока все. До свидания!

С приветом и поцелуем крепким – Алексей. Привет всем родным и знакомым.
МИКГУ – 2281/5

Д-1411

НКО СССР ШТАБ 592

истребительно противотанкового
арт.полка р.г.к

часть _____ 19 июля 1944 года № 618

Извещение

Ваш сын капитан Щербаков Алексей Александрович уроженец Марийской АССР Верх.Ушнурского р-на и с/совета в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив при этом мужество и отвагу, был убит 17 июля 1944 г.

Похоронен у Домика на берегу реки Ниман, южнее 10 км деревни Бережань Гродненского р-на Белостокской обл.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

Командир 592 иптап /Андреев/
Начальник штаба полка /Викторов/

31.12.41

Профессору Ливанову Н.А.

Здравствуйте, глубокоуважаемый, дорогой, Николай Александрович!

Прежде всего поздравляю Вас с Новым Годом и шлю Вам лучшие пожелания свои. Много раз собирался написать Вам да, из стеснения ненужно отвлекать Вас, откладывал.

А вот сейчас, решив поздравить Вас, все ж не устоял перед этим желанием.

Как живет университет, как живете и работаете вы все – ничего не знаю, т.к. ко мне из Казани письма не доходят – вероятно от того, что писать некому. Я, как и подавляющее большинство – в Армии (с б. VII), в действующей части, работаю по штабной линии. На сегодня жив, здоров. Как и все имею лишь одно желание поскорее уничтожить врага и благополучно возвратиться домой.

А домой меня сейчас тянет, как никогда еще, т.к. у меня там есть дочь, которую я не видел – родилась без меня – ей уже три месяца. – Семья осталась в Москве.

Сильно тоскую о всем том, что было получено за учебу у Вас, – о биологии, и чувствую, как вся текущая жизнь, обстановка, не позволяя вспоминать, применять этих знаний, отодвигает, ослабляет их. Ну, да ничего уж не сделаешь – такова действительность. – Лишь бы вернуться невредимым, а знания работой восстановятся.

Как Ваше здоровье, как работа?

Хотя б кто-либо написал мне об Университете!

Глубоко уважающий и любящий Вас
..... (подпись неразборчива)
(МИКУ963/2)

¹ Щербаков Алексей Александрович (1919 – 1944). Студент геолого-почвенного факультета КГУ. Погиб в бою 17 июля 1944 года в д. Берижань Гродненского района Белостокской области.

УДК 355/359+94(470.41)

КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1941 г.

*В.Т. Сакаев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политических наук Набережночелнинского филиала
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Наиболее крупным мероприятием помощи фронту, проводимым в годы Великой Отечественной войны, была кампания по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. В советской историографии изучение кампании сводилось в основном к перечислению сухих цифр количества собранных вещей, которые чередовались с примерами проявления патриотизма со стороны населения¹, о ходе и характере кампании, механизмах и методах ее проведения особо не упоминали. Поэтому сложилось ложное представление о том, что тема раскрыта и ничего нового найти там нельзя. Полная картина событий так и осталась без внимания историков. В то же время без знания об этом крупнейшем мероприятии местных властей, которое фактически было одной из главных тем общественной жизни в тылу в 1941 г., нельзя считать наши представления о военном периоде истории Татарстана полными.

Кампания по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии в Татарии началась 9 сентября 1941 г., когда в секретном директивном письме секретарям горкомов и райкомов Татарский обком партии сообщил текст постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября. В нем говорилось, что, идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся, ЦК партии обязывает обком республики организовать и возглавить сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии. Для прак-

тической работы по сбору теплых вещей и белья предлагалось создать под председательством секретаря обкома республиканскую комиссию, в составе заместителя председателя Совнаркома ТАССР, военного комиссара республики, секретаря обкома комсомола и представителя профсоюзов. При горкомах и райкомах ВКП(б) организовывались аналогичные по составу городские и районные комиссии.

Состав формируемых комиссий прямо указывал, что сбор теплых вещей будет носить принудительный для населения характер. Впрочем, в письме об этом говорилось прямо².

Согласно Инструкции Центральной комиссии по сбору теплых вещей от 06.09.1941 приему подлежали вещи и материалы в соответствии с определенной номенклатурой, с указанием желательных размеров. Приему подлежали как новые, так и годные поношенные вещи. Прием должны были производить местные комиссии, создаваемые на предприятиях, в учреждениях, совхозах, колхозах, а в городах – по кварталам и отдельным большим домам³.

Получив директиву ЦК ВКП(б), республиканские партийно-советские органы немедленно приступили к ее исполнению. Важную информацию об организации сбора теплых вещей в республике дают протоколы заседаний областной комиссии по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. Первый протокол датируется 10 сен-

тября 1941 г. В заседании участвовали: секретарь обкома по пропаганде С.А. Мухаметов (председатель), заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин, военный комиссар республики и другие. На заседании было сообщено о том, что за прошедшие сутки уже созданы районные комиссии, идет создание местных комиссий, на ряде предприятий и в колхозах уже начат сбор теплых вещей и белья. Одновременно члены комиссии определили возможную цифру сбора теплых вещей и белья в республике в 30 тысяч комплектов⁴.

Картину организации сбора теплых вещей в республике достаточно объективно рисует нам секретная докладная записка начальника организационно-инструкторского отдела обкома в ЦК партии, согласно которой создание районных и местных комиссий затянулось до 20 сентября. В записке сообщается, что в ряде районов к созданию комиссий отнеслись достаточно формально, как например в Алькеевском районе, где, в нарушение инструкции, комиссии были созданы только при сельсоветах, а в райцентре – одна общая комиссия для всех учреждений. Но так или иначе к середине октября 1941 г. в республике уже действовало 5183 комиссии, из них в колхозах – 2747, в совхозах – 37, МТС – 45, при сельсоветах – 553, при заводах, фабриках, артелях и учреждениях – 1563, при домоуправлениях – 238⁵.

О том, как процесс организации сбора проходил на местах, можно судить на примере Буинского района. Судя по отчету секретаря Буинского райкома ВКП(б), организация сбора проходила так: по получении телеграммы бюро райкома создало районную комиссию по сбору теплых вещей, затем провело инструктивное совещание секретарей парторганизаций и председателей колхозов и сельсоветов, на котором в директивном порядке были созданы местные комиссии, в каждую из которых был командирован член районного партийно-советского актива. Местные

комиссии и первичные парторганизации повсеместно организовали собрания трудовых коллективов с вопросом – «дать Красной Армии теплые вещи»⁶.

Для обеспечения массовости кампании обкомом была широко развернута массово-политическая работа, призванная сформировать в обществе патриотическое отношение к проводимому мероприятию. Республиканские и районные газеты широко освещали ход сбора теплых вещей. Так, за сентябрь только республиканская газета «Красная Татария» несколько раз выделяла по целой полосе для освещения этого вопроса. В немалой степени такое внимание прессы было обусловлено закрытыми обзорами о задачах редакций газет при проведении кампании по сбору теплых вещей, разосланными редакторам газет отделом пропаганды и агитации обкома⁷.

Бюро обкома в своем отчете в ЦК партии сообщало, что «в целях разъяснения широким слоям трудящихся значения сбора теплых вещей для Красной Армии и привлечения поголовно всех граждан к сдаче теплых вещей проведены партийные, комсомольские собрания, митинги и собрания рабочих и колхозников... Так, например, 9 сентября состоялся митинг коллектива завода имени Ленина, на котором было принято обращение ко всем трудящимся Татарии о массовом сборе теплых вещей и белья. 12 сентября проведен общегородской антифашистский митинг женщин города Казани, участники которого также обратились к женщинам Татарии. 13 сентября колхозы «Активист» и имени Ленина Нурлатского района обратились ко всем колхозникам Татарии»⁸. Проводимые митинги были призваны подкрепить тезис, выдвинутый ЦК партии, о наличии широких слоев населения, якобы выступивших инициаторами проведения кампании. Так, 15 сентября председатель областной комиссии С.А. Мухаметов указал районным комиссиям, что «всё

работа по сбору теплых вещей может быть проведена лишь на базе широко развернутой массово-политической работы среди населения. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации должны разъяснять каждому рабочему, служащему и колхознику, что оказание помощи Красной Армии является долгом каждого советского гражданина. Широко организуйте отклики на обращение коллектива завода имени Ленина, женского антифашистского митинга г. Казани и колхозников колхозов имени Ленина и «Активист» Нурлатского района (материалы опубликованы в областной газете «Красная Татария»)»⁹. 17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов в секретном директивном письме № 461/7 вновь потребовал «широко развернуть массово-разъяснительную работу среди населения, используя опубликованные в областных газетах обращения коллектива завода имени Ленина, колхозников сельхозартели имени Ленина и колхоза «Активист» Нурлатского района, а также участников женского митинга в г. Казани и другие материалы из газет»¹⁰. О том, были ли эти обращения трудовых коллективов намеренно подготовлены партийными структурами, с достоверностью ответить трудно. В пользу этой версии, однако, говорит тот факт, что «инициатор» кампании – коллектив завода имени Ленина – к концу сентября сдал всего 1544 теплые вещи и оказался отстающим среди предприятий Кировского района Казани. Эти обращения появились вовремя и как нельзя лучше подходили для организации пропагандистской кампании. Выполняя установку обкома, районные комиссии развернули в ответ на опубликованные обращения массовые митинги по всей республике. Так, только в одном Таканышском районе было проведено более 200 ответных митингов и собраний, посвященных сбору теплых вещей¹¹.

17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов в письме председателям районных комиссий еще раз продублировал пос-

тановление ЦК от 5 сентября 1941 г. и потребовал «четко организовать сбор теплых вещей от населения и провести всю эту работу не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело». Указывалось добиваться от населения комплектной сдачи, поступления всего ассортимента теплых вещей, согласно имеющейся номенклатуре. В качестве работников районных и местных комиссий предлагалось использовать служащих советских органов власти, временно освободить их от основной работы с сохранением зарплаты. Разрешалось даже организовать продажу местной торговой сетью населению пригодных для Красной Армии теплых вещей, для последующей их сдачи в ходе кампании¹².

Проводимое мероприятие по своему характеру не имело ничего общего с благотворительностью. Это было грандиозное государственное мероприятие, для осуществления которого были задействованы все властные ресурсы партийно-советских органов. По районам республики было установлено строго обязательное количество теплых вещей, подлежащих сбору. 17 сентября 1941 г. областная комиссия по сбору теплых вещей прямо указала: «телеграммой от 15 сентября 1941 года до вашего района были доведены размеры сбора наиболее важных теплых вещей для Красной Армии. Эти цифры являются строго обязательными и количество вещей, указанное в телеграмме, должно быть безусловно собрано в установленный срок, то есть к 15 октября»¹³. Ориентировочные цифры показывают, что подход к определению заданий по районам был дифференцированным. Например, количество полушубков, подлежащих сдаче, варьировалось от 200 до 400 штук в зависимости от величины района; нательного и теплого белья – от 50 до 1000 штук; шаровар и свитеров – от 50 до 300 штук; постельного белья – от 50–100 до 1000–2000 штук и т.д. Максимальные цифры приходились

на Зеленодольский, Елабужский и Бу-гульминский районы и на г. Казань. Всего предполагалось собрать 870630 теплых вещей, из них по сельским районам – 519130 теплых вещей и по г. Казани – 351500¹⁴.

В то же время при проведении кампании местные органы власти оказались в достаточно щекотливом положении: с одной стороны, спущенный сверху план должен быть безусловно выполнен, а для этого необходимо придать ему обязательный характер, с другой – кампания представлялась пропагандой как добровольная помощь населения фронту и поэтому не должна была принимать характер поголовного обложения. Для разрешения этого противоречия сбору теплых вещей был придан завуалированный вид, скрывавший его обязательный характер. Об этом, в частности, говорилось в директивном письме областной комиссии от 15 сентября 1941 г., когда, телеграфируя каждому району о намеченном количестве сбора восемнадцати наименований наиболее необходимых теплых вещей и указывая, что «районная комиссия должна развернуть работу исходя из этих цифр», давалось предупреждение: «ориентировочные цифры предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам или какую-либо раскладку среди населения не устанавливайте». 17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов еще раз строго указал председателям районных комиссий: «никаких контрольных цифр или заданий по колхозам, предприятиям или учреждениям или раскладку среди населения устанавливать не следует»¹⁵. Обком партии очень пристально следил за исполнением этого пункта и сурово наказывал нарушителей¹⁶. Благодаря этому сбор теплых вещей, который являлся по сути натуральным чрезвычайным налогом, не выглядел фискальной мерой в глазах общества. Запрет производить раскладку плана сбора на конкретных людей в определенной степени гарантировал властям то, что собирать будут только с тех, кто действительно

имеет возможность сдать теплые вещи. Все это давало возможность представить обязательное мероприятие как добровольную кампанию народной помощи.

В то же время спускаемые сверху обязательные планы повсеместно не выполнялись. На 11 октября 1941 г. план был полностью выполнен лишь по ватным курткам, овчинам и шерсти; по шерстяным перчаткам, шапкам-ушанкам и ватным шароварам был выполнен примерно наполовину, а по остальным наименованиям и того меньше¹⁷. Даже мощная пропагандистская поддержка кампании первоначально не дала необходимого результата.

Традиционно причины неудачи бюро обкома увидело в слабой активности нижестоящих партийных и советских структур. Чтобы подстегнуть активность партийно-советского аппарата в этом деле, бюро обкома 26 сентября 1941 г. обязало горкомы и райкомы ВКП(б) рассмотреть на заседаниях своих бюро ход кампании и принять меры, обеспечивающие выполнение плана. 29 сентября 1941 г. бюро Казанского горкома ВКП(б) в присутствии первого секретаря обкома А.М. Алемасова, уполномоченного комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по ТАССР И.Е. Шмелькова провело за провал кампании показательную «эxecуцию» председателей районных комиссий Кировского и Ленинского районов. На 29 сентября по Кировскому району было собрано всего 3680 теплых вещей, или 5,8% от принятых на себя (или вернее сказать установленных сверху) обязательств, по Ленинскому району – 1662 вещи, или 2,6% от обязательств. Были выявлены факты, когда в ряде парторганизаций коммунисты и руководители предприятий уклонились от участия в кампании. Председателям районных комиссий «за провал боевого задания партии» объявили выговор с занесением в учетную карточку и предупредили о возможном исключении из партии в случае, если положение не будет выправлено. Партийным бюро указали

обсудить вопрос об ответственности членов ВКП(б), не принимающих личного участия в сборе. В заключение прозвучало жесткое предупреждение партийным и советским чиновникам, что по результатам проведения этой кампании горком будет судить о способностях и умении руководителей перестраивать всю работу в соответствии с условиями военного времени¹⁸. 2 октября 1941 г. секретарь обкома С.А. Мухаметов подтвердил всем райкомам партии указание «коммунистов и комсомольцев, плетущихся в хвосте, привлечь к ответственности»¹⁹.

9 октября, когда стало ясно, что своевременное, к 15 октября, исполнение плана сорвано, бюро обкома от угроз перешло к действиям, объявив строгий выговор 3 секретарям райкомов за необеспечение выполнения решения ЦК партии²⁰. В постановлении обкома от 9 октября 1941 г. отмечалось, что большая часть колхозников, рабочих и служащих не привлечены к сбору, руководители, партийные, советские и комсомольские активисты не показывают личного примера, ограничиваясь сдачей незначительных и малопригодных вещей. По каждому району приводились фамилии таких руководителей. В постановлении объявлялся выговор секретарям Столбищенского, Верхнее-Услонского и Дубязского районов и выносилось предупреждение об их возможном исключении из партии в случае, если ситуация не будет выправлена. Объявлялось предупреждение руководителям Тетюшского, Алькеевского, Кзыл-Армейского и ряда других районов²¹. В двадцатых числах октября 1941 г. началась массовая проверка хода кампании по сбору на предприятиях г. Казани. Составлялись списки коммунистов и руководящих работников, не участвующих в сдаче для принятия к ним санкций, причем сдача отдельных теплых вещей для этих категорий считалась недостаточной – от них требовали сдачи нескольких вещей каждым с учетом размера заработной платы²².

Проверка состояния партийно-воспитательной работы на предприятиях показала, что партийная принадлежность человека отнюдь не означала его патриотического настроения. Практически на всех проверенных предприятиях имелись случаи отказа коммунистов и хозяйственных руководителей от сдачи теплых вещей или было лишь номинальное участие в кампании. Так, на комбинате «Спартак» в октябре 1941 г. два коммуниста, отказавшиеся участвовать в сборе теплых вещей, были исключены из партии. На кожевенном заводе имени Ленина двое коммунистов были исключены из партии за противодействие кампании, отдельные коммунисты сдавали теплые вещи только после угрозы получения выговора и исключения из партии. На мыловаренном заводе имени Вахитова к 22 октября 1941 г. из 17 коммунистов 11 не внесли теплые вещи, в том числе и секретарь парторганизации Матвеев. Отдельные члены партии заявляли: «я и так достаточно плачу», «я сам голый», «подумаю, может быть, что-нибудь внесу»²³. По заводу №124 на 25 сентября из 750 коммунистов внесли теплые вещи только 7 членов партии и из 2500 комсомольцев – только 13 человек; по тресту №14 из 135 коммунистов не сдали ни одной вещи 38 человек; на пристани Казань из 40 коммунистов не внесли теплые вещи 32 человека, в их числе и некоторые руководители пристани и парторганизации²⁴. Аналогичная ситуация имела место не только в Казани, но и в других городах и сельских районах. В Зеленодольске на заводе имени Горького к середине октября из 216 коммунистов сдали теплые вещи только 62 человека. Из 200 коммунистов Кзыл-Юлдузской парторганизации лишь 54 человека приняли участие в кампании по сбору. В Таканьшском районе, где, напомним, прошло более 200 митингов в поддержку кампании, из 10178 колхозников не участвовали в сдаче теплых вещей 5726 человек. В качестве отстающих также назывались

Челнинский, Больше-Тарханский, Агрызский, Балтасинский, Ципьинский, Елабужский, Верхне-Услонский и другие районы. Отмечались случаи уклонения от участия в сборе не только части партийно-советского аппарата и рядовых коммунистов, но даже руководителей районных комиссий по сбору в Верхне-Услонском и Кзыл-Юлдузском районах²⁵. В отношении каждого из них были приняты меры партийного воздействия.

Эти усилия подстегнули ход кампании. Партийные чиновники, почувствовав возможность личной ответственности за провал кампании, взялись за энергичное исполнение требований обкома. В результате на конец октября на предприятиях Казани процент участвующих в кампании значительно увеличился: на жиркомбинате было охвачено уже 41,8% рабочих, на заводе СК-4 – 72% рабочих и 90% коммунистов, на ряде предприятий, в частности, на фабрике «Спартак», заводах № 237, № 379 этот показатель достиг 100% от числа рабочих. На некоторых же предприятиях ситуация не изменилась и в сборе по-прежнему участвовало меньше половины членов трудового коллектива: на заводе имени Ленина – 50% рабочих, на мехкомбинате – 21,1%, кожзаводе – 11% и т.д.²⁶

Районные комитеты партии также приняли меры в отношении нижестоящих партийных структур. 11 ноября 1941 г. в политинформации секретарь Чистопольского райкома партии, констатируя выполнение плана менее чем на 50%, причину такого положения увидел в том, что многие местные партийные руководители не придали делу государственной значимости, а главное не показывали в этом личного примера. Первичным партийным организациям было предложено обсудить поведение своих членов, уклоняющихся или не проявляющих достаточной активности, в деле сбора теплых вещей и белья²⁷.

Необходимо обозначить и реакцию широких слоев населения на кампанию. Среди значительной части на-

селения она действительно вызвала патриотический порыв и примеры самоотверженности, в частности, работница Чистопольской артели «Швейник» Борисова заявила: «Я буду сидеть на воде и хлебе, а что заработаю, отдам дорогим бойцам на теплые вещи, чтобы они у нас не мерзли»; на комбинате «Спартак» в октябре 1941 г. 60-летняя беспартийная работница Малыгина заявила, что готова отдать свой месячный оклад для помощи фронту, и надо сказать, что таких примеров была масса²⁸. Определенное влияние на формирование настроений общественности в деле сбора оказывали и материалы, публикуемые в газетах. Например, коллектив Чистопольского винного завода, обсудив опубликованную ноту В.М. Молотова о зверствах немецких фашистов над пленными, постановил отработать в декабре 2 дня для дополнительного приобретения теплых вещей для Красной Армии²⁹. Таким образом, массовое участие населения в сборе теплых вещей было не только результатом проведенной агитационно-пропагандистской работы, но и следствием присущего народу духа самоотверженности, готовности поделиться последним.

В то же время проведение кампании нередко вызывало и другую, негативную, реакцию среди некоторой части населения. Имели место высказывания вроде: «Почему наша страна так скоро обнищала, воюем всего четыре месяца, а уже собирают варежки, носки, валенки и другие вещи для Красной Армии; большевики, бывало, говорили, что нам запаса хватит на 10 лет, а оказалось, что за четыре месяца все съели»³⁰. Часть населения, уже ощутившая тяготы войны, вызванные неудачами Красной Армии, воспринимала кампанию как подтверждение несостоятельности правительства и его попытку исправить собственные просчеты путем дополнительного обложения населения.

Несомненно, определенную роль в формировании негативного отноше-

ния сыграли и перегибы, допущенные местными властями, которые под угрозами вышестоящих органов стремились выполнить план сбора любой ценой. Немало ошибок допустили и республиканские органы власти. Результаты проведенной в марте 1942 г. проверки работы республиканской комиссии показали, что «работа по сбору теплых вещей для Красной Армии по Татарской республике находится в запущенном состоянии: правильного учета собранных от населения теплых вещей не ведется». Была вскрыта практика завышения в отчетах результатов, когда «республиканская комиссия... в рубрике «овчины» учитывала опоек, свинье, коровьи кожи и т.д.». По 13-ти районам при сдаче на республиканские склады выявилась недостача овчин, причем по Ворошиловскому району не доставало сразу 226 собранных овчин, по Ципьинскому – 101 овчина. На примере двух крупных случаев хищения собранных вещей при перевозке из районов был сделан вывод, что «со стороны районных и республиканской комиссий не ведется надлежащей борьбы с пропажей и хищениями собранных для Красной Армии теплых вещей». Отмечены были и факты нераспорядительности республиканских руководителей, когда на меховом комбинате под угрозой порчи оказалось 18 тысяч собранных овчин, которые в течение 2–3 месяцев валялись в неразобранном виде. Имел место и возмутительный случай продажи через торговую сеть 392 полушубков, изготовленных из собранных у населения овчин³¹. Подобные случаи прямо компрометировали кампанию, поэтому Центральная комиссия потребовала строго наказать виновных.

О количестве собранных вещей можно узнать из отчетов республиканской комиссии по сбору и материалов финансово-хозяйственного сектора обкома, на который был возложен учет собранных вещей, причем необходимо отметить, что их данные нередко расходятся друг с другом. По установлен-

ному плану сбора ТАССР должна была в 1941 г. собрать свыше 800 тысяч теплых вещей и белья 21 наименования, кроме того, еще по 12 наименованиям план не устанавливался. Всего на 1 января 1942 г. было собрано 564040 теплых вещей и белья, из них входящих в план – 554023, то есть план по республике был выполнен по этим наименованиям в среднем на 68,3%. В то же время в 1941 г. по Татарии было собрано 301,1 тысячи полушубков, пар валенок, меховых рукавиц, носков, чулок, комплектов теплого белья, шаровар и курток, шапок-ушанок, свитеров и фуфаяк и по этим наиболее важным видам теплой одежды и белья республика имела средний показатель выполнения – 93,3% плана, а по полушубкам, шароварам и курткам план был даже перевыполнен³². Наиболее трудно, судя по данным, шел сбор летних и теплых портянок, нательных рубашек и кальсон, свитеров, шерстяных носков и чулок, то есть нижней нательной одежды. Возможно, по каким-то психологическим мотивам население тяжело сдавало подобные вещи, напоминавшие о близком человеке. Было собрано также 2068 шлемов-пилоток, 1599 гимнастеров и 574 шинели, то есть собирали теплые вещи даже у вернувшихся с фронта раненых бойцов. Было также собрано 76800 кг шерсти и 76347 овчин³³.

По данным финансово-хозяйственного сектора обкома, динамика сбора такова: за двадцать дней с 15 сентября по 4 октября было собрано 129 тысяч теплых вещей и белья, с 5 октября по 20 октября – еще 215 тысяч, с 21 октября по 17 ноября – 105 тысяч, с 22 ноября по 11 декабря – 83 тысячи, затем до 1 января – еще 9 тысяч. Таким образом, за две последние декады декабря было собрано всего 2,2% от плана, или 1,1% в декаду, тогда как в предшествующие 10 декад выполнялось в среднем по 6,8% плана за декаду³⁴. Наивысшие показатели сбора теплых вещей, около 400 тысяч теплых вещей из 554 тысяч собранных всего в 1941 г., приходится

на октябрь и ноябрь, на период наиболее тяжелых и решающих боев под Москвой, от которых зависела судьба Родины. Это, несомненно, является подтверждением патриотического настроения большинства населения Татарии. Снижение же числа собранных вещей в декабре можно объяснить, с одной стороны, переходом Красной Армии в контрнаступление, что свидетельствовало о некотором переломе в войне в пользу СССР и, в свою очередь, ослабило интерес к сбору теплых вещей и у населения, и у властей. С другой стороны, объяснить можно и тем, что собрали уже все имевшиеся излишки, в частности на это указывали некоторые секретари райкомов.

В январе 1942 г. республиканские власти попытались возобновить сбор. Предпринимались значительные, но безуспешные усилия, чтобы оживить кампанию. В дальнейшем, с падением сборов, постепенно снижался интерес властей к проведению кампании, и она вскоре совсем прекратилась.

Изучение хода кампании по сбору теплых вещей в 1941 г. показывает, что это был далеко не такой однозначный процесс, каким его представляла

советская историография. Кампания сбора теплых вещей не являлась благотворительной акцией, для ее проведения были задействованы значительные властные ресурсы, вследствие чего она во многом приобрела характер чрезвычайного натурального обложения населения. Разной была и реакция населения республики на данное мероприятие властей, хотя большая часть населения отнеслась с пониманием и кампания встретила патриотический отклик. Определенные ошибки и перегибы при проведении кампании имели место на всех уровнях власти. Тем не менее следует сказать, что проведение данной кампании было в тот момент жизненно необходимо. Общеизвестно, какое огромное преимущество получили советские войска во время боев под Москвой благодаря отличной зимней экипировке. Население Татарской республики, давшее более полумиллиона теплых вещей и тем самым обеспечившее одеждой и обувью фактически целую армию, внесло огромный вклад в разгром немецких войск под Москвой в 1941 г. и в победу советского народа в войне в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – С. 251–255.

² «ЦК ВКП(б) обращает внимание обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, что вся работа по проведению сбора теплых вещей для Красной Армии должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело». См: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 83–83 об.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 202. Л. 156–157 об.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 1–2.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 298. Л. 104–105.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 200а. Л. 70–72.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125–126.

⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 82об.

¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 86.

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125–126.

¹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 84.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 86.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 25–26.

¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 82об., 86–86 об.

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328, Л. 77–77 об.

- ¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 41, 53.
¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 7–8 об.
¹⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 29–30.
²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 130–131.
²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 10–13.
²² В фондах обкома партии сохранились датированные серединой октября 1941 г. списки руководящих работников заводов №124, №27, №387 и треста №14 с указанием, кто, что и в каком количестве из теплых вещей сдал на 09.10.1942 г. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 79–82.
²³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 210. Л. 29–32, 97–97 об., 102–103.
²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 7–7об.
²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 129–130; Д. 131. Л. 104.
²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 39–40.
²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 59–60.
²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 75. Д. 210. ЛЛ. 29–32.
²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 84–85.
³⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 462. Л. 62.
³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 444. Л. 15–15 об., 17, 18–19.
³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 444. Л. 6–7.
³³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 131. Л. 203.
³⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 329.

Аннотация

В статье представлена картина проведения в Татарской республике в 1941 г. кампании по сбору теплых вещей. Кампания по сбору теплых вещей являлась одним из важнейших государственных мероприятий того времени и сыграла значительную роль в победе Советской армии под Москвой зимой 1941 г. Кампания проводилась партийно-советскими органами Татарии с использованием всего арсенала властных ресурсов. В то же время в отечественной историографии сложилась традиция представлять данное мероприятие как исключительно добровольную помощь народа. Автор попытался раскрыть в статье ход, характер, методы и механизмы проведения данной кампании.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, кампания по сбору теплых вещей.

Summary

The picture of carrying out the campaign for gathering warm things in Tatarstan in 1941 is represented in the article. The campaign for gathering warm things was one of the major state actions of that time and played a considerable role in the victory of the Soviet army near Moscow in the winter of 1941. The campaign was carried out by the party and soviet authorities of Tatarstan with the use of all the arsenal of imperious resources. At the same time there was a tradition to represent the given action as exclusively voluntary help of the people in the native history. The author tried to show in this article the course, character, methods and mechanisms of carrying out the given campaign.

УДК 94(470.41)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАРОДА В 1920-1930-е гг.

А.М. Валиев, кандидат исторических наук

Совсем недавно республика отметила примечательную дату в своей истории – 90-летнюю годовщину образования ТАССР. Конечно, в свете тех существенных ограничений, в рамки которых была поставлена автономия к концу советского периода истории, указанная дата в последние два десятилетия, со времени принятия Декларации о государственном суверенитете, утратила определенную часть значимости и важности. И тем не менее хотелось бы обозначить многие как положительные, так и негативные моменты, которые дали татарскому народу первые два десятилетия существования автономной республики.

Становлению автономии способствовал ряд предпосылок. Падение Российской империи, распад ее на ряд самостоятельных государств создали благоприятные условия для движения татар за возрождение некогда попорченной государственности. Кроме того, необходимо учитывать наличие у них опыта создания могущественных государств в прежний период своей истории (имеются в виду Волжская Булгария и Казанское ханство), а также экономически и политически активной буржуазии, высокообразованной интеллигенции и мусульманского духовенства в качестве консолидирующих компонентов нации.

Конечно, следует признать, что государственность татарского народа в итоге оказалась существенно урезанной в управленческом и территориальном плане. Причем территориаль-

ные рамки автономии по мере успехов большевиков в Гражданской войне имели тенденцию к заметному уменьшению. Например, по первоначальному проекту штата «Идель-Урал», борьбу за осуществление которого вели лидеры Национального Собрания (Миллэт Меджлис) тюрко-татарского населения Внутренней России и Сибири, предполагалось возрождение государственности татарского народа на почти 220 тыс. кв. км территории. Национальное Собрание начало работать 20 ноября 1917 г. в г. Уфе, т.е. вскоре после Октябрьской революции, и действовало до 11 февраля 1918 г. Однако с самого начала указанный форум занял ярко выраженную антисоветскую позицию, что предопределило его печальную судьбу. Проект Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока предлагал становление национальной государственности на территории примерно 130 тыс. кв. км. В конечном итоге оба варианта были отвергнуты большевистским руководством. Видимо, оно опасалось создания в самом центре вновь образованного РСФСР большого мусульманского государственного образования, имевшего выход к мусульманским республикам Центральной Азии. Поэтому татары и башкиры получили отдельные автономные образования и лишились прямого выхода к Туркестану, который был закрыт для них Оренбургской областью. Территория же Татарской республики составила лишь 68 тыс. кв. км и охватила менее 1,5 млн. татар-

кого населения из общего количества 4,2 млн. проживавших в России, т.е. немногим более 1/3. В управленческом плане ряд таких важнейших сфер, как внешнеполитическая деятельность и внешняя торговля, целиком оказался в компетенции центральных органов РСФСР. В аналогичном положении оказались Народные комиссариаты продовольствия, финансов, Совета народного хозяйства, Отделы труда и путей сообщения, Рабоче-крестьянская инспекция, Управление почт и телеграфов, оставшиеся в непосредственном подчинении соответствующих народных комиссариатов РСФСР с обязательством исполнения распоряжений и инструкций последних. Комиссариаты просвещения, юстиции, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия и внутренних дел были автономны в своих действиях, но ответственны непосредственно перед Всероссийским ЦИК¹.

Тем не менее создание ТАССР в истории татарского народа нельзя недооценивать. Государственность татар была локализована на одной, пусть и достаточно небольшой, территории. В начальный период существования автономии в рамках данной территории татарский народ получил возможности для всестороннего развития своего языка, культуры, религии. Образование ТАССР в политическом, экономическом и культурном плане увенчало эпоху «Первого Татарского Ренессанса». Возможны разные мнения по поводу временных рамок этого Возрождения. Есть ряд оснований полагать, что начало его следует отнести ко времени Первой Российской революции, когда татарский народ, до той поры подвергавшийся национальному, религиозному и социальному гнету, получил возможности для развития своей культуры, формирования своей полноценной политической и экономической элиты².

Само существование автономии началось в очень сложный для татар момент. Дело даже не столько в том, что

хозяйство ТАССР сильно пострадало от многих лет военных реквизиций и боевых действий на ее территории. И, конечно же, сыграли свою резко отрицательную роль химерические планы большевиков по стремительному искоренению товарно-денежных отношений. Однако в плане отстаивания национальных интересов первое правительство ТАССР, которое возглавил С.Саид-Галеев, не предпринимало действенных мер, целиком и полностью подчиняясь указаниям большевистского руководства. В результате продовольственные ресурсы молодой республики беспощадно выколачивались для снабжения промышленных центров страны³. Последовал ужасающий голод 1920–1921 гг., приведший к управлению автономией новую команду истинных патриотов своего народа и республики. Во главе правительства Татарстана становится Кашшаф Мухтаров. Видное место в его правительстве занимали Гасим Мансуров, Юнус Валидов, Микдат Брундуков, Ариф Енбаев. Их взгляды разделял Председатель ТатЦИКа Рауф Сабилов⁴.

Наиболее серьезно от голода пострадала татарская часть населения, менее развитая в экономическом отношении. Основной причиной столь тяжких последствий являлась экономическая отсталость, по сравнению с русским, татарского крестьянства. В 1920-е гг. основная масса татарского населения продолжала проживать в сельской местности. В экономическом плане татарское крестьянство по ряду важнейших показателей (обеспеченность посевами, землей, скотом, уровень товарности хозяйства и т.д.) существенно отставало от других национальных групп крестьянства, в частности, русского⁵.

Поэтому на протяжении 1920-х гг. руководство республики предпринимало энергичные меры для поднятия экономического уровня, а также развития языка и культуры татарского народа. В конце 1922 г. ТатЦИК утвердил

инструкцию «О реализации татарского языка». Происходило последовательное внедрение татарского языка в делопроизводство. Ежегодно на протяжении 1921–1927 гг. более усиленным темпом росло количество татарских судебных участков, судей, следователей и заседателей из числа татар. На протяжении 1920-х гг. медленно, но верно шел процесс коренизации аппарата советских и иных учреждений, т.е. увеличения в них доли татарских работников⁶.

В экономической сфере после издания Земельного кодекса интенсивными темпами велось землеустройство⁷. Переселение на земли государственного земельного фонда велось, главным образом, для татар и представителей национальных меньшинств, так как они в меньшей степени, чем русские, были обеспечены землей⁸. В широких масштабах была организована агрономическая помощь крестьянству, прежде всего татарскому. Из 197 показательных огородов, заложенных в 1923–1926 гг., 140 приходилось на татарские селения⁹. Из года в год быстрее рос процент участия татар и в основном в виде кооперации в деревне – сельскохозяйственной кооперации. Еще более высокий процент роста татары имели по кустарно-промысловой кооперации¹⁰. В 1920-е гг. увеличился приток в Казань татарского населения. Если в 1920 г. татары составляли всего 21,9% жителей города, то в 1926 г. – уже 25,7% (44 тыс. человек).

Впечатляющие результаты были достигнуты в сфере образования. К 1928 г. увеличилась численность не только татарских школ и учащихся в них. Татарское население имело больше школ, чем русское. Татарские школьники в школах I ступени составляли в 1927/28 учебном году 54,3% от общего числа учащихся, тогда как по переписи 1926 г. доля татар среди населения республики составляла 48,8%. Вследствие принимаемых мер процент татар в вузах вырос почти в 2 раза – с 5,1 до 9,9%¹¹.

Из года в год росло число татарских детских садов и других дошкольных учреждений, увеличившись за 1925–1928 гг. более чем в 2 раза. Вместе с тем количество татарских детей в указанных учреждениях росло гораздо медленнее, так как сами учреждения сосредоточивались, главным образом, в городах и рабочих центрах, где преобладало русское население. Сеть лечебных учреждений в татарских деревнях росла быстрее, и ее охват достиг в 1927 г. по сельским больницам 34,5% от общего числа поселений, амбулаториям – 46,1%, пунктам – 56,4%¹².

Значительные успехи были достигнуты в сфере культуры. Сезон 1925/26 г. стал юбилейным в развитии татарского театра, главным режиссером которого являлся К. Тинчурин. В составе театра в этот период блистали такие замечательные актеры, как М. Мутин, З. Султанов, Б. Тарханов, Ш. Шамиль, С. Айдаров, Х. Уразиков, Г. Болгарская, Ф. Ильская, А. Арапова. Под руководством композитора Салиха Сайдашева был организован оркестр из семнадцати музыкантов. В эти годы были поставлены такие интересные спектакли, как «Без ветрил», «Голубая шаль», «Американец», «Маленький брат» К.Тинчурина, «Переселение» Н. Исанбета, «Старик Камали», «Заблудшая девушка», «Безземельные», «Хусаин Мирза» Ф. Бурнаша, «Галиябану» М. Файзи, «Фатхуллал хазрат» Ф. Амирхана. Крупным успехом музыкального искусства явилась первая татарская опера «Сания», поставленная на сцене Татарского государственного академического театра к годовщине 5-летия ТАССР. На 1920–1930 гг. приходится время формирования музыкального стиля татарской массовой и лирической песни в творчестве С. Сайдашева, М. Музафарова, Дж. Файзи, З. Хабибуллина, Ф.Яруллина, А. Ключарева. Наиболее заметным среди молодых литераторов этого периода был поэт, прозаик и драматург Хади Такташ (1901–1931)¹³.

Таким образом, правительство Кашшафа Мухтарова стало первым в советской истории правительством, деятельность которого была направлена на улучшение социально-экономического и культурного положения татарского населения, а также повышения статуса татарского языка путем внедрения его в делопроизводство.

Однако ситуация резко изменилась после поражения лидера татарских коммунистов – М. Султан-Галиева – в противостоянии со Сталиным. Султан-Галиев отстаивал право автономных республик РСФСР на равноправное участие в создаваемом СССР. Поддерживавшие его руководители Татарстана (К. Мухтаров, Б. Мансуров, Г. Енбаев) в 1924 г. были сняты со своих постов и переведены на работу в Москву на незначительные должности. Во второй половине 1920-х гг., как мы видели, эта политика по инерции еще имела свое продолжение. Однако крутой перелом в судьбах татарского народа наметился окончательно и бесповоротно. В 1927 г. татарский алфавит путем «сверху» был переведен с арабской графики на «латиницу», что привело к потере огромного пласта многовекового мусульманского культурного наследия.

Дальнейшая история татарского народа связана с эпохой коллективизации и индустриализации. В период сплошной коллективизации в результате так называемых перегибов огромное количество крестьянских хозяйств было лишено земельных наделов, имущества, инвентаря и скота. Массовые репрессии и высылка применялись не только по отношению к крестьянам, но и к местным партийным работникам, которые, по мнению Москвы, не проявляли необходимой твердости и рвения в конфискации хлеба. Тем не менее, несмотря на классовую направленность новой политики государства, в татарских районах продолжала сохраняться определенная корпоративная взаимная поддержка. Так, например, председатель одного из колхозов

республики Зарипова, председатель сельсовета М. Юсупова и бригадир Ш. Зайнуллин были отданы под суд только за то, что роздали колхозный хлеб голодающим колхозникам.

В годы проведения коллективизации в районах республики огромную власть, даже большую, чем руководители хозяйств, приобрели представители политических (карательных) органов. Это создало почву для многочисленных злоупотреблений с их стороны в отношении крестьянского населения вообще, и руководителей хозяйств в частности. Сплошь и рядом имели место факты издевательства ответственных партийных, советских и иных работников над колхозниками. Закономерным ответом на творившиеся в деревне в этот период беззакония стало широко развернувшееся антиколхозное движение. В татарских деревнях зажиточные крестьяне и духовенство использовали в своей борьбе религиозные чувства колхозников. Активную антиколхозную работу проводило Мусульманское Духовное Управление, находившееся в г. Уфе. В целом ряде селений представители Управления своей работой добивались ослабления работы по хлебозаготовкам, засыпке семян, мобилизации денежных ресурсов.

Отношения власти и религии после прихода к власти большевиков никогда не были безоблачными. Хотя, например, в 1920-е гг. руководство Татарстана, видимо, пыталось использовать часть духовенства при проведении тех или иных государственных мероприятий. Так, Султан-Галиевым была выпущена брошюра «О методах антирелигиозной работы среди мусульман». В ней он разделяет татарских мулл на две категории. Одних он называет «черными», других «красными». «Красные» муллы являлись, по Султан-Галиеву, сторонниками революции. Поэтому, полагал он, в условиях Советской власти и диктатуры пролетариата их не только не следует отталкивать, но, наоборот, необходимо

всячески использовать¹⁴. Указанная теория «красных» и «черных» мулл тоже была развита Г.Г.Мансуровым¹⁵.

Ислам в качестве идеологической основы татарского общества продолжал сохранять прочные позиции вплоть до начала широкомасштабной антирелигиозной кампании, организованной советским государством в конце 1920-х – 1930-х гг. Этому отчасти способствовало очень тяжелое положение в сфере народного образования, которое складывалось в 1920–1930-е гг. в сельской местности Татарской республики, где основную массу населения составляли татары. Остроту ситуации характеризуют следующие слова, опубликованные в периодической печати того времени: «...никак нельзя отрицать того факта, что 70% деревенских учителей не имеют педагогической подготовки, что их образовательный ценз не превышает уровня знаний той же начальной школы, где они преподают, что занятия с детьми происходят не в школьных зданиях, а в грязных деревенских хатах, без парт, без столов, просто на полу, без всяких учебных пособий и принадлежностей, и что на почве нищенского существования советской школы быстрейшим темпом нарастают религиозные школы с их неизбежным антисоветским влиянием. И если при таком состоянии местный бюджет может выделить на хозяйственное обслуживание и оборудование школы не свыше трех рублей в учебный месяц на комплект, то вряд ли найдется оптимист, который рискнет утверждать, что при таком положении аппарата просвещения возможно рассчитывать на быстрое повышение культурного уровня населения ТР и особенно татарской его части»¹⁶.

Приведенная выше выдержка наглядно демонстрирует как слабость советской школы с ее светской направленностью, так и сохранение прежних прочных позиций религиозного образования среди татар.

Более того, соблюдение религиозных правил и норм имело широкое

распространение в татарской деревне на протяжении первой половины 1930-х гг. В 1933–1934 гг. отмечались массовые случаи соблюдения «Уразы» в колхозах и школах Татарстана¹⁷. Зимой 1934 г. в деревне Кукеево Рыбно-Слободского района республики 99% колхозниц, 75% колхозников и до 90% детей школьного возраста соблюдали мусульманский пост – «Уразу». В указанной деревне продолжали полноценно работать две мечети. Аналогичное положение наблюдалось в деревнях Айдарове, Юлсудине, Ямашеве этого же района, где «Уразу» соблюдали 99% колхозниц, 75% мужчин и до 95% школьников. Такие же факты отмечались в Красноборском, Пестречинском, Агрызском, Мамадышском, Октябрьском, Алексеевском и ряде других районов Татарстана. В деревне В. Старли Азнакаевского района в дни «Уразы-Байрама» 20% школьников не явились на учебу¹⁸. В Башкирии объезд духовенством ряда районов привел к организации кустовых молений и развалу ряда ячеек Союза воинствующих безбожников (СВБ). Например, в Абзелиловском районе Башкирии в ряде сельсоветов многие колхозницы, особенно женщины, после посещения муфтия шли в правление колхоза и отказывались от членства в СВБ. Влияние религиозных традиций проявилось в невыходе на работу в дни «Уразы-Байрама» в М.-Манаузовском сельсовете.

В ответ на антиколхозную деятельность государство с каждым годом наращивало масштабы антирелигиозной работы. С началом коллективизации в самом конце 1920-х гг. на мусульманское духовенство обрушилась первая полномасштабная волна репрессий¹⁹. С 1917 по 1934 г. в Татарстане в общей сложности было закрыто более 600 мечетей²⁰. В Башкирии в период антирелигиозной кампании 1933 г. были организованы десятки «безбожных» субботников, 378 безбожных ударных бригад. Всеми видами массовой антирелигиозной работы в период кампа-

нии было охвачено 100 тысяч человек, выпущено 210 антирелигиозных стенгазет, организован антирелигиозный радио-семинар. В Татарстане в период проведения кампании против «Уразы» в 1933–1934 гг. в одном только Челнинском районе было организовано 20 «безбожных» бригад из колхозниц и колхозников. В Муслумовском районе во время весеннего сева было организовано 30 ударных «безбожных» бригад.

Тем не менее в резолюции Совещания по антирелигиозной работе среди национальностей Урала и Поволжья, состоявшегося в г. Казани 28–29 марта 1934 г., отмечалось отсутствие в большинстве районов оформленных руководящих организаций Союза воинствующих безбожников (СВБ). В Башкирии из 45 районов на 1 февраля 1934 г. имелось только 13 райсоветов СВБ. Такое же положение наблюдалось и в Татарстане, где райсоветы и оргбюро СВБ работали только в 13 районах. В результате отсутствия руководящих районных организаций СВБ слабо работали и низовые ячейки. Особенно слабо разворачивалась антирелигиозная учеба на родных языках. В Башкирии, по сведениям на 5 февраля 1934 г., из 641 антирелигиозного кружка национальных кружков насчитывалось лишь 290. Из 11411 слушателей только 2592 человека являлись, как было принято писать в документах того времени, «националами»²¹.

В тяжелейших условиях, в которых пришлось вести свою деятельность мусульманскому духовенству в 1930-е гг., оно стало приспособляться к новым реалиям. Так, в 1934 г. в Актанышском районе муллы «агитировали» за Советскую власть в мечети: «Законы Советской власти не противоречат учению Корана, крепите колхозы, выполняйте все виды государственных обязательств, но в то же время не бросайте религию»²². Тем не менее в конечном итоге к началу войны религиозные организации на территории Татарстана были практически ликвидированы.

Оказалась прервана связь мусульманских приходов с Центральным духовным управлением. Его структуры на территории республики прекратили существование²³.

Наряду с ликвидацией религиозных институтов и утратой ими своего потенциала и рычагов морально-нравственного влияния, параллельно шел процесс стремительного разложения фундаментальных основ духовной жизни татарского народа. Широкие масштабы стало приобретать употребление спиртных напитков, рукоприкладство в отношении односельчан со стороны руководства колхозов и совхозов, злоупотребление ими своим служебным положением. В 1935 г. были проведены ревизии в 4700 сельских советах республики. В результате был обнаружен 791 случай растрат и хищений²⁴. Причины этих пагубных явлений коренились в недостатках кадровой политики эпохи насильственной коллективизации советской деревни. При подборе кадров во главу угла ставился классовый подход. На руководящие должности в колхозах назначались, как правило, представители беднейших слоев крестьянства, не имевшие какого-либо опыта подобной работы. Специального образования они также не имели, предварительно заканчивая лишь краткосрочные (одно- или двухмесячные) курсы председателей колхозов. Зачастую данные руководители не могли должным образом организовать работу в колхозе и нередко использовали свое должностное положение для сведения счетов с критиковавшими их деятельность односельчанами. Отношение же к представителям зажиточных слоев, имевшим существенные навыки в управлении сельским хозяйством, смекалку, хозяйственную жилку, было прямо противоположным. При наличии более-менее значительных земельных наделов, родителей из числа мулл или «кулаков», таких крестьян лишали избирательных прав, высылали за пределы Татарстана. Коренным образом изменилось отношение к работе

и со стороны самих крестьян, ставших колхозниками. Обычными явлениями стали их невыход на работу, саботаж различных мероприятий государства в сельскохозяйственной сфере.

К концу 1920-х гг. во внутренней политике ТАССР почти окончательно исчезает в связи с начавшейся коллективизацией национальная направленность. В 1930-х гг. татарский язык в административных и судебных учреждениях применялся уже редко. Изучение татарского языка служащими в учреждениях прекратилось. Рост количества татар в учреждениях стабилизировался²⁵. 1930-е гг. стали для татарского народа периодом серьезных испытаний. В 1939 г. татарский алфавит был вновь преобразован, на этот раз из «латиницы» в «кириллицу». Это открыло дорогу для дальнейшей ускоренной ассимиляции татарского народа.

В 1930-е гг. происходила ломка прежних устоев жизни татарского общества, связанная, среди прочего, и с ростом участия женщин в производстве, как сельскохозяйственном, так и промышленном. В годы первых пятилеток наблюдался неуклонный систематический рост женского труда в промышленности. В крупной промышленности ТАССР процент женщин к общему числу рабочих и служащих к 1939 г. превысил 50%. Аналогичное положение складывалось и в сельском хозяйстве республики. В колхозах и совхозах женщины так же, как и в городе, успешно овладевали сложными профессиями. Сотни колхозниц – бригадиров, трактористок, комбайнеров – участвовали в социалистическом соревновании за высокую урожайность. В колхозном производстве в ТАССР было занято к 1938 г. 425620 женщин, что составляло 52,2% от числа колхозников старше 16 лет, принимавших участие в работе колхозов. Из года в год увеличивалась подготовка кадров высшей и средней квалификации из женщин. К середине 1930-х гг. в Татарстане работали 743 женщины-врача, из

них татарок – 228; женского медицинского персонала – 2337 человек, в том числе татарок – 576.

1930-е гг. можно охарактеризовать также как эпоху широкомасштабных репрессий против политической элиты и интеллигенции Татарстана. Одной из жертв набравшей обороты сталинской системы террора стал М.Х. Султан-Галиев, член партии большевиков с июля 1917 г., активный участник Гражданской войны, член коллегии Наркомнаца и ряда других правительственных учреждений. «Дело Султан-Галиева» стало поводом для проведения репрессий среди различных слоев общества в Татарстане. 26 июня 1937 г. в Москве был арестован Х.З. Габидуллин, председатель СНК (правительства) ТАССР в 1924–1927 гг. Он был расстрелян 27 сентября 1937 г. В числе репрессированных оказались секретари Татарского обкома партии М.Разумов, А.К. Лепа, Г.М. Мухаметзянов, председатели СНК республики К.А. Абрамов и А.М. Новоселов.

Подверглись необоснованным репрессиям и выдающиеся представители национальной интеллигенции. 15 февраля 1938 г. были расстреляны Х.Атласов, Р.Яруллин, К.Туйкин, Б.Фаттахов, Ф.Туйкин, Г.Алтынбаев, К.Исхаков, С.Уразманов, З.Фаттахов. Были репрессированы несколько десятков представителей татарской интеллигенции²⁶. Среди них следует назвать, прежде всего, Галимджана Ибрагимова – известного татарского писателя и общественного деятеля, являвшегося в 1920-е гг. одним из руководителей, способствовавших развитию татарской культуры, автора учебников для татарских школ, возглавлявшего Академический центр Народного комиссариата просвещения республики. Он был арестован 25 августа 1937 г. Только смерть спасла его от трагической участи других виднейших представителей татарской интеллигенции – Г.Нигмати, Ш. Усманова, Х. Туфана, Г. Тулумбайского, Г. Гали и других²⁷. В результате этих широкомасштабных репрессий

татарской культуре был нанесен огромный, невосполнимый урон.

Негативные изменения в общественно-политической и экономической сфере были завершены переменами в политической жизни страны. Сложившаяся в 1930-е гг. XX в., в период культа личности Сталина, чрезмерная централизация управления страной свела на нет многие прерогативы автономных республик. Конституция ТАССР, принятая в 1937 г., уже не предусматривала значительной части полномочий, которыми располагала республика ранее.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. татары и Татарстан прошли очень сложный, неоднозначный и противоречивый путь в своем развитии. В первые годы существования автономии ее правительством был предпринят целый комплекс мер, направленных на улучшение социально-экономического положения татарского населения, развитие его языка и культуры. Однако уже к концу 1920-х гг. национальная направленность отходит на второй план в деятельности руководства ТАССР, для которого приоритетным

становится достижение целей коллективизации и индустриализации. Поэтому произошедшие в 1920-е гг. благотворные изменения в сфере применения татарского языка были фактически аннулированы уже к концу 1930-х гг. Среди негативных моментов периода коллективизации и первых сталинских пятилеток следует, применительно к татарскому народу, назвать также следующие. Во-первых, широкомасштабные репрессии против наиболее образованных и влиятельных слоев татарского общества – политической элиты, интеллигенции, мусульманского духовенства, зажиточного крестьянства. Во-вторых, двукратную смену алфавита, приведшую к потере огромного пласта многовекового мусульманского культурного наследия и открывшую дорогу для дальнейшей ускоренной ассимиляции татарского народа. И, наконец, в-третьих, стремительное разложение фундаментальных основ духовной жизни татарского народа, которое происходило в результате ликвидации религиозных институтов и утраты ими своего потенциала и рычагов морально-нравственного влияния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гарипова З.Г.* Возрождение государственности // в кн. Татарстан: вехи истории. 1920–2010. – Казань: Институт истории Академии наук РТ, 2010. – С. 7.

² *Амирханов Р.У.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века: исторические зарисовки. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – С. 36–45, 48–63, 92–108.

³ *Шайдуллин Р.В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920 – 1928 гг. Казань: Фэн, 2000. – С. 7–22.

⁴ *Султанбеков Б.* Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). Татарские края. – 1996. – № 2. – С. 90.

⁵ *Шайдуллин Р.В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920 – 1928 гг. Казань: Фэн, 2000. – С. 160–172.

⁶ Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партработы ОК ВКП (б), 1928. – С. 31–33.

⁷ Материалы к десятилетию Октября в Татарской Республике. – Казань: Издание ОКП Агитпроп. – 1927. – С. 18–19.

⁸ Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партработы ОК ВКП (б), 1928. – С. 12.

⁹ Там же. – С. 16.

¹⁰ Там же. – С. 25.

¹¹ Там же. – С. 26.

¹² Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партруботы ОК ВКП (б). – 1928. – С. 26,28.

¹³ *Гарипова З.Г.* Культура и наука ТАССР в 1920–1930-е гг. // в кн. Татарстан: вехи истории. 1920 – 2010. – Казань: Институт истории Академии наук РТ, 2010. – С.15–18.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15.О.3. Д.69.ЛЛ. 36–37.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Основные моменты плана восстановления хозяйства Татарской Республики // Труд и хозяйство. – 1926. – № 6–8. – С. 6.

¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф-15.О.3.Д.409. Л.3.

¹⁸ Там же. Д.410. Л. 11.

¹⁹ *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – С. 108.

²⁰ Там же. – С. 33.

²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф-15.О.3.Д.409. ЛЛ. 2,3,5.

²² Там же. Д.410. Л. 7.

²³ *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ. – С.33.

²⁴ *Магдеев К.* Сельские бюджеты // Социалистический Татарстан. – 1936. – № 1. – С. 33.

²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.15.О.3.Д.216.Л. 49.

²⁶ *Литвин А.Л.* Запрет на жизнь. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – С. 16–17.

²⁷ Там же. – С. 60.

Аннотация

В данной статье автор предпринимает попытку осмыслить позитивные и негативные последствия для татарского народа в результате образования и первых двух десятилетий существования ТАССР. Им отмечается, что в первые годы существования автономии правительство предприняло целый комплекс мер, направленных на улучшение социально-экономического положения татарского населения, развитие его языка и культуры. Однако произошедшие в 1920-е гг. благотворные изменения в сфере применения татарского языка были фактически аннулированы уже к концу 1930-х гг.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, РСФСР, Миллэт Меджлис, С. Саид-Галеев, голод, татарское крестьянство, К. Мухтаров, М. Султан-Галиев, К. Тинчурин, театр, культура, Сталин, коллективизация, индустриализация, репрессии, злоупотребления, ислам, мусульманское духовенство, антиколхозное движение, антирелигиозная работа, «Ураза-Байрам», политическая элита, интеллигенция, Конституция.

Summary

In given article the author makes an attempt to comprehend positive and negative consequences for the Tatar people as a result of formation and first two decades of the existence of the TASSR. The author notices that during the first years of the existence of the autonomy its government undertook the whole series of measures, directed to the improvement of the economic and social situation of the Tatar population, development of its language and culture. However, the salutary changes of the twenties in sphere of application of the Tatar language had already been cancelled by the end of 1930.

УДК 94(470.41)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ОБРАЗОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Р.Г. Валиев, кандидат политических наук, доцент

Возникновение Татарской АССР, олицетворявшей собой системообразующий компонент федеративного устройства России, явилось судьбоносным процессом, предопределившим специфику отечественного государственного устройства. Тем не менее еще не уделено должного внимания политико-правовому аспекту природы республики, сыгравшей ключевую роль как в процессе федерализации Российской империи, так и развитии системы федеративных отношений современного Российского государства. А между тем решение проблемы оптимизации современного федеративного устройства России, равно как и конституционно-правового статуса российских национальных республик, находится в одной плоскости с проблемой осмысления их природы как государствообразующих субъектов Российской Федерации.

Целесообразность обращения к основополагающим началам процесса образования национальных республик в составе России представляется актуальной и значимой для осмысления и решения многих проблем развития отечественной федеративной системы, прежде всего, для толерантного восприятия такой ее особенности, которая связана с национально-территориальным принципом устройства Российской Федерации. Без воспроизведения исторических процессов регионального уровня, разворачивающихся во времени истоки и специфические

закономерности становления и федерализации Российского государства, без учета своеобразия составляющих Российскую Федерацию территориальных компонентов, имеющих значение судьбоносных факторов становления федеративного устройства, вряд ли возможно объективно отразить не только сущность российских республик, но и понять логику российской федеративной системы в целом. Политико-правовой аспект в изучении природы Татарской АССР дает возможность выверять теоретические и практические проблемы современного государственного устройства России на конкретном региональном историко-политическом опыте. Это способствует более глубокому и всестороннему усвоению особенностей природы и сущности национальной республики, а также решению проблемы ее идентификации и оптимизации.

Как хорошо известно, «Декларация прав народов России», принятая 2 ноября 1917 г., явилась в качестве первого официального акта Советской власти, закрепившего принципы равенства и суверенности, а также свободного самоопределения народов России. Ранее право наций на свободное самоопределение, как неотъемлемое право народов России, было провозглашено первым и вторым (в июне и октябре 1917 г.) Всероссийскими съездами Советов рабочих и солдатских депутатов, взявших на себя функции полномочных органов власти. Этот историчес-

кий факт вызывает интерес во многих отношениях, особенно в контексте исследования юридической природы Татарской АССР. На наш взгляд, официальное провозглашение корреспондирующих друг другу принципов права на свободное самоопределение и суверенности российских народов может рассматриваться в качестве юридической основы для разработки принятого 27 мая 1920 года Декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике». Тем более что ныне действующая Конституция Российской Федерации, в духе преемственной связи с Декларацией прав народов России, воспроизвела общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов.

Среди первых актов Советской власти, относящихся к нормативно-правовому комплексу, регламентировавшему процесс образования Татарской АССР, есть и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», уточнившая провозглашенный предыдущей декларацией принцип права на самоопределение в том, что правом на самоопределение пользуются не просто народы, а народы-нации. Важное место в политической природе образуемых национальных советских республик занимал последний пункт названной декларации, согласно которому рабочие и крестьяне каждой нации имеют право принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде о том, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях¹.

Таким образом, политико-правовой основой процесса образования Татарской АССР явились такие важнейшие для того исторического периода акты, как Декларация прав народов России, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также Конституция РСФСР 1918 г., закрепившая

положение о том, что Советская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик². В Декларации прав народов России Советским правительством провозглашались основополагающие начала равенства и суверенности народов России, право народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. При этом, как это следовало из заключительного положения Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, все ее положения должны были найти свое выражение в конкретных декретах.

Между тем, рассматривая Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Татарской Социалистической Советской республике», нельзя не отметить, что он неразрывно связан с национальным вопросом и движением за его разрешение в истории татарского народа. Стремясь реализовать волю на осуществление советского варианта решения национального вопроса, Советское правительство в действительности юридически оформило волю на самоопределение этноса казанских татар, в условиях царизма длительное время боровшихся против этноконфессиональной дискриминации. Другими словами, появление первых советских актов по вопросу самоопределения российских народов находится в прямой зависимости от попыток лидеров национального движения среди казанских татар в той или иной форме реализовать право на самостоятельное самоопределение народа.

Дело в том, что еще задолго до принятия данного акта в рамках национальных движений инициировались и принимались различные проекты самоопределения российских народов.

Зарождение и становление Советской власти происходило в период повсеместного движения многих народов за разрешение национального вопроса, которое не нашло поддержки у Временного правительства. Поэтому в процессе борьбы за власть в стране, немислимой без поддержки со стороны народов России, партии большевиков пришлось выразить свое позитивное отношение к национальному вопросу, что обусловило зарождение национальной политики, ставшей судьбоносной как для Советского государства, так и всего российского многонационального общества. Большевики в силу объективных причин не могли игнорировать национальный вопрос. Слишком масштабным, носившим всероссийский характер, оказалось национальное движение среди народов, длительное время испытывавших на себе тяготы режима дискриминационной политики царского самодержавия в этнокультурной сфере. В условиях, когда идея национальной свободы стала символом нарастающего движения народов за самостоятельное самоопределение, игнорирование национального вопроса было чревато потерей контроля над важнейшими регионами. Следовательно, образование отдельных автономных республик, на основе которых была провозглашена РСФСР, было осуществлено в результате движения за самоопределение народов России в условиях трудной борьбы большевиков за власть над народами национальных регионов и целостность государства. Такой вывод в полной мере относится к Татарской Автономной Советской Республике, образование которой было осуществлено на основе исторического движения татарского народа за свое самоопределение и может рассматриваться как результат его волеизъявления, официально закрепленного Советской властью.

В контексте изложенного представляются несостоятельными попытки

отдельных авторов мотивировать необходимость отмены национально-территориального принципа федеративного устройства России суждением о том, что образование национальных республик явилось не результатом народного волеизъявления, а осуществлено волевым решением «сверху», Советской властью большевиков. В действительности, закрепив вначале в «Декларации прав народов России» право на самоопределение народов, а затем в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» право наций на самоопределение, молодое Советское государство тем самым создало политико-правовую основу для перевода под свой контроль вопроса о самоопределении отдельных российских народов в допустимой для Советской власти форме. Законодательному оформлению государственного устройства Татарской АССР предшествовал длительный период острой борьбы лидеров национального движения среди казанских татар за разрешение национального вопроса, что нашло выражение в различных проектах самоопределения, самым непосредственным образом обусловивших появление названных актов Советской власти. Решающее значение для появления указанных советских актов имели принятые в рамках всероссийского мусульманского движения резолюции 1-го и 2-го Всероссийских мусульманских съездов (май, июль 1917 г.). Последние провозглашали проекты территориального и экстерриториального самоопределения мусульманских народов Российской империи. Без этих проектов появление первых актов Советской власти, посвященных вопросам самоопределения народов и наций России, вряд ли было бы возможно, поскольку партия большевиков в лице В.Ленина задолго до Октябрьской революции предлагала исключительно унитаристский план государственного обустройства советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1918. – № 15. – Ст. 215. – М.: Изд. Народного комиссариата юстиции, 1917 – 1938.

² Там же. 1918. – № 51. – Ст. 582.

Аннотация

В статье рассматривается политико-правовой аспект предпосылок образования Татарской АССР.

Ключевые слова: предпосылки образования Татарской АССР, национальное движение, федеративное устройство, право наций на самоопределение.

Summary

The article deals with the political legal aspect of preconditions of the TASSR formation.

УДК 94(470.41)

ТАТАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1940–1980-е ГОДЫ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук, доцент

В XX в. большая часть истории Татарстана, как и всей России, приходится на советский период. В этот период татарский народ после многовекового перерыва вновь обрел форму государственности: с 1920 по 1990 г. существовала Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР), преобразованная в период распада СССР в Республику Татарстан. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика отражала общие процессы социодинамики, характерные в целом для СССР. Отчасти этим объясняется то, что основные моменты истории советского периода Татарстана вписывались в общесоюзную советскую историографию как ее органическая часть.

В обстановке утверждавшегося плюрализма постепенно происходили парадигмальные изменения в методологии обществоведения. Все большей критике стал подвергаться формационный принцип периодизации истории с его однонаправленностью и экономическим детерминизмом. Переход от апологетики советского периода к его изобличительству в ранний постсоветский сопровождался путаницей, неразберихой в использовании терминов, маркирующих те или иные ретроспективные процессы. На смену обозначений направления движения: «рост», «развитие», употреблявшихся в советской историографии, пришли понятия «застой», «механизм торможения». С наступлением более взвешенного этапа профессионального осмысления

советской истории появилось много работ, ценных своей фактографией, не позволительной в советское время, но часто без типологизации рассматриваемых процессов. Такая позиция свидетельствовала об освобождении науки от политической конъюнктуры, но вместе с тем показывала и отсутствие некоего резюмирующего вектора, необходимого в научных сочинениях, отражала переходный, методологически неустойчивый характер исторических сочинений.

По мере того, как первые страсти улеглись, и эмоционально-аффективная связь с советской эпохой стала ослабевать, актуализировался спокойный, взвешенный, непредвзятый подход к ее изучению и упорядочению новых знаний с новых концептуальных позиций. Сегодня нужны новые серьезные исследования по самым различным направлениям и этапам советского периода, новые методологические подходы, преодолевающие сенсационно-революционную тональность, определенную эпатажность в восприятии советского периода.

В мировой науке уже с середины прошлого века для освещения новейшего периода в истории успешно применялась теория модернизации, позволяющая понять многофакторность и многофактурность ретроспективы конкретного региона, его место в современном мире.

В истории Советского Союза, особенно когда речь идет о II половине XX в., трудно найти примеры других

регионов, где наблюдались бы столь высокие темпы индустриализации, как в Татарской республике. Почему же Татарстан не дорожил своей «нишей» успешно развивавшегося региона в могущественном государстве и активно участвовал в «параде суверенитетов» на закате советской эпохи? Вполне очевидное объяснение «неблагодарного поведения» народа и власти республики к Советскому Союзу дает, на наш взгляд, ретроспективный анализ истории ТАССР в контексте теории модернизации общества. Понимаемая как комплекс взаимосвязанных процессов в экономике, политике, духовной сфере общества, ориентирующегося на западные ценности, модернизация позволяет представить полно ретроспективу конкретного региона, позволяя отразить ее целостность и в то же время специфичность трансформации отдельных параметров.

Как и по всему СССР, процессы модернизации в Татарской республике, регулировавшиеся решениями центра, носили идеократический характер. В послевоенный период модернизация Татарстана определялась актуализировавшейся в условиях «холодной» войны государственной стратегией, согласно которой ему отводилась роль важной тыловой базы. В 1940-е гг. в экономике республики прочное место занял военно-промышленный комплекс. Огромную роль в укреплении военного потенциала страны играл авиационный завод им. Горбунова, освоивший в 1940-е гг. выпуск стратегических бомбардировщиков ТУ-4, способных нести ядерное оружие¹. В 1953 г. завод первым в стране стал выпускать скоростные реактивные бомбардировщики ТУ-16. Многие годы они являлись основой боевой мощи советской стратегической авиации. На самолетах, выпущенных заводом, были осуществлены многие выдающиеся достижения и установлены мировые авиационные рекорды. В 1955 г. в Казани в системе авиационной промышленности было создано особое конс-

структорское бюро (ОКБ) по созданию специальной радиоизмерительной аппаратуры, необходимой для радиолокационных станций. ОКБ разрабатывало темы под кодовыми названиями «Уран», «Грунт», «Акация», «Флокс». Кроме того, завод внес большой вклад и в развитие гражданской авиации. С 1956 г. здесь было налажено серийное производство первого в мире реактивного пассажирского самолета ТУ-104. В последующие десять лет этот лайнер оставался одним из самых «дальних» самолетов Аэрофлота. В 1957 г. завод осуществил выпуск многоместных пассажирских самолетов ТУ-110 и ТУ-110А, антенных устройств для радиолокационных станций «Тюльпан» и «Дунай»².

Динамично совершенствовалось производство на моторостроительном заводе. В 1945 г. его коллектив стал работать над созданием первого в стране реактивного двигателя РД-20 с осевым компрессором, серийное производство которого стало осуществляться с 1946 г. В 1951 г. завод освоил производство более совершенного реактивного двигателя с центробежным компрессором ВК-1. В 1953 г. он стал выпускать двигатели АМ-3 для скоростных бомбардировщиков дальнего действия. В 1957 г. была создана новая модификация – двигатель РД-3М, который обеспечил большую дальность, скорость и высоту полета³.

Сложнейшие заказы военно-морского ведомства получал Зеленодольский судостроительный завод им. Горького. Здесь было создано конструкторское бюро, осуществлявшее стратегически важную проблему по созданию противолодочной обороны страны⁴. В этот период быстроходные и глубоководные подводные лодки с мощным торпедным и ракетным оружием превратились в основной класс военно-морских флотов мира.

Совершенствовалось производство на вертолетном заводе. В 1957–1958 гг. был увеличен ресурс боевого вертолета, в 1959 г. завод стал произво-

дить вертолеты пассажирского варианта. Завод № 294 освоил выпуск станции наведения Протон, радиолокационной станции ближней навигации «Свод», контрольно-проверочной аппаратуры к ней, а также телевизионного прицела ТП-1, радиолы с магнитофонной приставкой «Казань-2», «Заря»; приставки станции опознавания Хром и Хром-никель⁵.

Некоторые машиностроительные заводы, производившие продукцию на уровне международных стандартов республики, являлись уникальными в масштабе страны. Главным в СССР предприятием по производству компрессоров являлся, например, Казанский компрессорный завод. Его продукция использовалась в металлургии, химических производствах, при добыче и переработке нефти. В научно-производственном объединении «Вакууммаш» впервые в стране были разработаны и освоены в серийном производстве уникальные вакуумные агрегаты. Они позволяли отказаться от импорта аналогичного оборудования. Высокими темпами росло производство продукции военного назначения на заводах точного машиностроения, «Радиоприбор», им. Серго, заводе штепсельных разъемов (со второй половины 1970-х гг. производственные объединения «Электрон», «Вакууммаш»), Чистопольском часовом и др. На предприятиях республики впервые в стране были созданы и изготовлены многие типы компрессоров, насосов, часов, медицинских аппаратов и других изделий. Новостройки относились к таким отраслям, как резиновая промышленность, машиностроение и приборостроение.

Конечно, производство ВПК было окутано завесой секретности. О них не писали газеты, не говорили по радио, Казань являлась закрытым для иностранцев городом. Распространение режима секретности доходило до абсурда. Во времена хрущевской оттепели директор Государственного республиканского музея на заседании бюро

Татарского обкома КПСС В. Дьяконов попытался поднять этот вопрос. «Сделали мы однажды модель самоходного комбайна – продукцию одного из наших заводов. Пригласили на просмотр главлитчиков. Показывать нельзя, – сетовал он, – секретно... До сих пор мы в музее не имеем права сказать о компрессорном заводе, а по улицам бегают трамваи с вывеской «Ул. Куйбышева – Компрессорный завод, а в обллите нам говорят, что никакого компрессорного завода в Казани нет»⁶.

В отличие от военно-промышленного комплекса нефтедобывающая промышленность, разворачивавшаяся на юго-востоке республики, обрела всесоюзную славу благодаря чуть ли не ежедневному освещению в средствах массовой информации. О том, какое значение государство придавало освоению нефтяных богатств Татарстана, свидетельствует объем выделявшихся для этого средств. В 1951–1955 гг. в нефтяную промышленность было вложено более 5 млрд. руб., т.е. больше, чем во все отрасли промышленности республики в течение четырех предыдущих пятилеток⁷. Это и понятно, в аграрном регионе, где практически отсутствовали промышленные отрасли экономики, предстояло развернуть грандиозное индустриальное производство. Требовались специальное оборудование, строительные материалы, квалифицированные кадры. В большом количестве они направлялись в республику из Баку, Грозного, Дагестана, Башкирской республики.

Благодаря огромному размаху работ объемы добываемой в Татарской республике нефти увеличивались более высокими темпами по сравнению с другими регионами страны. Так, если по Советскому Союзу в первой половине 1950-х гг. она выросла чуть более чем в 2 раза, то в Татарстане – почти в 21 раз. Это позволило республике уже в середине 1950-х гг. стать в нефтедобывающей отрасли бесспорным лидером⁸. Впоследствии она из года в год наращивала добычу «черного золота»

и прочно удерживала первое место в нефтедобывающей отрасли до середины 1970-х гг.

Нефтяниками республики было внесено много нового в процесс нефтедобычи. На здешних месторождениях, например, впервые в мире было применено внутриконтурное заводнение, иными словами закачивание в нефтяные пласты воды вместо глинистых растворов. Это позволило добывать самую дешевую нефть в стране и экономить многие миллиарды рублей государственных средств. С 1952 г. нефтяники Татарстана первыми в стране полностью перешли с роторного на турбинное бурение. В результате скорости бурения, полученные в республике, превысили скорости американских буровиков в аналогичных геологических условиях. Развитие нефтяной промышленности вывело республику на передовые рубежи развития экономики: по выпуску валовой продукции ТАССР заняла к середине 1960-х гг. первое место среди автономных республик⁹.

Пика производства нефтяная отрасль, игравшая решающую роль в экспортных ресурсах страны, достигла к концу 1960-х гг. В 1970 г. Татарстан добился рекордного объема добычи нефти в 100 млн. т в год. В начале 1970-х гг. лишь пять стран мира (США, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла и Ирак) добывали нефти больше, чем Татарстан. В брежневский период экономика СССР во многом держалась благодаря «нефтедолларам».

Начиная со второй половины 1970-х гг., развитие нефтяной отрасли в республике стало замедляться. Основное внимание руководства страны тогда было обращено на новые месторождения в Западной Сибири, что свидетельствовало о неизменности ориентации руководства страны на экстенсивные методы в развитии экономики страны. На разработку нефтяных месторождений Западной Сибири направлялся основной поток инвестиций, техники. Из республики туда посылались квалифицированные кадры.

Постоянно и быстро расширявшаяся эксплуатация нефтяных месторождений на юго-востоке Татарстана не сопровождалась столь же масштабным развитием здесь нефтеперерабатывающего производства, ему отводилась роль сырьевой базы. В первое время нефть из Татарской республики поступала на заводы Башкирии, Куйбышева (ныне Самары), Саратова. Но когда объемы добычи нефти выросли в десятки раз и эти заводы перестали справляться с ее переработкой, в республике начали активно строить товарные парки, нефтепроводы. В 1959 г. началось сооружение знаменитого нефтепровода «Дружба», по которому нефть поступала в Польшу, ГДР, Чехословакию.

Создание в республике крупной нефтяной индустрии стало основой возникновения нефтехимической промышленности. В 1956 г. вступила в строй первая очередь Миннибаевского газоперерабатывающего завода, который работал на попутном нефтяном газе. Через два года началось сооружение Казанского завода органического синтеза, Нижнекамского нефтехимического комбината. Последний наряду с другими крупнейшими объединениями «Нижнекамскшина» и «КамАЗ» в Набережных Челнах составил основу Нижнекамского территориально-промышленного комплекса (ТПК). Это был единственный промышленный конгломерат, развернутый с нуля в европейской части СССР в позднесоветский период истории России. Основная ставка в экономическом развитии тогда делалась на Сибирь и Дальний Восток, где было гораздо больше территориальных возможностей для сооружения гипермощных производств. Воздвигшиеся огромные индустриальные комплексы «в чистом поле» были призваны показать всему миру, что страны социалистической системы могут позволить себе гипермасштабный размах в развитии экономики. Они отвечали сохранявшемуся в экономической стратегии советского руководства ре-

волюционаристскому стилю: начать с размахом с нуля, удивить мир масштабами, грандиозностью проекта и были вполне созвучны известному советскому рефрену: «Мы наш, мы новый мир построим».

Решение о строительстве завода по производству большегрузных автомобилей в городе Набережные Челны было принято не сразу. На государственном уровне обсуждалось несколько вариантов его географической привязки. В конечном счете, выбор пал на чисто аграрный регион, подавляющую часть населения которого составляли татары. Сюда по оргнабору приехали люди из самых различных областей и республик. Таким образом, в республике появился уже второй в послевоенный период многонациональный промышленный регион.

Так же, как в 1950-е гг., одно из центральных мест в средствах массовой информации отводилось развитию нефтяной отрасли в Татарстане, в 1970-е гг. не меньшее значение придавалось освещению хода строительства КамАЗа. При этом неизменно подчеркивались небывалые масштабы, исключительно высокие темпы строительного-монтажных работ, которые обеспечивались колоссальными государственными капиталовложениями. Коллективы тысяч предприятий страны работали под девизом «Заказы КамАЗа – досрочно!».

В проектировании и строительстве автогиганта участвовали около 25 министерств и ведомств, свыше 100 научно-исследовательских институтов, около 150 строительного-монтажных управлений. Заказы стройки выполняли 5 тысяч предприятий СССР, оборудование поставляли 867 заводов из 307 городов страны. На стройке работали люди из 96 городов и областей. Создание КамАЗа, как и всего Камского территориально-промышленного комплекса, во многом носило экспериментальный характер. По сути дела, строительные площадки представляли собой испытательный полигон для

принципиально новых решений в строительстве, всесоюзную лабораторию технологических, организационных инноваций. В 1960–1970-е гг. здесь нередко проводились всесоюзные школы передового опыта организации труда.

Концентрация огромного материального и трудового потенциала позволила уже к 1976 г. получить первую продукцию Камского автогиганта, хотя строительство его было развернуто только в 1969 г. В советское время, как известно, существовала традиция встречать съезды КПСС, проходившие один раз в 5 лет, особыми трудовыми подвигами. Знаменовать самые высокие достижения страны к XXV съезду партии (1976 г.) было суждено колонне новеньких автомобилей марки «КамАЗ», вставших в Москве на Красной площади у Спасской башни Кремля накануне самого авторитетного политического форума в СССР. В конце 1976 г. был подписан акт о приемке в эксплуатацию первой очереди Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

КамАЗ открыл новую страницу в истории машиностроения страны. До этого ее грузовой автопарк был в основном представлен машинами небольшой грузоподъемности. На КамАЗе производились большегрузные автомобили и тягачи, автопоезда большой и особо большой грузоподъемности. Массовое производство автомобилей с дизельными двигателями способствовало экономии топливно-энергетических ресурсов. За короткий срок на Каме были сооружены корпуса шести заводов, не имевших аналогов в мировой практике. В апреле 1980 г. был выпущен 150-тысячный «КАМАЗ», в 1984 г. – 500-тысячный, в 1988 г. – миллионный. С середины 1970-х гг. КамАЗ занял прочное место в автомобильной отрасли страны. К середине 1980-х гг. на автомобилях «КАМАЗ» осуществлялся основной поток автоперевозок в СССР. В стране был преодолен доселе остро ощущавшийся дефицит грузового транспорта.

Формирование Нижнекамского территориально-промышленного комплекса существенно изменило индустриальный облик республики. На долю предприятий химии и нефтехимии стало приходиться 20% промышленной продукции республики. С развитием автомобилестроения в Камском регионе в индустриальном потенциале ТАССР значительно увеличивается доля машиностроительной отрасли. К середине 1980-х гг. на нее приходилось почти 40% промышленного производства в республике.

Благодаря появлению и быстрому развитию новых отраслей промышленности в чисто аграрных регионах в 1940–1970-е гг. существенно изменилась картина размещения городского и сельского населения в республике. В 1950–1960-е гг. к традиционному Казанско-Зеленодольскому промышленному узлу добавился второй промышленный центр республики с многонациональным городским населением. Здесь появились новые города Альметьевск, Лениногорск, рабочие поселки Азнакаево, Актюбинский, Бавлы, Джалиль, Карабаш и другие. В 1960–1970-е гг. строительство КАМАЗа в Набережных Челнах, нефтехимических предприятий в Нижнекамске вовлекло в урбанизационный процесс огромную территорию бывшей сельской глубинки на северо-востоке республики.

Быстрый рост рабочих-нефтяников, рабочих-химиков, рабочих-машиностроителей среди местного населения свидетельствовал о том, что большинство местного населения охотно вовлекалось в промышленное производство. Процесс стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации превращал целые пласты сельчан в горожан. Темпы роста горожан в республике более чем в 1,5 раза превышали среднесоюзный показатель. Причем это происходило в основном благодаря высоким темпам увеличения их численности в молодых городах Камского ТПК. Так, если население Казани выросло в 1970–1989 гг. всего на 10%,

Альметьевска – на 18%, то Набережных Челнов – на 66%, Нижнекамска – на 42%¹⁰.

Однако регионы поздней урбанизации представляли собой промышленную провинцию, характеризовавшуюся скудостью и схематизмом создававшейся социальной инфраструктуры городов, развивавшейся по остаточному принципу, стремительным ухудшением экологических характеристик. Расхождение экономического потенциала края со степенью модернизованности других не менее важных сфер жизни общества отчетливо осознавалось его населением. Об этом весьма характерно свидетельствует анонимное письмо рабочих-нефтяников, направленное в 1955 г. Н.С. Хрущеву. В нем говорится: «Татария стала крупным районом нефти. Но почему с Татарией не считаются? Здесь строятся города и поселки, похожие на арестантский лагерь. Кроме бараков, ничего нет. Нет улиц, воды и электричества, все сделано, как в лагерях МВД. В школах дети занимаются в 2–3 смены, капитальных больниц нет. Нет кино, нет дворцов культуры. Если татарская нефть оказалась бы на Украине, или в Узбекистане, Грузии, то, наверное, там давно бы все было сделано. Но с татарским народом никто не считается, наоборот, похоже, что кто-то издевается»¹¹.

ТАССР значительно отставала от соседних поволжских республик и областей по дорожному, жилищному строительству. Средняя заработная плата рабочих и служащих ТАССР на 2–8% была ниже средней по СССР и РСФСР¹². Нерешенность социально-бытовых и социально-культурных проблем в молодых городах оборачивалась серьезными коллизиями. Не случайно именно в тоскливых «спальных» жилмассивах этих городов с их скучным социальным интерьером возникали общественно опасные группы маргинальной молодежи. Стихийная самоорганизация эпатазирующей молодежи в виде банд с их единственным культом – насилия – распространилась

по всей стране. Однако их особо выраженная антисоциальная активность в республике, вылившаяся в ряд широко освещавшихся в прессе преступлений, нередко и с трагическим концом, приобрела широкую известность под названием «казанский феномен».

Появление новых промышленных конгломератов во второй половине XX в. вызвало и серьезный дисбаланс в сельском хозяйстве республики. Разворачивание нефтедобывающей отрасли привело к изъятию огромного массива наиболее плодородных черноземов на юго-востоке республики. В 1960–1970-е гг. не менее плодородные земли попали под затопление в связи со строительством Куйбышевского водохранилища, созданием Камского ТПК, а также Нижнекамского водохранилища и продолжавшейся прокладкой все новых линий нефте- и газопроводов. Сужение сферы сельскохозяйственного производства актуализировало проблему интенсификации аграрного производства за счет усиления его материально-технической базы. Однако Татарская республика, в числе других регионов традиционного земледелия, не располагала достаточными средствами для преодоления отсталого состояния аграрной отрасли. Как в промышленной, так и аграрной стратегии властей предпочтение отдавалось экстенсивным методам, в соответствии с которыми государство пыталось осуществить прорыв в сельском хозяйстве через расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкортостана.

К концу пятой пятилетки (1951–1955 гг.) по многим показателям сельское хозяйство республики не превысило уровня 1940-х гг., а по некоторым даже не достигло его. Так, валовой сбор зерна в колхозах Татарстана в девять предвоенных лет составлял в среднем за год 19,2 млн. ц в год, а в послевоенные 10 лет – только 14,4 млн. ц¹³. К середине 1950-х гг. урожайность зерновых культур в республике

была ниже общесоюзного показателя. Из-за недостатка техники сроки сева различных культур растягивались до 35 дней. В крайне запущенном состоянии находилось и колхозное животноводство. В середине 1950-х гг. планы поголовья в республике не выполнялись ни по одному виду животных¹⁴.

Наиболее заметные позитивные подвижки произошли в сельском хозяйстве Татарстана, как и по СССР в целом, во второй половине 1960-х гг., когда на государственном уровне был принят комплекс мер, направленных на усиление материальной заинтересованности аграрных предприятий в результатах своей деятельности. Среднегодовое производство валовой сельскохозяйственной продукции в республике за восьмью пятилетку (1966–1970 гг.) увеличилось на 28% при плане 25%. Производительность труда в колхозах и совхозах Татарстана повысилась тогда на 44%, в то время как по СССР – на 37%¹⁵.

Во второй половине 1970-х гг. темпы обновления материально-технической базы аграрного производства республики стали отставать от общесоюзных показателей. Это было связано с тем, что в 1974 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии Нечерноземной зоны России», согласно которому на развитие вошедших в эту зону областей и республик Центральной России были выделены огромные капиталовложения. Татарская республика, несмотря на то, что половину ее земель составляли нечерноземы, даже частично не была включена в щедро субсидированную Нечерноземную зону. Это отрицательно отразилось на уровне развития сельскохозяйственной отрасли республики. Так, среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился в республике на 9%, в то время как в целом по стране на 13%. Тем не менее в целом показатели аграрного сектора экономики Татарстана были выше общесоюзных. В расчете на 100 га сельхозугодий в обществен-

ном секторе аграрного производства республики продукции производилось в 1,5 раза больше, чем по Российской Федерации¹⁶.

При этом социальное развитие села Татарской АССР отличалось более низким уровнем по сравнению со средними показателями по стране. На низком уровне находилось медицинское, бытовое обслуживание. При немалых объемах добычи в республике попутного газа вялыми темпами развивалась газификация. Отставало от соседних поволжских республик строительство дорог в сельской местности. Уровень оплаты труда колхозника и рабочего совхозов в Татарской республике также отставал от среднесоюзных показателей¹⁷.

Форсированная экстенсификация промышленного развития республики способствовала высокой миграции сельского населения. Снижение абсолютной и относительной численности сельского населения, неуклонное снижение его части, занятой в аграрном производстве, неблагоприятные подвижки в структуре наблюдались по всей стране в рассматриваемый период. Но отмеченные процессы в Татарской республике отличались большей динамичностью, что объяснялось более интенсивными по сравнению с Россией темпами урбанизации в этот период. Так, в 1970–1981 гг. сельское население в ТАССР уменьшилось на 26%, в то время как по Российской Федерации – на 17%¹⁸. Сокращение численности сельского населения происходило в значительной степени за счет русских. Одним из сдерживающих факторов миграции татар из села в город был этнический. Нерусские крестьяне, переезжая в город, попадали из однопациональной в многонациональную среду, где общение на производстве, в официальных учреждениях и т.д. строилось на русском языке.

Специфической чертой модернизации Татарстана как советской модели для всех национальных регионов России во второй половине XX в. являлась

«невключенность» этнического фактора в ее процесс, вернее, его вытеснение из этого процесса. Разительно меняющийся экономический облик республики во второй половине XX в. совпал с кризисом национальной самоидентификации татар.

Период 1920–1930-х гг., когда советской властью предпринимались попытки вовлечения татар в «новую жизнь» без покушения на их этническое самосознание и даже более того, остался в прошлом. Тогда с целью повышения удельного веса татар на промышленных предприятиях, в государственных учреждениях, учебных заведениях в них создавались специальные, так называемые коренизированные группы, которые предусматривали более благоприятные условия для социальной самореализации татар.

За годы советской власти в республике сложилась система высшего и среднего специального образования, носившая многоплановый и разносторонний характер. Всего к началу 1980-х гг. в республике насчитывалось 13 институтов, 60 средних специальных заведений. Достаточно развитой являлась и система профессионально-технического образования, включавшая в том же году 72 учебных заведения.

Бурное развитие промышленности в республике способствовало росту числа учреждений, призванных обеспечивать научно-технический прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. В 1965 г. в ТАССР насчитывался 51 НИИ. Неуклонно росла доля татар, занятых в интеллектуальных сферах труда. В середине 1970-х гг. более 35% специалистов народного хозяйства республики являлись татарами. Из научных работников республики каждый четвертый доктор наук, каждый третий кандидат наук и каждый третий аспирант были татарами, а еще в 1940-е гг. научных работников «со степенью» среди татар были единицы¹⁹.

За годы советской власти определенные условия были созданы и для

развития высокой культуры татарского народа. В 1920-е гг. стали развиваться профессиональная татарская музыка и живопись. В 1930-е гг. появились первые архитекторы из татар. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Татарстане делались попытки наладить собственное кинопроизводство. В 1928 г. на экраны вышел фильм «Булат батыр», посвященный движению татар в крестьянской войне под предводительством Пугачева. В 1930 г. на экраны вышел фильм «Десятилетие Татарстана». В 1920-е гг. создается ряд научных центров, способствовавших развитию татарской гуманитарной науки. Так, вопросами истории культуры татарского народа занималось Научное общество татароведения, созданное в мае 1923 г. В июле 1928 г. было образовано Общество изучения Татарстана, специализировавшееся на вопросах краеведения. Большую роль в научной жизни республики играл Дом татарской культуры, созданный в 1927 г. Правда, в 1930-х гг., в период массовых репрессий, упомянутые институты были закрыты. В целом в тот период татарской культуре был нанесен огромный урон. В начале 1930-х гг. были сфабрикованы дела «Крестьянский иттифак», «Янга китап», «Джидиян», «Египет», по которым были обвинены сотни представителей татарской интеллигенции. Тем не менее в 1937 г. была открыта Татарская государственная филармония, создан Государственный татарский ансамбль песни и пляски, игравший, пожалуй, главную роль в популяризации татарского искусства за рубежом в советский период. В этом же году был открыт Татарский государственный театр оперы и балета. В 1939 г. был создан Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Но, расширяя возможности татарского народа в повышении общеобразовательного, культурного, профессионального уровня, государственная система заботилась лишь о формировании исполнительской культуры с

целью «начинить» человека необходимыми для «строительства социализма» знаниями. Культуролог А. Флиер в понятии «культурогенез» вычленяет морфо-, социо-, формо- и этногенез культуры²⁰. Проецируя данную конструкцию на историю культуры в республике, можно говорить о позитивной динамике с точки зрения первых трех компонентов. Не останавливаясь на конкретных цифрах, а сославшись на солидную советскую историографию вопроса, можно уверенно утверждать, что неуклонно рос образовательный уровень населения, росла и развивалась материальная база культуры, расширялся социально-профессиональный состав причастных к культуре групп. Что же касается этногенеза, то он, начиная с 1940-х гг., имеет четкую тенденцию к затуханию под воздействием официальной борьбы с «националистическими происками».

Начало ей было положено принятым 9 августа 1944 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Это постановление на десятилетия определило для местных властей установки в области национальной политики. По нему выверялась деятельность научных и культурных учреждений столицы республики. Вслед за постановлением мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа. Речь шла, прежде всего, о «приукрашивании роли Золотой Орды и популяризации ханско-феодального эпоса об Идееге». Общая установка предписывала все прогрессивное в истории татарского народа связывать только с прогрессивной ролью русского народа и Российского государства. Те же

страницы этой истории, которые отнесли к периоду государственного могущества татарского народа и были связаны с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторами были известные историки академик Б.Д. Греков, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышев. И по отношению к ним были выдвинуты обвинения в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар»²¹.

Идеологическим проработкам подверглись издававшиеся в республике учебники по литературе. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) жесткой критике был предан учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включив в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-мистическое творчество» М. Колыя, Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандаляя, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ» джадидизм был представлен как буржуазно-националистическое течение, которое стремилось оторвать татарский народ от России. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы²².

Самым непосредственным образом общий курс на ужесточение партийного контроля над духовной жизнью

страны коснулся и художественной интеллигенции. В жесткие идеологические рамки были поставлены писатели. 27 августа 1947 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Серьезные недостатки в работе с писателями Татарии». После нее последовала вереница заседаний обкома, Казанского горкома, Бауманского райкома ВКП(б), на которых принимались решения о том, что из поля зрения «здоровой критики» не должно ускользнуть ни одно произведение²³. От деятелей культуры требовали воспевать пафос восстановления, изображать лучшие черты и качества советского человека, позитивные явления современной советской действительности. Произведения, не отвечавшие этому критерию, как бы талантливо они ни были написаны, ждала печальная участь. В конце 1940-х гг. разгромной критике подверглись либретто оперы «Алтынчеч» Н. Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин» Н. Исанбета, а также многие рассказы А. Еникеева, С. Баттала, Ф. Хусни, М. Амира, Ш. Маннура, поэма А. Ерикеева «Орленок». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров²⁴.

Либерализация политического режима в СССР в середине 1950-х гг. пробудила у татарской общественности надежду на изменение национальной политики, вплоть до изменения политического статуса республики. В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г. Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику»²⁵. В 1957 г. писатель Н. Фаттах отправил письма с аргументацией необходимости реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику первым лицам государства, включая

Н.С. Хрущева²⁶. Прежде он обращался с этим вопросом в высшие инстанции республики, в которых его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии написали письмо в «Литературную газету» под названием «О будущем татарской нации» читатели Г. Энверов и Ш. Фахрульсламов. В своем послании они отмечали: «Из-за такого второстепенного признака, как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках»²⁷. Немаловажным фактором ощущения неполноценности автономного по сравнению с союзными республиками статуса Татарстана являлся прагматический подход. Так, заместитель председателя Союза писателей Татарской АССР С. Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение «неоправданного ущемления прав местных писателей». Он отмечал: «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, гонорар оплачивается на 25% ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения – ниже на 50%»²⁸.

Однако главное направление энергии интеллигенции – это возрождение традиций своего народа, полноценное развитие его культуры. В период хрущевской оттепели, пожалуй, наибольшую активность проявляли писатели. Уже в мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает «терять свое лицо как национальное издательство», писатели пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска литературы татарских писателей²⁹. Настойчивыми были в этот период попытки со стороны писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи³⁰.

Особую тревогу в республике вызывала судьба татарского языка. В 1950–1980-е гг. сфера его применения стремительно сужалась. Ощутимо угрожаящими темпами снижался авторитет национальных школ. Многие татарские школы не были укомплектованы квалифицированными учителями. Фактически они «доживали», ютились в неблагоустроенных помещениях, в большинстве своем оставшихся с досоветских времен, да экспропрированных домах баев. В конце 1950-х гг. современные типовые здания имели лишь 10–15 татарских школ в республике³¹.

В республике был отменен государственный экзамен на аттестат зрелости по татарскому языку и литературе, ликвидированы коренизированные группы в средних специальных учебных заведениях. В 1958 г. в столице республики – Казани – работали только 2 татарские и 17 смешанных школ, 80% детей татар города обучалось в русских школах. Количество детей, обучавшихся в татарских школах, в целом по республике сократилось в несколько раз³².

Многие татары-горожане, большинство которых составляли недавние сельчане, не желали, чтобы у их детей, как в свое время у них, из-за плохого знания русского языка возникли трудности с адаптацией к городской жизни. Видя бесперспективность совершенного знания татарского языка, даже представители татарской творческой интеллигенции стали обучать своих детей в русских школах. Об этом со всей прямотой сказал секретарь обкома КПСС К.Ф. Фасеев на Пленуме 1958 г., посвященном языковой ситуации в республике. «Получается интересная картина, – отмечает он, – учителя сами работают в татарских школах, уговаривают других отдавать своих детей в татарские школы, а своих детей учат в русских школах». В подтверждение своих слов он приводит пример одной из агрызских школ, в которой из 39 учителей-татар только двое обучали

своих детей в татарской школе³³. Уже в середине 1960-х гг. наблюдался довольно высокий процент детей рабочих-татар, хорошо владеющих татарским языком, но предпочитающих учиться в русских школах. Так, по результатам анкетных опросов, проведенных на казанских предприятиях, число детей из семей рабочих-татар, обучающихся в школах на русском языке, составило почти 88%³⁴. В послевоенные десятилетия в Татарской республике стремительно проявлялась такая ситуация, что складывавшаяся веками культура народов оказалась не востребованной его частью, духовный мир которой формировался на основе русской и зарубежной культур, пропущенных к тому же через сито официальной идеологии.

В связи с этим в период хрущевской «оттепели» о ситуации с татарским языком, татарской школой в республике заговорили во всеулышание, причем уже не только общественность, но и в коридорах власти. В мае 1958 г. с одобрения ЦК КПСС состоялся пленум Татарского обкома КПСС, на котором были приняты меры по обеспечению резкого повышения качества преподавания татарского языка и литературы, укреплению материально-технической, учебно-методической базы национальных школ, улучшению состава преподавателей. Намечалась также организация по желанию абитуриентов приемных экзаменов в вузы и техникумы на татарском языке. Однако тенденция на возрождение татарской школы угасла довольно быстро. В январе 1960 г. пленум обкома КПСС без какого-либо обсуждения отменил свое решение двухлетней давности. Новый поворот в развитии национальной культуры со всей очевидностью просматривался в выступлении Ф.А. Табеева, ставшего в этом году первым секретарем Татарского обкома КПСС. «Проведение в жизнь этого ошибочного решения могло привести к национальной ограниченности, замкнутости, к снижению требователь-

ности в работе татарских школ относительно глубокого изучения русского языка», – подчеркнул он³⁵.

К началу 1960-х гг. по мере того, как все четче проявлялась ограниченность либеральных преобразований в стране, творческих деятелей республики все чаще одергивали «за нездоровые суждения об ущемлении интересов татарского народа», требовали от них демонстративных проявлений приверженности коммунистической идеологии. Так, из докладной КГБ при Совете Министров ТАССР (1960 г.) для Татарского обкома КПСС говорится: «Многие татарские писатели слабо занимаются вопросами овладения марксистско-ленинским мировоззрением, ... мало проявляют участия в общественных мероприятиях. ... Как деталь, характерно отметить, что в демонстрации трудящихся 7 ноября 1959 г. из Союза писателей участвовало всего 3 человека»³⁶. Из приведенной цитаты видно, что активность интеллигенции поощрялась, но только в рамках коммунистической идеологии и практики.

В начале 1960-х гг. была свернута работа терминологической комиссии, которая была создана во второй половине 1950-х гг. для возвращения в татарский язык арабизмов и персизмов, активно заменявшихся в советский период русизмами. Творческие работники вынуждены были работать в обстановке двоедушия, конформизма. Это не могло не ослабить функцию национальной интеллигенции как хранителя духовных ценностей своего народа, что в общенациональном масштабе трансформировалось в утрату понятий национальной гордости, чести, национального достоинства, ослабляло чувство этнической самоидентификации татар. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт. В 1975 г. 183 средние общеобразовательные школы в республике носили имя известной партизанки, погибшей в годы Великой Отечественной войны в Подмосковье Зои Космодемьянской, 76 школ – имя известного героя Великой Отечествен-

ной войны, руководителя подпольной группы в Донбассе О. Кошевого, а имя Героя Советского Союза, татарина Г. Гафиатуллина – лишь одна школа³⁷.

Радио, как наиболее доступный и популярный источник информации, постепенно утрачивало значение проводника национальной культуры. К примеру, в 1948 г. из общего объема вещания Татарского радиокomiteта на татарском языке (2 час. 25 мин.) в день 1 час 12 мин. занимало политическое вещание. Нетрудно понять, что в таком случае оставалось на культуру. В послевоенный период в быт людей стал входить телевизор. С самого начала это мощное средство массовой информации слабо использовалось для удовлетворения духовных потребностей татар. Убедительным подтверждением тому служит письмо, написанное в 1969 г. жителем одного из нефтяных городов национальной республики С.В. Рахимовым: «Мы, телезрители, не можем утвердительно сказать, – пишет он, – что татарская телестудия есть, так как не видим никакой ее работы... Мы истосковались по татарской песне, танцу, музыке...»³⁸. И действительно, в 1968 г. Казанская студия телевидения вещала в сутки 1,5 часа, из них на татарском – 43 мин., на русском – 47 мин. К 1983 г. объем вещания телевидения вырос до 3,5 часа в сутки, из них только около половины передач велось на татарском языке, другая половина осуществлялась на русском языке, помимо двух общесоюзных программ, которые весь день работали на русском языке.

В наибольшей степени процесс этнизации коснулся тех татар, которые в результате политики плановой миграции попадали за пределы ТАССР в условия, почти исключавшие возможность удовлетворения национально-культурных потребностей. Почти ежегодно из республики в результате организованных переселенческих процессов на стройки, шахты Сибири, Дальнего Востока выезжало до нескольких тысяч жителей республики.

Их естественное стремление к сохранению национальных обычаев нередко наталкивалось на непонимание местных чиновников. Конечно, нельзя игнорировать наличие в культурной жизни страны гастролей артистов республики, общение деятелей литературы и искусства с производственными коллективами. Так, заметным событием культурной жизни республики стала Декада татарской литературы и искусства в Москве, проведенная в 1957 г. Недели, дни татарской литературы не раз проводились в Чувашской, Башкирской, Марийской АССР, Казахстане. Но за парадной стороной таилось немало серьезных проблем, связанных с развитием национальных культур, удовлетворением духовных запросов. Разовые, шумно проводившиеся фестивали, декады, недели национальной культуры не решали проблемы. Не было татарских книг, газет, по радио очень редко звучала татарская музыка. В таких условиях татары часто пытались организовать свою художественную самодеятельность. Но имеется немало примеров, когда татарам не давали помещений для проведения своих культурных мероприятий. У них не было возможности обучать своих детей татарскому языку хотя бы в воскресных школах, для этого не находилось помещений, средств. Были факты и открыто высказываемого пренебрежения к национальным запросам. Как заявил чиновник от культуры города Прокопьевска Кемеровской области, «желаете слушать и исполнять национальные песни, поезжайте в Казань»³⁹. В этих условиях удовлетворение этнических интересов приобретало как бы катакомбный характер. Татары собирались в своем кругу в неформальной обстановке, чтобы попеть родные песни, пообщаться на родном языке. Но если первое поколение выехавших за пределы республики в другие регионы СССР татар сохраняло этническое самосознание, то у их детей большей частью национальные чувства атрофировались.

Однако в самой республике национальный колорит, как свидетельствует письмо жителя Алма-Аты, татарина А. Садыкова (1980 г.), был выражен неудовлетворительно. «Два года тому назад по служебным делам мне посчастливилось впервые в своей жизни побывать на родине моих предков в Татарии, ну и конечно, в Казани, – пишет он. – Какой разительный контраст с Алма-Атой! Практически вся наглядная агитация, вся реклама, все вывески, названия культурно-бытовых объектов и т.д. – только на русском языке. И если бы не приветствие на вокзале «Рахим итегез Татарстанга!» да милый говор старушек в автобусах и трамваях можно было бы не верить своему счастью⁴⁰.

В республике в 1940-х – первой половине 1980-х гг. обсуждение наиболее острых проблем судьбы татарской нации также часто носило полулегальный характер. Конечно, вопросы сохранения татарского языка, культуры часто обсуждались на литературных вечерах, в кружках, на съездах творческих работников. В 1960-е гг. популярными были поездки творческой интеллигенции в Булгар, где у древних святынь острота наиболее острых проблем ощущалась особенно, и они обсуждались с особой откровенностью.

Татарская интеллигенция не просто говорила о тревожном состоянии татарской культуры, но пыталась и действовать. По мере того, как тональность официальной трактовки достижений национальной политики становилась все более радушной, оппозиционные настроения в обществе росли. Интеллигенция все больше дистанцировалась от властей, в ее среде складывались неформальные общественные группы со своими, независимыми оценками явлений, своими культурными пристрастиями, внутренними связями. В 1964–1965 гг. среди татар существовали неформальные группы, которые пытались консолидировать свои усилия в целях возрождения и совершенствования татарской культуры. Например, аппаратчик завода «Оргсинтез»

Тауфик Айди, ставший впоследствии известным татарским писателем, работники НИИ при Казанском оптико-механическом заводе Э. Зайнуллин, М. Мухаметзянов стремились поддерживать национальное самосознание татар, живших за пределами Татарской республики, организовывая подписку среди них на журнал «Казан утлары», добиваясь открытия татарских школ.

Однако власть держала под пристальным контролем любые проявления общественной активности в национальном вопросе. Под негласный надзор органов госбезопасности попадали даже студенты, избравшие темой своих исследований татарскую дореволюционную культуру. Так, в одной из справок КГБ для Татарского обкома КПСС, составленной на основе проверки тематики дипломных исследований в начале 1960-х гг., говорилось: «Значительная часть дипломных работ, выполняемых студентами, относится к исследованиям дореволюционного периода. Работа над этими темами, студенты самостоятельно изучают статьи из дореволюционных периодических изданий и книги того периода, в которых высказывается немало реакционных, националистических взглядов. Чтение такой литературы при еще недостаточной политической подготовке студентов отрицательно влияет на формирование их научно-политических воззрений». Далее приводился список студентов, работавших по дореволюционной проблематике с подробными сведениями прочитанной ими литературы. Среди них имена ныне известных в республике ученых Р. Нафигова, А. Каримуллина, Х. Курбатова. Очевидно, власти рассматривали это как борьбу против «идейных шатаний» среди молодежи⁴¹.

Вместе с тем предпринимались «за уши притянутые меры», чтобы канализировать деятельность интеллигенции в нужное идеологическое русло. Чтобы побудить литераторов создавать «социалистические по содержанию» произведения на современные темы, их «прикрепляли» к промышленным

предприятиям, побуждая создавать свои произведения исходя из наблюдений за жизнью на них. Правда, это не имело реального эффекта. Как отмечалось в информации председателя КГБ в 1960 г., «из прикрепленных Р. Ишмуратов (компрессорный завод), С. Баттал (завод № 16) и Г. Хузи (Химстрой) и другие до сего времени не написали ни одной строчки»⁴².

Конечно, политические императивы в трактовке татарской истории, выискивание «нездоровых националистических происков» в творчестве национальной интеллигенции создавали некую «презумпцию виновности» у татарского народа и определяли характер развития татарской культуры в советский период. Духовный мир людей, подвергшийся коммунистической нивелировке, приводил к элементаризации культуры, неостребованности складывавшейся веками национальной сокровищницы. В конечном счете, это оборачивалось снижением полифонии

в социокультурной динамике населения республики, увеличением числа носителей маргинальной культуры.

Таким образом, процесс стремительной модернизации Татарской республики в советский период, носивший директивно-мобилизационный характер, коснулся лишь отдельных подсистем жизнесферы региона, представляющих интерес для центральной власти. Это породило серьезную проблему культурной адаптации татарского общества к ней и неизбежно вело к накоплению социальных коллизий, критический уровень которых создал революционную ситуацию конца 1980-х – начала 1990-х гг. в ТАССР...

Модернизирующееся общество, безусловно, должно стремиться к восприятию прогрессивных достижений социальной практики, но, учитывая собственные сложившиеся ментальные конструкции и традиционные институты, пытаясь не разрушать, а приспособливать их к вызовам времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 38. Д. 23. Л. 197.
- 2 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 42. Д. 11. Л. 16.
- 3 ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. Д. 162. Лл.1–3.
- 4 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. О. 39. Д. 14. Л. 238.
- 5 История Казани в документах и материалах. XX век. Казань: Магариф, 2004. – С. 214–215.
- 6 Там же.
- 7 *Бурнашева Ю.В.* Борьба Татарской партийной организации за массовое внедрение новаторства в нефтяной промышленности республики в годы пятой пятилетки / Некоторые вопросы развития Татарской АССР за годы Советской власти. – Казань, 1960. – С.28.
- 8 Там же. – С. 31.
- 9 ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп.7. Д. 270. Л.16.
- 10 *Мустафин М.Р., Хузеев Р. Г.* Все о Татарстане. Экономико-географический справочник. – Казань, 1992. – С.16.
- 11 *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галлямова А.Г.* История Татарстана. XX век. – Казань: Хэтер, 1998. – С. 313.
- 12 *Мустафин М.* От каждого по способности, но всегда ли по труду? // *Вечерняя Казань.* 1989. 6 февр.
- 13 РГАСПИ. Ф.556. Оп.14. Д. 83. Л. 79.
- 14 Там же. Л. 81.
- 15 *Файзрахманов Г.Л.* Развитие сельского хозяйства Татарской АССР в годы восьмой пятилетки (1966–1970). Автореферат дисс... канд. истор. наук. – Казань, 1981. – С.15.
- 16 *Галлямова А.Г.* Время собирать камни... Сельское хозяйство Татарстана в 1970-е годы: анализ развития, уроки. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – С.73.

- ¹⁷ Подробнее там же. С. 89–101.
- ¹⁸ Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке: Стат. сборник. – Казань, 1982. – С.4; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. – С.5.
- ¹⁹ История Татарстана / Б.Ф. Султанбеков, Ф.Ш. Хузин, А.Г. Галлямова и др. – Казань, 2001. – С.505.
- ²⁰ *Флиер А.* Культурогенез в истории культуры // ОНС. 1995. №3.
- ²¹ *Галлямова А.Г.* Кризис национальной самоидентификации татар в 40–70-е годы XX в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т.3. М.: Инсан, 1997. – С.99.
- ²² *Галлямова А.Г.* К проблеме изучения развития татарской культуры в 40–80-е гг. // Панорама-форум. 1997. № 11. Весна. – С. 91.
- ²³ *Никифиров В. В.* Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1945–1952 гг.). Дис... канд. ист. наук. – С. 153.
- ²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. .30. Д. 6. Л. 287.
- ²⁵ Там же. Ф.19. Оп.45. Д. 72. Л. 108.
- ²⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 38.Д. 196. Лл. 111.
- ²⁷ Там же. Д. 191. Лл. 65-67.
- ²⁸ Там же. Оп. 37. Д. 378. Л. 53.
- ²⁹ Там же. Оп. 38. Д. 473. Л. 38.
- ³⁰ Там же. Л. 94.
- ³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 39а. Д. 77. Л. 49.
- ³² Там же. Л. 44 – 45.
- ³³ Там же. Оп. 39. Д. 141. Л. 33.
- ³⁴ *Садьков М.* Многонациональный город и бытовой уклад людей. (По материалам социологического исследования быта населения г. Казани) // Коммунист Татарии. – 1965. – № 9. – С. 43.
- ³⁵ Там же. Д. 129. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Оп. 41. Д. 21. Л. 7.
- ³⁷ *Андреева С.В.* Партийное руководство деятельностью ВЛКСМ по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи в 1970-е гг. Дис. ...канд. истор. наук. – С.101.
- ³⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 30. Д. 664. Л. 23.
- ³⁹ Советская Татария. 1990. 15 ноября.
- ⁴⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 1573. Л. 20.
- ⁴¹ История в документах и материалах. XX век. – С. 660–662.
- ⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 41. Д. 21. Л. 4.

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции исторического пути Татарстана во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. в логике распада советской социалистической системы. В этот период экономический и культурный облик республики определялся интенсивными модернизационными процессами, имевшими директивно-мобилизационный характер.

Ключевые слова: Татарская АССР, советская модель модернизации, промышленность ТАССР, сельское хозяйство ТАССР, культура ТАССР, национальный вопрос.

Summary

The article deals with the tendencies of the historical way of Tatarstan from the second half of the 1940s up to the first half of the 1980s in the logic of the collapse of the Soviet socialist system. During this period the economic and cultural image of the republic was defined by intensive modernization process having directive mobilization character.

УДК 94(470.41)

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Р.Р. Салихов, доктор исторических наук;

Р.С.Хакимов, член-корреспондент АН РТ

27 мая 1920 г. председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М.И. Калинин и председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ленин подписали декрет о Татарской Автономной Советской Социалистической Республике (ТАССР). 25 июля того же года Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов передал всю полноту власти Революционному комитету ТАССР. Этот день считается датой образования Татарской АССР. 26 сентября 1920 г. состоялся учредительный съезд Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов ТАССР. Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и Совет Народных Комиссаров (СНК) ТАССР.

После этих эпохальных событий прошло 90 лет, которые вместили в себя выдающиеся исторические свершения, подвиг многих поколений советских людей, превративших республику в один из самых развитых регионов Российского государства. Мы свято чтим память замечательных сынов татарского и других народов, внесших определяющий вклад в создание и развитие ТАССР. Многие из них широко известны во всем мире как крупные общественные и политические деятели: М.Вахитов, М.Султан-Галеев, М.Джалиль, М.Шаймиев и многие другие.

Вместе с тем очевидно, что образование ТАССР – это один из этапов

многовековой государственности татарского народа, имеющих свои особенности и логику развития. Феномен этого исторического явления, безусловно, должен находиться в центре внимания современной гуманитарной науки, способной дать объективные и исчерпывающие оценки. И здесь очень важно выработать соответствующие методологические подходы.

Особенность исследования прошлого татар состоит в том, что в истории народа догосударственный период сменился эпохой создания мощных государств, определявших политику Азии и Восточной Европы вплоть до XVI в., а затем произошли потеря государственности и сильная деградация общественных структур. В последнее столетие предпринимались попытки восстановления государственности в какой-либо форме, приведшие, в конце концов, к принятию Декларации о государственном суверенитете Татарстана. Все это требует очень осторожного, ювелирного подхода к истории. Наличие или отсутствие государства – слишком серьезный фактор для развития народа, требующий корректировки методики исследования событий в различные эпохи.

Догосударственный период – термин несколько условный, предполагающий отсутствие самостоятельного государства на территории нынешнего Татарстана. Принято ограничивать временные рамки этого периода на-

чалом X в., т.е. временем образования Булгарского государства. Этот термин не упрощает проблему для исследователя, хотя без него невозможно обойтись при описании событий. Очевидно, что в пространстве, где шли процессы формирования этнических, культурных и иных традиций современного татарского народа до X в., существовали развитые государства. Например, Тюркский каганат, возникший в VI в., включал часть нынешнего Татарстана, о чем свидетельствуют источники и многочисленные археологические находки. Тюркский каганат, бесспорно, повлиял на формирование татарского народа. Одновременно он являлся в той или иной степени прародиной других тюркских народов.

Сегодня трудно сказать что-либо определенное о древнем татарском государстве (или государствах), упоминаемом в китайских, арабских и иных источниках. «Татары были сильны и дерзки, – писал Рашид-ад-дин, – если бы при наличии их многочисленности они имели бы друг с другом единодушные, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих... не были бы в состоянии противостоять им»¹. Сведения о татарах, живших на территории Северо-Восточного Китая и Юго-Восточной Монголии в VII–XII вв., носят несколько легендарный характер. Возможно, со временем будет больше ясности о характере, границах, правителях и народах, населявших эту страну.

Отдельные компоненты татарского народа формировались в Хазарском каганате, Великой Болгарии (VII в.), возникших после распада Тюркского каганата. Эти государства внесли свою лепту в формирование традиций, культурных и этнических компонентов Волжской Болгарии.

Конечно, более тщательный анализ VII–X вв. может выявить какие-то государственные образования, влиявшие на формирование предков татар, но традиционно принято считать первым татарским (булгаро-татарским) госу-

дарством на территории нынешнего Татарстана Булгарское государство. Уместно предположить, что до X в. на волжских берегах шли государствообразующие процессы. Этот вопрос подлежит специальному обсуждению, но выделение конкретной даты – 922 г. – оправдано, поскольку это было временем признания Булгарского государства со стороны Багдадского халифата, а значит, всего исламского мира. Эта дата была днем освобождения булгар от Хазарского каганата и выхода на международную арену как самостоятельного субъекта внешней политики.

Было бы ненаучно монополизировать историю булгар и связывать ее только с татарским народом. И чувашаи, и, возможно, другие народы вполне оправданно могут ссылаться на булгарские корни. В то же время было бы наивно полагать, что сами булгары были гомогенным народом. Этноним «булгар» отражает признак гражданства, и от него нельзя требовать этнической чистоты. Булгарское государство было территорией проживания различных народов. Оно имело внутреннее административное деление с определенным культурным своеобразием, отличалось веротерпимостью, собирая на своей территории разные народы: предков не только татар, но и чувашей, финноугров и других.

Время существования империи Чингизхана является одним из самых сложных. Государство, повлиявшее на всю мировую историю, остается малоизученным, и сведения о нем в европейской и русской истории предстают крайне искаженными. Восстановление истины о Монгольской империи, в особенности об Улусе Джучи, является задачей историков многих стран, так или иначе занимающихся этой темой. В этом прежде всего заинтересованы те из них, чьи народы в средние века оказались в орбите влияния Золотой Орды. Однако основная тяжесть по организации исследований и распространению новых сведений падает на ученых Татарстана.

Другая важная проблема состоит в выяснении степени самостоятельности отдельных составных частей Золотой Орды, особенно таких, как Русский или Булгарский улусы, и влияния общемонгольских дел на жизнь народов на этой территории. Было бы неверным представлять этот период только в виде героической борьбы болгар или русских с татаро-монголами, хотя этого нельзя отрицать. Он гораздо сложнее, ибо монголы многое заимствовали у Тюркского каганата, и не только в ремесленном производстве, военном деле, но и в языке, культуре. Чингизхан учил своих детей у уйгурских учителей, и тюркский язык был, если использовать сегодняшнюю терминологию, вторым государственным языком. Монголы, двигаясь на Запад, шли по территории бывшего Тюркского каганата, включая в свои войска и государственную орбиту все те племена и элементы жизни, которые остались как осколки бывшей огромной тюркской империи. Во многом именно этим объясняются столь стремительное продвижение полководцев Чингизхана и относительная прочность быстро созданного государства, занимавшего около 80% Старого Света. При создании империи Чингизхана элементы завоевания тесно переплетались с политикой присоединения.

В истории государственности Золотой Орды остается много белых пятен. Даже сам процесс образования или отделения Улуса Джучи от империи Чингизхана в качестве татарского государства мало изучен. Некоторые историки называют этот процесс самоопределением татарского народа через отделение в самостоятельное государство². Возможно, это и так, хотя терминология звучит очень уж современно, но одно несомненно, что история Золотой Орды была тесно связана с другими улусами, сохраняя в то же время свою самостоятельность и отличительность, опирающуюся на собственную этническую и культурную почву.

Существенно изучение периода распада Золотой Орды, причин гибели

государства, появления составных элементов в виде тюрко-татарских ханств: Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского, Касимовского, а также Большой и Ногайской Орд. Казанское ханство относительно лучше исследовано, чем другие. Это имеет свое объяснение, но методологически важно комплексное изучение всех ханств, поскольку, во-первых, они были тесно связаны между собой династическими, торговыми и духовно-культурными отношениями, во-вторых, история этих государств – органичная история татарского народа.

1552 г. – переломный в истории татарской государственности. Потеря Казани привела к постепенному падению и остальных тюрко-татарских государств. Хотя определенное время в государственном языке России номинально существовал термин «Казанское царство»³, но фактически все институты развития татарского общества планомерно разрушались. Татары были выселены из больших городов, с берегов крупных рек и стратегических дорог. Аристократия была уничтожена или ассимилирована. Учебные заведения и ряд профессий были под запретом. Все это крайне затрудняло сохранение татарской культуры. Петр I в 1708 г. ввел деление на губернии, после чего исчезло даже номинальное воспоминание о былом ханстве.

Идеи восстановления государственности в татарской среде появляются лишь в XX в., вместе с развитием демократии, позволившей создавать национальные партии и вести политическую деятельность. Первая попытка воссоздания государственности татарами относится к 1918 г., когда был провозглашен «Штат Идель-Урал». Несмотря на неудачу, связанную с контрмерами большевиков, тем не менее прямым следствием этого политического акта стало принятие Декрета о создании Татаро-башкирской республики. Сложные перипетии политической и идеологической борьбы завершились принятием в 1920 г. Декрета

ЦИК о создании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Эта форма была очень далека от формулы «Штата Идель-Урал», но это был, несомненно, позитивный шаг, без которого не было бы Декларации о суверенитете в 1990 г.

Таким образом, у Республики Татарстан как новой формы государственности очень краткая история, которая не позволяет делать каких-либо окончательных выводов. Тем не менее она обладает рядом особенностей, требующих своего осмысления. Респуб-

лика обладает самостоятельностью в политике, экономике и культуре, у нее появилась собственная логика исторического развития. Понимание внутреннего устройства татарстанского общества как полиэтнического сообщества, возможности прямого общения с иностранными государствами, включенность в исламский и тюркский мир – эти и другие особенности республики делают ее самостоятельным предметом исторического исследования, имеющей собственное место в истории Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М. – Л., 1952. – Т.1. – Кн.1. – С. 102.

² Фахрутдинов Р. История татар и Татарстана. – Казань, 1997. – С. 104.

³ См.: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1997. – С. 18.

УДК 94(470.41)

«МОДЕЛЬ ТАТАРСТАНА»

Р.С.Хакимов, член-корреспондент АН РТ

Татары всегда были государственниками, реформаторами и такими остаются до сегодняшнего дня. Татары в древности и средние века создали несколько государств в Азии, затем Тюркский каганат и Золотую Орду, участвовали в становлении Российской державы. Первым министром юстиции стал Державин из рода Нарбековых, про которого Пушкин говорил, что он писал гениальные стихи, но «русскую словесность не освоил за недосугом». Татары порой пишут и говорят по-русски, но при этом думают по-татарски. Это в крови.

О татарах часто пишут как о разрушителях. В средние века все народы воевали, иначе бы они исчезли с исторической арены. Татары несли с собой новую систему государственности, шадящее налогообложение, новые идеи и технологии. Кстати, на Руси основным союзником Бату-хана был Александр Невский.

На одной из конференций я рассказывал о татарах, конечно, в положительном смысле. И один московский политик не выдержал и выкрикнул: «А как же татарская дань?» Я ответил: «Это всего лишь 10%. Мы согласны на то, чтобы сегодня Москва наложила такую же дань на Татарстан». Это была подушная подать, хотя существовали и иные формы налогов. Благодаря разумной налоговой и финансовой системе не только Золотая Орда, но и вся Русь начала процветать.

Великий историк Лев Гумилев рассказы о злых татарах назвал «черной легендой», созданной рыцарями-тамплиерами, которые хотели собственные

грехи в Палестине свалить на татар и придумали мифы. Во Франции тамплиеров, которые вернулись из крестового похода, судили и казнили, но мифы остались, поскольку, как писал тот же Лев Гумилев, люди предпочитают легенды истине.

Россию нельзя понять без татарского, а также исламского факторов. Само понятие России возникло после того, как Московская Русь начала экспансию на Восток. С завоеванием Казанского ханства в 1552 году Русь стала Россией, поскольку присоединила к себе татар и другие народы, а Иван Грозный по праву стал именоваться царем. До этого он был великим князем, но после завоевания Казанского ханства он мог по праву называться царем, поскольку в те времена хан и царь были званиями идентичными. Конечно, ханом мог быть только чингизид, но история сделала крутой поворот не в пользу многочисленных ханств.

Некоторые публицисты сегодня пишут о России как о чисто русском государстве, при этом не задумываются над тем, сколько русских дворянских родов создано потомками татар. Годуновы, Сабуровы, Аксаковы, Тургеневы, Куприны и т.д. Всех трудно перечислить. Одним из первых о дворянских родах татарского происхождения написал известный российский ученый Баскаков, затем А.Халиков опубликовал книгу под названием «500 тюрко-татарских имен». Некоторые пытались подсчитать процент дворянских родов и называли разные цифры. Известный историк Петр Савицкий в одном из писем Льву Гумилеву называл цифру в

30–40%. Впрочем, подсчитывать проценты – дело довольно условное. Конечно, бывшие мурзы, став дворянами, обрусели и только их фамильные гербы говорят о тюрко-татарских корнях. Перечислять знаменитые имена татарского происхождения – это значит говорить о значительной части русской культуры.

Татары утратили государственность, но не потеряли культуру. Российские законы их ограничили и по территории проживания (в городах), и в системе образования. Запрет на светское образование было компенсировано реформированием религиозного образования. В таких медресе, как «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе, «Хусания» в Оренбурге и др., стали вводить в программу подготовки светские предметы, в частности, математику, бухгалтерию, географию, французский язык. В значительной мере это было требованием предпринимателей, за чей счет содержались эти медресе. К этому времени «татарский» ислам уже прошел реформацию и был готов работать как для народа, так и с предпринимателями, а не только заниматься ритуальной практикой. К XX в. татары стали образованными поголовно, включая женщин. Конечно, уровень образования порой был довольно низок, но читать и писать умели все, включая девочек. В татарской традиции было неприлично, если в доме не было полки с книгами. Издательская деятельность в XIX в. у татар развилась настолько широко, что интеллектуалы многих народов Центральной Азии вначале печатали свои книги в Казани. Много позже они обзавелись собственными издательствами и типографиями с помощью татар.

После революции 1905 г. у татар появились политические организации, что стало новым этапом. К общей культуре добавилась политическая составляющая. Этот процесс шел не просто. Например, известная личность Юсуф Акчура был вынужден эмигрировать в Турцию и впоследствии стал советником Ататюрка.

В XX в. татары пытались возродить свою государственность в какой-либо форме. В 1918 г. была предпринята попытка создать «Штат Идель-Урал». Инициаторами этой идеи стали выдающиеся мыслители Гаяз Исхаки и Садри Максуди. Но большевикам она не понравилась, поскольку сама идеология была не коммунистической. Мулламур Вахитов и Султангалиев выдвинули альтернативную идею создания «Татаро-Башкирской Республики». Но появление в Волго-Уральском регионе мощного государственного образования с ярко выраженной национальной составляющей стало бы серьезной проблемой для Москвы. В центре понимали, что многие поволжские народы окажутся под контролем татар.

Политическая интрига закончилась тем, что создали самостоятельные Башкирскую, а затем Татарскую республики. Конечно, в советское время права Татарской республики были номинальными. Однако даже Сталин не решился ликвидировать автономию, хотя в то время был период жесточайшей диктатуры. Поэтому все разговоры об унитарном государстве, о чем время от времени обсуждают в прессе, не имеют под собой почвы. Россия не случайно стала федерацией и таковой останется.

Россия никогда не была однородной. Многие территории России до революции имели значительные права. Например, в Туркестане долгие годы не вводили российские законы, а действовали нормы шариата. Это говорит о гибкости правительства, которое понимало, что колонизацию надо проводить с помощью местных структур. Многие территории добровольно присоединялись к России, поскольку боялись Китая.

Волга всегда являлась и остается хребтом России, ее нельзя представить без Волги. Сколько народов живет на ее берегах! Здесь сосредоточены основные предприятия и людские ресурсы. Конечно, в Западной Сибири много запасов нефти и газа, но в технологи-

ческом и интеллектуальном отношении Поволжье сравнимо с Москвой и Петербургом.

Исламский фактор стал значимым явлением с X в. На территорию нынешней России он проник через Дербент вместе с военными действиями арабов. Но в Поволжье он проник через торговцев, которые по своим делам посещали Среднюю Азию. Поэтому официально ислам на территории Центральной России приняли добровольно 16 мая 922 г. в Булгарах, приурочив к приезду посольства Ибн-Фадлана из Багдада. Сегодня принятие ислама отмечается весьма торжественно. В этот день в Булгарах бывает огромное количество паломников.

30 августа 1990 г. Республика Татарстан приняла «Декларацию о государственном суверенитете», что повлияло не только на жизнь республики, но и на ход политических событий в России. Декларация о государственном суверенитете республики объявлялась вслед за принятием Российской Федерацией Декларации о государственном суверенитете, где предусматривалось право народов «на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах» (п.4), что и стало основанием для принятия Татарстаном ряда конструктивных шагов и открыло возможности для выработки собственной политики.

Как известно, 12 августа 1991 г. начались переговоры между делегациями Татарстана и России, которые завершились подписанием Протокола, где появилась ключевая формула о необходимости «ориентироваться на использование договорных форм регулирования отношений». Причиной послужил отказ Татарстана подписывать Федеративный Договор, поскольку в нем прав было меньше, чем республика имела их фактически на тот момент. Переговоры шли три года с перерывами, ибо российская сторона время от времени выставляла свои условия. В частности, они потребовали проведения референ-

дума, чего руководство Татарстана не принимало, боясь осложнения отношений между татарами и русскими, а также другими народами. Этот вопрос всегда был ключевым в политике республики и в то время он еще нес в себе эмоциональные элементы, поскольку республика могла разделиться по этническому и конфессиональному признакам. В конце концов, оценив все «за» и «против», в республике решились на проведение референдума, после чего в Москве настроения изменились в обратную сторону. Они поняли, что референдум пройдет в пользу Татарстана. Борис Ельцин начал выступать с гневным осуждением референдума, но у нас хранились видеозаписи с его знаменитой фразой, сказанной в Казани: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». В эфире звучали обе речи и они склонили чашу весов в пользу выбора решения самим народом. И татары, и русские в своем большинстве проголосовали за статус Татарстана, который закреплен в официальных документах. Во время референдума взаимоотношения между народами Татарстана прошли непростое испытание и в результате наступила стабильность.

Вслед за этим началась подготовка проекта Договора между РФ и РТ, которая длилась три года. Договорная практика существует во всем мире, но не всегда оказывается успешной.

Один профессор из университета Беркли у меня настойчиво спрашивал: «Почему в вашей республике нет конфликтов, а в других странах они не затухают». В теории конфликтологии такие общества, как в Татарстане, называются разделенными, иначе говоря, конфликт неизбежен. Я ответил, что, мол, здесь народы живут столетиями, и это стало традицией». Он мне в ответ: «В Боснии также жили столетиями, но тем не менее, возник конфликт». Ищу другой аргумент: «У нас много смешанных семей и это создает толерантность». Он в ответ: «В Боснии их было не меньше». Я уже в растерянности пытаюсь объяснить: «Мы не хотели

конфликта». А он требует объяснения: «В Боснии тоже не хотели войны». Простым предложением невозможно отделаться. Была выработана политика и здесь ключевую роль сыграл М.Шаймиев со своей командой.

Регионы, где проживают очень разные по культуре и религии народы, как правило, становятся зонами конфликта. Татарстан стал исключением. Таких исключений в мире очень мало. Поэтому родился термин «Модель Татарстана». Он появился во время поездки М.Ш.Шаймиева в Гарвардский университет на политический форум, где традиционно представляют президентов различных стран. До этого группа американских ученых во главе с профессором Гарвардского университета Брюсом Аллином готовила проект развития экономики Татарстана в рыночных условиях. Она помогла понять, что зависимость от нефти опасна для республики. Татарстан перешел на переработку нефти, нефтехимию и развитие высоких технологий. Эта группа также занималась конфликтологией и изучала опыт Татарстана. Она совместно со школой им. Кеннеди и стали инициаторами форума в Гарварде. Вначале выступил один из лучших историков США Эдвард Киннан. Он сказал, что за пять минут расскажет 500-летнюю историю татар. Затем ректор, а уж потом М.Шаймиев. Форум длился почти три часа и люди из зала не уходили. Его показывали по национальному телевидению. Это был триумф «Модели Татарстана». Но за этим непростым выступлением перед профессорами Гарвардского университета стояли тяжелейшие годы работы.

Мы в Татарстане находимся в привычной среде и нам не приходит в голову, почему русские и татары должны конфликтовать, почему мусульманские деятели стоят рядом с православными, иудеями, католиками, протестантами, но гостей республики приводит в восторг и вызывает у них удивление то, что в Казанском Кремле мечеть Кул

Шарифа и Благовещенский собор стоят рядом.

Вслед за этим последовала «Гагская инициатива», которая проходила во Дворце Мира в Гааге при поддержке Фонда Карнеги. Там собрались представители официальных органов Российской Федерации, Чечни, Молдовы с Гагаузией и Приднестровьем, Украины с Крымом, Грузии с Абхазией. Переговоры шли вокруг «Модели Татарстана». Высказывали хорошие идеи, но результатами воспользовались только Гагаузия и Крым.

История татар в Российской Федерации была непростой. У одного из самых успешных предпринимателей России, золотопромышленника Дэрмэнда, который написал всего лишь 600 строк стихов и стал классиком татарской литературы, есть выражение «гариб – монг». Многозначный термин, который можно перевести как сломанная судьба или же поиск своего пути. Слово «гариб» трудно перевести. Это не урод, а тот, кто не нашел пути в своей жизни. А слово «монг» перевести еще труднее. Это не просто мелодия, а душевные слезы. А когда соединяются эти два слова, объяснение требует многих страниц и до конца это понять будет трудно. Это смысл судьбы татар, которые прошли сложный путь и заново ищут свое место в этом мире.

Возрождение татар и ее государственности всегда совпадало с периодами появления элементов демократии. 1905 год, 1917 год, оттепель времен Хрущева. В советское время поднялась промышленность, хотя автономия стала номинальной. Период перестройки для республики стал новым этапом.

Татарстан был и остается инициатором федерализации России. Договоры и соглашения, подписанные между органами Российской Федерации и Республики Татарстан содействовали развитию федеративных отношений. Федерализм – это судьба России, которая исторически строилась как союз народов, такой она и остается.

Аннотация

В статье освещаются предпосылки и реализация в многонациональном и поликонфессиональном Татарстане политики толерантности.

Ключевые слова: история государственности татар, Татарстан, федерализм в России, Договор между Татарстаном и Россией, референдум.

Summary

The article deals with the preconditions and realization of the politics of tolerance in multinational and polyconfessional Tatarstan.

УДК 947

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ «ТАТАРСТАН-2009:
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»
(14 января 2010 г.)

*Б.М. Ягудин, кандидат исторических наук;
Р.Р. Сулейманов, научный сотрудник*

14 января 2010 г. в Конференц-зале Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского прошел республиканский симпозиум «ТАТАРСТАН-2009: достижения, проблемы, перспективы». Год назад, тоже 14 января, но только 2009 г., Центр евразийских и международных исследований Казанского государственного университета (руководитель – Б.М. Ягудин) провел симпозиум «ТАТАРСТАН-2008», на котором подвел политические и социально-экономические итоги прошедшего 2008 г. Именно тогда стало очевидно, что подобное мероприятие необходимо проводить ежегодно, чтобы в самом начале нового года, когда люди еще продолжают жить проблемами предыдущего года, подводить его итоги. Тем более что в условиях дефицита дискуссионных площадок в нашем городе, на которых могли бы обсуждаться актуальные проблемы жизни республики, проведение такого ежегодного симпозиума становится остро необходимым, причем не только для общественности, но и для тех из власть имущих, кто отвечает за политику внутри республики.

Всего на симпозиум было заявлено 33 доклада, однако участников этого мероприятия было гораздо больше. И порой именно участники без докладов задавали тон и остроту дискуссии своими вопросами.

Пленарное заседание открыл академик Индус Тагиров, выступив с весьма широкой по хронологическому охвату

темой истоков и перспектив государственности Татарстана. Основываясь на книге Эдварда Паркера «Тысяча лет из истории татар», Тагиров заявил, что термину «Татарстан» не меньше двух тысяч лет, поскольку еще в древнекитайских источниках упоминается это слово применительно к эпохе до нашей эры.

Вопросы развития науки в Татарстане осветил в своем выступлении вице-президент Академии наук Татарстана Наиль Валеев.

Одним из самых богатых на цифры был доклад зам.министра образования и науки РТ Вадима Хоменко. Как известно, 2009 г. вошел в историю как год финансового кризиса, поэтому сырьевая экономика Татарстана понесла определенный урон. Вводилась система неполной занятости трудоспособного населения, хотя официально количество безработных составляло 52,6 тыс. чел. (3% от всего трудоспособного населения). Эти цифры не отражают реальной картины ситуации, поскольку пока никто не отменял скрытую безработицу, подсчет которой затруднителен. Бюджет Татарстана имел дефицит, но республика могла его покрывать за счет федерального центра, оказавшегося в 2009 г. весьма щедрым на дотации. Но самый главный вывод, который сделал доктор экономических наук Вадим Хоменко, заключается в том, что руководство Татарстана стало понимать, что сырьевая зависимость

республики влечет пагубные последствия для ее экономики, особенно во время кризиса. Странно, что только сейчас оно стало понимать, хотя это понятно практически каждому экономисту (и не только экономисту).

Республиканский симпозиум в этом году отличается от предыдущего года присутствием на нем чиновников из Аппарата Президента Татарстана (Роман Беляков и Вячеслав Никифиров). И надо сказать, что некоторые из них не просто наблюдали за дискуссией, но и сами активно в ней участвовали в качестве докладчиков.

Роман Беляков, зав. отделом по взаимодействию с общественно-политическими формированиями Управления по вопросам внутренней политики Президента РТ, рассказал о партийной жизни России и Татарстана. Семипартийщина – вот как можно охарактеризовать политический спектр современной России. Но если можно так говорить о федеральном политическом небосклоне, то применительно к Татарстану так сказать не получится: все семь партий никак не участвуют в ее политической жизни. Самым интересным был вопрос общественного деятеля Фандаса Сафиуллина. Он спросил у Белякова: как так получается, что депутаты Госдумы от «Единой России», избранные в Татарстане, в том числе и те, кто был избран от сельских, преимущественно татарских по составу населения районов, единогласно проголосовали за 309-й Федеральный закон, который ликвидирует национально-региональный компонент? И что самое странное, что многие из этих депутатов-единороссов татары по национальности. Г-н Беляков смог это объяснить лишь партийной дисциплиной единороссов. Когда же Фандас Сафиуллин спросил, будут ли татарстанские единороссы в Госдуме голосовать в поддержку ликвидации национально-территориального деления России, что подразумевает ликвидацию и Татарстана как субъекта, в случае положительного решения по этому вопросу руководством пар-

тии и учитывая, что существует партийная дисциплина, Беляков ничего не смог ответить, а только развел руками, понадеявшись на то, что до этого дело не дойдет.

Ректор Российского исламского университета Рафик Мухаметшин осветил в своем выступлении вопрос консолидации исламской уммы России. В 2009 г. неожиданно был поднят вопрос об избрании «муфтия всея Руси». Причем поддержку идеи объединения высказали все основные мусульманские организации России. Вот только каждая из них требует сохранения за собой автономии, что уже само по себе сводит на нет централизацию мусульманской уммы. «Если Сталин, когда мог всех построить по стойке «Смирно!», не стал объединять мусульман, то вряд ли это получится сейчас сделать», – резюмировал Мухаметшин.

Дамир Исхаков остановился на вопросе будущего татарского высшего образования. Учитывая, что ТГГПУ как татарский университет ждет судьба слиться с КГУ в новый федеральный университет, сохранится ли именно татарский сегмент в новом вузе? Получается, что татарское высшее образование может оказаться под угрозой исчезновения, если в новом федеральном университете это не будет оговорено особо.

Энгель Тагиров остановился на вопросе роли молодежи в современной России. 2009 г. был годом молодежи, и что же он ей самой принес? То, что за молодежью будущее, ни у кого не вызвало возражений. Вот только какое оно будет будущее?

Живой интерес вызвало выступление Фандаса Сафиуллина. В своем докладе Сафиуллин коснулся 309-го Федерального закона, который, по сути, ставит точку в вопросе о национальном образовании, когда о нем можно будет говорить только в прошедшем времени. В ходе бурной дискуссии, которая развернулась после основательного и ставящего острые вопросы доклада, журналист Алексей Демин

попытался возразить Фандасу Сафиуллину тем, что существуют инструкции и акты, подписанные министром образования России, которые не позволяют смотреть на этот закон столь мрачно, что существуют возможности для сохранения национально-регионального компонента. Однако, как отметили и согласные с пессимистическими выводами докладчика, и сам Сафиуллин, все эти инструкции и нормативные документы не имеют силу Федерального закона, а потому ничего не решают, а самое главное – не отменяют сути этого закона.

На вопрос зам.председателя Общества русской культуры Михаила Щеглова (отметим, что руководство Общества русской культуры г.Казани целиком было приглашено на симпозиум и все имели возможность выступить), что может быть пора отойти от навязанного принудительно двуязычия в системе среднего образования, Фандас Сафиуллин ответил следующее: «Меня мало волнует, будут ли русские дети изучать татарский язык в школах Татарстана. Для меня самой большой проблемой является, то что татарские дети могут лишиться возможности изучать татарский язык. Но самое ужасное не только это, а то, что татарские родители не хотят отдавать своих детей в татарские школы». По мнению Сафиуллина, Республика Татарстан не создала условий для потребности в изучении татарского, а если это так, то неудивительно, что татарский язык не востребован самими же татарами и де-факто не является государственным в республике.

Секционное заседание было не менее интересным, чем пленарное. Отметим, что обычно после пленарной части многих конференций маститые участники удаляются, а зал становится полупустым. Но в этот раз секционные доклады захотели послушать многие, в том числе и сотрудники Аппарата Президента РТ.

Секцию открыл доклад эксперта Института национальной стратегии

Яны Амелиной. Сам доклад («Дело Муртазина» как показатель идейной нищеты Казанского кремля») слушали не только специально приглашенные участники из числа общественности и СМИ, но и отец Ирека Муртазина. Отметим отдельно, что этот доклад был единственным публичным обсуждением «дела Муртазина» в Татарстане с участием общественности. Причем все понимают, что это не обыкновенное уголовное дело, а имеющее политический характер. До доклада Амелиной в основном обсуждение велось только в Интернете. И вот представилась возможность обсудить «дело Муртазина» открыто.

Амелина отметила, что теперь Татарстан выглядит на общероссийском фоне как регион, в котором людей сажают в тюрьму за разжигание социальной розни по отношению к власти. Даже в кадировской Чечне до такого недодумались. «Очевидно, что **«дело Муртазина» не только является опасным прецедентом** (несмотря на то, что судебный прецедент не признается в России источником права, в реальности он может служить и уже служит «примером» для разрешения аналогичных дел), **но и бросает тень на все высшее руководство республики.** «Идейная нищета» Казанского кремля проявляется как в отрицании этого факта, так и, прежде всего, в неспособности (продиктованной, весьма вероятно, нежеланием) сформулировать адекватный ответ на острые вопросы общественно-политической жизни Татарстана», – делает вывод Яна Амелина. И хотя те, кто знал лично Муртазина (многие из таковых присутствовали на симпозиуме), отмечали сложный и противоречивый характер блоггера как личности, тем не менее признавали, что руководство Татарстана (и те, кто давал ему советы) совершило большую политическую ошибку.

Другим событием общественно-политического дискурса 2009 г. в Татарстане было «дело Гарифа-Овчинникова». Автор этих строк выступил

с докладом на данную тему. Отметим, что организаторы симпозиума позвали обоих участников этого «дела», причем предупредили обоих, что будет доклад, который касается их обоих и что возможно участники симпозиума захотят лично им задать вопросы, однако на мероприятие пришел только Нурулла Гариф, автор книги «Освободительная война татарского народа». Александр Овчинников не пришел, сославшись на свою занятость. Проанализировав вкратце всю историю этого «дела», докладчик пришел к выводу, что Александр Овчинников, сам того явно не желая, сделал Нуруллу Гарифа очень популярным, в том числе и его книгу, которая массово стала скупаться в книжных магазинах. В докладе было отмечено, что тот факт, что прокуратура Республики Татарстан отказалась заводить уголовное дело на Гарифа (прокурор Кяфиль Амиров ответил Овчинникову: «Прокуратура не должна вмешиваться в споры между историками»), делает ей огромную честь: то, что руководство правоохранительных органов понимает, что не должно вмешиваться в споры между историками, философами, писателями и т.д., заслуживает уважения. Было бы гораздо ужасным, если бы правоохранительные органы, наоборот, считали себя обязанными вмешиваться в эти споры в качестве истины в последней инстанции.

После доклада была бурная дискуссия. Совершенно непонятым прозвучал вопрос зам. председателя Общества русской культуры Михаила Щеглова: «Зачем вообще нужно было выступать с этим докладом?». Странно слышать такой вопрос-упрек, когда мероприятие, на котором все присутствовали, было специально посвящено событиям в Татарстане в 2009 г., а «дело Гарифа-Овчинникова» одно из таких событий. Журналист Алексей Демин возмутился тем, что отсутствие одного участника «дела» (в данном случае – Александра Овчинникова) при обсуждении этой темы

выглядит не совсем этичным. Однако г-на Овчинникова, инициировавшего весь этот процесс, организаторы симпозиума лично звали три раза, но он так и не явился. Значит ли, что неявка Овчинникова должна автоматически означать запрет на обсуждение того «дела», который он сам начал? Обсуждение этого доклада было самым бурным. И к общему мнению участники так и не пришли. Скажем только, что автор этих строк, выступивший с докладом по этому «делу», солидарен с теми, кто считает недопустимым решать споры между историками (а равно как и споры между философами, музыкантами, писателями и т.д.) с помощью прокуратуры. Ты можешь быть не согласен со своим коллегой-историком по поводу его интерпретации прошлого, но не стоит из-за этого привлекать сразу на свою сторону правоохранительные органы.

Одними из интересных выступлений были доклады членов Общества русской культуры г. Казани Михаила Щеглова и Людмилы Лучшевой.

Михаил Щеглов выступил с докладом «Двуязычие в Республике Татарстан: дальновидное решение или политическая ошибка?». Самой темой доклада в виде вопроса зам. председателя Общества русской культуры заставил задуматься присутствующую аудиторию над проблемой двуязычия. Будучи технарем по образованию (Щеглов – кандидат технических наук), он подошел к проблеме технически – как будто решал задачу: дано-найди-ответ. Щеглов считает, что двуязычие в Татарстане не решило-таки задачу, которую ставили в начале 1990-х гг.: сделать двуязычным население республики не удалось. И спустя 20 лет мы видим то, что видим: русская молодежь так и не научилась говорить по-татарски, татарская молодежь стремительно русеет, а знания русского языка по результатам ЕГЭ катастрофически низкие. Доклад, который вызвал ряд вопросов лично к самому докладчику («Насколько Вы, незнающий второго

государственного языка, имеете моральное право рассуждать о необходимости отказаться от двуязычия?»), нашел определенное понимание. Особенно это проявилось после выступления Людмилы Лучшевой на тему «Русский вопрос» в Республике Татарстан: кому это выгодно?», когда Фандас Сафиуллин сказал, что межнациональных проблем у русских с татарами в Татарстане нет, а есть национальные проблемы каждого народа (с чем согласилась и сама Лучшева). С болью в сердце Фандас Сафиуллин добавил, что ему глубоко стыдно, что татарские школы в Татарстане закрывают люди со стопроцентными татарскими Ф.И.О., что здание гостиницы «Булгар», в котором жил и творил Габдулла Тукай, было снесено с согласия татарских по национальности чиновников, что душителями татарского образования не в России, а именно в Татарстане являются именно татары. И как же жить татарам в Татарстане вот с такой реальностью? – вопрошает Фандас Сафиуллин.

Среди других докладов отметим выступления Руслана Айсина по проблемам татарской молодежи в условиях глобализации и Альберта Бурханова по вопросу международного сотрудничества Республики Татарстан.

Подводя итог состоявшемуся симпозиуму «ТАТАРСТАН-2009», можно сказать, что он стал именно той дискуссионной площадкой, которой очень не хватает столице Татарстана. Жаль, что такие дискуссии проходят только раз в год. Но очевидно для всех, что ровно через год пройдет симпозиум «ТАТАРСТАН-2010», на котором его участники будут обсуждать актуальные проблемы нынешнего года. И надеемся, что оно будет обязательно проведено и не будет отменено «по ряду причин» или перенесено на неопределенный срок.

По итогам симпозиума «ТАТАРСТАН-2009» обязательно будет издан сборник его материалов, в который войдут не только доклады участников, но и стенограмма выступлений, включая и прения в форме вопросов-ответов.

Аннотация

14 января 2010 г. Центр евразийских и международных исследований Казанского государственного университета организовал республиканский симпозиум «ТАТАРСТАН-2009: достижения, проблемы, перспективы». На симпозиуме его участники обсудили вопросы политического, социально-экономического и культурного развития Татарстана в 2009 г.

Ключевые слова: Республика Татарстан, политические события, экономическое развитие, национальная культура.

Summary

On January, 14th, 2010 the Center of Eurasian and International Studies of Kazan State University has organized a republican symposium «TATARSTAN-2009: achievements, problems, prospects». At the symposium its participants discussed questions of political, social and economic and cultural development of Tatarstan in 2009.

УДК 94(47)+37.0

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОГО ДВОРЯНСТВА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ПРОСВЕЩЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Г.Б. Азаматова, кандидат исторических наук

Известно, что представители небогатого татарского дворянства – «лапотные мурзы» по своему положению сливались с остальной массой сельского населения. Таковую уравненность нельзя рассматривать однозначно. Хотя большинство татарских дворян и не обладало высоким экономическим статусом, их положение отличалось по таким параметрам, как уровень образования, представленность в государственных и общественных учреждениях, сфере образования и т.д. Они составляли тонкую социальную прослойку с собственной субкультурой, которая была ориентирована, с одной стороны, на сохранение национальных и религиозных традиций, а с другой – на открытость светской культуре и контакты с российскими институтами и учреждениями.

Одной из сфер, где проявились черты открытости и неразрывной связи татарского дворянства с общегосударственной жизнью, была сфера земского самоуправления. Несмотря на малую долю мусульманского населения в земских собраниях и среди земских служащих, в истории Уфимского земства можно найти сведения, дополняющие исторический портрет татарских дворянских фамилий.

Основной точкой соприкосновения, через которую осуществлялось сотрудничество с местным самоуправлением, явилась сфера образования.

Земства открывали русско-инородческие училища, которые не пользовались популярностью по причине их русификаторской направленности. Но знание русского языка становилось настоятельной необходимостью, поэтому некоторые просвещенные лица понимали, что обучение в них дает определенные преимущества. В сентябре 1891 г. 22 жителя дер. Старо-Яушевой, дворяне Дашкины, ходатайствовали об открытии русско-башкирского училища при мектебе и просили назначить учителем русского языка дворянина Салимгарея Асфандияровича Яушева, окончившего Оренбургскую татарскую учительскую школу. Это ходатайство поддержал местный инспектор, который писал директору народных училищ Уфимской губернии: «Ввиду постоянно замечаемого между дворянами из башкир стремления к обучению своих детей, даже девочек русской грамоте, я признавал бы означенное ходатайство заслуживающим уважения». Однако директор счел ненужным открывать школу, ссылаясь, что таковые были и в соседних селениях¹. В том же году от имени 55 домохозяев г.Белебея в уездную земскую управу обратился губернский секретарь Зиганша Мухаметгареевич Тергулов. В прошении указывалось, что в существующих русских училищах г.Белебея детям мусульман национальный язык преподавался только два раза в неделю

(имелись в виду уроки мусульманского вероучения). Поэтому они желали бы открыть при медресе русский класс, где дети бедных родителей могли бы «изучать родной национальный язык и вместе русский». Земское собрание, рассмотрев ходатайство, вынесло постановление о выделении ежегодного пособия в 120 руб. для русского класса. В ответе директора народных училищ указывалось, что приговор жителей необходимо заменить на другой, «с исключением из него совершенно лишнего требования, чтобы детей их учили в то же время природному их языку, так как это не составляет предмета забот со стороны учебного начальства»². Русский класс при медресе г. Белебея приобрел широкую популярность среди местного населения. Согласно списку начальных училищ Белебеевского уезда за 1914 г. учителями в нем были Мамлеев, окончивший городское училище, и Баишев, окончивший прогимназию. При учебном заведении был открыт также вечерний класс, где муллы готовились к сдаче экзамена по русскому языку. За 18 лет деятельности (1896–1914 гг.) он подготовил 299 кандидатов на звание мулл, успешно сдавших экзамены. При русском классе работала и женская школа с пособием от Белебеевского земства. Учительницей русского языка состояла Майкамал Терегулова (с 1 января 1918 г. переведена в Верхне-Бишиндинское училище), родной язык и вероучение преподавала Хадича Терегулова. В 1918 г. здесь значились также преподавательницы Г.Еникеева, Ш.Сакаева, Кудашева. В ноябре 1917 г. заведующий Белебеевским русским классом Х.Сакаев писал в уездную земскую управу, что занятия женского и мужского училищ, где состояло 81 и 85 учеников соответственно, шли в четыре смены в одной классной комнате. Другая классная комната была занята «чесоточной командой» из 7 человек (т.е. больными военными). Заведующий просил о скорейшем переводе больных солдат в специальную квар-

тиру, дезинфекции и ремонте класса. В другом его обращении содержалась просьба о проведении в здании электрического освещения, так как пяти- и семилинейные лампы-коптилки слабо освещали учебное помещение.

Востребованными учебными заведениями стали русско-мусульманские училища в д.Буздяк. Мужская школа открылась в 1870 г. В ней долгое время преподавали Гадельгарей Мухаматгареевич Кудашев и Миннигарей Хайруллоевич Мамлеев. Гадельгарей Кудашев был родом из д. Уйбулатовой Каръявдинской волости Белебеевского уезда. В 1876 г. после окончания Оренбургской татарской учительской школы его назначили в д. Урметеву Куручевской волости, а через год перевели в русский класс при медресе в г.Оренбург. Дело по обучению продвигалось с большими трудностями из-за враждебного настроения местных мусульман, а со стороны учебной администрации сыпались незаслуженные нарекания в адрес учителя. Гадельгарей Кудашев обратился к инспектору инородческих школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринскому с просьбой перевести его на вакантное место учителя в д. Буздяк. Прежний учитель Ибрагим Нигматуллоевич Шахмаметьев болел чахоткой и поэтому не мог вести занятия с должной энергией и заинтересовать население. С приездом в 1885 г. Кудашева ситуация сразу изменилась. В первый же год работы учитель, благодаря постоянным беседам о пользе училища, привлек в него более 50 учащихся. Помимо урочных часов он проводил и вечерние занятия, где вел с детьми беседы на разные темы, читал рассказы на русском языке, переводил их на родной язык. Ученики были увлечены занятиями в школе, и родителям стоило больших трудов, чтобы привлечь их к работам по хозяйству. Своих выпускников Гадельгарей Мухаматгареевич старался направлять в городские училища, Казанскую татарскую учительскую школу и гимназии, более 30 из

них стали учителями. Уфимская газета «Турмыш» в октябре 1916 г. извещала о предстоящем праздновании 40-летней педагогической деятельности Кудашева. Однако по причине военного времени, когда многие представители местной интеллигенции и выпускники Буздякского училища находились на фронте, мероприятие было отложено. В феврале 1918 г. на Белебеевском уездном земском собрании слушался доклад группы мусульманских гласных о плодотворной деятельности Г.М.Кудашева. Собрание вынесло решение об участии земской управы в чествовании юбиляра, в смету внесли 500 руб.

Женское русско-башкирское училище д. Буздяк открылось 3 марта 1893 г. и стало первой в Уфимской губернии школой с содержанием от земства. В первый же год на учебу поступило 10 учениц, преподавательницей была дочь известного татарского просветителя Хусаина Фаизханова Амина, окончившая Елизаветинский женский институт. В июле 1896 г. на уездном земском собрании она же была избрана попечительницей школы. Во время голода 1898 г. Амина ханум развернула широкую благотворительную деятельность в соседней с Буздяком деревне Шланлыкуль, благодаря чему дети, старики и убогие получали питание, снабжались одеждой. При Шланлыкулевском русско-башкирском училище Амина Фаизханова организовала ткацкую мастерскую. Среди селений, где развитие земских школ было связано с деятельностью представителей татарского дворянства, можно отметить селение Новые Каргалы. Русско-татарское мужское училище Министерства народного просвещения было открыто в 1886 г. и получало пособие от земства. В 1903 г. в деревне начала действовать женская одноклассная (с 3-летним курсом обучения) русско-татарская школа. В 1914 г. учительницами были Гринева, окончившая епархиальное училище, и Еникеева, выпускница прогимназии.

Школа располагалась в доме Исхака Еникеева.

Мужское училище также занимало наемное помещение: в 1914 г. земская управа выплачивала «квартирные» Сайфутдину Еникееву, Бикмухамету Терегулову, в 1915 г. – Усману Янгуразову. Учителями в 1914 г. значились Сюндюков, Терегулов и Еникеев. Г.Н.Сюндюков в марте 1918 г. Белебеевской земской управой был приглашен на должность члена коллегии по народному образованию. Гиниатулла Нигматуллович Терегулов, выпускник Казанской татарской учительской школы, был преподавателем в 1912–1915 гг. В 1915 г. Г.Н.Терегулов поступил в Уфимский учительский институт. В это время ему предложили вести в уфимском медресе «Галия» уроки математики, алгебры и геометрии. Он вспоминал, что первую половину дня преподавал шакирдам медресе, а другую половину был студентом института³. После его окончания в 1918 г. Г.Н.Терегулов вернулся в д.Новые Каргалы, где стал учителем высшего начального училища и председателем школьного совета.

Высшее начальное училище (до 1912 г. оно называлось 4-классным городским) открылось в д. Новые Каргалы в 1911 г. Оно было единственным в Уфимской губернии подобным учебным заведением, предназначенным для мусульманского населения. Заведующий училищем М.Н.Мухамедов вел уроки арифметики, алгебры, физики, рисования, черчения, гимнастики, пения. В июле 1914 г. местный житель Камалетдин Терегулов сдал свой дом под квартиру М. Мухамедову сроком на один год. В 1917–1918 гг. в штатном расписании училища значились преподавателями: З.Ш.Еникеева, П.И. Злобина (с сентября 1917 г.), К.М. Яковлева (с 1918 г.), О.Ф.Королук (с 1918 г.), Г.Д.Плохова, Е.В.Скобелев. В Новых Каргалах находилась районная библиотека губернского земства, которой заведовал Миннигайса Мухамедович Терегулов.

Во время строительства здания высшего училища было решено устроить на приусадебном участке пришкольное хозяйство и пасеку. М. Мухамедов и сельский комитет в лице комиссара И. Терегулова, членов Т. Сабитова, М. Терегулова, Ш. Мамлеева, М. Еникеева, С. Терегулова, Ф. Утяшева, секретаря Г. Еникеева приняли соответствующее постановление. Белебеевскому уездному собранию 1918 г. был представлен доклад помощника агронома З.И. Горшкова «Об агрономических мероприятиях при Каргалинском высшем начальном училище», после этого в смету расходов уездного земства внесли 1264 руб. На том же собрании вынесли постановление об открытии одногодичных курсов при Ново-Каргалинском высшем училище для подготовки учителей мусульман, так как ощущалась острая нехватка кадров для русско-башкирских и русско-татарских школ Уфимской губернии.

Среди учителей-мусульман из дворян следует отметить Нурмухамета Мамлеева. После окончания Оренбургской татарской учительской школы он преподавал в Калмыковском русско-башкирском училище Бирского уезда, к 1880 г. имел уже 12-летний педагогический стаж, за высокие трудовые достижения был награжден серебряной медалью «За усердие». В 1906–1907 гг. учителем Калмыковского училища состоял Ибатулла Еникеев. В Татышевском русско-башкирском училище того же уезда преподавал Абдулла Еникеев, в Старобекметевском – Шариаздан Максюттов. В д. Верхние Киги Златоустовского уезда в двухклассном мужском училище с 1901 г. работал Ибатулла Асадуллоевич Еникеев, в 1904 г. он стал заведующим школой. В Верхне-Кигинской женской школе с 1904 г. занятия по рукоделию вела Гайниял Салимгареевна Мамлеева. В русско-башкирском училище д. Абдуллино того же уезда в 1906 г. детей обучал Галий Еникеев, в д. Ново-Муслюмово в 1911 г. – Давлетша Еникеев.

Наиболее часто имена учителей из татарских дворян встречаются в местностях их компактного проживания. Согласно списку земских училищ Белебеевского уезда за 1914 г. среди учителей значились следующие представители дворянских фамилий: Утяшева (Аксаковское училище), Хайретдин Нигматуллоевич Сакаев (Давлекановское 1-е), Кудашев (Тюпкильдинское, в 1918 г. избран на общественную должность в Белебеевском уездном земстве), Кудашев (Аитовское), Еникеев (Альшеевское), Мамлеев (Зильдяровское), Терегулов (Калмаш-Башевское), Еникеев (Нижне-Аврюзовское), Бибиамал Терегулова (Старо-Тураевское), Хайретдин Терегулов (Усман-Ташлинское), Еникеев (Юмадыбашевское), Еникеев (Арасланбековское), Мамлеев (Белебеевский русский класс при медресе), Кудашев (Бишкуразовское), Кудашев Гадильгарей, Мамлеев, Кудашев (Буздякское), Сяндюков, Терегулов, Еникеев (Ново-Каргалинское), Еникеев (Старотураевское), Еникеев Хисматулла (Тузлукушевское), Сакаев (Шланлыкулевское)⁴.

Для снабжения начальных школ учебниками земские управы нанимали отдельных возчиков. Дворянин деревни Буздяк, проживающий в г.Белебее, Сагисайран Мамлеев был нанят земской управой летом 1914 г. для доставки учебных пособий и мебели с оплатой из расчета «по 5 копеек с версты на лошадь». С. Мамлеев обеспечил учебными пособиями и инвентарем 36 школ, расположенных в Богадинской, Тюрюшевской, Васильевской, Карьявдинской, Старокалмашевской, Киянликулевской и Куручевской волостях, за что земская управа выделила 145 рублей.

Мероприятия земств в сфере распространения русской грамоты активизировались с реализацией плана по введению всеобщего обучения. С 1910–1911 гг. наблюдается тесное сотрудничество земства и национальной интеллигенции, с помощью которой решались ключевые и наиболее сложные про-

блемы подготовки учительских кадров, велись поиски по правильной организации в новых русско-татарских и русско-башкирских школах. При губернской управе был организован отдел по образованию инородцев, заведующим был Леонид Мендияров, которого сменил Гумер Терегулов. Отдел издавал популярные брошюры на татарском языке по медицине, кооперации, народному образованию, занимался открытием библиотек в мусульманских селениях. Г.Х.Терегулов являлся сторонником партии кадетов, активным общественным деятелем. На совещании по внешкольному образованию летом 1914 г. он выступил за организацию отдельных мусульманских библиотек. По его мнению, ситуация, когда в библиотеках русских селений имелись книги для мусульман, но не было библиотечарей, знающих мусульманскую литературу и татарский язык, пагубно отражалась на просвещении народа. Для областного совещания по вопросам инородческого совещания 1916 г. он подготовил доклад «О современном положении начального образования инородцев», в котором критиковал существующие инородческие училища и проводил мысль о необходимости открытия школ, соответствующих «жизненным и национальным интересам каждой народности»⁵. Во время гражданской войны Гумер Терегулов уехал с армией Колчака в Сибирь. На должности заведующего отделом народного образования мусульман его сменил в 1918 г. Халиулла Шагибекович Еникеев.

Х.Ш.Еникеев работал сначала учителем начальных училищ в Белебеевском уезде. С разрешения министра народного просвещения в 1909 г. поступил в Учительский институт г. Уфы и был единственным на то время учащимся из мусульман. Во время учебы в институте получал стипендию от земства. К его аттестату об окончании института (1912 г.) было приложено заключение педагогического совета: «Добрейшей души человек.

Искренность и простота видны в каждом его действии, в каждом поступке. К занятиям всегда прилежен. Затрудняется лишь в переложении усвоенного на русском языке, к отвлеченному мышлению, на которое очевидно еще не вполне привык»⁶. После института Х.Еникеев хотел стать учителем в Казанской татарской учительской школе. За него перед директором народных училищ Казанской губернии ходатайствовал директор Учительского института А.Н.Лисовский, который писал: «Проситель безупречен в нравственном отношении: трезв, скромн и очень трудолюбив». Х.Еникеев подал также прошение попечителю учебного округа об определении его учителем городского училища, но получил ответ, что «по существующему законоположению просьба Еникеева, как магометанина не может быть удовлетворена».

В 1916 г. губернское земство организовало 3-годичные педагогические курсы для подготовки учителей-мусульман. В 1918 г. заведующим курсами состоял Галий Сагитович Еникеев, уроженец д. Новые Каргалы (1888 г.р.), в 1905 г. он окончил Белебеевское городское 4-классное училище, в 1914 г. – Уфимский учительский институт (с серебряной медалью). В 1917 г. состоял членом Белебеевской земской управы, земским представителем в педсовете Белебеевской учительской семинарии.

Среди земских служащих из татарских дворян необходимо отметить Мирсаяфа Шагабутдиновича Резяпова, служившего в течение 10 лет «агентом губернского земского страхования». В 1878–1884, 1887–1891 гг. от землевладельцев он избирался гласным Стерлитамакского уездного и Уфимского губернского земского собраний. В выборах могли участвовать землевладельцы, обладающие не менее 200 десятин земли. Земскими гласными Уфимского земского уездного собрания состояли: Еникеев Г.А. (1887–1890 гг.), Еникеев О.С. (1906–1914 гг.), Еникеев М.И.

(1912–1914 гг.), Стерлитамакского: Тукаев Г.Л. (1878–1886 гг.), Курамшин А. (1887–1890 гг.), от Белебеевского уезда: Алкин К.С. (1894–1911 гг.), Биглов М.С. (1887–1890 гг.), Биглов А.Д. (1903–1908 гг.), Еникеев И.А., Еникеев М.М., Еникеев Ф.И. (1881–1883 гг.), Еникеев Ш.Х., Еникеев Ш.Г., Еникеев М.Н. (1909–1911 гг.), Тевкелев А.П. (1881–1883 гг.), Тевкелев К.П. (1881–1883, 1887–1911 гг.), Терегулов Н.Н. (1881–1883 гг.), Терегулов А.Г., Терегулов И.В. (1909–1911 гг.), от Бирского уезда: Кайбишев Ф.Ш. (1881–1883 гг.), Кайбишев Ф.М. (1909–1914 гг.) и др.

В 1911 г. в губернской управе служил Ильдархан Чанышев. В 1913 г. член Белебеевской уездной земской управы Шагибек Нигаметдинович Сакаев заведовал Буздякской земской библиотекой. В 1914 г. членом Бирской управы состоял Фазылбек Кайбишев. Председателями Белебеевской земской управы являлись А.А.Ахтямов (1883–1885 гг.), М.М.Биглов (1907–1909 гг.) и Ф.Г.Музафаров (1913–1917 гг.).

Татарские дворяне стремились дать своим детям хорошее образование. После окончания начальных школ родители стремились построить сыновей и дочерей в начальных, средних и высших учебных заведениях, татарских учительских школах, несмотря на стесненность в средствах. Нередко они обращались с прошениями о выделении пособия в учебное ведомство, земские управы. Однако стать стипендиатами уездного или губернского земства удавалось далеко не всем.

В 1896 и 1898 гг. студенту 3-го курса медицинского факультета Казанского университета Рустембеку Сариаскаровичу Давлеткильдееву были выделены пособия по 180 руб. Совместно с пятью сонаследниками в Белебеевском уезде он имел 280 дес. земли, которые были заложены в Дворянском земельном банке. 50-летняя мать воспитывала одного несовершеннолетнего и трех малолетних детей. Старший брат Р.С. Давлеткильдеева был на службе

с жалованьем 25 руб. в месяц, сестра – замужем.

В 1896 г. студент Казанского ветеринарного института Магадий Нуреевич Резяпов получил стипендию в размере 230 руб., в следующем 1897 г. – 180 руб. В своем прошении он указывал, что не владеет недвижимостью, а два его брата являются сельскими учителями. Здесь же в 1896–1900 гг. учился Хусейн Зиганшевич Терегулов, он получал стипендию Белебеевской земской управы в сумме 115–230 руб. в год. На заседании уездного земского собрания 1895 г., где рассматривалось его прошение, отмечалось, что его родители «несостоятельные люди» – обедневшие дворяне. За Мадину Резяпову ходатайствовала мать, дворянка Магишап Хусаиновна Резяпова, вдова вышеупомянутого земского служащего и гласного Мирсаяфа Резяпова. В 1898–1904 гг. Уфимское губернское земство ежегодно выделяло по 240 руб. на ее обучение в Мариинской женской гимназии и содержание в дворянском Новиковском пансионе. Стерлитамакское земское собрание в 1907 г. назначило Мадине Резяповой стипендию 350 руб. для обучения на Стебутовских сельскохозяйственных курсах.

Уфимский дворянин Шахбазгарей Еникеев, студент Казанского ветеринарного института в 1902–1904 гг., получал земскую стипендию от 100 до 200 руб. Марьям Исламгулова, дочь почетного гражданина, бывшая учительница Шланлыкульской школы Белебеевского уезда, обучаясь в Санкт-Петербургском медицинском институте и как слушательница повивального института и получала стипендии земства: в 1902–1903 гг. – 200 руб., в 1904 г. – 300 руб., в 1905–1906 гг. – 150 руб.

Ученику реального училища Саитгирею Еникееву, сыну коллежского секретаря Арслангарея Еникеева, служащего Оренбургского магометанского духовного собрания, в 1902–1904 гг. выдавалась ежегодная безвоз-

вратная стипендия земства в размере 100 руб.

Для обучения в Казанской татарской учительской школе в 1902 г. потомственному дворянину Искандеру Саитгареевичу Сакаеву также было назначено пособие земства (65 руб.).

Слушательница Санкт-Петербургского медицинского института дворянка Ракия Шаихгаттарова Губеева в 1903 г. получила возвратную стипендию от земства в размере 400 руб. Ее мать – Ханифа Миграновна – владела 141 дес. земли в Стерлитамакском уезде, недвижимостью и землей в Казани.

Сыновья дворян Уфимской губернии, поступившие в Казанскую татарскую учительскую школу, нередко являлись стипендиатами земских учреждений. Так, по ходатайству вдовы чиновника Рахимы Еникеевой в 1903–1905 гг. была выделена личная возвратная стипендия ее сыну Абдрахиму Еникееву, в 1904–1905 гг. возвратная стипендия поступала Г.Х.Еникееву (140 руб.), в 1904 г. – Гали Гумеровичу Чанышеву (150 руб.). (В 1906 г. он преподавал в Старо-Балтачевском училище Бирского уезда). Сын дворянина д.Кузеевой М.М.Чанышева – Гумер Чанышев – также получал возвратную стипендию: в 1904–1906 гг. – по 140 руб., в 1907–1908 гг. – 145–150 руб., в 1909 г. – 75 руб.

В 1904 г. студенту Ветеринарного института Сулейману Чанышеву было выдано 200 руб. Отцу просителя принадлежало 91 дес. удобной земли в Стерлитамакском уезде, который, будучи в преклонном возрасте, не мог обеспечить обучение сына. Стерлитамакское уездное собрание 1910 г. выделило Сулейману Чанышеву 200 руб. как единовременное пособие в Варшавском ветеринарном институте.

Среди татарских стипендиатов из дворян, служивших впоследствии в земстве, выделялся Шахбазгарей Хайретдинович Еникеев (1879–1954). Уроженец Уфы, учился в Уфимской мужской гимназии как земский стипендиат. Будучи студентом Казанского ветери-

нарного института, вместе со студентом Пушкиным был командирован губернской управой летом 1904 г. на борьбу с сибирской язвой в Уфимский уезд. За самоотверженность и успешное лечение домашнего скота они получили письменные благодарности от Анненского, Верхне-Николаевского, Безводовского сельских обществ. После завершения обучения Ш.Х.Еникеев поступил на земскую ветеринарную службу (д. Буздяк), в 1906 г. стал участковым ветеринарным врачом в Уфимском уезде. Ш.Х.Еникеев принимал активное участие в становлении ветеринарной службы в крае: состоял членом Ветеринарного совета и Зоотехнической комиссии губернской земской управы, Уфимского ветеринарного общества, при котором действовала амбулатория для бесплатного лечения домашнего скота, в 1909–1912 гг. был гласным Белебеевского уездного и губернского земского собрания. Летом 1910 г. Шахбазгарей Хайретдинович был направлен в командировку в Великокняжескую станицу области Войска Донского для изучения методов борьбы с сапом, по результатам которой представил подробный доклад губернской управе. В 1911 г. он совершил научную командировку в бактериологическую лабораторию Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге.

Шахбазгарей Хайретдинович проявил себя как благотворитель: в неурожайные 1908–1909 гг. он содержал в Буздяке столовую на 50 мест для голодающих. Его племянник Давлет Мухамеджанович Шейх-Али вспоминает, что спустя более 40 лет дядю узнавали на улицах в Уфе, благодарили его со слезами на глазах⁷. Ш.Х.Еникеев являлся членом Уфимского мусульманского благотворительного общества, в 1913–1914 гг. был секретарем правления. Его супруга Хажар Ибрагимовна (в девичестве Шейх-Али) в 1915–1916 гг. состояла помощницей председателя Уфимского женского благотворительного общества Марьям Султановой.

В советское время Ш.Х.Еникеев работал заведующим 2-й Уфимской горветлечебницей. В годы сталинского террора против него было сфабриковано дело об антисоветской деятельности. В деле по обвинению Ш.Х.Еникеев проходил с ветеринарным врачом Б.А.Куровским, также работавшим до революции в земстве. Они были арестованы 3 ноября 1937 г., до ожидания приговора два года провели в тюрьме. 11 октября 1939 г. народный суд вынес решение о невиновности Ш.Х.Еникеева и Б.А.Куровского. После этого Ш.Х.Еникеев был назначен на должность старшего ветеринарного врача Уфимской государственной конюшни. Во время войны в конюшне сохраняли племенных лошадей, занимались заготовкой сена, пытались уберечь имущество от мародеров. За продолжительную и безупречную работу в марте 1949 г. Шахбазгарей Хайретдинович был награжден почетной грамотой. В 1953 г. встал вопрос о присво-

ении ему ордена Ленина, однако этому «помешало» упоминание им в анкете об армии Колчака, где недолгое время Ш.Х.Еникеев служил ветврачом.

Таким образом, представленные некоторые штрихи к портрету татарских дворян конца XIX – начала XX в. позволяют утверждать, что татарские дворяне Уфимской губернии, несмотря на ослабленное социально-экономическое положение своих хозяйств, занимали высокое общественное положение среди мусульман Приуралья, принимали активное участие в деятельности губернского и уездных земских учреждений, выступая представителями мусульман, отстаивали их интересы, вносили посильный вклад в распространение русского образования и просвещения среди татар и башкир. В отличие от основной массы татарского населения, их дети обучались в русских начальных, средних и высших учебных заведениях и в дальнейшем посвящали себя развитию культуры и экономики страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-113. Оп.1. Д.463. Л.68.

² ЦГИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д.463. Л.47.

³ *Терегулов Г. Безнең Галимжан Ибраһимов // Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр.* – Казан, 2007. – Б.120–124.

⁴ Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. – Белебей, 1914. – С.28–130.

⁵ Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – Уфа, 1916. – С.79.

⁶ ЦГИА РБ.Ф.И-123.Оп.1.Д.45. Л.3.

⁷ *Шейх-Али Давлет.* Они прожили благородно //Дворянский вестник. – 2003. – № 53. – 5 июня.

Аннотация

В статье освещается обучение представителей татарского потомственного дворянства Уфимской губернии в средних и высших учебных заведениях, их участие в общественной и социальной жизни края, в просвещении татар и башкир в качестве учителей, земских гласных и сотрудников земских управ во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: земские учреждения Уфимской губернии, татарские дворяне, гласные-мусульмане земских собраний, русско-татарские школы, русские классы при медресе.

Summary

The article deals with teaching the representatives of the Tatar hereditary nobility of the Ufimskaya province in high schools and academies, their participation in social and public life of the region as well as in the enlightenment of the Tatars and Bashkirs as teachers, councilors and members of district authority in the second half of the XIX and at the beginning of the XX century.

УДК 94(47)

ОСОБЕННОСТИ ВОЛОСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СУДА У СИБИРСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Г.Т. Бакиева, кандидат исторических наук

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется проведением административных реформ, направленных на унификацию системы управления всем сельским населением Сибири. Первые шаги на этом пути были сделаны во время реформы М.М. Сперанского 1822 г., в результате которой сибирские татары были отнесены к «оседлым инородцам» и приравнялись к русским крестьянам. Оседлые инородцы должны были иметь то же управление, что и крестьяне: сельское и волостное со своими сходами, правлениями и судами. Однако в этот период унификации управления у сибирских татар не произошло, оно продолжало сохранять традиционные черты¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. система самоуправления у сибирских татар, как и у русских крестьян, должна была соответствовать требованиям «Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.». Однако реализация закона у татар Тобольской губернии стала возможна только после принятия «Положения о сельском состоянии», изданного в 1879 г., и циркулярного распоряжения Тобольского губернского правления от 30 апреля 1890 г.

В данной статье по материалам государственного архива в г. Тобольске (ГУТО ГАТ) рассматривается система волостного управления у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в., деятельность волостных схода, суда, правления, а также права и обя-

занности должностных лиц волостного самоуправления.

Волостной сход. Во второй половине XIX – начале XX в. волостные сходы сохранили за собой распорядительную функцию. Однако в этот период в их деятельности произошли некоторые изменения. Если в XVIII – начале XIX в. решения на сходе принимались по древнему обычаю «с общего согласия», то позже власти отказались от этого правила. Со второй половины XIX в., по новым законам, решение принималось лишь должностными лицами волостного и сельского управления и представителями от каждого 10 дворов селений, входивших в волость («выборщики», «десятидворные»)². Например, в 1913 г. Вагайский волостной сход включал в себя волостного старшину, 2 заседателей, 4 судей, 4 сельских старост, 89 «выборщиков», итого 100 человек. Истяцкий волостной сход состоял из старшины, 3 заседателей, 4 судей, 5 сельских старост, 48 выборных, всего из 61 человека. В Карагайском волостном сходе были: старшина, 3 заседателя, 4 судьи, 6 сельских старост и 97 десятидворных. Тукузский волостной сход состоял из старшины, 2 заседателей, 4 сельских старост, 4 судей, 67 выборных³.

Десятидворные выборные избирались сельскими обществами из числа домохозяев на один год. Они должны были принимать участие во всех волостных сходах, проводившихся в текущем году. Возрастной ценз десятидворных не был строго установлен по

закону, по архивным материалам можно видеть, что средний возраст выборных равнялся 30–40 годам. Например, список выборных Надцинской волости в 1914 г. выглядел следующим образом: юрты Карбинские – Назыр Мамкин, 35 лет, Аптул Маметов, 27 лет, Карим Юсуфов, 35 лет, Хаммат Ильясов, 27 лет, Санатулла Ниязов, 31 год; юрты Надцинские – Сафарали Калмаметов, 35 лет, Аптул-Гали Колыбаев, 30 лет; юрты Аремзянские – Башир Аширов, 27 лет, Курманбак Хамидуллин, 35 лет, Айтмухамет Утяшев, 26 лет, Суочбак Айтмухаметов, 30 лет, Маркемал Айтмухаметов, 35 лет, Колыбай Сеитов, 40 лет⁴.

Сход считался открытым, если на нем присутствовало не менее 2/3 крестьян, имеющих право голоса. Если оказывалось меньше, то сход считался не состоявшимся. При этом власти установили ответственность должностных лиц и выборных десятидворных за неявку на сход без уважительной причины. Волостной старшина передавал сведения о них на рассмотрение волостного суда⁵.

Решение волостного схода принималось простым большинством голосов его членов. При этом, если голоса на сходе делились поровну, то большинство считалось на той стороне, с которой соглашался волостной старшина. Лишь небольшой круг вопросов решался 2/3 голосов членов схода: об установлении добровольных мирских повинностей, расходовании мирских капиталов и об удалении порочных крестьян из общества⁶.

Здесь мы видим, что произошло резкое ограничение представительства волостного схода, что было недопустимо еще в начале XIX в. Как справедливо заметила Н.А. Миненко, «положение о принятии на нем (сходе. – Г.Б.) решений простым большинством и с предоставлением особого веса голосу старшины – все это подрывало авторитет распорядительного органа общины. По общинной демократии наносился удар огромной силы»⁷.

Решение волостного схода записывалось в приговоре. Во вводную часть приговора требовалось включать данные о составе волостного схода – число всех членов схода и присутствовавших⁸. В конце XIX в. в приговоре требовалось указывать, что сход собран «согласно распоряжению крестьянского начальника».

Председательствовал и отвечал за порядок на волостном сходе волостной старшина. В том случае, когда происходил учет (проверка) волостного старшины, возглавлять сход предоставлялось одному из сельских старост.

К компетенции волостного схода относились вопросы, касавшиеся дел волости. Одним из главных вопросов, который решался на волостном сходе, было утверждение расходов на волостные нужды. Волостной старшина вместе с членами волостного правления составлял смету волостных потребностей и представлял ее на утверждение волостного схода. Затем на волостном сходе производили раскладку сумм, необходимых для волостных потребностей, между сельскими обществами по числу душ домохозяев⁹. Кроме того, из волостных сумм выдавались деньги на расходы поверенным общины в случаях необходимости ходатайств перед вышестоящими органами.

Следующий круг вопросов, относившийся к ведению волостного схода, касался учета должностных лиц общины и утверждения годового отчета волостного старшины. Для проверки и учета волостных сумм на сходе ежегодно избирались учетчики не менее трех человек из грамотных общинников. При этом учетчиками не могли быть сельские старосты. Учетчики были обязаны осуществлять проверку денежных книг и сумм волостного правления один раз в три месяца. «Инструкция сельским и волостным обществам и должностным лицам» подробно регламентировала их действия: «первоначально проверяется кассовая книга, просматриваются подлинные квитанции и расписки

в израсходовании денег, приходные статьи удостоверяются подлинными бумагами, при которых деньги поступили, расчетными книжками сборщиков податей и сельских старост. Затем определяется остаток по кассовой книге, который должен быть налично. Определив по книгам остаток сумм... учетчики вскрывают денежный сундук и пересчитывают все находящиеся в оном суммы и документы. В случае обнаружения... злоупотреблений, учетчики обязаны немедленно составить акт и предъявить его, чрез волостного старшину волостному сходу, а копию с этого акта до созыва схода представить в уездное по крестьянским делам присутствие». В течение января волостной сход производил учет всех сумм, находящихся в распоряжении волостного старшины, проверял и утверждал годовой отчет волостного старшины¹⁰.

На волостном сходе принимались решения об отдаче в аренду общинных угодий. Например, в феврале 1905 г. татары Уватской волости на сходе приняли решение и составили приговор об отдаче в аренду речки Аристовки за 265 рублей татарину юрт Уватских Ибуку Калиеву «которые и зачислили в мирские сборы за 1905 г.». Далее шли 92 подписи, печать волостного головы Маметуллиной и кандидата головы Амирханова¹¹.

Волостные сходы могли собираться в любое время, по необходимости. По закону существовали и специальные сроки для них: в январе для учета волостных сумм за истекший год, в декабре для определения волостных сборов на следующий год и для раскладки этих сборов между обществами¹².

О количестве волостных сходов, проводившихся за год, косвенно свидетельствует число волостных приговоров схода той или иной волости. Так, в 1909 г. Бухарский волостной сход вынес всего 15 приговоров, Карагайский – 13, Истяцкий – 5, Тукузский – 20, волостной сход Оброчных Чувальщиков – 6¹³. В 1912 г. в Истяцкой волости было вынесено 11 приговоров волост-

ного схода, в Вагайской волости – 5, в Тукузской – 7, в Карагайской – 8. А, к примеру, Истяцким волостным судом за тот же год было решено 28 гражданских и 28 уголовных дел, в Вагайском волостном суде – 61 и 20, в Тукузском – 38 и 9, в Карагайском – 119 и 41 дело соответственно¹⁴. Как показывают цифры, волостные сходы проводились не так часто. Одной из причин уменьшения количества дел, выносимых на рассмотрение схода, являлось то, что из его ведения были изъяты судебные разбирательства, которые ранее относились к его компетенции, и переданы в ведение волостного суда.

В волостях сибирских татар, так же, как у русских крестьян, во второй половине XIX – начале XX в. существовал специальный судебный орган – **волостной суд**. Волостной суд по закону должен был состоять из 4-х, максимум 12-ти судей. Иногда обязанность председателя суда возлагалась на волостного старшину. Определение числа и установление между ними очереди предоставлялись волостному сходу. В Бухарской волости Тобольского уезда функции волостного суда выполняла волостная расправа. В нее входили не специально выбранные судьи, а волостной голова, два «кандидата головы» и писарь¹⁵.

Сход по своему усмотрению мог назначать жалование судьям за время исправления ими должности. В волостном суде обеспечивалось представительство от большинства селений волости. Так, в Вагайском волостном суде в 1917 г. судьями были назначены Сайдмухамет Карымов из юрт Усть-Тамакских, Хизаметдин Аминев из юрт Шамшинских, Сарачетдин Хайруллин – из юрт Кобякских и Салик Муслимов – из юрт Бегишевских¹⁶. В Карагайской волости за 1917 г. в волостной суд были назначены – Хабибулла Аликеев из юрт Карагайских, Абуталип Измаилов – из юрт Лешаковских, Камалетдин Аптулвагитов – из юрт Тебендинских, Мухаметкали Курманалиев – из юрт Салинских¹⁷.

Волостной суд, по существующему положению, должен был собираться не менее двух раз в месяц, по воскресеньям и праздничным дням, в случае необходимости и в другие дни¹⁸. Однако, как показывают архивные материалы, эти суды собирались гораздо реже установленных законом сроков. Например, в ходе ревизии некоторых татарских волостных правлений в феврале 1913 г. члены Губернского управления по крестьянским делам установили, что Карагайский волостной суд для разбирательства дел в 1912 г. собирался всего три раза: с 29 марта по 2 апреля, с 24 по 26 сентября и с 10 декабря по 14 декабря. Ежедневно рассматривалось в среднем по 9 дел. Всего решений волостного суда было 96. Комиссия пришла к выводу, что суд рассматривал и исполнял дела очень медленно. В связи с этим комиссия рекомендовала проводить заседания суда чаще, «во всяком случае, не менее раза в месяц»¹⁹. По замечанию комиссии, также обстояло дело в Истяцком волостном суде²⁰.

Специального помещения волостной суд не имел, а собирался в правлении. Если необходимо было участие большого числа свидетелей, или в случае осмотра имущества, например, подлежащего разделу, суд назначался на месте.

Делопроизводство волостного суда, а также хранение в порядке дел и книг возлагались на волостного писаря под наблюдением председателя суда. Волостной суд имел особую печать.

В ведении волостного суда находились споры и тяжбы между общинниками в сумме до 100 рублей. Он рассматривал иски по делам, касающимся движимого и недвижимого имущества, по различным сделкам и договорам, заключаемым между общинниками, разрешение споров о порядке наследования, семейные разделы. В числе дел, относящихся к ведению волостного суда, были ссоры и драки между крестьянами, беспорядки во время волостного схода; кражи, присвоение

находки не свыше 30 рублей; дела об оскорблении словами и действиями между самими общинниками. Кроме того, в его ведении находилось утверждение приговоров сельского схода об удалении из общества кого-либо из его членов²¹. Таким образом, волостной суд рассматривал не только гражданские, но и уголовные дела небольшой тяжести.

Отметим, что судебные разбирательства у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. органами местного самоуправления, в том числе волостными судами, решались на основе общих положений законодательства Российской империи. Часть дел, связанных с семейно-брачными, наследственными вопросами, власти оставили решать сибирским татарам на основе норм шариата. Однако устанавливались случаи, при которых рассмотрение и этих дел могло решаться на основе общих законов²².

Волостные судьи могли назначать следующие виды наказаний: общественные работы до 6 дней, штрафы до 3 рублей, арест до 7 дней, телесные наказания до 20 ударов розгами. По закону был установлен запрет подвергать телесному наказанию некоторых лиц. По закону телесному наказанию не подвергались: бывшие волостные головы, имеющие серебряную медаль за беспорочную службу в течение 9 лет; волостные писари, прослужившие беспорочно в должности 12 лет и удостоенные серебряной медали; все духовные лица нехристианского вероисповедания и их дети; женщины, престарелые, достигшие 60 лет²³. Эти лица могли подвергаться лишь штрафу в размере до 3 рублей. Следует отметить, что наказание розгами считалось тяжким наказанием, и применялось только в исключительных случаях. Денежные штрафы, установленные волостными судами, должны были обращаться в пользу мирских сумм той волости, где производился суд. Если приговоренный волостным судом за проступок к денежному взыс-

канию оказывался несостоятельным к его уплате, то оно заменялось арестом или отдачей в общественные работы с зачетом двухрублевого денежного взыскания за каждый день ареста или общественных работ²⁴.

Существовал срок давности, по истечении которого виновные освобождались от наказаний. Виновные в совершении кражи, мошенничества и присвоении чужого имущества освобождались от наказания, если в течение двух лет они не были изобличены или когда, в течение тех же сроков, не было никакого по этим делам производства. По другим проступкам срок давности был установлен в шесть месяцев со времени их совершения²⁵.

Волостной суд при рассмотрении дел использовал различные доказательства: собственное признание подозреваемого, письменные доводы, личный осмотр следов преступления и вещей, показания сведущих людей и свидетелей, повальный обыск, присяга. Собственное признание ответчика в ходе судебного разбирательства являлось бесспорным доказательством преступления. Признание ответчика вне суда признавалось доказательством в зависимости от обстоятельств²⁶.

Одними из доказательств в волостном суде признавались показания свидетелей. В случае их неявки в суд дело откладывали до следующего заседания, если признавали, что показания свидетелей являлись существенными для разрешения дела. Кроме того, неявившихся свидетелей могли подвергнуть взысканию. При наличии уважительных причин, из-за дальности расстояния волостного суда, они могли допрашиваться на месте волостным старшиной. Затем их письменные показания отправлялись в волостной суд. По закону запрещалось привлекать в свидетели лиц, не достигших 15 лет, безумных и сумасшедших, глухонемых, убийц, разбойников и воров, явных прелюбодеев, и вообще всех лиц, лишенных чести и всех прав состояния. В свидетели не допускались так-

же: лица, имевшие отношение к делу; находящиеся с тяжущимися в родстве и ближнем свойстве, имевшие вражду с этими лицами; дети против родителей; жена тяжущегося; лица, подкупленные к свидетельству. Люди, находящиеся у тяжущегося в услужении и получающие от него пропитание, могли допрашиваться только по недостатку других свидетелей. Больные, а также знатные и лица женского пола дворянского происхождения допрашивались на дому. Если нужно было допросить большое число свидетелей из одного или нескольких селений, то допускалось допрашивать их по месту жительства, чтобы не отвлекать их от занятий²⁷.

Показания свидетелей отбирались согласно определенным правилам. До проведения допроса свидетеля должна была состояться очная ставка с лицом, против которого он свидетельствовал. На очной ставке ответчик мог дать отвод свидетелю. Затем свидетеля приводили к присяге. По закону свидетели должны были присягать по своей вере. Сибирские татары, являвшиеся мусульманами, приводились к присяге по особой форме, изданной 25 апреля 1850 г. Согласно этим правилам, они сначала должны были совершить омовение (согласно мусульманским обычаям). Затем в присутствии муллы, «держа с почтением правую руку на Коране, произносить со вниманием и благоговением слова присяги, устремив взор во все это время на священную книгу». Если лицо, приводимое к присяге, не умело читать, то мулла должен был прочесть и объяснить ее содержание, «произнести внятно и медленно присягу, а свидетель должен повторить за муллой слово в слово вслух и внятно. Коран в знак благоговения должен быть положен на чистую шелковую материю. До приведения к присяге свидетеля, мулла обязан вразумить его, что присягу нужно принимать не только языком, но и сердцем, что она есть дело важнейшее пред Всевышним и что закон повелевает

данную присягу соблюдать свято и нарушимо, а клятвopеступник навлекает на себя страшный гнев Божий»²⁸.

После принятия иска суд, не позднее семидневного срока, делал распоряжение о вызове ответчика путем составления повестки.

Анализ материалов дел по деятельности волостных судов свидетельствует о том, что сибирские татары довольно часто обращались к волостным судьям по различным делам. Об этом свидетельствует количество дел, рассматриваемых этими судами. Так, в 1912 г. в Истяцкий волостной суд поступило 27 гражданских и 19 уголовных дел, в Вагайский суд – 50 и 12 дел, в Тукузский суд 46 и 14 дел, в Карагайский – 115 и 41 дело соответственно²⁹.

По окончании разбирательства дела в волостном суде, если не произошло примирения сторон, суд выносил решение, записывая его в специальную книгу, и объявлял его сторонам на этом же заседании. В решении суда отмечались год, месяц и число вынесения решения, имена и фамилии судей, звания, имена и фамилии истца и ответчика или обвиняемых и потерпевших, а также свидетелей. Далее излагались краткие обстоятельства дела и суть решения. Сторонам выдавались копии решения. Решение волостного суда вступало в законную силу и подлежало исполнению в случаях, если оно не было обжаловано в месячный срок, и не была подана просьба общим судебным органам об отмене решения волостного суда³⁰. Если между сторонами происходило примирение, то в книге решений записывалась мировая сделка.

Как показывают архивные материалы, довольно большое количество дел, рассматриваемых волостными судами, заканчивалось примирением сторон. Некоторые из них заканчивались до суда. Например, в ходе ревизии Карагайского волостного правления в декабре 1911 г. было установлено, что до суда было прекращено 150 дел³¹. Примирением сторон в ходе судебного

разбирательства закончились в 1912 г.: 12 дел из поступивших в Истяцкий волостной суд 27 гражданских и 19 уголовных дел, 15 дел в Вагайском суде из 62 дел, 12 из 62 дел в Тукузском и 64 дела в Карагайском суде³².

Несмотря на авторитет волостного суда, часть его решений не выполнялась ответчиками. Причины были самые разные. О них, в частности, мы узнаем из перечня «не приведенных в исполнение решений» Карагайского волостного суда на март 1914 г. Вот некоторые из них: «не исполнено за отлучкой ответчика» (7 случаев), «произведена опись имущества, но продать ничего не оказалось» (2 дела), взыскана часть долга, остальная часть рассрочена добровольно истцом (3 дела), в связи с обжалованием решения в вышестоящий суд³³.

Волостное правление. Во второй половине XIX – начале XX в. волостное правление у сибирских татар являлось административно-судебным и распорядительным органом самоуправления. Одновременно волостным правлением называлось и помещение, в котором размещались должностные лица волости, а также хранились документы и деньги. В волостных правлениях происходили заседания волостного суда и должностных лиц волости, а также сходы общинников. Помещение, где происходили волостные сходы, использовалось также для заключения лиц, отбывавших наказание³⁴.

Волостное правление являлось центром волости, располагаясь обычно в самом крупном по численности населения селе. По количеству волостей в округе определялось количество волостных правлений. Так, во второй половине XIX – начале XX в. в Тобольском округе насчитывалось 10 татарских волостей, в Тарском округе – 5, в Тюменском – 5, в Ялуторовском – 2. В Тобольском округе волостные правления находились в юртах Вагайских (Вагайская волость), Истяцких (Истяцкая волость), Карагайских (Карагайская волость), Тукузских (Тукузская

волость)³⁵. В самом Тобольске находились волостные правления Тобольской Городовой, Бухарской волостей и волости Оброчных Чувальщиков.

Волостное правление состояло из выборных должностных лиц: старшины, кандидата старшины, заседателей, судей, сельских старост, кандидатов сельских старост. Например, в 1917 г. Вагайское волостное правление состояло из 18 членов, Истяцкое – из 19, Карагайское – из 22, Тукузское – из 23³⁶. Существовало правило, согласно которому волостной старшина, заседатель и писарь должны были проживать в селении, где располагается волостное правление.

На содержание волостного правления из мирских сборов выделялись определенные волостным сходом суммы. Например, в 1909 г. на содержание Бухарского волостного правления Тобольского уезда было выделено 648 руб.³⁷ В 1916 г. на содержание Вагайского волостного правления было выделено 429 руб. 25 коп., Истяцкого – 452 руб. 60 коп., Карагайского – 550 руб. 20 коп., Тукузского – 385 руб. 35 коп.³⁸

По закону собрания волостного правления проходили по воскресеньям, а в случае необходимости и в другие дни. Решению волостного правления подлежали следующие дела: производство денежных расходов из волостных сумм, утвержденных волостным сходом; продажа имущества общинников по взысканиям казны; определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму.

В волостном правлении велись и хранились документы, касавшиеся волости: книга приказов, в которую вписывались приказания, объявленные старшиной правлению или отдельным должностным лицам, решения, принятые правлением, книги приговоров волостного схода, решений волостного суда, сделок и договоров общинников и др. Так, в 1909 г. в Бухарской волости Тобольского уезда в волостном правлении велось 30 книг, в Карагай-

ской – 21, Истяцкой – 32, Тукузской – 44 книги³⁹. В 1913 г. в Надцинском волостном правлении того же уезда велось 37 книг, здесь было выдано 86 паспортов и билетов, засвидетельствовано 80 сделок и обязательств, выдано 140 квитанций в получении денег, всего зарегистрировано 665 исходящих бумаг и 620 входящих⁴⁰.

Волостное правление должно было иметь свою печать, которая хранилась у волостного старшины. Изготовление печати относилось на счет мирских сумм. В волостных правлениях имелись различные инструкции, руководства, сборники законоположений, которыми должны были руководствоваться должностные лица. В Уватском правлении в начале XX в. находилось 20 таких книг. Среди них можно назвать «Свод уставов о повинностях» 1899 г., «Временное положение о крестьянских начальниках» 1898 г., «Положения о видах на жительство» 1895 г., «Инструкция о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельского общества» 1900 г., «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г., «Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей» 1904 г. и др.⁴¹

На примере Надцинского инородного управления Тобольского уезда можно представить, как выглядело помещение изнутри. В правлении стояли 3 стола, 7 стульев, два шкафа для хранения книг и дел и канцелярских принадлежностей, ящик-«баул» для хранения сумм управления с внутренним и висячим замками, ящик для хранения гербовых знаков и паспортных бланков с одним внутренним замком. В комнате находились две печи с трубами – круглая и продолговатая, на стене висел портрет императора Николая II. В описи значились также разные канцелярские предметы, а также должностные знаки волостного головы и кандидатов головы, 4 металлические печати. Кроме того, в правлении числилась разная утварь и посуда – топоры, лопаты, кадка, самовар,

чайники, чашки, ведра, бочка, таз и др. Любопытно то, что в описи имущества правления числился пятизарядный револьвер и кобура к нему⁴².

К ведению волостных сходов относились выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда. К **должностным лицам волостного самоуправления** относились: волостной старшина, кандидат (помощник) старшины, заседатели, заменявшие сельских старост в волостном правлении, волостные судьи. Все должностные лица, кроме судей, избиравшихся на один год, избирались сроком на три года. Ко всем должностным лицам волости, а также волостным писарям, по закону предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 25 лет, преимущественно из домохозяев, не состоящие под судом и следствием, не подвергавшиеся телесному наказанию по суду⁴³.

Вступая в должность, избранные должностные лица волостного правления – старшины, судьи, заседатели – давали присягу на верность службе. Согласно закону, присяга или «клятвенное обещание» у сибирских татар-мусульман принималась на Коране в присутствии муллы. Это правило было введено вышестоящими властями еще в начале XVIII в. и сохранилось вплоть до 1917 г. Текст клятвы был единым для русских и татар, один экземпляр «клятвенного обещания» находился у муллы, другой – хранился в волостном правлении⁴⁴. Введение присяги для должностных лиц общины лишней раз подтверждало, что центральная власть рассматривала их как своих агентов на местах, низших администраторов⁴⁵.

Избранные обществом на должности не имели права отказываться от исполнения своих обязанностей. Исключения составляли следующие случаи: если должностному лицу было более 60 лет, если он уже прослужил по выбору полный срок и в случае тяжелой болезни⁴⁶. Однако должностные лица обращались к вышестоящему начальству об освобождении от зани-

маемых должностей и по другим поводам. Заявления должностных лиц об увольнении сначала рассматривались крестьянским начальником, а затем на волостных сходах. Например, в декабре 1909 г. крестьянскому начальнику 2-го участка Тобольского уезда с прошением об увольнении от должности обратился кандидат Бухарского волостного головы Халит Сейнитдинов, мотивируя это тем, что он «очень бедный и имел от роду всего 23 года». Однако крестьянский начальник, изучив семейное и имущественное положение просителя из метрической выписи, выданной муллой мечети Вали Капшановым, и из сведений, полученных от волостного головы Хабибуллина, не согласился с просителем. Состав имущества не позволял считать просителя бедным. Он имел: дом, завозню, пригоны, двух лошадей, одну корову, одного теленка, одну овцу, одну телку, две дровни. Семья Сейнитдинова насчитывала 7 человек: он сам, его жена (20 лет), двое детей, мать (55 лет), сестра (12 лет) и брат (16 лет)⁴⁷.

В другом деле волостной сход волости Оброчных Чувальщиков в декабре 1909 г. рассматривал заявление двух волостных кандидатов Мухамедьяра Мухамет Казыева и Мухаметситдика Салиманова о досрочном освобождении их от занимаемой должности, как они указали, «по семейным обстоятельствам». Сход единогласно постановил освободить просителей от занимаемой ими должности, а на их место избрали Ильяса Маметалиева и Ихсана Уразмухаметова, «поведения хорошего, под судом и следствием не состояли, имеют скотоводство и домообзаводство и возложенную на них службу могут нести без разорения»⁴⁸.

Исполнение обязанностей должностных лиц волостного и сельского управления являлось натуральной повинностью, поэтому на время службы они освобождались от других повинностей. Кроме того, в некоторых волостях старшины и судьи получали

жалованье, размер которого устанавливался волостным сходом.

Согласно Уложению о наказаниях, лица, занимающие выборные должности, не подвергались телесным наказаниям⁴⁹. Как мера поощрения для должностных лиц волостного и сельского управления, занимавших должности «беспорочно» в течение трех лет, устанавливалось право быть присяжными заседателями⁵⁰.

Волостной старшина занимал главное место в иерархии волостного и сельского самоуправления. В его ведении находились не только должностные лица волостного и сельского управления, но и все крестьянское население волости. Власти, выделяя волостного старшину из среды общинников, наделяли его следующими качествами: «своим поведением обязан служить примером для всех крестьян своей волости, ...заслужить их уважение, поступать с ними справедливо, вести себя честно и безукоризненно, терпеливо выслушивать всегда просьбы крестьян, советовать по всем их делам, вникать в положение крестьян и стараться... об улучшении этого положения..., он не должен позволять себе напиваться допьяна, употреблять непристойные бранные слова, участвовать в каких-либо буйствах и драках и т.п.»⁵¹.

Утверждение в должности и отстранение от должности волостных старшин, а также их помощников (кандидатов), в случае «неисправного отправления ими обязанностей или замеченных с их стороны злоупотреблений», и предание их суду предоставлялись губернатору⁵².

Во время службы волостные старшины должны были носить на шее особый знак, изготовленный из светлой бронзы, на лицевой стороне которого был изображен герб губернии с надписью вокруг – «волостной старшина», а на обратной стороне вензельное изображение имени Его Величества с надписью вокруг – «19 февраля 1861 г.»⁵³.

Здесь следует отметить, что татары видели в ношении такого знака оскорбление их религиозных чувств, «в виду изображения на одной стороне знака креста». Об этом писал в 1900 г. поверенный от Вагайской волости Тухтабай Курманов. Он обратился к Тобольскому губернатору с прошением, чтобы крестьянские начальники не обязывали старшин носить должностные знаки. Определением Тобольского губернского управления по крестьянским делам от 25 июля 1900 г. было отменено распоряжение крестьянского начальника о ношении волостными головами из татар должностных знаков на груди⁵⁴. Аналогичная просьба исходила и от поверенного Карагайской волости⁵⁵.

В случае сложения своих полномочий волостной старшина передавал должностной знак вместе с документами и волостными суммами своему преемнику. Процедура передачи волостного имущества вновь избранному старшине происходила в присутствии членов волостного правления, а иногда и понятых путем оформления протокола или передаточного акта. Все присутствовавшие лица ставили свои подписи в протоколе, а должностные лица прилагали свои печати. Например, в феврале 1914 г. такой передаточный акт был составлен в Надцинской волости. В нем было записано: «Мы, нижеподписавшиеся волостные старшины... бывший Аптул Суючев и вновь наступающий на трехлетие с 1914 по 1917 гг. Аптул-Алим Колыбаев, в присутствии волостного заседателя Аширова производили сдачу и прием денежных сумм, документов и имущество волостного правления. При чем Колыбаев, вновь избранный старшина, принял от Суючева наличными деньгами 279 руб. 3/4 коп., документами (книжки сберегательной кассы) 217 руб. 61 коп. и паспортных бланков 35 шт... Затем принял все имущество, ...принадлежащего волостному правлению, кроме 2 штемпелей, 1 ковша, 1 стула и 1 пепельницы, пришедших

в полную ветхость и потому подлежащих из описи исключению, а всего принял имущества на сумму 109 руб. 60 коп, а также принял должностной знак и печать. Все означенное выше сдал в наличность я Аптул Суючев, а я Аптул-Алим Колыбаев принял полностью...»⁵⁶.

Волостные старшины были наделены широкими полномочиями. Прежде всего они отвечали за отправленные общинниками повинностей, как денежных, так и натуральных. На него возлагалась обязанность продажи движимого имущества для пополнения окладных платежей и вообще по долговым обязательствам общинников. О дне и месте продажи имущества в волостном правлении, по крайней мере, за неделю до торга, вывешивалось объявление, и в тот же срок жители всех ближайших селений оповещались об этом через сельских старост. До проведения торгов волостной старшина должен был произвести опись и оценку имущества. Оценка обычно проводилась специально выбранные для этого случая оценщики из числа однообщественников. В случае временного затруднения отдельных домохозяев, при невозможности ими внести окладные платежи, волостной старшина был обязан обращаться к вышестоящему начальству об отсрочке исполнения или других льготах этим домохозяевам⁵⁷.

Волостной старшина отвечал за созыв волостных сходов и председательствовал на них. В некоторых случаях председательствовал и на сельских сходах, например, когда заслушивался отчет опекунов над личностью и имуществом сирот. Волостные старшины были наделены судебными полномочиями. Эта функция была характерна для них и в более ранний период⁵⁸. По закону старшины ведали гражданскими и «маловажными» уголовными делами, по правонарушениям, совершенным лицами, им подведомственными. Они могли наложить на виновных такие наказания, как об-

щественные работы до двух дней, денежные взыскания до одного рубля в пользу общественных сумм, арест на срок не более двух суток⁵⁹. Старшина устанавливал наказание в отношении общинников за «упорный неплатеж» податей и повинностей, за неявку на волостной сход или самовольный уход со сходки, за нарушение тишины и спокойствия в ночное время на улицах, оказание неповиновения властям и т.д.⁶⁰

Волостные старшины следили за тем, чтобы все должностные лица общины добросовестно исполняли свои обязанности. Они могли подвергать наказанию сельских старост, сборщиков податей в случае неисполнения ими своих обязанностей. Например, волостной голова Бикбулатов «за неуспешное собрание податей, за неисполнение приказаний членов Инородного управления, и за неявку в управление» подверг аресту на двое суток сборщика податей Саусканского сельского общества, юрт Комаровских Салима Мухамета Муратова⁶¹.

Важной обязанностью волостных старшин было наблюдение за тем, чтобы общинники строго соблюдали порядок увольнения и перечисления из одного общества в другое. Не менее чем за один месяц до выдачи увольнительного свидетельства волостной старшина опрашивал на сельском сходе общинников, нет ли у них каких-либо претензий к увольняемому из общества. Также волостной старшина утверждал приговоры сельских сходов о принятии новых членов. На него возлагалась ответственность при пожарах, наводнениях, падеже скота и других бедствиях. Ему предоставлялось право отдавать распоряжения о принятии мер для устранения этих бедствий⁶².

Как уже отмечалось, власти рассматривали волостных старшин как своих агентов на местах, поэтому в случае преступления в отношении этих лиц при исполнении ими служебных обязанностей предусматривались

довольно строгие наказания. Так, за оскорбление волостного старшины насильственными действиями виновный подвергался заключению в тюрьму на срок от 2 до 8 месяцев, а за оскорбление словами – аресту от 7 суток до 3 месяцев. При этом наказание устанавливалось более строгое, если оскорбление исходило от лиц, подведомственных старшине⁶³.

Деятельность выборных татарской общины и волостных судов находилась под контролем крестьянских начальников. Ежегодно члены съезда крестьянских начальников иногда совместно с Губернским управлением по крестьянским делам производили ревизию волостных правлений. В случае уличения выборных в проступках и преступлениях крестьянские начальники могли налагать на них административные взыскания, привлекать к уголовному наказанию. За все должностные преступления и проступки лица волостного и сельского управления могли подвергаться замечаниям, выговорам, денежным взысканиям или аресту не более чем на семь дней. За тяжкие правонарушения их могли отстранить от должности. Например, в 1910 г. за присвоение и растрату общественных денег, подлоги по должности были уволены и преданы суду волостной голова волости Оброчных Чувальщиков Юнусов и волостной писарь Агачинский⁶⁴.

В заключение еще раз подчеркнем, что во второй половине XIX – начале XX в. волостное управление сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян. В систему волостного самоуправления входили волостной сход, волостное правление и должностные лица – волостные старшины, кандидаты (помощники) старшины, заседатели, а также волостные писари. Волостной сход продолжает сохранять распорядительную функцию в общине. Однако участие на сходе лишь выборных и принятие решений простым большинством голосов приводило к ограничению общинной демократии. Волостные правления получали организационное оформление и становились постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. Несмотря на то, что волостные старшины имели широкие полномочия в общине, над ними устанавливался двойной контроль – со стороны вышестоящей администрации и со стороны схода. Не только волостные старшины, но и все должностные лица, входившие в состав волостных правлений, рассматривались администрацией как агенты на местах. В целом в указанный период времени наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и усиление контроля со стороны административных органов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бакиева Г.Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). – Тюмень – М., 2003. – С. 74–76.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58.

³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–18.

⁴ Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 79.

⁵ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58об. – 59.

⁶ Там же. Л. 71–71об.

⁷ *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1991. – С. 55–56.

⁸ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 71–72.

⁹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 67 – 67об.

¹⁰ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 68об. – 69 об.

- ¹¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 191. Л. 50–53 об.
- ¹² Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58об.
- ¹³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 25 – 3.
- ¹⁵ Ф. 282. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об. – 19 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 15 – 15 об.
- ¹⁷ Ф. 282. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.
- ¹⁸ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – Спб., 1904. – С. 78.
- ¹⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
- ²⁰ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
- ²¹ Ф. 332. Оп. 1. Д. 19. Л. 128–128 -об .
- ²² Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Т. 9. Ч.1. Спб., 1893. – С. 246–247.
- ²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – Пг., 1916. – С. 401, 404, 405.
- ²⁴ Сборник узаконений , определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 90.
- ²⁵ Там же. – С. 90.
- ²⁶ Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских (свод законов. Т. X. Ч. 2). Издание 4. СПб., 1873. – С. 258 – 259.
- ²⁷ Там же. С. 92–94.
- ²⁸ Там же. С. 448.
- ²⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об. – 43.
- ³⁰ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 127об.
- ³¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- ³² Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42об. – 49.
- ³³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 67. Л. 41.
- ³⁴ О мере пресечения при дознании и порядке содержания арестантов при волостных правлениях и полиции и пересылке их. Пособие для чинов полиции, волостных и сельских начальников в Сибири. – Тобольск, 1893. – С. 6 – 7.
- ³⁵ Ф. 346. Оп. 1. Д. 10. Л. 71, 76, 77.
- ³⁶ Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 15–16, 20 – 21, 27.
- ³⁷ Ф. 346. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ³⁸ Ф. 346. Оп. 1. Д. 10. Л. 6 об. – 7.
- ³⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ⁴⁰ Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 17.
- ⁴¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 11 – 11об.
- ⁴² Ф. 348. Оп.1. Д. 12. Л. 13 – 14.
- ⁴³ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19.Л. 61 – 61 об.
- ⁴⁴ Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 об.
- ⁴⁵ Мищенко Н.А. Указ. соч. – С. 83 – 84.
- ⁴⁶ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 1.
- ⁴⁷ Ф. 346. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6.
- ⁴⁸ Ф. 346. Оп. 1. Д. 17. Л. 3 – 3об.
- ⁴⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – С. 67.
- ⁵⁰ Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 352.
- ⁵¹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–72 об.
- ⁵² Ф. 332. Оп. 2.Д.1. Л. 4 об.
- ⁵³ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 43; Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 113.
- ⁵⁴ Ф. 335. Оп. 1. Д. 335. Л. 6 – 7 об.
- ⁵⁵ Ф. 335. Оп. 1. Д. 115. Л. 16.

⁵⁶ Ф. 348. Оп. 1. Д. 11. Л. 27 – 27 об.

⁵⁷ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 24 – 28.

⁵⁸ *Бакиева Г.Т.* Указ. соч. – С. 68.

⁵⁹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72 – 77 об.

⁶⁰ Ф. 282. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 5, 18 – 18 об.; Ф. 346. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

⁶¹ Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.

⁶² Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 12, 17 – 21.

⁶³ Там же. С. 43.

⁶⁴ Ф. 346. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 – 2 об., 12.

Аннотация

В статье рассматриваются основные элементы волостного управления и суда у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных материалов проанализированы деятельность волостного схода, правления, суда, а также права и обязанности волостных должностных лиц. Сделан вывод о том, что в указанный период волостное управление у сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян, волостные правления получили организационное оформление и стали постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. В целом же наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и суда и усиление контроля со стороны административных органов.

Ключевые слова: сибирские татары, волостное управление, сход, суд, правление, старшины.

Summary

The basic elements of volost management and court of the Siberian Tatars in second half of the XIXth – the beginning of XXth century are considered in the article. On the basis of archival materials activity of a volost descent, board, court, and also the rights and duties of volost officials are analysed. The following conclusion was made: during the period volost management of the Siberian Tatars was equal to the management of the Russian peasants, volost boards received organizational registration and became constantly operating self-government institutions of the community. At the same time they were considered by the authorities as the lowest control link. As a whole formalisation of the activity of the volost management and court, and control strengthening from the direction of administrative bodies were observed.

УДК 93/94+355/359

ШАФИ АЛМАС – ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

И.А. Гилязов, доктор исторических наук, профессор

Как и многим татарским эмигрантам XX в., этому человеку «не повезло». После того, как он оказался вовлеченным в бурные события периода Второй мировой войны, да еще оказался на стороне нацистской Германии, на нем надолго остался ярлык «предателя», «изменника» и т.п. И по сей день в публицистике можно встретить такую же оценку его личности и деятельности, будто бы ничего и не изменилось в нашем восприятии с советских времен... Однако имеющийся в нашем распоряжении исторический материал (к сожалению, очень неполный, с массой пробелов) позволяет сегодня несколько иначе оценить место и роль этого человека в политической истории татарского народа. Оговорюсь сразу же, что речь не идет о тотальной ревизии, о волшебном превращении черного в белое. В данной статье мы попытаемся максимально непредвзято поговорить о Шафи Алмаса, лидере татарского национального движения в Германии в годы войны.

Сведения об этой личности очень приблизительны и нуждаются в дополнении¹.

Шафи Алмас (настоящее имя Габдрахман Гибадуллович Галиуллин, в публицистике его фамилию чаще называют как Шафиев) родился в 1885 г. в Дубьязском районе Татарстана. Псевдоним Шафи Алмас был им взят по имени своего прадеда Шафи. Он занимался торговлей, имел магазины в Москве, Казани, Оренбурге. В годы гражданской войны эмигрировал в Турцию, получил турецкое поддан-

ство, в 1920-е гг. даже поработал короткое время сотрудником турецкого посольства в Москве. С 1928 г. он проживал в Германии, имел в Берлине недвижимость, и политикой по большому счету не занимался вообще. В современной исторической литературе можно встретить не слишком внятные данные о том, что, возможно, в 1930-е гг. Шафи Алмас был завербован советской разведкой и снабжал ее сведениями о представителях тюркской эмиграции в Европе².

После начала войны он начал привлекаться немецкой стороной к конкретным пропагандистским мероприятиям, прежде всего к радиопропаганде: 1 декабря 1941 г. он вместе с А.Темиром упоминался в одной из справок Германского международного радио (общество «Интеррадио»), которое курировалось МИД и министерством пропаганды, как один из «подготовленных кадров»³. Особо отмечалось, что оба названных эмигранта могли бы быть использованы при подготовке текстов пропагандистских листовок.

Кроме того, на протяжении 1942 г. Ш.Алмас многократно посещал лагеря для военнопленных, выступал перед ними с речами и подбирал кандидатуры для возможного сотрудничества⁴.

Вероятно, уже тогда он и включился в борьбу за лидерство в татарской общине. 1 ноября 1942 г. При Восточном министерстве было создано так называемое Татарское посредничество, в котором Шафи Алмас фактически выполнял роль второго руководителя⁵.

Можно полагать, что параллельно в том же 1942 г. в Германии происходило становление органа политического руководства татарской эмиграции – комитета «Идель-Урал», возглавляемого в первое время ученым тюркологом Ахметом Темиром. И здесь среди организаторов мы видим Шафи Алмаса⁶.

Официально судьба национальных комитетов начала очень серьезно обсуждаться в Германии лишь во второй половине 1943 г. 30 сентября и 6 октября 1943 г. два совещания с этим вопросом были проведены в Восточном министерстве. Для немецкой стороны главным при этом становился личностный фактор: на обоих совещаниях обсуждались конкретные кандидатуры, которые могли бы вести работу как руководители национальных комитетов и которые состояли бы в тесном контакте с министерством и вермахтом⁷. Для поволжских татар тогда на первый план выступил Шафи Алмас. И уже тогда профессор Герхард фон Менде, отвечавший в Восточном министерстве за решение всех подобных вопросов, отмечал, что, «согласно общему мнению, Шафи не имеет необходимых качеств, чтобы быть представителем и руководителем своих соплеменников», сетуя на отсутствие среди татар подходящей кандидатуры для руководства комитетом. Этот вопрос неоднократно поднимался до конца войны, но немцы все же были вынуждены остановиться на Шафи Алмасае.

Судя по одному из послевоенных свидетельств, его спорная кандидатура все же устроила немецкую сторону⁸. Г. фон Менде советовался с некоторыми татарскими эмигрантами, которые когда-то учились или работали в Берлине, но после прихода к власти нацистов уехали в Турцию – профессором Рахмати Аратом и инженером Фуадом Казаком (Шафи Алмас был женат на сестре Фуада Казака – Амине, а отцом Фуада и Амины, кстати, был известный деятель джадидизма и предприниматель Абдулхамид Казаков). После длительных консультаций, по словам

Г. фон Менде, «поскольку никого другого не было», остановились на кандидатуре Ш.Алмаса. В его пользу говорило и следующее: «Он хорошо говорил по-немецки и не выказывал никакого недовольствия и рассерженности по отношению к своим прибывшим в Германию землякам (вспомним А.Идриси! – И.Г.). Он также оказывал полную и всестороннюю поддержку таким честолюбивым молодым людям, как Султан, чего никогда не сделал бы другой стремящийся к власти руководитель». По данным П. фон цур Мюлена, поддержку «флегматичному, неактивному» Шафи Алмасу, которым можно было легко манипулировать и который «предпочитал алкоголь политике», оказал и туркестанский руководитель Вели Каюм-хан, не желавший видеть во главе татарского представительства человека с сильным характером, способного вмешиваться во внутренние дела Туркестанского комитета⁹.

Шафи Алмас в роли лидера поволжско-приуральских татар практически на протяжении всей войны вызывал неприятие со стороны многих германских чиновников. Например, очень неприязненно отзывался о нем 15 сентября 1944 г. Райнер Ольша, отвечавший в Главном управлении СС за работу с тюрко-мусульманскими народами: его личность представлялась ээсовскому функционеру «исключительно спорной». Он называл его не иначе как «малоактивным интриганом и самолюбом, который отвергает все устремления к интенсификации работы с поволжскими татарами, если они не совпадают с его собственными представлениями». Ольша замечал, что сотрудники Шафи Алмаса очень недовольны «своим президентом, упрекая его в том, что он практически завалил всю национальную работу». По этому поводу Главное управление СС провело консультации и с шефом Татарского посредничества при Восточном министерстве Хайнцем Унглаубе, который заявил Р.Ольше, что Шафи Алмас стал руководителем «Союза борьбы тюрко-татар Идель-

Урала» только в силу острой необходимости («необходимого зла» – по выражению Унглаубе). Унглаубе обратил внимание Ольши на то, что в окружении Ш.Алмаса есть активные и способные сотрудники, которые «прекрасно могут быть использованы для работы, даже если они не устраивают самого президента»¹⁰.

В течение 1944 г. неоднократно поднимался вопрос о замене Шафи Алмаса на посту руководителя «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала». Особенно активно этот вопрос начал обсуждаться, когда начались мероприятия по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС. В начале октября 1944 г. по договоренности между Восточным министерством и Главным управлением СС в «Союзе» должны были быть проведены перестановки: вместо Ш.Алмаса предлагалась кандидатура бывшего советского майора Гафара Ямалиева, который по плану должен был быть переведен в СС и получить чин штурмбанфюрера. Главное управление СС видело в нем даже возможного руководителя Татарского посредничества¹¹.

29 сентября 1944 г. в беседе между профессором фон Менде, Ф.Арльтом и Р.Ольшей было высказано беспокойство по поводу ситуации с комитетом поволжских татар: «Комитет Идель-Урал должен активизироваться через особенно интенсивную работу». При этом личность «шефа татарского Союза борьбы» вызывала заметные нарекания со стороны германских чиновников¹².

7 октября Л.Стамати в телефонном разговоре с Р.Ольшей заметил, что «случай с Ямалиевым срочный», а татарский комитет «необходимо срочно оживлять»¹³. 12 октября на очередном совместном заседании у фон Менде в Восточном министерстве его участники обсуждали состав татарского комитета и договорились, что будущим руководителем комитета станет майор Ямалиев¹⁴. Подобная активность немецкой стороны явно насторожила Шафи Алмаса, который не желал ус-

тупать. 17 октября 1944 г. он направил подробное письмо на имя фон Менде, в котором отчетливо прослеживается стремление придать себе более значительный политический вес¹⁵.

Письмо это напыщенно адресовано «В Германское имперское правительство», хотя фон Менде в правительстве не работал, и это было прекрасно известно и Шафи Алмасу. Но ситуация требовала, и патетический стиль письма поражает воображение. «Мы, идель-уральские тюрки, десятилетиями боремся за независимость, и на протяжении этого времени мы принесли много жертв. Московиты использовали все средства, чтобы покорить нас морально и духовно, разрушить наше национальное чувство. Татарский народ включился в борьбу, и ему до настоящего времени удалось защищать свои национальные идеи. Цель этой борьбы – освобождение страны и достижение независимости Идель-Урала», – так начинается обращение Шафи Алмаса. Постоянно автор подчеркивает свои «заслуги» в освободительной борьбе татарского народа и стремление его опираться в этой борьбе на поддержку Германии: «Я уже долгие годы живу в Германии, работаю и борюсь за освобождение моей страны, подарив все свое доверие Германии. Я стремился укрепить отношения Идель-Урала с Германией. Когда началась германо-русская война, бесчисленные мои земляки оказались в Германии. Я был в лагерях для военнопленных, говорил со своими земляками, давал им мужество и надежду, рассказывал им о новой Германии. Все мои земляки заявляли о готовности стать солдатами, чтобы бороться за освобождение своей страны» – так видел Ш.Алмас свою роль в установлении связей татар с Германией. Он очень хотел, чтобы полномочия и возможности комитета стали еще более широкими, но только под его собственным руководством: «По всем идель-уральским делам я прошу связываться только со мной, поскольку я избран ответственным

руководителем 3 марта 1944 г. на конференции в Грайфсвальде», – завершил свое обращение Шафи Алмас.

Вряд ли это письмо нашло сколь-либо серьезный отклик среди германского руководства, личность Шафи Алмаса была ему достаточно хорошо знакома. Тем не менее намеченной и уже, казалось, обговоренной смены руководства «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала» не произошло – Шафи Алмас продолжал исполнять эти функции до января 1945 г., когда он, будто вспомнив свое турецкое гражданство, бежал из Германии в Турцию, оставив политические амбиции, которые в условиях военного краха «третьего рейха» начали представлять для него серьезную опасность¹⁶. После него татарский национальный комитет остался без формального руководителя. Большинство документов от имени «Союза борьбы» в последние месяцы войны подписывалось уже руководителем Татарского посредничества графом Л.Стамати. Безрезультатные дискуссии вокруг личности Шафи Алмаса, фактическое «обезглавление» национального комитета в последние месяцы войны – это яркое свидетельство того, что среди татар, находившихся на стороне Германии в годы Второй мировой войны, не было реального авторитетного лидера, способного объединить всех соплеменников и повести их за собой.

Хотя германское руководство постоянно выражало свое недовольство татарским национальным представительством, комитет и под руководством А.Темира, и под «президентством» Ш.Алмаса, бесспорно, провел определенную работу. Комитет под руководством Шафи Алмаса, по его собственному свидетельству, по-видимому, сложился в конце 1943 – начале 1944 г.¹⁷. Полный состав его президиума в одном из недатированных документов (вероятно, документ относится к началу 1945 г.¹⁸, так как упоминаемый в списке капитан Вафин еще в конце октября 1944 г. работал в штабе гене-

рала Власова) был следующим (сохраняю всю терминологию документа):

Шафи Алмас – президент; Салих Файзуллин – заместитель президента; Гариф Султан – организационный руководитель; Кашапов – старший лейтенант; Вафин – капитан, адъютант при штабе связи генерала добровольческих соединений и руководитель военного отдела Союза борьбы в отношениях с вермахтом; Иван Скобелев – чуваш, руководитель отделения немусульманских народов Идель-Урала; Шакир Алкаев – полковник; Галим Айдагулов – редактор литературного журнала, ответственный за культурные вопросы; Ишмаев – руководитель газеты «Идель-Урал»; Исламгулов – сотрудник редакции; Гунафин – руководитель лагерей в Даргибеле и в Беверунгене¹⁹. Изменения по сравнению с составом «комитета» под руководством А.Темира, как видим, серьезные. Понятно, что приведенным списком количество членов «Союза борьбы» не ограничивалось – в его подразделениях-отделах были заняты десятки сотрудников. Точное их число на данный момент установить невозможно.

Национальные комитеты, в том числе и татарский, не только были созданы при посредничествах, но и находились под их контролем²⁰. Фактически работа в комитетах считалась работой на общественных началах – национальные представительства не являлись юридически признанными учреждениями и потому не могли иметь официального персонала, сотрудники комитетов не получали заработной платы, а числились за теми инстанциями, из которых они и приходили в комитеты: вермахт, Восточное министерство, СС и пр. Функции комитетов были довольно широкими, но главной их задачей считалось осуществление как можно более тесного контакта представителей советских восточных народов с немецкими военными и гражданскими учреждениями (недаром они на первой стадии их создания получили наименование «связующих штабов»). По

данным П. фон цур Мюлена, исходя из этой задачи комитеты состояли как минимум из трех отделов: политического (в его ведении политические контакты, организационные вопросы и финансы), военного (контакты с вермахтом и с соответствующими Восточными легионами, подготовка офицерских кадров, военная переподготовка) и отдела пропаганды, прессы и общественной работы. Судя по составу татарского представительства, очевидно, его подразделение на отделы было несколько более разветвленным, но в принципе подходило под указанную схему.

К сожалению, не сохранилось многих документов, связанных с деятельностью татарского комитета. Некоторые показатели его активности в военной области уже упоминались, когда речь шла о Восточных легионах. Представители комитета принимали участие в комиссиях по работе в лагерях военнопленных, выступали с лекциями, призывая своих соплеменников вступать в легион, составляли списки для Татарского посредничества, делали предложения по военной реорганизации легионов (вспомним хотя бы фантастический проект создания идель-уральской дивизии, созданный как раз от имени татарского представительства). Объемную работу проводили члены комитета в сфере социальной, а также в деле пропаганды, издания газет и журналов, о чем еще пойдет речь ниже.

Во всей работе татарского представительства Волго-татарскому легиону уделялось, понятно, особое внимание. Одним из красноречивых свидетельств такого внимания является открытое письмо Шафи Алмаса легионерам, опубликованное в газете «Идель-Урал» от 29 августа 1943 г., которое вполне можно считать одним из важных программных политических документов «Союза борьбы». Момент для такого обращения был выбран не случайно, так как внутренняя обстановка в легионе, вероятно, в то время сложилась довольно напряженной – в

середине августа 1943 г. были проведены аресты участников подпольной группы Мусы Джалиля. Шафи Алмас по-своему стремился внести ясность в ситуацию и поднять дух своих соплеменников. При этом в своем обращении он отвечал на три вопроса, которые, по его мнению, представляли особую актуальность:

1. Почему мы боремся не вместе с русскими, а отдельно, своим легионом, хотя у нас и есть общая цель – уничтожение большевизма?

2. Почему мы говорим не Татарстан, а Идель-Урал?

3. Какой должна быть форма государственности Идель-Урала?

Ответы Шафи Алмаса на поставленные вопросы очень ясно представляют его политические позиции. Он заявил: «Мы боремся не только за уничтожение большевизма, а и за уничтожение основ русского империализма. Понятие «Великороссия» исторически не так уж старо – оно появилось после подчинения русской монархии многочисленных народов Востока». Шафи Алмас привел в своем письме различные исторические факты для подтверждения своей основной мысли: татарское крестьянство в России искусственно отрывалось от земли, намеренно вытеснялось на неплодородные земли, татарские деревни отдалялись от городов, культура сдерживалась, татарское население было территориально раздроблено, подвергалось насильственной христианизации и русификации. Хотя «татарские парни и гибли за русскую монархию», народ оставался подавленным и униженным. По мнению Шафи Алмаса, «никогда никакое русское государство не скажет нам: имейте свою страну, свои богатства, живите свободно и используйте это по своему усмотрению». В его представлении татары, которым «не нужно никаких красивых слов об автономии», должны были использовать сложившуюся ситуацию, так как Германия дала им оружие, чтобы «сражаться за свободу». В этих сражениях «легион как основное

ядро борьбы» должен был бы сыграть особую роль.

Более краток был «вождь» в ответах на второй и третий вопросы: термин «Идель-Урал» применялся для того, чтобы подчеркнуть единство народов Поволжья и Приуралья, поскольку их всех постигла та же историческая участь, что и татар. Государство, которое они вместе будут строить, должно было быть «национальным, отвечающим интересам всех народов, проживающих на его территории». Открытое письмо Шафи Алмаса к legionерам, как и многие другие программные документы «Союза борьбы тюрко-татар», в годы войны представляет из себя своеобразную смесь реальных фактов из истории татарского народа и фальшивых, утопических представлений о его будущем, которое Шафи Алмасу рисовалось в союзе с национал-социалистской Германией.

Известно, что национальные представительства нерусских народов в Германии настороженно отнеслись к созданию Комитета освобождения народов России под руководством генерала А.А.Власова и в ноябре 1944 г. открыто обратились к министру А.Розенбергу с протестом против попытки навязывания «русского руководства» национальными движениями. Понятно, что националистически настроенный Ш.Алмас не мог остаться в стороне – он был среди тех, кто подписал этот протест против инициатив Власова²¹.

Атмосфера в национальных представительствах не всегда была благоприятной. Разность в представлениях и подходах приводила к серьезным внутренним конфликтам, причем масла в огонь добавляла и национальная неоднородность некоторых из них. Это подтверждают конкретные документы. 12 сентября 1944 г. представитель чувашей в «Союзе борьбы тюрко-татар Идель-Урала» Ф.Паймук заявил в беседе в Главном управлении СС: «Отношения в комитете не очень хорошие, почти такие же, как и у туркестанцев,

где во главе встал представитель одного народа. Все это свидетельство политической глупости и тщеславия. А Шафи Алмас больше поддерживает своих соплеменников»²². Очень ярким подтверждением сложной внутренней атмосферы в «Союзе борьбы» является и сообщение Р.Ольши от 15 сентября 1944 г., в котором он делился впечатлениями от встречи с Шафи Алмасом²³. Во время беседы Шафи Алмас назвал своих сотрудников, привлеченных на службу в Главное управление СС, «непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу», что он, по мнению Р.Ольши, «хотел бы сотрудничать с СС только через своих людей» и игнорировал «все более молодые и более активные силы в татарском движении». В другой своей справке, от 15 ноября 1944 г., Р.Ольша вновь убийственно охарактеризовал Шафи Алмаса и его «авторитет»: «Это запойный пьяница, которому резко противостоят все татары»²⁴.

Хотя такие противоречия в документах подтверждаются и встречаются не один раз, ни германские чиновники, ни сами национальные лидеры сора из избы выносить не желали: внешне отношения между всеми национальными представительствами оставались самыми теплыми и дружескими. На съезде Туркестанского комитета в Вене тепло приветствовали своих среднеазиатских «братьев» Шафи Алмас и другие национальные лидеры, на пышных торжествах в Грайфсвальде, конечно же, присутствовали «вожди братских народов», по случаю любой даты все комитеты обменивались поздравлениями и уверениями в «единстве в борьбе против большевизма».

Конфликтные ситуации, возникавшие в реальной жизни, вызывали понятное беспокойство высших немецких инстанций, которые прекрасно понимали пагубные их последствия. Своеобразной попыткой умиротворения потенциальных соперников стала идея, высказанная Г. фон Менде в начале ноября 1944 г.: он предложил объединить

национальные представительства в более крупные политические учреждения – так называемые «национальные советы». Грузинский, Азербайджанский и Армянский комитеты должны были объединиться в Кавказский совет. Как о принятом решении 3 ноября 1944 г. фон Менде писал об объединении Туркестанского, Идель-Уральского и Крымско-татарского комитетов в Восточнотюркский совет²⁵. При этом предлагалось полностью расформировать и создать заново национальные представительства, которые все-таки должны были продолжать свое существование. Шафи Алмас в очередной раз был назван «неподходящей фигурой» в роли руководителя идельуральцев. Сомнению подверглась и кандидатура майора Ямалиева. Лучшей фигурой на посту руководителя татарского комитета фон Менде видел Гарифа Султана, но и он считался слишком молодым для роли лидера. Поэтому, по мнению фон Менде, было целесообразным «принудить председателя Шафи к отставке и избрать новый состав Союза борьбы из активных членов президиума во главе с Ямалиевым. Если же впоследствии удастся найти более подходящую кандидатуру, то Ямалиев может быть заменен другим лицом». Восточнотюркский совет должен был быть составлен из председателей трех национальных комитетов, а председательствовать в нем должен был «представитель сильнейшей группы», значит Вели Каюм-хан, а его заместителем – представитель «второй по силе группы Идель-Урал». Имеющиеся документальные источники, однако, не подтверждают того, что Восточнотюркский совет был создан. Вполне возможно, что обсуждение возможностей объединения в указанные советы должно было быть связано с появлением осенью 1944 г. при поддержке СС так называемого Комитета освобождения народов России. В этой ситуации можно говорить о новых серьезных политических противоречиях как среди германского руководства,

так и среди представителей разных народов.

Шафи Алмас оказывал большое влияние на периодические издания, которые выходили для легиона «Идель-Урал» и всех татарских эмигрантов в Германии. В газете «Идель-Урал» он являлся одним из активных авторов. Он же в качестве главного редактора возглавил и литературно-публицистический журнал «Татар әдәбияты», который начал издаваться с середины 1944 г. Для представления об уровне его публикаций, отличавшихся особым пафосом, и ходе его мысли обратимся только к одной из многочисленных статей из газеты «Идель-Урал», принадлежащей перу Ш.Алмаса. Номер газеты 36(42) от 5 сентября 1943 г. посвящен первой годовщине создания Волго-татарского легиона, и материал Шафи Алмаса озаглавлен «Пламенный привет тюрко-татарским легионерам, поднявшим знамя независимости Идель-Урала». По мнению лидера коллаборационистов, «легион за все время своего существования не уронил чести и достоинства татарского народа, хотя и не принимал активного участия в боевых действиях». Он отмечал, что действия татарских националистов, которым оказывает поддержку «великая Германия», совершенно законны, ибо основаны на решениях меджлиса 1917 г.²⁶. Не смог Шафи Алмас и обойти тему недавних событий в легионе, а именно аресты членов подпольной коммунистической организации: «Некоторые «татаро-русские», продавшиеся большевикам, сгорели в огне настоящего национального чувства, которым горят сердца нашей молодежи – они выброшены, вырваны с корнями из наших рядов». Пытаясь придать больший вес Волго-татарскому легиону, автор статьи заявлял: «Похоже, что большевики уделяют нашему легиону особое внимание и нашей национальной организации, иначе они не послали бы в наши ряды своих довольно важных агентов, среди которых были и личности, более или менее признанные

в мире большевизма, подвизавшиеся на ниве казенной литературы и печати, запачканные большевистской грязью». По мнению Шафи Алмаса, ничего не могло поколебать татаро-германской дружбы, он выразил полную уверенность в «скорой» победе Германии, которая явится общей победой ее союзников.

Таким перед нами предстает Шафи Алмас, личность своеобразная и очень противоречивая. К сожалению, в нашем распоряжении очень мало источников, которые позволили бы более детально рассмотреть его жизненный путь и политическую деятельность. Но из всего вышесказанного, на мой взгляд, можно сделать следующие выводы.

Сегодня для оценки роли и места личности Шафи Алмаса, безусловно, недостаточно красок одного цвета. Ни в коем случае нельзя его представлять как предателя и отщепенца, даже по той простой причине, что он покинул Россию непосредственно после Октябрьской революции, не перешел на сторону немцев в годы Второй мировой войны. К тому же следует учитывать, что в 1920-30-е гг. он практически не занимался политической деятельностью, а был довольно успешным коммерсантом. Участие в политической жизни в годы войны, по всей вероятности, стало и для самого Ш.Алмаса несколько неожиданным и вынужденным. И вряд ли его можно считать крупным идеологом или теоретиком – его публикации и выступления показывают, что

во многом он повторял те положения татарского национального движения, которые были сформулированы еще в 1917–1920 гг. и которые мы можем без сомнения считать демократическими и прогрессивными. Его критические замечания в адрес политики Советского государства 1930-х гг. также во многом звучат справедливо. То, что имеется в нашем распоряжении из публицистического наследия Шафи Алмаса, дает нам основание оценивать его политические и общественные воззрения как вполне демократические (если, конечно, при этом не брать во внимание разнообразные комплименты в адрес национал-социализма и национал-социалистской Германии, обязательные в условиях тоталитарного режима). Еще одно можно поставить в заслугу Ш.Алмаса – он искренне пытался помочь татарам, которые оказались в немецком плену, спасти их жизнь, как-то организовать их политическую и культурную жизнь, помочь материально, и это его искреннее стремление покрывает многие из его недостатков.

И в то же время нельзя забывать, что Ш.Алмас находился на службе преступного режима, верой и правдой служил ему. Он сделал ставку на помощь нацистской Германии в деле обретения татарским народом своей независимости и государственности, хотя, как известно, сама Германия таких планов в отношении восточных народов СССР для обозримого будущего не строила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сожалению, почти нет достоверных биографических сведений о Шафи Алмаса (во всяком случае ни в историографии, ни в архивных документах отыскать их не удалось). В исторической литературе и публицистике, в которой он часто упоминается, ничего подробного о его жизни не сообщается. Можно сослаться только на книгу Ю.Карчевского и Н.Лешкина (*Карчевский Ю., Лешкин Н. Лица и маски.* – Уфа, 1982. – С.46–47), на публикацию Р.Мустафина (*Мустафин Р.А. «Идель-Урал»: взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы – Эхо веков.* – Май 1995. – С.146) и газетную статью Г.Гилязова: *Гыйләҗев Гадел. Шәфи Алмаз: кем син? // Ватаным Татарстан.* – 27 март 1996 ел. В статье Г.Гилязова содержится непонятное противоречие: в начале статьи в качестве настоящей фамилии Шафи Алмаса названа фамилия Гайнуллин, но затем в тексте он неоднократно назван Галиуллиным. Возможно, это

просто редакторская недоработка. Показательно, что в книге Б.Садыковой Шафи Алмас назван азербайджанцем (*Садыкова Б. История туркестанского легиона в документах.* – Алматы, 2002. – С. 62). А вот, по мнению С. Чуева, Шафи Алмас претендовал на роль руководителя Туркестанского национального комитета (источник подобного утверждения неизвестен). С. Чуев пошел еще дальше, отметив, что Шафи Алмас после войны был задержан органами госбезопасности и расстрелян по приговору военного трибунала (*Чуев С. Проклятые солдаты.* – М., 2004. – С. 495, 509). Хотя Шафи Алмас, как известно, после войны вполне благополучно проживал в Турции, где и скончался в 1954 г. Все это – очевидные свидетельства отсутствия достаточной информации об этой личности.

² Например в статье С.М. Исакова отмечается, что Шафи Алмас будто составил по заданию ОГПУ инструкции по работе с эмигрантами, в которых отметил желательность привлечения к сотрудничеству Ахмеда-Заки Валиди (*Исаков С.М. Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории.* – 2003. – № 10.

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA-AA), Pol. XIII, Bd.14, R 105182, N 218941.

⁴ *Cwiklinski, Sebastian. Wolgatataren in Deutschland des Zweiten Weltkriegs: deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus.* Berlin, 2002, S. 40.

⁵ О Татарском посредничестве см. подробнее: *Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха».* – Казань, 2005.

⁶ *Мустафин Р.А. По следам оборванной песни.* – С. 131–133.

⁷ Bundesarchiv-Potsdam, R 6/66, Bl. 123–126.

⁸ Об этом сообщала немецкому историку Патрику фон цур Мюлену Каролин фон Менде (вдова профессора Г. фон Менде) в письме от 10 декабря 1971 г. Копия письма была любезно предоставлена мне П. фон цур Мюленом.

⁹ *von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg (=Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 5).* Düsseldorf, 1971, S.98.

¹⁰ BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 26.

¹¹ Ibid., Film 2419, A 2696277.

¹² *Садыкова Б. История туркестанского легиона в документах.* – Алматы, 2002. – С. 133.

¹³ BA-Potsdam, Film 2419, A 2696275.

¹⁴ Ibid., NS 31/29, Bl. 68.

¹⁵ BStU-Zentralarchiv, RHE 28–88/SU, Bd. 3, Bl. 121–123.

¹⁶ Шафи Алмас скончался в Турции в 1954 г. (информация любезно предоставлена С. Цвиклински).

¹⁷ Idel-Ural, № 10–11(67/68), 19.03.1944.

¹⁸ По поводу датировки этого документа я согласен с мнением С.Цвиклински: *Cwiklinski, S. Wolgatataren in Deutschland, S. 55.*

¹⁹ BA-Potsdam, NS 31/28, Bl. 1.

²⁰ Подробная характеристика организационной структуры и задач национальных комитетов дана в книге: *von zur Mühlen, P. S.82-104.* Мною во многом использованы эти данные.

²¹ BA-Potsdam, NS 31/28, без указания листа.

²² BA-Potsdam, Film 2418, A 2695716.

²³ Ibid., NS 31/31, Bl.26.

²⁴ Ibid., Film 2418, A 2696519.

²⁵ BStU-Zentralarchiv, RHE 63–88/SU, Bd. 2, Bl. 330–332.

²⁶ В одном из последующих номеров газеты «Идель-Урал» (№ 46(52) от 14 ноября 1943 г., посвященном первой годовщине газеты, Шафи Алмас назвал это печатное издание «не только газетой нескольких политиков, собравшихся в Берлине, а фактическим органом Милли меджлиса 1917–1918 гг., борющейся за его решения».

УДК 94(47)+2

ОСОБОЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ДЕЛАМ МУСУЛЬМАН 1914 г.: ПОДГОТОВКА, ПРОВЕДЕНИЕ И РЕШЕНИЯ

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Во второй половине XIX в. в центральных органах имперской власти сложился концептуальный взгляд на необходимость унификации системы управления исламскими институтами. Между тем местности расселения мусульман были присоединены в различные исторические эпохи, их инкорпорация происходила далеко не одинаково. Регулирование мусульманского вопроса всегда выступало составной частью административного устройства окраин. Стремление к унификации административного управления регионов предполагало принятие адекватных шагов и в этой деликатной сфере. В целом во главу угла своих действий власти ставили постепенное вытеснение шариатских норм и уменьшение роли духовенства и религиозных управлений в повседневной и общественной жизни локальных общин. Однако на темпы реализации данного курса оказывали влияние общественное мнение и настроение местных мусульман.

В начале XX в. внимание самодержавия было сосредоточено на происходивших в татарском обществе социокультурных процессах, которые оказывали существенное влияние на развитие мусульманского сообщества Российской империи. Политическую окраску процессы европеизации татарской культуры приобрели после обвинения казанскими православными священнослужителями татар в «панисламизме». Вопросам анализа новых

явлений в социальной и культурной жизни мусульман Поволжья и Приуралья было посвящено особое совещание 1910 г., инициированное премьер-министром П.А.Столыпиным. Однако оно ограничилось рассмотрением «культурно-политических» проблем, оставив вне поля зрения религиозную.

На совещании было констатировано, «что территориальная компетенция Оренбургского духовного собрания по своей обширности и местонахождению этого собрания (г. Уфа) не соответствует, ввиду чрезмерной централизации духовной власти и сосредоточения ее в руках одной народности (татар), ни государственным интересам, ни интересам отдельных народностей, исповедующих ислам, и ввиду этого предоставить министерству внутренних дел войти в соображение о переустройстве духовного управления мусульман на началах его децентрализации»¹.

В представлении в Совет Министров об итогах Особого совещания 1910 г., от 15 января 1911 г., премьер-министр П.А.Столыпин поручал руководству Министерства внутренних дел (себе же) подготовить и провести «особое междуведомственное совещание по мусульманским делам для периодического обсуждения всех вопросов, касающихся мусульманского мира в России», а также «войти в соображение вопросов о преобразовании духовного управления мусульман и об установлении экзаменов на должность муллы и предложения свои по настоя-

щим предметам представить на усмотрение совета министров»².

Однако после убийства П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. предложения Особого совещания 1910 г., в том числе предложения премьер-министра по исполнению решений Особого совещания 1910 г., кроме некоторых, остались нереализованными.

Вследствие политизации татарско-мусульманского вопроса Министерство внутренних дел в 1908–1912 гг. проводило ревизии, обследование мусульманских духовных учреждений и школ, по итогам которых выявилась «полная неудовлетворительность» положения дел с точки зрения государственных интересов³. В рамках подготовки к совещанию, согласно действующему порядку для принятия каких-либо решений, оно запрашивало мнения ряда начальников губерний и областей о перспективах реформирования управления духовными делами мусульман⁴.

Обсуждался также вопрос относительно возможности устройства новых религиозных управлений на Северном Кавказе. В 1909 г. на инициативу Терского наказного атамана, изложенную во всеподданнейшем отчете за 1909 г., император Николай II ответил категорическим отказом. Поэтому, когда в 1913 г. 39 депутатов Государственной думы вышли с законодательной инициативой об учреждении особого муфтията для мусульман Северного Кавказа, МВД в своей справке, представленной в Комитет Министров по случаю данного вопроса, заявило: «Учреждение новых муфтиятов шло бы вразрез с предшествующею правительственною политикою, направленною не к дальнейшему расширению, а к возможному постепенному ослаблению этого института. Такой взгляд правительства при современных условиях, при недостаточно определенном стремлении мусульман к объединению и обособлению на религиозно-национальной почве, подлежит, безусловно, сохранению и на будущее время. Учрежде-

ние новых муфтиятов правительством, несомненно, способствовало бы усилению подобного сплочения, давая ему в лице муфтиев реальную основу, и содействовало бы успешности деятельности прогрессивной части российского духовенства в этом направлении»⁵ (23 января 1914 г. Совет Министров признал ходатайство неприемлемым до выработки общих правил реорганизации управления духовными делами мусульман в тех местностях, где отсутствуют религиозные управления)⁶.

Сведения о намерении власти провести осенью 1912 г. совещание просочились в русскую прессу весной («Биржевые ведомости», 29 мая 1912 г.). Газета «Вақыт» (1912, №983, 7 июня), со ссылкой на «Биржевые ведомости», опубликовала даже краткие сведения об участниках предстоящего совещания. Среди них значатся: гофмейстер А.Н.Харузин в качестве председателя совещания, в качестве членов – казанский губернатор М.В.Стрижевский, вятский губернатор И.М.Стаховский (бывший тургайский военный губернатор), уфимский губернатор П.П.Башилов, саратовский епископ Алексей (бывший ректор Казанской духовной академии), рязанский епископ Дмитрий (бывший туркестанский епископ), сухумский епископ Андрей (бывший мамадышский епископ), чистопольский епископ Анастасий (ректор Казанской духовной академии). Сообщалось также о приглашении на совещание ученых, чиновников МВД и Синода. В качестве потенциальных претендентов из числа профессоров назывались фамилии М.Машанова (заведующий кафедрой противомусульманского отделения Казанской духовной академии) и Скворцова (редактор газеты «Колокол»)⁷. Как видно, практически все представители духовенства являлись специалистами по исламу. В последующем предполагаемый формат совещания, с участием представителей силового ведомства, Синода, архиереев-специалистов по исламу и гражданских ученых по ис-

ламу, претерпел существенные изменения. В той же публикации редакция газеты, одной из самых влиятельных в татарском мире, обратилась к власти со своими рекомендациями по составу правительственного совещания. Было высказано предложение о приглашении чиновников гражданского ведомства, кроме лиц, причастных к миссионерскому делу – знатоков ислама и мусульман: профессора Казанского университета Н.Ф.Катанова, профессоров Лазаревского института В.А.Гордлевского, востоковеда-тюрколога А.Н.Самойловича, академика В.В.Радлова, которые, по мнению редакции газеты, относились бы к вопросу религии как «незаинтересованная сторона, беспристрастно». Высказывалось пожелание («было бы весьма уместно») о желательности участия на совещании представителей от самих мусульман. «Тонкости своего народа свой человек только и может передать. Мусульмане для осуществления цели могли бы оказать большую услугу и могли бы быть прекрасными соработниками. Хорошо знакомые с настроением и положением дела мусульманского общества, депутаты от мусульман гораздо больше сообщили бы, в сравнении с представителями от миссионерства», – отмечалось в статье⁸.

Данное мнение татарской общественности в значительной степени было учтено властью. Безусловно, здесь сыграл свою роль ряд других обстоятельств. После убийства всесильного П.А.Столыпина, который вслед за казанскими миссионерами-священниками муссировал идею о панисламизме и татаризации, в правительстве накал страстей по данному вопросу стих, к тому же последующие события показали необоснованность этих обвинений. В новых общественных условиях МВД осознало нежелательность превращения проблемы в православно-исламскую и необходимость специального рассмотрения накопившихся вопросов. В результате состав участников был расширен за счет ре-

гиональных представителей ведомств, имевших отношение к мусульманам, мусульманских религиозных управлений.

22 января 1913 г. циркуляром №681 ДДДИИ доверительно сообщил губернаторам о намерении МВД «в непродолжительное время» созвать Особое совещание из представителей центральных и местных учреждений для обсуждения вопросов о пересмотре порядка управления духовными делами мусульман в империи, а также за наблюдением среди них за последние годы усиливающегося религиозно-национального движения. В этой связи, для подготовки мероприятия, директор департамента Е.В.Менкин запросил у губернаторов представить до 10 марта 1914 г. «некоторые статистические сведения» о численности мусульман, богослужебных зданий, духовенства, конфессиональных школ, общественных организаций, печатных изданий⁹.

После запроса ДДДИИ ОМДС собралось в октябре 1913 г. совещание духовных лиц, которые склонились к превращению мектебов и медресе в общеобразовательные школы, в программы которых должны были быть включены история ислама и мусульманских государств как нужные предметы, и история России как полезная учебная дисциплина.

В декабре 1913 г. мусульманские депутаты Государственной думы встречались с директором департамента Менкиным и обсуждали актуальные проблемы реформирования системы управления духовными делами уммы.

Лишь в начале марта 1914 г. департаментом был окончательно определен круг ключевых проблем, предполагаемых к обсуждению на межведомственном совещании¹⁰. 14 марта 1914 г. Е.В.Менкин представил министру список участников совещания. Помимо чиновников ДДДИИ – организатора мероприятия – на совещание приглашались сотрудники основных центральных ведомств, курирующих мусульманский вопрос в империи:

МНП, Военного министерства¹¹, Департамента полиции, а также Св.Синода. Российские окраины представляли администрации наместника на Кавказе, степного и туркестанского генерал-губернаторств. Закономерным выглядело участие на совещании начальников Уфимской¹², Оренбургской, Казанской и Вятской губерний, в которых компактно расселялись мусульмане. Был приглашен также бывший казанский вице-губернатор Г.Б.Петкевич (губернатор Воронежской губернии).

На отдельные заседания совещания предполагалось приглашать председателя Императорского общества востоковедения, генерал-лейтенанта Н.К. Шведова, приват-доцента столичного университета А.Э. фон Шмидта, редактора журнала «Мир ислама» Д.М. Позднеева.

Ведение делопроизводства было поручено чиновнику особых поручений при МВД Г.Н.Тарановскому и старшему столоначальнику ДДДИИ А.Ф. Евтихиеву¹³.

Со стороны мусульманского сообщества на совещание должны были прибыть руководители всех четырех действующих в России религиозных управлений мусульман¹⁴.

31 марта 1914 г. приглашенным на совещание столичным учреждениям и начальникам губерний департамент выслал для «конфиденциального ознакомления» программу совещания – перечень вопросов, предстоящих к обсуждению¹⁵. МВД связывало с этим мероприятием большие надежды по решению накопившихся проблем в сфере управления духовными делами мусульман. Сообщалось, что программа заседаний не должна ограничиваться лишь рассмотрением только указанных вопросов. Основной задачей является «живой обмен мнениями вообще о современном состоянии русского мусульманства, с точки зрения религиозного его быта и общественных течений, и в связи с тем о необходимых при таких условиях правительственных мероприятиях, обеспечивающих

как интересы Русского государства, так и удовлетворение справедливых нужд и потребностей многомиллионного мусульманского населения, вытекающих из своеобразного уклада, его нужд и быта»¹⁶.

1 апреля в столичных газетах появилась заметка, подготовленная ДДДИИ, о проведении в столице под председательством заместителя министра Золотарева совещания, которому «предстоит заняться в первую очередь разработкой основных начал порядка высшего управления духовными делами магометан в местностях империи, не имеющих в настоящее время такого управления, и обсуждения необходимых изменений в штатах существующих мусульманских управлений, в целях улучшения материального состава соответственно количеству лежащей на них работы в современных условиях жизни»¹⁷. Подготовка правительственного мероприятия вступила в завершающую стадию.

Информация о намерении правительства провести совещание по мусульманским делам вызвала широкий резонанс среди татар. В частности, редакцией газеты «Вақыт» (3 апреля 1914 г.) известие было воспринято с радостью: было заявлено, что «законность всегда лучше беззакония. Дурной закон лучше доброго беззакония»¹⁸. В статье «Рассмотрение мусульманских дел» отмечалось, что мусульмане не знают вопросы, которые будут вынесены на обсуждение совещания; отмечалось, что до этого времени «чиновники рассматривали мусульманские дела со своей точки зрения, чем более осложняли их. Поэтому упорядочение мусульманских дел путем издания особых законов облегчит как положение самого народа, так и положение правительства... Мы надеемся, что правительство отнесется к нуждам мусульман с должной справедливостью, без каких-либо предубеждений».

В следующем номере «Вақыта» (№ 1456) появилась статья, посвященная актуальным нуждам мусульман,

которые должны быть рассмотрены на совещании: реформа Духовного собрания, приходских и общественных учреждений, обеспечение мулл, вакуфы, упорядочение конфессиональных школ, признание права материнского языка...». Прозвучал призыв к нации – надлежащим образом открыть и решительно объяснить власти свои настоящие нужды и требования. Было заявлено, что лишь в таком случае правительство будет сообразно действовать и тем самым избегать «дальнейших недоразумений». Автором статьи эта миссия поручается мусульманским депутатам Государственной Думы – представителям всего мусульманского населения империи, имеющим «доступ» к правительственным кругам и возможность разъяснения на совещании религиозных и национальных нужд мусульман. Выражается надежда, что помимо муфтиев именно они будут приглашены на совещание и сообщается желательность приглашения еще нескольких представителей духовенства и интеллигенции. Обращаясь к мусульманам-депутатам Государственной Думы, газета указывает на необходимость до совещания выработки «определенного мнения» по предполагаемому на совещании вопросам, с учетом решений всероссийских съездов «Иттифак эль- муслимин» и прошений мусульман, присланных в правительство в 1905 – 1906 гг. Кажется, именно эта статья стала точкой отсчета организации и проведения 4-го всероссийского съезда мусульман: газета писала, что если мусульманская фракция не в силах одна выработать проекты по реформированию исламских институтов, «то она может пригласить к себе из провинции и из самого Петербурга несколько лиц из духовных и из интеллигенции»¹⁹.

Узнав о планах правительства пригласить на совещание представителей мусульманского духовенства, газета И.Гаспринского «Тарджиман» (г.Бахчисарай) выступила за участие на нем светских лиц, а не духовенства²⁰.

Рассматривая предстоящее совещание как судьбоносное для мусульманского сообщества России, депутаты Государственной Думы, во главе с председателем мусульманской группы К.-М. Тевкелевым, действительно, решили сыграть на опережение и провести всероссийский мусульманский съезд для обсуждения обозначенных правительством для совещания вопросов. Через принятые резолюции и документы съезда они хотели довести до сведения правительства точку зрения лидеров мусульманского сообщества и таким образом оказать воздействие на высокопоставленных чиновников-участников совещания. Их просьба несколько повременить и провести совещание после всероссийского мусульманского съезда властью была проигнорирована²¹. Как известно, IV съезд открылся спустя месяц после закрытия совещания, 15 июня 1914 г., и работал в закрытом режиме. На нем приняли участие заранее утвержденные властью лица (члены мусульманской группы и бывшие депутаты Государственной Думы, промышленники, общественные и религиозные деятели, всего 32 человека).

Хотя председателем совещания 1914 г. был определен заместитель министра внутренних дел И.М.Золотарев, в действительности на 10 заседаниях из 14 председательствовал его заместитель, директор ДДДИИ Е.В.Менкин. И.М.Золотарев появился лишь на четырех заседаниях, состоявшихся 9, 10, 13 и 16 мая. Без приглашения представителей мусульманских религиозных управлений, именно на них обсуждались ключевые вопросы реформирования управления духовных дел мусульман.

Жизнь внесла некоторые корректировки в первоначальные планы департамента. 25 апреля 1914 г. и.д. таврического муфтия Каршайский известил о своей болезни. В ответ Е.В.Менкин предложил прислать и.д. симферопольского кадия Омара-эфенди, постоянного заседателя ТМДП²². Наместник Кавказский прислал в столицу

члена своего Совета Е.Г.Вейденбаума, сообщив, что муфтий Гаибов «человек очень преклонных лет и страдает глухотой», а временно исполняющий обязанности шейх-уль-ислама, член духовного правления ахунд Пишнамаз-заде «совершенно не знает русского языка». Среди других представителей управлений Закавказья великий князь Михаил Николаевич не нашел достойных лиц для участия в правительственном совещании: «Нахожу излишним командировать в качестве представителей суннитского и шиитского духовенства кого-либо из членов означенных правлений, так как наличные члены последних недостаточно осведомлены в общих вопросах государственного значения», – сообщил великий князь Михаил Николаевич также министру Маклакову²³. Преклонного возраста муфтий М.Султанов чувствовал себя не лучшим образом. Или же, имея огромный опыт в общении с центральными властями, понимал, что совещание вряд ли оправдает тех надежд, которые возлагались на него мусульманами. Вместо себя он делегировал старшего заседателя ОМДС К.Г.Капкаева. Появление среди представителей религиозных управлений отсутствовавшего в списке приглашенных ахуна 2-й махалли Санкт-Петербурга Мухаметсафы Баязитова, кажется, опосредованно свидетельствует о том, что к этому времени МВД уже окончательно определилось с будущим преемником М.Султанова, который был уже весьма преклонного возраста и часто болел, на должность оренбургского муфтия. Иначе трудно объяснить его приглашение на столь высокое правительственное совещание.

Таврический вице-губернатор приехал лишь 2 мая – задержался из-за приезда 29-30 мая императора в Ливадию – отвечал за охрану пути прохождения государя и его свиты²⁴. Из регионов компактного расселения мусульман не оказалось лишь представителя Главного управления Туркестанского

края. Военным министром было сообщено о невозможности его приезда вследствие недостаточности времени для выезда в столицу²⁵.

Приглашенные ахуны Г.М.Капкаев и М.-С. Баязитов участвовали на четырех заседаниях (30 апреля, 2, 3 и 5 мая) из четырнадцати, а опоздавший и.д.симферопольского кадия Омар-эфенде – на последних трех.

Заслуживает внимания перечень вопросов, обсужденных совместно с представителями власти и духовенством: вопросы новых штатных расписаний ОМДС и ТМДП, порядок управления духовными делами мусульман в округе ТМДП, установление особых цензурных правил в отношении издания Корана и афтиака, изменение законов, определяющих порядок наследования христиан в имуществе мусульман, вопросы правового положения и социальной защиты мусульманского духовенства.

На последнем заседании совещания (5 мая), на котором участвовали духовные лица, власти выясняли их точку зрения относительно перспектив учреждения новых религиозных управлений. Следует отметить, что на Кавказе этот вопрос во многом был обусловлен действующей моделью административного устройства, следовательно, зависел от степени интеграции региона в общеимперскую административно-политическую систему управления. Поскольку Закатальский округ предполагалось включить в состав Тифлисской губернии, а Сухумский – в состав Кутаисской губернии, планировалось на местности распространить Положение по управлению закавказским суннитским и шиитским духовенством 1872 г. Власть признавала неприкосновенность действующих порядков в регионах, в которых действовали военно-народные управления. Речь шла о распространении Положения 1872 г. на Карскую и Батумскую области и Черноморскую губернию, уже не состоявших в военно-народном управлении. Этот вопрос уже находился на

рассмотрении наместника Кавказского и обсуждался в комиссии, специально созданной для этого в Тифлисе.

В отношении Кубанской и Терской областей Северного Кавказа наместник высказался за учреждение системы управления, аналогичной Положениям 1872 г. Лишь в отношении пестрого по этническому составу населения Дагестанской области предполагалось сохранить действующий порядок.

Возможные изменения в Туркестанском крае также тесно увязывались с разрабатываемым новым порядком управления этим регионом. Поэтому важнейшим для совещания являлось рассмотрение ситуации в Степных областях (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области).

Представители мусульманского духовенства принципиально высказались за подчинение всех исламских религиозных институтов религиозным управлениям, призванным контролировать духовенство и религиозный уклад прихожан, передачу брачных дел и наследственных дел повсеместно приходским духовным лицам (что противоречило положению дел в Степных областях. – *И.З.*). Они предложили два возможных варианта: или учреждение новых муфтиатов, или подчинение этих регионов действующим религиозным управлениям.

По просьбе чиновников они высказали свою точку зрения, которая, видимо, являлась официальным мнением религиозных управлений о реформировании конфессиональных школ. Ими было заявлено, что «чрезмерное увлечение преподаванием светских наук, особенно в медресе, вызывает известное недовольство среди консервативных элементов русского мусульманства, так как учащиеся таких медресе нередко утрачивают должный интерес к делу веры и весьма неохотно идут на должности мулл, предпочитая другие профессии»²⁶.

Одновременно распространение светского образования было ими признано объективной потребностью,

потому что прихожане стали предъявлять своему духовенству «более повышенные требования в смысле общего развития, благодаря чему и кандидаты на должность муллы, чтобы стоять на одном уровне с веком, должны изучать светские науки»²⁷. Новым явлением в мусульманском сообществе также названо «все более и более» усиливающееся осознание необходимости изучения государственного языка и ознакомления с русской литературой²⁸.

Духовные лица говорили о сохранении без изменения традиции обучения всех детей мусульман в мектебе, потребность в котором объяснили весьма образно («как молоко матери»). Одновременно был поставлен вопрос о введении во всех правительственных школах, в которых обучаются мусульмане, мусульманского вероучения²⁹.

Ахуны также высказались за предоставление права сдачи экзамена в ОМДС лицам, желающим занять должности мугаллимов и мударрисов «как сотрудников духовенства по ведению преподавания в мечетских школах», тем самым распространив в округ ОМДС порядок ТМДП в этой сфере. С учетом резкого увеличения численности начальных школ для девочек, речь шла также о выдаче на основании выданных местным муллой документов удостоверений в достаточности их знаний, аналогичных свидетельствам ОМДС женщинам-учительницам. Их предложения были приняты к сведению как материал при разработке правительством правового положения мектебе и медресе.

На заседаниях 7 и 8 мая тон задавали основные докладчики: казанский губернатор П.М. Боярский (доклад «По вопросу о современном направлении идей мусульманского населения Казанской губернии в связи с развивающейся пропагандой панисламизма и о мерах, могущих способствовать установлению правильного течения местной общественной жизни в соответствии с нашими государственными задачами») и таврический вице-губер-

натор С.С.Дьяченко (доклад, посвященный современным социокультурным процессам среди крымских татар). Участники совещания высказались о записке П.М. Боярского и также обменялись мнениями по его предложению о нежелательности высылки мусульман, обвиненных в политической деятельности, в местности компактного расселения мусульманского населения.

9 и 10 мая были заслушаны составленные сотрудником департамента С.Г.Рыбаковым аналитические записки-справки о действующей системе управления духовными делами магометан в различных местностях империи, информация о результатах произведенных МВД в 1910–1912 гг. ревизий ОМДС и ТМДП, а также телеграмма от уполномоченного жителями Семипалатинской области Марсенова, поступившая на имя министра внутренних дел 6 мая, о желании мусульман Степного края иметь Духовное управление. На основе этих материалов началось обсуждение дальнейшего устройства религиозных управлений мусульман.

12 мая были определены изменения в составах ОМДС и ТМДП и пути организации правительственного контроля над деятельностью духовных управлений.

13 мая обсуждались вопросы, связанные с порядком назначения муфтия и шейх-уль-ислама и других мусульманских духовных должностей, мечетестроительством, метрикацией, а также мероприятия, направленные на повышение положения Русской православной церкви «соответственно государственному значению господствующей религии».

14 мая продолжалось обсуждение темы укрепления влияния церкви в местностях со смешанным населением (православные, мусульмане и язычники). Далее участники совещания высказались по поводу приемлемости в современной ситуации решений, проектированных Особым совещанием 1910 г. и междуведомственным сове-

щением 1910–1911 гг. в отношении мектебов и медресе.

Последнее, заключительное, заседание Особого совещания, состоявшееся 16 мая, было посвящено введению новых форм контроля над общественным мнением мусульманского населения России и зарубежья. В рамках этой идеи были рассмотрены вопросы организации особых курсов по исламоведению для подготовки чиновников, специалистов по исламу, и издания специального периодического органа, посвященного исламу. Также обсуждался вопрос о возможности учреждения проправительственного всероссийского союза мусульман «Сират ал-Мустахим».

Следует отметить, что в решении совещания был заложен качественный новый уровень контроля над общественным настроением и общественно-политической мыслью мусульман. Во-первых, вновь было заявлено о необходимости возобновления издания журнала «Мир ислама», который был открыт по решению Особого совещания 1910 г. и закрыт в 1914 г. (из-за отсутствия средств). Речь шла о модернизации его в соответствии с запросами государства. Причем высокопоставленные чиновники при этом ссылались на европейские державы, имеющие колонии со значительным мусульманским населением, в которых издавались журналы по изучению ислама. Совещание рассматривало российских подданных-мусульман как составную часть мирового мусульманского сообщества, имея в виду, прежде всего, влияние антирусской идеологии приграничных исламских государств. Речь шла о «систематическом и широком изучении мусульманского мира путем наблюдения за его прессой», особенно приграничных Российской империи государств.

Во-вторых, на основе первого опыта проведения курсов исламоведения было заявлено о необходимости продолжения этого начинания (на первом этапе на курсах, организуемых учебным ведомством).

В-третьих, речь шла о введении в штатное расписание губернских канцелярий местностей с компактным расселением мусульманского населения новой штатной единицы – должности советника с окладом в размере 2500 руб. при VI классе должности. Рекомендовалось передать в его компетенцию, производящиеся в губернских учреждениях дела, касающиеся мусульман. Главной его обязанностью должно было стать «наблюдение за политическими движениями в мусульманской среде, производство ревизий, дача заключений по различного рода случаям и вопросам, касающимся мусульманства, и постоянное осведомление начальника губернии или области о состоянии местного мусульманского населения в различных сторонах его жизни и быта». Получался губернский чиновник, специально курирующий, отслеживающий «татарско-мусульманский вопрос» в регионе. Силовое ведомство тем самым опосредованно признало, что практически не владеет ситуацией в этой сфере и остро нуждается в оперативной информации для принятия адекватных решений.

Политическое содержание мусульманского вопроса наглядно проявилось во время обсуждения проекта устава Всероссийского мусульманского народного союза «Сират ал-Мустахим» («Прямой путь»). Совещание констатировало, что «при крайней широте его задач, обнимающих жизнь мусульман чуть ли не во всех ее проявлениях (цели религиозные, просветительные, благотворительные), проектируемый союз явится могучим орудием объединения мусульман, притом без различия их национальности, и в конечном результате может повести к укреплению сепаратизма... Хотя проектом устава и предусмотрена возможность закрытия союза распоряжением министра внутренних дел, в случае признания деятельности его вредной (§ 7), такое закрытие само по себе прекратит существование союза как юридического лица, но не устранил объединения,

какое к тому времени может явиться следствием работы союза»³⁰.

Высокопоставленные чиновники единогласно признали его учреждение безусловно нежелательным, с точки зрения интересов русской государственности как организации, объединяющей мусульман без различия национальности.

Центральные власти во главу угла своих рассуждений поставили тезис о том, что не прижившиеся среди российских мусульман идеи панисламизма и пантюркизма начали активно вытесняться движением пантатаризма, во главе которого стояли татары Казанской губернии. Было заявлено, что пантатаризм представляет серьезную опасность не только для тюрко-мусульман, но и для язычников и православных.

Наиболее злободневной темой для мусульман являлось учреждение новых религиозных управлений. Неудивительно, что этому вопросу совещание уделило значительное внимание. Некоторыми участниками совещания учреждение национальных религиозных управлений являлось наименьшим злом по сравнению с татаризацией мусульман. Другие участники ставили резонный вопрос: «...Даже если признать, что национальные муфтиаты явятся средствами разобщения мусульманских народностей, то все-таки вызывает сомнение вопрос, насколько в интересах государства способствовать упрочению самобытности тех или иных народностей, стоящих к тому же на более низкой ступени культуры, каково большинство населяющих империю народностей мусульманских. Быть может, скорее следует опасаться, не послужит ли подобная организация высшего управления магометанскими духовными делами одним из существенных препятствий к постепенному культурному сближению инородцев мусульман с русской народностью, к чему именно и должна стремиться правительственная власть, не нарушая вероисповедной свободы и допусти-

мых с государственной точки зрения пределов сохранения племенной самобытности наших инородцев»³¹.

Выводы

Особым совещанием 1914 г. был принят ряд положений, отражающий видение властями путей решения накопившихся проблем в сфере управления духовными делами мусульман России.

Предполагалось изъять из ведения ОМДС татар, проживающих в степных областях. В местностях, не входящих в округа Таврического и Оренбургского муфтиатов (кроме некоторых местностей Кавказа и Туркестана), планировалось организовать управление духовными делами мусульман на таких началах, чтобы духовные лица являлись по преимуществу служителями исламского культа.

Решения совещания охватили несколько узловых проблем управления духовными делами мусульман и коснулись в той или иной степени практически основных исламских институтов: духовенства, религиозных управлений, конфессиональных учебных заведений.

Ввиду плачевного состояния финансового положения ОМДС рекомендовалось увеличить его штаты, жалование отдельным должностным лицам и расходы на хозяйственные и канцелярские нужды, сохранив казенные расходы на содержание Духовного Соборного Собрания в сумме 7865 руб. Необходимые дополнительно средства в сумме около 25 тыс. руб. рекомендовалось отнести на счет мусульман, увеличив взимаемый в округе Соборный сбор при заключении браков до 50 коп. (вместо 25 коп.) с каждого брака и установив особые сборы с кандидатов на духовные должности, подвергающихся испытанию в знании правил мусульманской религии (3 руб. – для имамов, хатибов, мударрисов и мугалимов и 1 руб. – для муэдзинов и учителей детей).

Усиление штатов ТМДП планировалось путем увеличения содержания штатных должностных лиц, оставив

без изменения их количество и присвоенные отдельным должностям классы и разряды по пенсии. Требуемую для этого сумму в 9000 руб. предполагалось отнести на государственный счет, однако с тем, чтобы она была возвращена казне из вакфного капитала упраздненных мечетей Таврической губернии.

С целью обеспечения финансирования проектируемого Кавказским краевым начальством усиления штатов Закавказских духовных правлений предлагалось ввести на этих территориях аналогичный в округе ОМДС брачный сбор.

Чиновники проигнорировали намерения руководства ОМДС, пытавшегося в XIX – начале XX в. ввести в округе институт ахунов, как представителей религиозного управления в регионах: было заявлено об «узаконении» сложившейся в округе Оренбургского собрания практики утверждения духовных лиц «в почетном звании ахуна», согласно которой они утверждаются в этом звании губернской властью по представлениям религиозного управления.

В вопросах регулирования жизнедеятельности мусульманских приходов также был разработан ряд мероприятий. Было признано желательным оставление в силе распоряжения МВД 1911 г. о недопущении к занятию духовных должностей российских подданных, получивших религиозное образование в мусульманских странах. Рекомендовалось ввести единое правило о том, чтобы во всех регионах требовалось обязательное знание русской разговорной речи от кандидатов на должности мулл городских и сельских приходов. Причем министр внутренних дел должен был определять местности, в которых, с учетом местных условий, в духовных должностях могли утверждаться лица, не владеющие государственным языком.

Предполагалось также распространить русский образовательный ценз, установленный для мулл в казачьих

войсках (экзамен в объеме курса одно-классного начального народного училища) и для мусульманских духовных лиц Оренбургского казачьего войска.

С целью улучшения материального положения приходских духовных лиц рекомендовалось распространить на все местности империи действующий в Закавказье порядок, согласно которому размер их содержания определяется особыми приходскими приговорами, фиксированием в общественном приговоре точного размера содержания имамов и муэдзинов.

Было решено предоставить приходскому мусульманскому духовенству в империи право бесплатной пересылки служебной корреспонденции и право пользования должностной печатью, установить правило возмещения имамам разъездных расходов по исполнению поручений ОМДС и духовных правлений по разбору спорных дел за счет участвующих в деле сторон, в соответствии с общими началами действующего законодательства, касающегося возмещения судебных издержек.

Предлагалось исключить из состава приходского духовенства ТМДП феррашей (сторожей) как лиц, не принимающих участия в совершении общественных богослужений и исполнении «треб».

В действующий «Устав строительный» по части возведения исламских богослужебных зданий предлагалось распространить правила постройки синагог и еврейских молитвенных школ: вновь возводимые на одной улице или площади с православными храмами мечети должны располагаться на расстоянии не менее 100 саж. от них, а на другой улице – не менее 50 саж.

Намечалось дополнить законодательство положениями, закрепляющими мусульманский приход как религиозную организацию с четкой регламентацией его состава и порядка участия в его делах прихожан.

Для заведования хозяйственной частью в махаллях намечалось учреждение при мечетях попечительств, в составе

приходского муллы (председатель) и 3–5 членов, избираемых приходскими собраниями на определенный срок. Их компетенция должна была быть законодательно закреплена в специальной инструкции МВД. Главными задачами попечительств объявлялись заведование хозяйственной частью в приходе, изыскание средств на содержание мечети, кладбища и исполнение по поручению прихожан полномочий уполномоченного прихода, как юридического лица, по совершению имущественных актов и сделок.

Планировались изъятие из компетенции приходских духовных лиц ведения метрических книг и передача их в городах в городские общественные управления, а в сельских местностях – в волостные правления. Отказ от сообщения властям требуемых для заполнения метрических документов сведений объявлялся уголовным преступлением. Исключение допускалось лишь в отношении местностей с кочевым населением, где заявления о событиях, подлежащих метрикации, делались приходскому духовному лицу, который составлял об этом акт и отсылал его в местное волостное правление для внесения в метрическую книгу. Метрические книги мусульман должны были составляться на родном языке прихожан, по возможности с параллельным русским текстом.

В целях усиления имперского законодательства Особое совещание решило обратиться в Министерство юстиции с предложением об изъятии из ведения приходского духовенства в округах Оренбургского и Таврического управлений наследственных дел мусульман и передаче их российским судебным органам. Это нововведение означало урезание компетенции духовных правлений, упразднение в Таврической губернии должностей кадиев и повсеместное допущение христиан к наследованию имущества мусульман (этот порядок был установлен лишь в отношении наследств, остающихся после мусульман Таврической губернии).

С целью совершенствования и усиления правительственного надзора за деятельностью мусульманских религиозных управлений планировалось: 1) при изменении штатов ТМДП и ОМДС ввести в их штатное расписание должность секретаря с правом подачи протеста в губернское правление на решения религиозного органа, с которыми он не считал «возможным согласиться». Кандидата на должность секретаря, с содержанием за казенный счет, утверждало местное губернское правление; 2) вводилось правило, согласно которому жалобы на решения ТМДП вносились не в МВД, а в местное губернское правление, обжалование решений которого осуществлялось на общем основании.

Участники совещания признали необходимость серьезного изучения «мусульманского вопроса» в империи и отслеживания настроений мусульман. С целью усиления осведомленности правительственных органов с положением дел среди мусульман было постановлено: 1) организовать в столице для чиновников курсы исламоведения по более широкой программе и курсы для изучения языков мусульманских народов, по согласованию с учебным ведомством, при «иногородческих» учительских семинариях; 2) возобновить издание журнала «Мир ислама», издававшегося в 1912–1913 гг. на средства МВД при Обществе востоковедения, и превратить его в правительственный орган по исламскому вопросу с финансированием за казенный счет; 3) ввести в губерниях и областях со значительным мусульманским населением в состав губернских правлений должность советника, сосредоточив в его ведении все дела, касающиеся мусульман.

В отношении мектебов и медресе были одобрены предположения совещания по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения при МНП 1910–1911 гг., а именно: традиционные школы чисто вероучительного характера остаются в заве-

довании духовенства, с определением для них списка учебных предметов, утвержденных властью. Те школы, которые по преподаваемым дисциплинам выходят за рамки духовных школ и имеют общеобразовательный характер, должны были быть преобразованы в частные учебные заведения на общем основании. Было уточнено, что школы чисто конфессионального типа открываются с разрешения властей, и надлежит обратить особое внимание на недопущение в них «тенденциозных учебников заграничного и русского издания» и преподавателей – иностранных подданных. Участники совещания проголосовали за недопущение лиц, выдержавших испытание на духовные звания в округе ОМДС, к преподаванию в мечетских школах в других местностях империи.

Совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения при МНП 1910–1911 гг. высказалось за учреждение, для действительного контроля над многочисленными мектебами, должностей особых инспекторов «пониженного типа с образовательным цензом не ниже курса городского училища» и за оставление контроля за медресе по-прежнему за инспекторами народных училищ. Участники совещания 1914 г. выразили пожелание, чтобы инспектора в местностях, где имеются медресе, были знакомы с родным языком мусульман, а лица, которые будут занимать должности инспекторов по контролю за мектебами, уравниены в жалованье и в уровне образовательного ценза с инспекторами народных училищ. Было также указано на необходимость установления, в виде временной меры, прибавок к содержанию для инспекторов народных училищ, обладающих знанием мусульманских наречий.

Совещание поддержало определенные Особым совещанием 1910 г. такие меры, как укрепление положения русской школы в местностях с коренным населением, обеспечение правитель-

твенных школ для «инородцев» достаточным числом преподавателей и привлечение высших учебных заведений к более широкому распространению знаний по мусульманству.

Относительно способов, направленных на улучшение положения Русской православной церкви в местностях с мусульманским и языческим населением и в интересах «противодействия развитию исламизации и татаризации разноплеменных инородцев», чиновники также одобрили решения Особого совещания 1910 г. Помимо этого совещание признало желательным увеличить в этих регионах казенные расходы на православное храмостроительство, «с разработкой правильного плана наподобие школьной сети», и улучшить материальное положение православного духовенства: 1) увеличить его содержание, доведя до норм, установленных в Холмской и западных губерниях; 2) установление надбавок, прибавок за несение «известных сроков» в «инородческих» приходах и 3) распределить выделяемые ныне на добавочное содержание средства исключительно между наиболее нуждающимися причтами. Рекомендовалось

также учредить особые пастырские курсы как одну из мер к восполнению имеющегося недостатка в лицах, желающих посвятить себя священнослужению, улучшить подготовку православного духовенства к миссионерской деятельности, учредить женские монастыри «миссионерского типа» по примеру существующих в Холмской и западных губерниях.

С началом Первой мировой войны реализация большинства решений Особого межведомственного совещания по делам мусульман 1914 г., наряду с другими злободневными общественными проблемами, была отложена до «лучших времен».

Сокращения

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий.

МВД – Министерство внутренних дел.

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из истории национальной политики царизма // Красный архив. – 1928. – № 5(36). – С.83.

² РГИА, ф.821, оп.138, д.132, л.77.

³ Дякин С.В. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – С.131.

⁴ Тургайский губернатор заявил, что местные власти успешно справляются с поставленными задачами, надобности в учреждении специального духовного управления для казахов нет, однако нужно увеличить численность легальных мечетей и поручить муллам ведение метрических книг. Начальник Уральской области солидаризовался со своим коллегой по вопросу об отсутствии надобности религиозного управления в Степных областях, метрификацию предлагал передать в компетенцию местных властей, а не духовенства (Дякин С.В. Указ. соч. – С.134).

⁵ Дякин С.В. Указ. соч. – С.129–130.

⁶ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и комм. Д.Ю.Арапов. – М.: Наталис, 2006. – С.454.

⁷ РГИА, ф.821, оп.133, д.544, лл.47–49.

⁸ РГИА, ф.821, оп.133, д.544, лл.49–49 об.

⁹ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.114.

¹⁰ 1) Дальнейшее устройство быта мусульман; 2) упорядочение положения мусульманского населения «в целях наилучшего обеспечения интересов русской государс-

твенности», 3) отношение правительства к наблюдающимся в мусульманской среде национальным движениям и стремлению к обособлению на религиозно-национальной почве; 4) мероприятия, направленные на предотвращение татаризации этнических групп, исповедующих ислам, «и прочих национальностей и исламизации язычников»; 5) способы наилучшего осведомления центральных и местных органов власти с современным состоянием мусульман, различных сторон их «быта и жизни» (РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.1).

¹¹ Военный министр рекомендовал для участия в совещании начальника Азиатской части Генерального штаба генерал-лейтенанта М.М. Манакина и заместителем к нему делопроизводителя этого подразделения Генерального штаба полковника Стрельбицкого. На совещании присутствовал лишь первый из них (РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.73).

¹² Во время пребывания в МВД, в декабре 1913 г., уфимский губернатор П.П. Башилов получил приглашение на участие в совещании лично от министра Маклакова (РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.69).

¹³ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.1–1 об.

¹⁴ Уфимский губернатор П.П. Башилов 16 марта 1914 г. довел до сведения МВД мнение епископа Андрея, предложившего в качестве представителя духовенства Казанской губернии вероучителя КТУШ Фасыха Мухетдинова как лица, «с точки зрения государственности вполне надежного». Однако его депеша поступила с опозданием (РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.68–68 об.).

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л. 10–11, 19–21.

¹⁶ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.6–7.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.3.

¹⁸ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.5.

¹⁹ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.5.

²⁰ Дякин С.В. Указ. соч. – С.132–133.

²¹ Дякин С.В. Указ. соч. – С.139.

²² РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.62–65.

²³ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.71–71 об.

²⁴ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.72.

²⁵ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.73.

²⁶ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.203–203 об.

²⁷ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.203 об.

²⁸ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.204.

²⁹ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.205.

³⁰ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.386 об., 386.

³¹ РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.254–254 об.

Аннотация

В статье освещаются подготовка и проведение Особого межведомственного совещания по делам мусульман в России в 1914 г., выработавшего ряд мер по реформированию управления их духовными делами; обсуждение на совещании ключевых проблем «мусульманского вопроса» в империи.

Ключевые слова: мусульманский вопрос в Российской империи, реформирование мусульманских религиозных управлений, Особое совещание по мусульманским делам 1914 г., панисламизм.

Summary

The article deals with the preparation and realization of the Special interdepartmental conference on the point of the Moslems in Russia in 1914 which produced a range of measures on reforming the management of their religious affairs; the discussion of the key problems of the Moslem issue in the empire.

УДК 93/94+008

КЛАССИЧЕСКОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЕВРАЗИЙСТВО: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙНОГО КОМПЛЕКСА

О.В. Лушников, кандидат исторических наук

Евразийская идея сегодня – это цивилизационная парадигма гигантского субконтинента Евразии. Она прошла путь от накопления частных идей евразийской направленности в исторической практике великих евразийских держав до осмысления и концептуального оформления целостной евразийской цивилизационной концепции в отечественной исторической и общественно-политической мысли.

Квинтэссенцией евразийской идеи стали труды авторов евразийского общественно-политического движения в русской эмиграции XX в. Именно его участники использовали сам термин «Евразия» и дали системное междисциплинарное обоснование образа России как евразийской цивилизации. В целом евразийская идея представляет собой исторически развивающийся комплекс положений, концепций, взглядов, трактующих сущность российской государственности, культуры и цивилизации как единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез традиций и интеграции народов Евразии, превращающих Россию в самостоятельный центр силы.

Основоположниками и духовными лидерами евразийского движения следует назвать знаменитого филолога и культуролога князя Н.С. Трубецкого, блестящего экономиста, географа, историка и дипломата П.Н. Савицкого и выдающегося историка Г.В. Вернадского. В евразийское движение также входили искусствовед П.П. Сувчинский, фи-

лософы и публицисты Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, Б.Н. Ширяев, А.В. Карташев, К.А. Чхеидзе, историки Д.П. Святополк-Мирский, В.П. Никитин, М.В. Шахматов, Г.Н. Полковников, С.Г. Пушкирев, В.Н. Иванов, Э. Хара-Даван, Я.А. Бломберг, Н.П. Толь, правовед Н.Н. Алексеев и др. Некоторое время движение поддерживали известный историк и культуролог П.М. Бицилли, религиозные философы Г.В. Флоровский и С.Л. Франк.

Евразийское движение оставило серию сборников статей и работ («Евразийская хроника», «Евразийский временник», газета «Евразия» и др.)¹, в которых затрагиваются области знаний, так или иначе касающиеся вопросов единой государственности Евразии: история государства, право, философия, религиоведение, лингвистика, этнография, антропология, экономика, статистика, демография, историческая география, геология, биология, промышленность, сельское хозяйство, литература и политика. Великолепным созвездием имен обусловлены высокий уровень евразийской научной школы и ее непреходящее значение.

Однако отсутствие специальных обобщающих трудов и сложный состав идей классиков евразийской мысли вызывают подчас их неоднозначную трактовку. Так, некоторые авторы противопоставляют классиков друг другу (например, Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого), утверждая, что толь-

ко этим автором или этой группой порождалось «истинное» евразийство, объявляя идеи других классиков евразийства уклонившимися от генеральной линии.

Это не совсем верно. Безусловно, некоторые отличия взглядов между классиками евразийского движения были неизбежны, т.к. каждый из авторов являлся выдающейся личностью и был большим специалистом в какой-либо конкретной области. Но это не разделяло классиков, а напротив, способствовало разностороннему описанию ими евразийской цивилизационной матрицы. И, исследуя весь комплекс работ евразийцев, соединив множество фрагментов и частей их гипотез и воззрений, можно представить целостную картину развития евразийской идеи на данном этапе.

Структуру евразийской идеи в классический период целесообразно рассмотреть через ее «географо-экономические», «культурно-исторические» и «политико-правовые» аспекты.

К географо-экономическим аспектам евразийской идеи относится, прежде всего, «теория *месторазвития*» (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский). «Месторазвитие» понималось евразийцами как взаимосвязанный ряд положений о пространственной детерминации России – Евразии, и ее связи с экономической, хозяйственной, исторической и культурной деятельностью населяющих ее народов². Подробный анализ географических особенностей России – Евразии, выявленные при этом объективные, природные свойства и закономерности позволили евразийцам утверждать о естественной целостности этой территории, ее своеобразии и отличии от соседних географических миров³. С точки зрения евразийских авторов, цивилизационное пространство России – Евразии как гигантского «континент-океана» исторически тяготело к объединению в огромное государство. «Россия – Евразия есть месторазвитие, единое целое, географический индиви-

дуум – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт»...»⁴.

При этом сами евразийцы неоднократно подчеркивали, что речь не идет о геоприродном обосновании каких-либо административно-политических границ, учитывая их социально обусловленный и, следовательно, неустойчивый характер. Предупреждая возможные обвинения в «географическом детерминизме», евразийские авторы обращали внимание на то, что в категории «*месторазвитие*» не задается жесткое, однозначное направление причинной обусловленности социальных явлений природными. Утверждается только наличие тесной связи между ними. Однако при этом П.Н. Савицкий подчеркивал, что для формирования культуры *месторазвитие* имеет более важное значение, чем этническое происхождение ее носителей. «Общие черты евразийской культуры проявлялись в разных местах названного «*месторазвития*» и в разные эпохи, независимо от общности происхождения, от «генетической близости» народов, являвшихся носителями культуры»⁵.

Понятие «*месторазвитие*», отражая единство биосоциальной природы человека, имеет ключевое значение для обоснования геокультурного единства Евразии. География, климат, огромная пространственная протяженность оказали существенное влияние на характер проживающих людей, их ментальность, судьбу, историю, духовность. В течение многих веков, решая общие проблемы экономического, политического, военного, хозяйственного и т.д. характера, народы, проживающие на данной территории, выработали специфические социальные отношения, в которых приоритетными были не личные интересы, при всей их значимости, а общественные. Условием нормального функционирования социума в Евразии стала и существенная роль государства. Сложилось иное, чем на Западе, отношение к собственности,

основанное не на культе интересов личности, но и не на их игнорировании, обусловленное культурой подчинения личности общим целям, общему делу.

«Теория *месторазвития*» стала в свою очередь фундаментом для концепций «*экономической безопасности*» и «*функционального хозяйнодержавия*» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Н.А. Клепинин).

Экономическая безопасность России, как континентальной державы, виделась евразийцам в приоритетном внимании к налаживанию экономических связей со своими ближайшими соседями и к развитию собственной экономики, через рациональное размещение производительных сил с учетом особенностей природно-климатических зон и расположения полезных ископаемых и энергетических ресурсов⁶.

Сбалансированная система государственного (эксплуатация природных ресурсов, транспорт, оборонная промышленность, банковский сектор и т.п.) и частного (сельское хозяйство и др.) начал в экономике и необходимость планового хозяйства получили у евразийцев название «*функционального хозяйнодержавия*». Если частное предпринимательство выступает у евразийцев как «активный двигатель» усовершенствования хозяйственной деятельности, то государственное хозяйство играет аналогичную роль в отношении социальной направленности экономики⁷.

В представлениях евразийцев собственность должна подчиняться идее общего блага и быть функциональной, т.е., во-первых, служить интересам не только нескольких лиц, но и всей страны, во-вторых, орудиями производства имеет право владеть только тот, кто может добиться реальных производственных результатов⁸. Вершиной «хозяйнодержавия», как гармоничной соборной связи «хозяина-личности» и «хозяина-общества», стал евразийский идеал «добраго хозяина», по-хозяйски относящегося к окружающей среде,

производству и ставящего целью не беспринципную погоню за прибылью, а заботу о благосостоянии людей⁹.

Культурологические аспекты евразийской идеи – это *поликультурцизм, самобытность и «симфоническая личность»* (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, В.Н. Ильин, Р.О. Якобсон, В.Н. Иванов, Л.П. Карсавин). Евразийский *поликультурцизм* знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма». Взамен «европоцентристским лекалам» деления народов на «культурные» и «некультурные» евразийцы предлагают дифференцированное рассмотрение культуры через категории «культурной среды», «эпохи» ее существования и «отрасли» культуры и доказывают, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных»¹⁰. В противоположность нивелирующим тенденциям начинающих процессов глобализации евразийцы утверждали, что долг каждой национальной культуры – это самопознание и уважение к своей самобытности, культурной традиции и своей истории¹¹. При этом они отмечали, что заимствование чужих технологий не так опасно, как заимствование чужой культуры, в конечном итоге оборачивающееся деградацией, т.к. там, где процесс качественного обновления культурной традиции через превращение ее в неотъемлемый духовный элемент личного бытия прерывается, культура умирает и остается один косный, бездушный быт¹².

Для обоснования *самобытности* социально-этнической и психологической основы евразийско-русской общности евразийцы привлекали огромные пласты знаний истории, археологии, этнографии, исторической географии, этнологии, языкознания. Раскрывая связь месторазвития России – Евразии с ее культурой, они указывали на диалектическое взаимодействие славянского (русские, украинцы, белорусы) и туранского (финно-угры, тюрки, монголы, маньчжуры) элемен-

тов, составляющих основу евразийской культуры и цивилизации¹³. Как доказывал князь Н.С. Трубецкой, «по целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к востоку, так что граница «востока» и «запада» иной раз проходит между славянами и русскими...»¹⁴. Харбинский евразиец В.Н. Иванов также подчеркивал этнографически наблюдаемую евразийскую сущность России: «В лесах, на горах Поволжья, в деревянных церквках Вологодской и Архангельской губерний, в раскольничьих скитах Пермской, среди кержаков Сибири, в казачьих войсках – Сибирском, Оренбургском, Уральском, Амурском, Забайкальском – куда более того, что мы называем подлинно русским, нежели в каком-нибудь старом Смоленске или в древнем Гомеле»¹⁵. Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты, – отмечали евразийцы, – неблагодарно и недобросовестно. «Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим»¹⁶.

Как отметил П.М. Бицилли, евразийцы правы в утверждении того, «что русская нация и пространственно и духовно есть нечто неизмеримо более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат — великорусская народность»¹⁷. Ему вторил П.Н. Савицкий: «Русские всех ветвей связаны с другими народами Евразии той связью «воды и воздуха», о которой говорили персидские историки (например, Рашид-ад-дин). Спаяны они с ним и единством исторической судьбы»¹⁸. В «Опыте систематического изложения» (1926 г.) евразийцы резюмировали: «Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими»¹⁹.

Евразийцы подчеркивали необходимость равноправного отношения всех составляющих Россию – Евразию народностей. Культуроцентризм привел евразийцев к отказу от национализма (деления евразийских народов

на русских и инородцев, ущемления по национальному признаку) и замене его концепцией федеративного обще-евразийского дома (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев)²⁰.

Особое место в культурологическом аспекте евразийской идеи занимает теория «Симфонической личности», которая объединила религиозно-философские и культурологические воззрения евразийцев и дала системность в описании российско-евразийской цивилизации как целостного объекта. «Симфоническая (соборная) личность» культуры понимается евразийцами как комплекс объединенных общей идеей и иерархически организованных «личностей» (индивид – социальная группа – народ – цивилизация)²¹.

Исторический аспект евразийской идеи (Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, В.Н. Иванов, М.Г. Торновский, Э. Хара-Даван, С.Н. Пушкирев, Н.Н. Алексеев, М.В. Шахматов) раскрывает общность исторической судьбы народов Евразии, их естественную совместимость, историческую «спаянность» территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств²².

Исторический подход евразийцев отличался панорамностью взгляда на развитие России в контексте всемирной истории. Для них Россия не «отсталая» «периферийная» часть Европы, а составообразующая часть Евразии – главного театра действий мировой истории, по отношению к которому вся приморская часть большого Евро-Азиатского континента (Европа, Иран, Индия, Индокитай, Корея) – окраина²³. Именно поэтому корни российской государственности евразийцы видели не в Киевской Руси, распавшейся на ряд воюющих друг с другом суверенных государств еще в XII в., а во Владимирско-Московском княжестве, ставшем преемником сильного централизованного евразийски ориентированного Монгольского государства²⁴.

Одним из краеугольных камней исторической концепции евразийцев стали циклы объединения и дезинтеграции евразийских государств, представлявшие собой последовательный ряд попыток (скифы, гунны, тюрки, монголы, русские) в создании единого всеевразийского государства²⁵. Главный двигатель истории евразийцы видели в диалектическом взаимодействии земледельческой и кочевой культур (Леса и Степи), а также в борьбе за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Особой ролью здесь евразийцы наделяли кочевые народы Евразии, которые являлись посредниками между средиземноморской и китайской и индийской цивилизациями, и инициировали процессы объединения народов²⁶.

В методологическом отношении евразийцы придерживались многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций («автаркий», «симфонических личностей», «культурно-исторических зон»)²⁷. Исторический процесс рассматривался ими равно как проявление некой «жизненной энергии», заложенной в народе и оказывающей влияние на окружающую географическую и этническую среду, формируя индивидуальное «месторазвитие». Эта мысль была позже развита А. Тойнби в теории «вызова и ответа» и Л.Н. Гумилевым в «теории пассионарности»²⁸, оказав существенное влияние на последующее развитие евразийской идеи.

«Политико-правовые» аспекты евразийской идеи включают в себя концепции «государства правды», «правообязанностей», «демотии» и «идеократии» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, М.В. Шахматов, В.Н. Иванов). Исходя из исторически сложившихся в государствах Евразии опыта, традиций, идеалов и саморазвития российско-евразийской государственно-правовой культуры, евразийцы

разработали свое видение органичной политическо-правовой системы России. Концепция «государства правды» рассматривает предназначение власти с точки зрения нравственного начала, идеи духовного подвига и служения общественному благу²⁹. Концепция «правообязанностей» раскрывает диалектический характер взаимоотношений общества и индивидуума³⁰. «Демотия» – «органическая демократия», являлась евразийской версией социально-ориентированного государства с широким участием народа в его управлении³¹. Концепция «идеократии» рассматривалась евразийцами как подчинение государственной и социальной жизни идеалу, вытекающему из культуры, религии и духа нации и государства, остающегося постоянным, несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы³².

Мыслители классического периода развития евразийской идеи подчеркивали общий характер политической структуры всех евразийских государств, необходимым признаком которых всегда являлись сильная централизованная власть и объединяющая все общество идея³³.

В то же время нам кажется справедливым и замечание П.М. Бицилли о том, что «евразийское государство является результатом общей воли населяющих это государство граждан, которая может иметь совершенно разное воплощение от монархии до парламентаризма, а не только «обязательной идеократии»³⁴.

Классический период развития евразийской идеи по праву можно назвать ее квинтэссенцией. Всесторонний анализ и междисциплинарная систематизация евразийскими авторами оснований евразийско-русской цивилизационной общности помогли им отказаться от панславизма и идеализации славянской старины славянофилов, увидеть своеобразие России в ее восточных корнях, отметить многонациональный характер российской

культуры и российского государства, определить оптимальные параметры его политического и экономического развития. Благодаря этому, потерпев поражение как эмигрантское политическое движение 1920–1930 гг., евразийство сохранилось как идейное течение, оказывающее влияние на современность.

Сегодня евразийская идея продолжает дальнейшее развитие. Однако современное евразийство является скорее общим идейным направлением патриотической мысли, чем единой научной школой.

В настоящий момент можно выделить три основных направления евразийских исследований: социо-естественное, цивилизационное и геополитическое.

Социо-естественное направление современного евразийства объединило ученых-естественников и представителей общественных наук в проекте социоестественной истории (Б.С. Лавров, И.С. Шишкин, В. Пантин, С. Кульпин, Ю. Ермолаев, М.Н. Коваленко, В.А. Мичурин, В.М. Пашинский, В.Б. Пастухов и др.³⁵. С 1992 г. последователи этого направления регулярно проводят «Гумилевские чтения», создали интернет-проект «Gumilevica», интернет-журнал «Евразийский вестник». Общими чертами этого направления стали опора на теорию этногенеза, государственный патриотизм и анализ природно-климатических особенностей месторазвития в их влиянии на исторический опыт народов Евразии.

Авторы этого направления отмечают, что биоклиматический потенциал России понижен в 2–3 раза и климат обуславливает в 1,5–2 раза повышенную энергоемкость любых производств и самого жизнеобеспечения, что сразу же вместе с сухопутными и морскими пространственно-ледово-транспортными условиями дает широкие возможности спекуляциям на нерентабельности (в ее европонимании) российских производств и самой жизни. Однако «русский опыт» показал,

что семейно-общинный принцип жизнеустройства может делать не только рентабельной, но и «богатой» (в достатке) жизнь даже в «почти Антарктиде»³⁶. Сходных позиций придерживаются близкие к социо-естественному направлению евразийства С.Г. Кара-Мурза, А. Паршев, М.Г. Суслов и многие другие³⁷.

Геополитические неоевразийцы говорят о необходимости воссоздания российского «Большого пространства» в форме «Евразийского союза». Также они сконцентрировались на проблеме противодействия однополярной американоцентричной глобализации, и необходимости построения жизненно важного для России многополярного мира через систему стратегических альянсов.

О.Б. Арин и М.Л. Титаренко указывают на социалистический Китай как на главного стратегического партнера России³⁸. А.С. Панарин – за Российско-Индийскую вертикаль, против горизонтального разрезания евразийского пространства по периметру лимитрофа³⁹. К.С. Гаджиев и А.Г. Дугин предлагают комплексный подход и многоуровневую систему блоков⁴⁰. Последнее более прагматично, т.к. дает России возможность маневра.

Неоевразийские геополитики видят особую роль России – Евразии в мировой экономике, позиционируя ее не только как мост между Востоком и Западом⁴¹, но и как третье звено мировой экономической системы. «Если в прошлом вклад России в мировую культуру объяснялся тем, что русская культура стала сплавом европейских и азиатских веяний, то в XXI в. предназначение России заключается в том, чтобы своим экономическим развитием связать напрямую Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский экономические регионы, тем самым построив недостающее звено глобальной экономической системы»⁴².

Наиболее полно идейная преемственность с классиками евразийства наблюдается у авторов *цивилизацион-*

ного евразийства. Это в основном сотрудники институтов РАН (истории, социально-политических исследований, востоковедения, философии, этнологии и антропологии), Института стран Азии и Африки, Московского, Иркутского, Бурятского, Новосибирского, Казанского, Уральского госуниверситетов и других вузов страны, которые развивают и переосмысливают идеи классического евразийства, оставаясь в рамках академической науки.

Авторы данного направления исходят из подразделения мира на ряд цивилизаций и дают методологическое обоснование полицентризма и многолинейности социально-исторического процесса, идеи параллельного сосуществования и развития различных цивилизаций как исторически сложившихся геотноткультурных систем, общностей людей, объединенных особенностями культуры, психики, сознанием своего единства, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты⁴³.

«И.Б. Орлова определяет цивилизацию как «социетальную культурно-историческую систему, объединяющую на суперэтническом уровне население с общей самоидентификацией, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой. В основе цивилизации лежат три вида системообразующих связей: пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка; социальные и социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей. В соответствии с этим определением Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность,

может быть классифицирована как культурно-историческая система – Евразийская цивилизация»⁴⁴.

С понятием цивилизации тесно связан принцип самобытности. Б.С. Ерасов определяет самобытность как «традицию, идентичность, культурное наследие, специфику, – нечто общее при внутренних различиях, объединяющее, совмещающее бытие, действие и сознание, отражающее суть данного коллектива, связь его исторического и современного бытия, сознания и деятельности. Жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силы в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет постоянный процесс самостоятельного развития»⁴⁵.

По мнению Б.С. Ерасова и И.Б. Орловой, сведение разнообразия культур и цивилизаций к единой унифицирующей модели противостоит естественности. Каждая культура, каждый народ имеют основания и право следовать собственными историческими путями. Евразийская цивилизация есть самоценностная величина, ее основы достойны уважения не в меньшей степени, чем основы иных цивилизаций⁴⁶.

Философ Ф.И. Гиренок, отстаивая принцип цивилизационного полицентризма, также постулирует: «Евразийская идея возникает как идея децентрализованного мира равных в своем различии. Мир депроvincialизируется. Центр везде»⁴⁷.

Академик РАН Б.С. Ерасов, констатируя факт, что ликвидация СССР как единого государства на пространстве Евразии создала хаос, в котором стали преобладать процессы архаизации, проявившейся в политической, социальной и цивилизационной сферах, предлагает искать баланс, некое единство между Западом и Востоком внутри России, которое могло бы возродить Россию как сильное евразийское государство. При этом Б.С. Ерасов подчеркивает, что существует объек-

тивная предрасположенность евразийских народов к различным формам интеграции и что «Россия – не единственный носитель евразийского единства. Устранение ее в этом качестве способно повлечь за собой появление других претендентов»⁴⁸.

Профессор Э.А. Баграмов в своих работах⁴⁹ акцентирует внимание на том, что евразийство является поиском точки примирения между западниками и славянофилами, поиском новой национальной идеи. Автор считает, что в идеи классического евразийства 1920-х гг. нужно вложить сегодня конкретное экономическое и политическое содержание. «Евразийство сегодня – это модель равноправного сотрудничества народов, достигших высокого уровня самосознания и цивилизованности и движимых стремлением утвердить социальный и межнациональный мир»⁵⁰. Желательный выход для России – принять обновленное «евразийство» в контексте интеграции и сотрудничества в составе СНГ. «В условиях глобализации интеграция – единственная разумная стратегия развития»⁵¹. Особенно перспективен, с его точки зрения, проект Евразийского союза, выдвинутый Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в 1994 г.⁵²

Доктор философских наук А.Т. Горяев в работе «Евразийство: «научный замысел» и практические реалии» также пытается совместить признание положительных сторон евразийства как доктрины русской самобытности с тем, что «самым важным и ценным в евразийской концепции является заложенная там объединительная тенденция»⁵³.

Но один из крупнейших идеологов академического неоевразийства А.С. Панарин отмечал, что для восстановления евразийского «полюса силы» должна быть четко сформулирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач, реально волнующих людей в настоящее время. В качестве таковых он предлагал две смыслообразующие идеи: 1) идея

синтеза консервативного цивилизационного содержания с постиндустриальным проектом (аналог путей развития, пройденных Японией, Южной Кореей и другими странами Тихоокеанского региона)⁵⁴; 2) «культуроцентризм и постэкономизм, дающий новые приоритеты земной цивилизации в целом»⁵⁵.

А.С. Панарин говорил о необходимости смещения акцентов с инструментальной деятельности безответственного западного техноцентризма, связанного с присвоением богатств природы в угоду «непрерывно растущим потребностям неумеренного потребительского гедонизма», на деятельность, связанную с поддержкой экологического, социокультурного и социально-политического равновесия мира, задачу предотвращения глобальной экологической катастрофы⁵⁶.

Так же, как и классики 1920-х гг., несмотря на различные подходы к осмыслению проблем, стоящих сегодня перед народами Евразии, авторы современного евразийства скорее дополняют друг друга, позволяя взглянуть на ситуацию комплексно. На основе сравнительного анализа их взглядов можно сформулировать следующие актуальные аспекты евразийской идеи:

1) Самоидентификация России как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин, И.Б. Орлова и др.);

2) Противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Па-

нарин, А.Г. Дугин, К.С. Гаджиев, М.Л. Титаренко и др.);

3) Воссоздание в России и СНГ единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и международному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии – стратегический и исторический императив России и основа для выживания всех народов Евразии в условиях вызовов современности (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.);

4) Признание единственно перспективным для Евразии пути самостоятельного неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра

геоэкономики в Евразии (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Н.Н. Моисеев, Д.С. Львов и др.).

Комплексный анализ идейного наследия классиков евразийской мысли и его развития в работах современных ученых позволяет выявить как своеобразие авторов, так и их определенную преемственность.

Также можно согласиться с мнением И.Б. Орловой, что грамотно интерпретируемая современная евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы идей, ценностей и нравственных ориентиров, способствующих консолидации общества и реализации общей стратегии развития как для народов России, так и для постсоветских государств в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Евразийский* временник. Утверждение евразийцев. Кн. I – VII. – София; Берлин; Прага; Париж, 1921–1931; *Евразийская* хроника. Париж; Берлин, 1925–1937. Вып. I–XII; *Евразия*: еженедельник по вопросам культуры и политики. Париж, 1928–1929. – № 1–35.

² *Савицкий П.Н.* Географический обзор России – Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 279–294; *Он же.* Географические и геополитические основы евразийства // Там же. С. 295–302; *Он же.* Степь и оседлость // Там же. С. 332–341; *Он же.* О задачах кочевниковедения // Там же. С. 342–370; *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 386–624; *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002.

³ *Савицкий П.Н.* Географический обзор России – Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 288.

⁴ *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Растительность и почвы. – Прага, 1927. Ч. 1. – С. 45.

⁵ *Савицкий П.Н.* Географический обзор России – Евразии // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 292.

⁶ *Савицкий П.Н.* Континент-океан // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 418.

⁷ *Савицкий П.Н.* К вопросу об экономической доктрине евразийства // *Евразийская* хроника. – Париж, 1926. – Вып. 6. – С. 33.

⁸ *Клепшин Н.А.* Материалы к социальной программе евразийства // *Евразийский* сборник. – Прага; Париж: Изд-во евразийцев, 1929. Кн. 6. – С. 49–57; *Алексеев Н.Н.* Обязанность и право // Алексеев Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 155–168.

⁹ *Савицкий П.Н.* Хозяин и хозяйство // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 219.

¹⁰ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 370.

¹¹ Савицкий П.Н. Евразийство // Основы евразийства. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – С. 293.

¹² Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 109.

¹³ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 118–135; *Он же*. О туранском элементе в русской культуре // Там же. – С. 136–162; *Он же*. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Там же. – С. 223–292. Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза / Париж, 1931.

¹⁴ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 129.

¹⁵ Иванов В.Н. Мы. На Западе и на Востоке. – СПб., 2005. – С. 210.

¹⁶ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 160.

¹⁷ Бицилли П. М. Два лика евразийства // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Ин-т философии РАН, 1993. – С. 280.

¹⁸ Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // ГАРФ. Ф. 5783. Д. 33. Л. 5.

¹⁹ *Евразийство*: Опыт систематического изложения // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 20.

²⁰ Ильин В.Н. О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. Вып.8. – С. 14. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 500. Бицилли П.М. Два лика евразийства // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Ин-т философии РАН, 1993. – С. 280. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // ГАРФ. Ф. 5783. Д. 33. Л. 5. *Евразийство*: Опыт систематического изложения // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 20.

²¹ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб.: Комплект, 1993. – С. 30.

²² Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927; Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. – Прага, 1928; Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях: Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. 2. – С. 310–332; Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – Прага, 1927; *Он же*. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. – Берлин, 1934; *Он же*. Звенья русской культуры. – Берлин, 1938.

²³ Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Утверждение евразийцев. – Берлин, 1922. Кн. 2. – С. 320. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 9.

²⁴ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Г. Вернадский. Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005. – С. 240. Торновский М.Г. От Господина Великого Новгорода до Великого Океана // ГОПАПО. Ф-841/1-9027. Т. 2. Л. 339. Пушкирев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 73. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 225. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 334. Иванов В.Н. Мы. На Западе и на Востоке. – СПб.: НУ «Центр стратегических исследований», 2005. – С. 195.

²⁵ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 20, 34; Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 303–332.

²⁶ *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 332–341; *Он же.* О задачах кочевниковедения // Там же. – С. 342–370.

²⁷ *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 117.

²⁸ *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989; Тойнби. А. Постигание истории. – М., 1991.

²⁹ *Шахматов М.К.* Государство правды // Евразийский временник. – Берлин, 1925. – Кн. 4. – С. 283.

³⁰ *Алексеев Н.Н.* Общая теория государства // Алексеев Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С.183. *Карсавин Л.П.* Основы политики // Карсавин Л.П. Евразийство: мысли о России. – Тверь, 1992. – С. 52.

³¹ *Алексеев Н.Н.* Обязанность и право // Алексеев Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 165. *Он же.* О гарантийном государстве // Там же. – С. 375.

³² *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 127. *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 518.

³³ *Алексеев Н.Н.* Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал // Н. Алексеев. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 382.

³⁴ *Бицилли П.М.* Два лика евразийства // Между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Ин-т философии РАН, 1993. – С. 282.

³⁵ *Мичурин В.А.* Двадцатое столетие в России через призму теории этногенеза Л.Н. Гумилева: доклад на четвертых Гумилевских чтениях (Москва, 2000 г.) [Электрон. ресурс] // Интернет-журнал Евразийский вестник. 2002. – №11. – С. 1. <http://www.e-journal.ru/euro-st3-11.html>; *Коваленко М.И.* Учение Л.Н. Гумилева и пути развития России [Электрон. ресурс] // <http://gumilevica.kulichki.net/KMI/kmi02.html>; *Лавров С.Б.* Евразийство: Современность концепции // Москва соборная. 1999. № 10. – С. 10; *Шишкин И.С.* Учение Л.Н. Гумилева, евразийство и русский вопрос [Электрон. ресурс] // <http://gumilevica.kulichki.net/GW/gw233.html>.

³⁶ *Айзатулин Т.А.* Теория России. Геоподоснова и моделирование. – М.: Крымский мост-9, 1999. – С. 18.

³⁷ *Кожин В.В.* Победы и беды России. – М: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 15.; *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2003; *Паршев А.* Почему Россия не Америка? – М.: Крымский мост-9, 2002; *Суслов М.Г.* Влияние природно-климатического фактора на власть // Цивилизационные процессы в России. Философские и политические аспекты: матер. Всерос. науч.-практ. конференции «Россия на пути реформ: подводя итоги XX столетия». – Челябинск, 2001. – С. 46–49.

³⁸ *Арин О.Б.* 21 век – Мир без России. – М.: Прогресс, 2001. – С.57; *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. – М., 1998. – С.14.

³⁹ *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2001. – С.122.

⁴⁰ *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. – М., 2000; *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея Центр, 1997.

⁴¹ *Цымбурский В.Л.* Геополитика для «евразийской Атлантиды». Остров Россия // Полис. 2003. №2. – С. 17.

⁴² *Системные подходы России. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / колл. авторов под руков. акад. РАН Д.С. Львова.* – М., 1999. – С. 196.

⁴³ *Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б.С. Ерасова.* – М., 1998. – С. 185.

⁴⁴ *Орлова И.Б.* Контуры современной евразийской концепции [Электрон. ресурс] // И.Б. Орлова // [http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский внешнеполитический сайт.htm](http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский_внешнеполитический_сайт.htm).

⁴⁵ *Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б.С. Ерасова.* – М., 1998. – С. 282.

- ⁴⁶ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. – М.: Норма, 1998. – С. 108.
- ⁴⁷ Гиренок Ф.И. Патология русского ума (картография дословности). – М.: Аграф, 1998. – С. 272.
- ⁴⁸ Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Евразия. Народы. Культуры. Религия. – 1997. – №1 – 2. – С. 25–35.
- ⁴⁹ Баграмов Э.А. Нация и национальная психология // Евразия. Культуры. Народы. Религии. 1991. № 1. – С. 8–14; *Он же*. Россия и проект евразийского союза // Там же. 1995. № 1. – С. 18–23.
- ⁵⁰ Баграмов Э.А. От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия. Культуры. Народы. Религии. – 2001. – № 1–2. – С. 83.
- ⁵¹ Там же. – С. 85.
- ⁵² Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, проблемы, перспективы. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
- ⁵³ Горяев А.Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. – М.: РУДН; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. правовых исследований, 2001. – С. 104.
- ⁵⁴ Панарин А.С. *Евразийство*: за и против, вчера и сегодня // Вопросы философии. 1995. – № 6. – С. 8.
- ⁵⁵ Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // Социальная теория и современность. Вып. 18: Евразийский проект модернизации России: «за и против». – М.: Рос. академия гос. службы при Президенте РФ, 1995. – С. 19.
- ⁵⁶ Там же.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы преемственности идейного комплекса евразийства классиков 1920-х гг. и современного евразийства. Исследуются взгляды евразийских авторов на историю и принципы формирования российско-евразийской цивилизации и актуальные проблемы современности. Дается определение евразийской идеи как исторически развивающегося комплекса положений, концепций, взглядов, трактующих сущность российской государственности, культуры и цивилизации, как единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез традиций и интеграции народов Евразии.

Ключевые слова: евразийство, евразийская идея, евразийская цивилизация.

Summary

The article deals with the problems of idea continuity of euroasian classics of XX century by modern euroasians. The author analyses different points of view of euroasian authors on history and principles of the Russian-Euroasian civilization and urgent geopolitical problems of the present. The Euroasian idea is regarded as historically developing complex of concepts and points of view treating the principles of Russian statehood culture and civilization, as unity in variety, the unique social and cultural integration of traditions and people of Eurasia.

УДК 378:001.891

О СУДЬБЕ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (продолжение)

*М.А.Усманов, академик АН РТ,
доктор исторических наук, профессор*

Реальные перемены

События середины 1980 – начала 1990-х гг. оказались в целом неожиданными по времени и скоротечности для населения как СССР, так и некоторых зарубежных стран. Если сравнительно молодая часть населения восприняла «перестройку» М.С.Горбачева с восторгом, надеждой на изменения общей обстановки в лучшую сторону, то другая часть его, как известно, относилась настороженно, опасаясь утраты устоявшегося, привычного. Были, естественно, и явные противники. В научной среде были представлены все эти тенденции.

Сложный процесс демократизации общественной жизни еще более усугублялся проблемами социальных преобразований, развитием, переплетением с ними национально-освободительного движения, устремлением к раскрепощению умов в сферах свободы совести, духовности и религиозных убеждений. Все это нашло свое отражение в бурном развитии публицистической мысли, которая способствовала осознанию необходимости преобразований и в сфере научно-общественной жизни, в том числе в закостенелой структуре высших учебных заведений. Университеты получили некоторые элементы автономии: право выбора ректора, создание новых структур без согласования с Москвой и т.д. В этой ситуации в КГУ вновь актуализировался вопрос о возрождении традиции востоковедения.

Ректор университета, доктор химических наук, профессор А.И.Коновалов, сменивший в 1979 г. математика М.Т.Нужина, поручил мне (с октября 1985 г. я работал проректором, в 1990 г. исполнял обязанности ректора) изучить и подготовить вопрос для его обсуждения на совете университета. В январе 1986 г. совет, прослушав доклад о результатах археографических поисков по сбору восточных рукописей и оценив значение накопленного материала, принял решение о создании специальной археографической группы, которая в начале 1988 г. была преобразована в «Научно-исследовательскую археографическую лабораторию (НИАЛ)»⁶⁷. Она должна была заниматься собиранием, изучением, описанием рукописных памятников и созданием библиографических справочников-указателей для дореволюционной арабографической, а следовательно, редкой и малодоступной современным молодым исследователям татарской периодической печати⁶⁸.

Укреплению позиции коллектива НИАЛ способствовал выход в 1988 г. солидного сборника документов 70-х гг. 18 столетия, в котором ценные в историческом и лингвистическом отношении материалы на старотатарском языке опубликованы арабографически в оригинале с соответствующими переводами и комментариями⁶⁹. Этот коллективный труд, осуществленный с участием ученых из других научных учреждений, был отмечен в университете высокой наградой.

Одним словом, эти организационные мероприятия, а также качество научной продукции были фактически первыми реальными шагами в сторону осуществления подлинных намерений университета. Пришлось проводить систематические совещания с ведущими профессорами КГУ. Особенно активно обсуждали и поддерживали идею возрождения востоковедения естественники и юристы⁷⁰. Учитывая отсутствие или крайнюю малочисленность педагогических кадров с широким базовым востоковедческим образованием, а также традиционный опыт становления востоковедения в России в прошлом, пришли к выводу, что правильнее будет начинать дело с создания тюркологического, точнее татароведческого, подразделения с расчетом в дальнейшем выделить из него востоковедов других направлений. На основе постановления совета университета, принятого единогласно (что бывает редко) 23 марта 1989 г., был издан приказ об открытии с 1 июня того же года на базе отделения татарской филологии нового факультета – факультета татарской филологии, истории и восточных языков (кратко – татфилфак, татфак)⁷¹. Кроме существовавших на отделении двух кафедр – татарского языка и татарской литературы – были открыты три новые кафедры: 1) методики преподавания языка и литературы (заведующий проф. Т.Н.Галиуллин, он же декан), 2) истории татарского народа (проф. – М.А.Усманов) и 3) восточных языков (проф. Д.Г.Тумашева)⁷².

В дальнейшем из-за распада СССР и сильного осложнения финансового состояния университета резко сократились реальные возможности интенсивно продолжать начатое дело. В некоторых сферах даже приходилось отступать от достигнутого. Например, состав НИАЛ, на рубеже 1980–1990-х гг. насчитывавший одиннадцать сотрудников, к середине девяностых был сокращен до двух штатных научных единиц. Однако все же некоторое движение продолжалось: ежегодно

осуществлялся небольшой набор студентов, преподавались арабский, турецкий языки; впервые в истории университета в советский период из КНР была приглашена семья преподавателей китайского языка (1990 г.) и т.д.

Возможность вернуться к вопросу появилась лишь во второй половине 1990-х гг. совет университета 26 июня 1997 г., «обсудив доклад заведующего кафедрой истории татарского народа профессора М.А.Усманова и содоклад заведующего кафедрой восточных языков доцента Г.Г.Зайнуллина», постановил: «Считать целесообразным возрождение и развитие в КГУ традиционной ориенталистики со следующими направлениями:

- Ближний и Средний Восток (арабистика, иранистика, тюркология);
- страны Дальнего Востока (синология, корееведение и др.)»⁷³.

Таким образом, исходя из реальной кадровой возможности на базе кафедры восточных языков и частично кафедры истории татарского народа татфилфака в 1997 г. был создан Институт востоковедения (ИВ) Казанского государственного университета. Директором его стал арабист Г.Г.Зайнуллин, выпускник Ташкентского университета, имевший опыт работы в арабских странах.

В составе института в настоящее время функционируют четыре кафедры: восточных языков (заведующий – проф. Г.Г.Зайнуллин), тюркологии (доцент А.Р.Рахимова), истории и экономики стран Востока (проф. Р.М.Валеев) и международных отношений (проф. Я.Я. Гришин)⁷⁴. В институте готовят специалистов по следующим направлениям: а) арабский язык и литература, английский язык, б) турецкий язык и литература, английский язык, в) корейский язык и литература, английский язык, г) китайский язык и литература, е) востоковедение и африканистика, ф) международные отношения. Кроме того, в качестве второго языка преподаются персидский, таджикский языки, а также иврит. Основное внимание на

современном этапе уделяется филологическому началу обучения, публикации методических и учебных пособий по специальностям, что является вполне закономерным. Начали появляться востоковедческие научные публикации⁷⁵.

Можно надеяться, что деятельность ИВ в будущем станет более многообразной и в научном плане больше соответствующей своему назначению.

Разработку отдельных востоковедческих проблем в рамках местной истории продолжают сотрудники кафедры истории татарского народа. Из опубликованных в последние годы работ назову, прежде всего, монографии доцента А.Х.Махмутовой⁷⁶, которая сумела рельефно показать яркую историю эмансипации татарской мусульманской женщины в конце 19 – начале 20 вв. Данная проблема весьма интересна тем, что из российских мусульман именно среди татар начался процесс раскрепощения женщин; из их среды выходили видные общественные деятели, крупные учителя-педагоги, литераторы, журналисты, актрисы, оказавшие влияние на становление и развитие светского просвещения, периодической печати, театрального искусства не только у самих татар, но и среди других мусульманских народов империи. Чего стоит, например, такой уникальный факт, что Мухлиса Буби-Нигматуллина (1869–1937) в течение двадцати лет состояла членом Духовного управления мусульман России и была первой (вообще единственной в мусульманском мире) женщиной, ставшей шариатским судьей – казы (кади). В 1937 г. Мухлиса была замучена и казнена в подвалах НКВД г.Уфы.

На базе кафедры истории татарского народа совместно с сотрудниками ИИ имени Ш.Марджани в июне 1998 г. удалось организовать и провести международный научный семинар, посвященный проблемам изучения источников по истории Золотой Орды. В его работе наравне с историками из Казани, Москвы, Петербурга и дру-

гих городов России приняли участие более десяти ученых-медиевистов из зарубежных стран. Участники семинара отметили слабоосвоенные аспекты источниковедения истории этого государства и констатировали малочисленность компетентных молодых специалистов в этой области⁷⁷.

Проведение в Казани такого крупного международного форума по истории Золотой Орды стало возможным при общей готовности научной общественности радикально пересмотреть официальную интерпретацию, навязанную одиозным постановлением 1944 г. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1990-х гг. стали систематически появляться более или менее нормальные по духу и преимущественно научно-популярные публикации по истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Стало налаживаться и преподавание истории этого государства в отдельных высших учебных заведениях. Наиболее результативным и ярким проявлением этого процесса следует считать организацию в 2000 г. в Казани богато оснащенной и содержательной выставки под названием «Сокровища Золотой Орды» (организаторы – Государственный Эрмитаж из Санкт-Петербурга и Государственный исторический музей из Москвы, при активном содействии официальных властей Республики Татарстан). Был опубликован подготовленный научными сотрудниками Эрмитажа роскошный альбом-каталог на трех языках⁷⁸, в котором помещена вводная статья автора этих строк⁷⁹.

В результате такого изменения отношения к феномену Золотой Орды активизировалось приобщение нового поколения исследователей к этой проблематике. Например, недавно молодыми сотрудниками кафедры (Л.Абзалов, М.Гатин, при участии А.Г.Юрченко из Петербурга) был подготовлен и издан солидный свод всех доступных в России источников о начальном периоде истории Золотой Орды⁸⁰. Остается надеяться, что работа в этом направлении будет продолжена

публикациями материалов по другим периодам истории империи Джучидов, оказавшей влияние на судьбу многих народов Евразии.

В перестроечный и постперестроечный периоды стало возможным реальное сотрудничество с коллегами из зарубежных стран. Автору этих строк совместно с востоковедами из США, Германии и Венгрии (Аллен Франк, Михаэль Кемпер, Мария Иванич) удалось опубликовать татарские оригиналы и их переводы на один из западных языков тексты письменных памятников⁸¹ и статьи на различные темы⁸². В рамках проекта «Мусульманская культура в России и Центральной Азии 18 – нач. 20 вв.» увидели свет статьи И.А. Гилязова⁸³, З.С. Миннуллина⁸⁴, Д.М. Усмановой⁸⁵, посвященные актуальным, но малоосвещенным проблемам.

В постперестроечный период в Казани оживились и филологические исследования. В начале 1990-х гг. как крупный результат многолетней научно-исследовательской деятельности филологов академического института (ИЯЛИ) были осуществлены и завершены фундаментальные издания по истории татарской литературы (в шести томах)⁸⁶ и свода фольклорных памятников (в двенадцати книгах)⁸⁷, в целом сохранившие методические особенности научных трудов уходящей эпохи. Начиная со второй половины 1980-х гг. в исследованиях и публикациях филологов из названного института, а также университетских ученых нашли отражение обновленческие идеи перестроечных времен. В области филологии появился ряд исследований и публикаций, более объективных по интерпретации. В качестве примера следует назвать издания поэтических текстов времен Золотой Орды, Казанского ханства и некоторых более поздних памятников, а также исследования по литературе, фольклористике, лингвистике, генеалогии, топонимике, принадлежащие перу литературоведов Х.Ю. Миннегулова⁸⁸, Н.Ш. Хисамова⁸⁹, Р.Ф. Исламова⁹⁰, А.Т. Сибгатуллиной⁹¹,

фольклористов Ф.И. Урманчеева⁹², М.Х. Бакирова⁹³, Л. Ибрагимовой⁹⁴; лингвистов Ф.М. Хисамовой⁹⁵, Ф.Ш. Нуриевой⁹⁶, И.Б. Башировой⁹⁷, М.И. Ахметзянова⁹⁸, Ф.Г. Гариповой⁹⁹ и др.

Все это свидетельствует о заметном оживлении тюрколого-филологических разработок в Казани во время и после перестройки. Из этих достижений наиболее существенным и принципиальным был факт возвращения в духовно-культурную действительность запрещенного и выпавшего из научного оборота с 1944 г. известного эпоса «Идегей». Татарская версия и русский перевод его, наконец, были возвращены читателям¹⁰⁰. Он стал доступен широкому кругу читателей также в других публикациях¹⁰¹, не только в Казани, но и за рубежом, например, опубликованы татарский оригинал и турецкий его перевод¹⁰².

Достойны внимания работы историко-филологического характера, находящиеся как бы на стыках двух или нескольких научных дисциплин, например, по археографии, текстологии, источниковедению, историографии, эпиграфике и т.д. О фундаментальном описании А.А. Арслановой персидских рукописей из университетской коллекции, получившем высокую награду, уже было сказано. Это направление дополняется трудами С.М. Гилязутдинова¹⁰³. Появились качественные публикации по текстологии литературных, фольклорных, а также эпиграфических памятников, осуществленные сотрудниками ИБ РТ Р.Ф. Мардановым¹⁰⁴, И.Г. Хадиевым¹⁰⁵. При этом отметим следующее. Если в прежние времена в центре внимания находились лишь древние эпитафийные памятники, то в последние годы проявляется интерес к эпитафиям 17–18 и 19 столетий¹⁰⁶, что способствует более расширенному и углубленному осмыслению источникового значения эпиграфических текстов.

Новым начинанием является исследование Р.Сафиуллиной¹⁰⁷, которая

выясняет место и значение арабской книги в жизни татар в прошлом, когда арабская книга в быту населения занимала по количеству второе место после тюркоязычных и собственно татарских книг¹⁰⁸.

В эти годы некоторые авторы стали пересматривать свои прежние позиции с учетом потребностей обновляющегося общества. К числу таких относится, например, Я.Г.Абдуллин (1920–2006), попытавшийся по-новому трактовать факты и явления истории¹⁰⁹. Арабист М.Х.Юсупов, автор первой изданной в советское время (1981 г.) монографии о Ш.Марджани в 2005 г., опубликовал ее переработанный вариант. Однако он почему-то не посчитал нужным даже упомянуть о первом издании своего труда. Безусловный интерес представляет его книга о Галимджане Баруди, творчество и деятельность которого изучены слабо¹¹⁰. Филолог Ш.Абилов постарался заново опубликовать по сравнению с ранними, им же изданными, версиями полные тексты поэтических произведений поэта-мыслителя периода Казанского ханства Мухаммадьяра¹¹¹. Характерно, что тенденция пересмотреть старые позиции способствовала изучению наследия и других ранних авторов, например, времен Казанского ханства, имена которых в советское время вообще игнорировались. Был издан сборник материалов под редакцией М.И.Ахметзянова, отражающий деятельность и творчество крупного политика и поэта 16 в. Кул Шарифа на фоне бурных событий той эпохи¹¹².

Положительным фактом является также то, что продолжают предприниматься попытки возвращения добрых имен и научного наследия репрессированных в прошлом ученых. Наиболее существенным, но все же достаточно запоздалым примером является возрождение изучения трудов Дж.Валиди (1887–1932), имя и исследования которого в свое время были преданы полному забвению и игнорированию. Наконец-то опубликованы избранные

труды этого замечательного лингвиста¹¹³. Особенности его многогранной деятельности и богатейшего творческого наследия частично были отражены и в материалах республиканской научной конференции, посвященной 120-летию ученого¹¹⁴. Надеемся, будут представлены также исследования специалистов по истории культуры и литературоведов.

Большую активность в эти годы проявляли историки Института истории имени Ш.Марджани, опубликовавшие свои серьезные исследования, в которых постепенно и заметно возрастал удельный вес востоковедческого компонента и не только тематически, но и методически, а также по источниковой базе. Из них следует назвать, прежде всего, работы ираниста А.А.Арслановой¹¹⁵, тюркологов-историков Д.М.Давлетшина¹¹⁶, И.К.Загидуллина¹¹⁷, И.Л.Измайлова¹¹⁸, Д.М.Исхакова¹¹⁹, а также молодых исследователей Л.Ф.Байбулатовой¹²⁰, Б.Л.Хамидуллина¹²¹ и др.

Характерные изменения произошли в последние годы в содержании и стиле интерпретации словарей, справочных пособий, посвященных религиям в целом, исламу в частности, подготовленных и изданных под редакцией Р.А.Набиева. Они стали существенно отличаться по духу изложения и историчности интерпретации явлений, событий от аналогичных публикаций советского периода¹²².

Стремление объективно освещать историю некоторых малоосмысленных явлений из духовной жизни татар в 19 – начале 20 вв. находит отражение в отдельных статьях и монографических исследованиях Р.К.Валева. В них автор открывает новые страницы из истории так называемого ваисовского движения – своеобразно сложного социально-общественного по содержанию и религиозного по форме явления, искаженно интерпретированного в прошлом как в старой России, так и в советское время¹²³.

Эти и другие проблемы в более сложном контексте рассматриваются в

ряде монографий Д.М.Усмановой. Например, в основанных на богатом историческом материале исследованиях всесторонне освещаются особенности религиозной политики царизма, место мусульманского и регионального компонентов в краткой истории парламентаризма Российской империи¹²⁴. Особого внимания достойна монография, посвященная проблемам зарождения и развития ваисовского движения¹²⁵. Огромное количество документальных первоисточников, впервые выявленных и опубликованных автором в приложениях¹²⁶, придают монографии фундаментальный характер.

В недалеком прошлом, как известно, почти не изучались в качестве самостоятельной научной темы проблемы общественно-политической истории, национально-освободительного движения, духовно-культурных интересов тюркских народов в целом. Если их невозможно было обойти, то они освещались однобоко, поверхностно, причем как враждебный другим народам и этносам процесс. В книгах Р.Ф.Мухаметдинова предприняты попытки рассматривать отдельные аспекты этой сложной, противоречивой исторической проблемы¹²⁷.

Как показывают материалы этого обзора, филологи и историки Казани стали более активно приобщаться к востоковедческой тематике, привлекая источниковый материал и методики. В целом в рамках изучения истории и культуры татар начинает происходить практическое возрождение отдельных разделов научной ориенталистики, вернее идет процесс ее постепенного и целенаправленного становления по конкретным направлениям.

Действуя совместно

Одним из принципиальных мероприятий в деле возрождения научной ориенталистики в Казани, как видно из вышеизложенного материала, было создание факультета татарской филологии, истории и восточных языков,

на базе которого стала возможной организация Института востоковедения (ИВ) Казанского государственного университета. Институт этот, сразу начав преподавание ряда восточных языков, постепенно налаживает организованную и планомерную подготовку молодых кадров – востоковедов, владеющих различными языками.

Естественно, ИВ как любое молодое подразделение, начавшее свою деятельность почти на пустом месте, испытывает определенные организационные трудности, обусловленные, прежде всего, недостаточностью кадров с базовым востоковедческим образованием. Однако, надеемся, что эти трудности со временем будут преодолены.

Почти одновременно с этим крупным событием в последние годы в Казани происходили и другие важные организационные мероприятия в научных учреждениях. Например, в 1997 г. на базе прежних отделений истории, археологии и этнографии из состава Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) имени Г.Ибрагимова АН (до распада Советского Союза – институт в составе Казанского филиала АН СССР) был создан самостоятельный Институт истории (ИИ) АН РТ, сыгравший, как увидим далее, значительную роль в разработках востоковедческих проблем в Казани.

В 1998 г. в Казани был открыт Российский исламский университет (РИУ), призванный готовить новое поколение мусульманских религиозных деятелей и знатоков истории, культуры исламских стран, в чем была острая потребность. Предполагалось, что это высшее учебное заведение должно обеспечивать грамотными служащими культу и удовлетворять религиозные потребности общества не только Татарстана, но и других регионов РФ, также (как предполагали тогда) СНГ. Одновременно выпускники его должны были способствовать развитию исламоведческих научных знаний. Следует лишь заметить, что становление

этого университета было нелегким делом.

Преподавание некоторых восточных языков в качестве второго языка практикуется также в педагогическом университете, который преобразован в Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (ТГГПУ), что, безусловно, будет способствовать пропаганде востоковедческих знаний.

Что касается образования самостоятельного Института истории, то оно имеет своеобразную историю, связанную с расколом в ИЯЛИ. Раскол этот был вызван конфликтами между некоторыми учеными, прежде всего историками, с одной стороны, и руководством института, с другой. Причиной конфликта были консервативность и догматичность руководства, которое в области истории и филологии продолжало мыслить и действовать в духе постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. Поновому мыслящее поколение ученых старалось освещать прошлое народа, а также лингвистические явления на основе независимых от политики первоисточников. Начальство же стремилось всячески препятствовать таким устремлениям, пытаясь свести изучение истории татар лишь к бесконечному «решению», точнее муссированию, одних и тех же вопросов этногенеза в духе упомянутого постановления. Тем самым преуменьшалось бы в истории народа значение монгольского периода, а следовательно, и влияния эпохи Золотой Орды, длившейся почти три столетия. Директор Института лингвист М.З.Закиев в последние десятилетия увлекся и занимался сугубо историко-этногенетическими проблемами¹²⁸, то есть происхождением татар. Он требовал от других сотрудников Института – как историков, так и филологов – проводить свои исследования в соответствии со своими взглядами. Его концепция, прежде всего, основывалась на археолингвистических упражнениях, часто находящихся, к сожалению, на уровне народной

этимологии. Настойчивость директора подчинить своей воле сотрудников института приводили к тому, что некоторые филологи были вынуждены искать работу в других научных учреждениях города (Ф.С.Хакимянов), даже вне Казани (Р.Г.Ахметьянов). Именно эти обстоятельства привели к бунту историков, что закончилось расколом Института, то есть к выходу историков из его состава. Такова вкратце история образования в 1997 г. самостоятельного Института истории (ИИ) АН РТ, получившего в дальнейшем дополнительный атрибут в своем названии – ИИ имени Ш.Марджани.

Сотрудники ИЯЛИ¹²⁹ традиционными тюркологическими методами продолжают изучать литературоведческие, лингвистические, фольклороведческие и искусствоведческие проблемы. Результаты их деятельности, имеющие бесспорно научное значение, были представлены выше. Здесь же хотелось бы отдельно отметить как теоретическую, так и практическую ценность фундаментальных лексикографических трудов, подготовленных и изданных преимущественно под руководством проф.Ф.А.Ганиева большим коллективом Института. В этих капитальных словарях (а также в их популярных, «школьных», версиях) достаточно полно и качественнее чем прежде зафиксирован, интерпретирован словарный запас современного татарского литературного и разговорного языка¹³⁰.

В ИИ имени Ш.Марджани (его директором с самого начала был назначен, затем избран по конкурсу известный общественный деятель, политолог, кандидат философских наук Р.С.Хакимов) сразу были проведены некоторые преобразования в части улучшения структуры учреждения. Например, в 1997 г. прежний, традиционный для советской действительности «отдел общественной мысли» был преобразован в «Отдел общественной мысли и исламоведения». Несколько позднее были созданы центры иссле-

дования золотоордынской цивилизации (2006) и иранистики (2007).

Естественно, сотрудники института продолжают вести археологические, этнографические исследования и создают труды по общей гражданской истории народа. В качестве наиболее существенных примеров следует назвать, прежде всего, фундаментальные, сопровождаемые богатейшим фактическим материалом альбомы-атласы по исторической географии и демографии северо-западной Евразии, в том числе данными по бытовой этнографии и расселению татарского народа¹³¹. В этих энциклопедического характера капитальных изданиях прошлое народов Среднего Поволжья и Приуралья освещается на широком историко-географическом фоне, а не в рамках «частных квартир», искусственно созданных, точнее, навязанных в сталинские времена, мало соответствующих исторической действительности прошлых эпох.

Такая же фундаментальность и широта охвата характерна для проекта, посвященного истории татарского народа с древнейших времен. Первые тома его уже увидели свет¹³². В осуществлении этих капитальных проектов, включая вышеназванные атласы, наравне с сотрудниками Института истории им.Ш.Марджани и Казанского университета активное участие принимали и принимают компетентные специалисты как из многих городов Российской Федерации (Москвы, Петербурга, Астрахани, Елабуги, Ижевска, Махачкалы, Новосибирска, Пензы, Перьми, Самары и т.д.), так и ориенталисты из зарубежных стран, например, из Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, США, Турции и т.д. В результате эти своеобразные по широте, всесторонности исследования становятся плодом коллективного интернационального сотрудничества, позволяющего оценивать явления и события прошлого не только «изнутри», но и «извне». При таком международном сотрудничестве осуществляется

своеобразное сравнительно-сопоставительное (хотя бы в скрытой форме) освещение объектов исследования, что может не соответствовать привычным для многих прежним, то есть советским схемам и представлениям при интерпретации истории нерусских народов. Это во-первых.

Во-вторых, такой широкий охват не предполагает сведения истории огромного региона к прошлому лишь одного народа, то есть не преследует цель узко-этнической «национализации». Это результат попытки рассматривать историю своих древних предков, возможно, их отдельных компонентов, во взаимосвязи с судьбами других древних народов региона, с которыми они имели различные формы контактов, оказавших влияние на их быт и дальнейший этнический облик. Иначе говоря, речь идет о стремлении осмыслить глубокие корни своего народа в широкой взаимосвязи, а не изолированно, тем более в противопоставлении их к другим племенам и этносам древности, как это стало модно в национальной истории нового и новейшего времен. Такой широкий подход к проблеме, наконец, продиктован тем, что по ряду объективных причин история современных татар оказалась значительно **шире**, чем, скажем, история одного древнего народа, например, болгар. Но она в дальнейшем несколько «сузилась», точнее конкретизировалась и стала **уже**, чем история народов времен Золотой Орды в целом.

Из названных специальных подразделений ИИ активно функционирует Центр исследования золотоордынской цивилизации, успевший осуществить ряд небольших по объему, но любопытных по содержанию публикаций. Среди них представлены как труды сотрудников самого центра, так и работы коллег по интересам¹³³; переиздана центром часть ценного, ныне редкого нумизматического каталога А.К. Маркова, опубликованного в 1896 г.¹³⁴

В разработке востоковедческих тем, осуществлении подобных публикаций

принимают участие сотрудники и других научно-учебных заведений города Казани. Например, представляют безусловный интерес публикации сотрудников Национального музея РТ¹³⁵, Казанского университета культуры и искусства¹³⁶, Татарского гуманитарно-педагогического университета (ТГГ-ПУ)¹³⁷. При этом считаю необходимым отметить труды профессора последнего учебного заведения А.Н.Юзеева, который, будучи выпускником Ленинградского (Петербургского) университета, следовательно, имея соответствующее уровню этого вуза образование по арабистике, осуществил ряд интересных, порой вызывающих споры востоковедческих исследований по истории общественной и философской мысли татар 18–19 столетий, иногда выходя за пределы этого периода¹³⁸.

Наконец, следует специально отметить, что Институтом энциклопедии АН РТ (директор М.Х.Хасанов) были изданы энциклопедические словари на двух языках, а также ведется планомерное издание многотомной Татарской энциклопедии, на страницах которой в соответствующих статьях находят отражение ориентальные сюжеты в рамках истории и культуры народа, региона¹³⁹.

В публикации востоковедческих материалов и исследований принимают также участие отдельные ненаучные (по статусу) организации. К ним, например, можно отнести коммерческое предприятие – издательство «Иман», функционирующее с 1991 г. и специализирующееся на издании всевозможных религиозных пособий, призванных обслуживать религиозно-обрядовые потребности современного мусульманского населения региона¹⁴⁰. Согласно рукописному каталогу-справке, оно с 1991 по 2008 г. осуществило на татарском языке 500 (!), на русском более 400 (!) публикаций, включая десятки повторных (видимо, из-за спроса) изданий одних и тех же текстов. Тематика их чрезвычайно обширна – от небольших по объему молитвенников, спра-

вочников по обрядам, дореволюционных учебных пособий, переложенных с арабского шрифта на кириллицу, до кратких извлечений из сочинений мусульманских ученых, а также различных сборников хадисов, словарей и т.д. Если небольшие сборники анекдотов, адресованные детям, вызывают улыбку, то переиздания работ некоторых дореволюционных востоковедов, также русских миссионеров (например, Н.Ф.Катанова, Л.И.Климовича, Я.Д.Коблова, М.А.Машанова и др.), заставляют задуматься. Подавляющее большинство изданий представляют собой тоненькие брошюры, напечатанные на низкокачественной бумаге... Все же нужно признать, что хозяева «Имана» нашли выгодную нишу для удовлетворения как духовно-религиозных потребностей освободившихся от пут вульгарно-тоталитарного атеизма людей, так и своих меркантильных интересов.

Несколько особую позицию занимает благотворительный общественный фонд под названием «Жиен» (Джиен, от названия календарного праздника большой татарской общины, отмененного с началом коллективизации), начавший свою деятельность в 90-х гг. прошлого столетия с переиздания текстов запрещенных или игнорировавшихся в советские времена исторических и публицистических сочинений¹⁴¹.

В последние годы фонд «Жиен», первоначально совместно с другим фондом («Рухият» – «Духовность», функционирующим при компании Тат-Нефть), а потом самостоятельно стал издавать документальные и библиографические сборники, персонально посвященные жизни, деятельности и творчеству видных представителей культуры татарского народа. Материалы этой серии, получившей название «Шэхеслэребез» («Наши знаменитые личности»), помогут лучше осмыслить особенности как реальной действительности духовно-культурной жизни, так и значение отдельных *личностей* в ее развитии¹⁴².

Необходимо также отметить, что фонд «Рухият» завершил издание на татарском и русском языках текстов всех опубликованных до революции шестнадцати выпусков известного библиографического свода «Асар» («Следы») Р.Фахретдина¹⁴³. Ждут издания и изучения тексты 3–4 томов этого ценного памятника, оставшиеся в рукописях.

Как видно из перечисленных примеров, в последние годы в разработке востоковедческих проблем и осуществлении публикаций в Казани, наравне с учеными из специальных научных центров, призванных вести ориентальные исследования, стали активно принимать участие и представители различных учреждений и общественных организаций. Такое явление общего подъема связано, естественно, как с особенностями истоковых факторов истории, культуры народа и региона, так и желанием общественности всесторонне, объективнее осмыслить свое прошлое, что, оказывается, легче и лучше достигается при совместном действии.

Однако наиболее существенные результаты в деле планомерного и системного возрождения востоковедческих разработок, в том числе исламоведческих проблем, были все же достигнуты в специализирующихся в этом направлении научных центрах. Таковыми на данном историческом этапе являются два центра – Отдел общественной мысли и исламоведения ИИ им.Ш.Марджани АН РТ и РИУ в Казани. Их деятельность заслуживает более подробного рассмотрения.

Приближаясь к цели

Как было отмечено, Отдел общественной мысли (разумеется, без исламоведения) сложился еще в советское время. Основателем его был вышеупомянутый Я.Г.Абдуллин, которого в 1985 г. сменил Ф.М. Султанов¹⁴⁴, а в 1993 г. на его место пришел Р.М. Амирханов (1946–2006)¹⁴⁵. С 2000 г. по

настоящее время отделом руководит Р.М.Мухаметшин¹⁴⁶. В процессе смены руководства относительно молодыми учеными, ставшими докторами наук в перестроечное время, стало уделяться должное внимание собственно востоковедческим, преимущественно исламоведческим, проблемам. Закономерность такой переориентации вполне очевидна, так как интерпретация истории народа в советские времена зашла в тупик, оказавшись в противоречии как с данными первоисточников, так и с жизненной действительностью.

Ярким показателем активизации деятельности ИИ и его отдела является то, что ученые из этого учреждения в тесном сотрудничестве с исследователями из других научных организаций и городов организуют и принимают участие в работе различных научных конференций, симпозиумов, семинаров, публикуют их материалы¹⁴⁷. Активно налаживаются научные связи с учеными-исламоведами из зарубежных стран, в том числе из Турции, что было безусловным новшеством для татарстанской действительности последних лет. Потому что в советские времена были невозможны какие-либо контакты с коллегами из зарубежных стран, особенно из Турции. Приведу лишь два примера из своей практики. В 1988 г. я был официально приглашен на 10-й Конгресс турецкой истории, проводимой Турецким историческим обществом (Türk Tarih Kurumu). Но в Министерстве высшего образования СССР мне отказали в командировке (тогда я работал проректором нашего университета). В 1990 г. при содействии З.М.Буниятова из Баку поездка на 11-й Конгресс состоялась, ибо времена были уже другие, Однако после возвращения из Анкары, когда я зашел в министерство отметить завершение своей командировки, был изъят мой загранпаспорт...¹⁴⁸

Ощутимые результаты дало сотрудничество татарских историков с коллегами из Исследовательского центра по изучению исламской истории,

искусства и культуры (IRCICA) при Организации Исламская Конференция. Под эгидой этого центра в Казани было проведено две международные конференции по истории исламской цивилизации в Волго-Уральском регионе. Материалы этих конференций опубликованы на английском, русском и турецком языках¹⁴⁹. По инициативе IRCICA, по предложению прежнего директора Центра профессора Экмалетдина Ихсаноглу, казанскими учеными был написан фундаментальный труд, посвященный истории и культуре татарского народа с древнейших времен, который опубликован на английском языке в Турции¹⁵⁰.

Есть случай, когда исследование турецкого автора, посвященное проблемам истории религиозной ситуации среди тюркских народов, опубликовано в Казани¹⁵¹. Надеемся, что количество таких изданий в будущем увеличится.

Разумеется, сотрудничество татарских и турецких ученых развивается и в филологии, особенно широко в лингвистике. Происходит постоянный обмен преподавателями (например, работы историка И.Туркоглу и др. в Казани, филологов Ф.С.Хакимянова, Ф.Ю.Юсупова в Анкаре и т.д.)¹⁵². Казанские филологи целыми группами участвуют в специальных научных конференциях, широких форумах, организованных в различных городах и академических учреждениях Турции (Р.Г.Ахметьянов, Ф.А.Ганеев, М.З.Закиев, Н.Ш.Хисамов, Ф.М. Хисамова, Ф.Ю.Юсупов и др.). Активно принимают участие в казанских научных мероприятиях ученые из Турции (Осман Серткая, Курт Йылмаз, Мустафа Онер, Ришат Гэндж, Хамза Зулфикар, Халюк Акалын и др.). К сожалению, результаты, характер этих встреч и сотрудничества пока не находят должного освещения в научной литературе.

При констатации многочисленных фактов татарско-турецкого сотрудничества в области филологии указание

на малоосвещенность этого процесса в литературе не случайно. Значение этих контактов не ограничивается лишь количеством прочитанных докладов, конкретных публикаций, в том числе изданных монографий, словарей. Оно, вопреки некоторым тенденциям превращать контакты в туристические поездки, намного шире и глубже. Как известно, после распада СССР по ряду причин нарушились былые связи, тесные контакты казанских филологов со своими коллегами из бывших союзных (тюркских) республик Центральной Азии и Кавказа. В такой неблагоприятной обстановке международные форумы, щедро организованные Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu), крупными университетами этой страны способствуют восстановлению, сохранению и развитию традиционных научных контактов между братскими тюркологами из различных регионов Евразии. Поэтому об этих важных мероприятиях, проходивших в гостеприимной Турции, их участники должны написать специальное исследование.

Вообще установление тесных творческих контактов между учеными из различных стран (Турции, Болгарии, Германии, Венгрии, США и т.д.) принесло большую пользу для наших исследователей, в особенности историков: накопился опыт, расширился кругозор, пришла уверенность в себе. Одним из показателей этого процесса является создание своими силами фундаментального коллективного труда – очерков по истории мусульманской культуры в Среднем Поволжье¹⁵³.

Наиболее существенным достижением в области изучения истории культуры, особенно в исламоведении, все же являются планомерное изучение и публикация наследия известных религиозных деятелей в серии «Антология татарской богословской мысли». Причем каждый изящно оформленный томик, содержащий текст памятника в оригинале и перевод на русский язык, сопровождается специ-

альным монографическим исследованием, освещающим деятельность богослова, один из трудов которого вошел в антологию. Первый такой специальный томик посвящен Абунасу Курсави (1776–1812)¹⁵⁴. Составитель тома – Г.Идиятуллина опубликовала также и добротную монографию о жизни и деятельности мыслителя¹⁵⁵.

Сложным по составу оказался том антологии, содержащий девять трактатов – небольших по объему сочинений Габдрахима Утыз-Имяни (1754–1834), составленный Р.Адыгамовым¹⁵⁶, которому принадлежит и монография об этом богослове, опубликованная до выхода тома антологии¹⁵⁷.

Следует заметить, что тома, содержащие сочинения Курсави и Утыз-Имяни, обеспечены качественными факсимильными приложениями оригиналов памятников, публикуемых в переводе.

Третий по хронологии том антологии содержит русский перевод одного из основных богословских сочинений Шигабаддина Марджани (1818–1889)¹⁵⁸. Возможно, в будущем будут опубликованы и другие богословские труды этого мыслителя¹⁵⁹.

Деятельность и имена многих татарских богословов прошлого предавались в советское время целенаправленному забвению. Создавалось впечатление, что их не было вообще. Из их числа наиболее игнорируемым был крупнейший знаток исламской культуры, философ Муса Бигиев (1873–1949). Он отличался глубокими познаниями в своем предмете и широким взглядом на действительность. Изучение и введение в научный оборот его обширных религиозно-философских трудов является делом нелегким, требующим как времени, так и определенной квалификации. Этим и объясняется тот факт, что научная реабилитация его имени в отличие от постепенного и сравнительно раннего освобождения имен Марджани, Фахрадина, Утыз-Имяни из-под большевистских запретов происходило лишь на рубеже 20–21 сто-

летий. Так в декабре 1999 г. совместно с турецкими историками была организована и проведена международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности мыслителя¹⁶⁰. В результате такой основательной подготовки в рамках антологии была осуществлена публикация двухтомника сочинений М.Бигиева¹⁶¹. Это издание, на мой взгляд, займет достойное место в ряду казанских исламоведческих исследований новейшего времени, так как оно достаточно широко освещает деятельность М.Бигиева. Одновременно с двухтомником антологии вышло и специальное монографическое исследование А.Г.Хайрутдинова, посвященное его многогранной деятельности и особенностям мироощущения, миропонимания мыслителя¹⁶².

В целом изданием многотомной антологии памятников татарской богословской мысли ИИ им. Ш.Марджани открыл новую главу в деле возрождения ориенталистики в Казани. Если будут реализованы все намерения института в этом направлении (предполагается издание пятнадцати-шестнадцати томов антологии), то изучение истории духовной культуры народа обогатится ценными первоисточниками, что станет важным этапом в становлении научного исламоведения в регионе. Создание широкодоступной источниковой базы способствует объективному осмыслению сложной действительности. Издание памятников религиозной мысли (а их у нас немало¹⁶³) полезно для исследователей, так как приведет к своеобразно свободному и широкому обмену мнениями, тому чего не хватало, как показывает история, во времена разгула религиозного фанатизма в средние века и тоталитарного атеизма, доведенного до вульгарности в официальной пропаганде в новые и новейшие времена. Обе эти крайности, подрывающие основы цивилизованного образа существования, служили, как выясняется, игнорированию и подавлению в конечном счете права Че-

ловека, Личности на убеждение, веру, следовательно и на образ жизни.

В последнее время значительные успехи в развитии исламоведческих исследований достигнуты в Российском исламском университете (РИУ) в Казани. В первые годы функционирования этого нового учебного заведения немногочисленные публикации его сотрудников представляли собой популярные издания, посвященные религиозным обрядам, а также различные переводы теологических сочинений с арабского языка и, естественно, пособия, необходимые в учебном процессе¹⁶⁴. Наконец, в результате неоднократного пересмотра концепции развития этого учебного заведения, а также обновления руководства (с 2006 г. его ректором является проф. Р.М.Мухаметшин, который по совместительству продолжает работать в ИИ) начали появляться собственно исламоведческие публикации, выполненные в рамках мусульманской научной традиции, то есть исламского *'ильма*. Наравне с отдельными сборниками статей¹⁶⁵, появляются работы, посвященные суфизму¹⁶⁶, жизни и наследию основателя суннизма имама Абу Ханифы (699–767), материалы биографолитературного характера¹⁶⁷. Интерес представляет исследование, посвященное другому крупному мусульманскому мыслителю средневековья – аль-Газали ат-Туси (1052–1111)¹⁶⁸.

Нетрудно заметить, что эти публикации в несколько ином аспекте дополняют вышеупомянутые книги из антологии, издаваемой ИИ им.Ш.Марджани АН РТ, обогащая предмет исламоведения более ранними источниками. Характерно, что в публикации последней книги принимали участие, судя по ее исходящим данным, и сотрудники института им.Ш.Марджани.

В Исламском университете предпринимаются меры по обеспечению студентов специально подготовленными учебными пособиями, в особенности такими, которые необходимы для изучения истории и местной спе-

цифики мусульманской культуры. Например, курс лекций, подготовленный Д.Шагавиевым¹⁶⁹. При дефиците учебных пособий подспорьем могут служить также сборники, скомпонованные из различных по характеру, происхождению переводных материалов. В этом плане, на мой взгляд, определенный интерес представляет сборник под названием «Минбар», отличающийся своим пестрым содержанием¹⁷⁰. Такие материалы должны способствовать расширению кругозора читателей, в особенности студенчества.

Здесь не случайно обращается внимание на то, что в названном сборнике, являющемся своеобразным исламоведческим альманахом, наравне с работами местных светских историков, сотрудников самого РИУ, опубликованы статьи авторов как из других регионов Российской Федерации, так и зарубежных стран, причем не только религиозных деятелей, но и светских по воззрениям востоковедов. Таким начинанием, на мой взгляд, в казанской ориенталистике в целом, в татарском исламоведении, в частности, открывается совершенно новая страница, с которой начинается воплощаться в жизнь идея возможности знать и учитывать мнения, позиции представителей как иных общин, культур внутри мусульман, так и других конфессий в более широком масштабе. Наиболее ярким примером в этом отношении являются факты организации переводов и публикаций в серии «Зарубежное исламоведение» трудов некоторых современных западных ориенталистов, вносящих существенный вклад в изучение отдельных аспектов татарской богословской мысли и духовной культуры далекого и не очень далекого прошлого. Так, изданные в 1998 г. соответственно в Бостоне и Берлине, богатые по содержанию и новые по духу монографии Аллена Франка¹⁷¹ и Михаэля Кемпера¹⁷² появились в переводе на русский язык в 2008 г.¹⁷³. Надеемся, что это достойное внимания и одобрения начинание будет иметь серьезное продолжение и в

дальнейшем¹⁷⁴. Приобщение к опыту и достижениям зарубежных коллег позволит компенсировать наши упущения и некоторое отставание. К тому же желание лучше знать мнение и позицию других, даже сторонников иных взглядов, то есть стремление освободиться от эгоцентричного самоограничения, является движением в сторону возмужания и научной зрелости. Поэтому было бы полезно и Институту истории им.Ш.Марджани также практиковать издание переводных работ ведущих европейских ориенталистов¹⁷⁵.

Что касается отмеченных конкретных достижений, то они приводят к следующему выводу: параллельное функционирование двух серий – «Антологии татарской богословской мысли» и «Зарубежного исламоведения» – ведет к укреплению источниковедческо-историографического фундамента возрождающегося казанского исламоведения – одного из актуальнейших на данном этапе направлений многоотраслевого востоковедения.

Заключительные замечания

Таков краткий, отнюдь не претендующий на полноту, обзор литературы и сопровождающей информации¹⁷⁶, которые документально свидетельствуют о сложной, порой весьма драматичной судьбе проблемы, а также многолетней и упорной борьбе за право существования и возрождения Казанского востоковедения в советское и постсоветское время¹⁷⁷. Привлеченные материалы позволяют сделать следующие выводы.

Как показывают исторические сведения, научная общественность Казани еще в 19 столетии относилась отрицательно к факту ликвидации ВР в КГУ, поэтому она пыталась несколько компенсировать эту утрату созданием Общества археологии, истории и этнографии при университете. Желание возродить востоковедческую деятельность и дисциплины в составе казанских учебных заведений продолжало

существовать и усиливаться в течение всего 20 в. Хотя из-за установившейся политической обстановки значительная часть этого столетия оказалась совершенно неблагоприятной для осуществления таких намерений и нормального развития гуманитарных наук в целом. Лишь во времена хрущевской оттепели появилась некоторая надежда на раскрепощение гуманитарных научных дисциплин и возрождение востоковедения. Эта надежда оправдалась лишь частично. Об этом, наравне с печальной попыткой восстановления Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете, свидетельствуют и другие факты. Например, начиная с 60-х гг. впервые за все советское время стали появляться специальные, хотя и небольшие по объему, историко-востоковедческие публикации; университетом организовывались, проводились регулярно функционирующие археологические экспедиции по сбору среди населения восточных (арабографических) рукописей; также в 70-х гг. имели место идеи и неосуществленное намерение М.Т.Нужина создать востоковедческую кафедру...

Реальные условия для официального возрождения ориенталистики появились лишь во второй половине 1980-х гг., в ходе крушения советского строя во времена горбачевской перестройки.

Вместе с тем необходимо специально отметить и следующее. В открытии Татфака, то есть факультета татарской филологии, истории и восточных языков – этого важного и необходимого этапа для действительного возрождения университетского востоковедения – значительную роль, наравне с другими важными факторами социально-политического характера, сыграла относительно высокая развитость тюркологии в виде татарской филологии, сумевшей сохраниться как один из очагов традиционной научной ориенталистики. Иначе говоря, татарский язык, своеобразно повторяя функцию турецко-татарской филологии 19 сто-

летия, еще раз послужил базой для становления университетской ориенталистики в Казани.

Одновременно следует учитывать и тот фактор, что начиная с 60–70-х гг. 20 века, то есть еще до перестройки, казанскими учеными в рамках истории и культуры народа региона сначала постепенно и осторожно, а в дальнейшем более активно и интенсивно разрабатывались собственно востоковедческие темы.

Так, в результате постепенного накопления знания и опыта еще более усилилось и укрепилось убеждение в том, что без дальнейшего развития научного востоковедения остается проблематичным полноценное изучение и осмысление истории и культуры народа, региона. Этим обстоятельством и объясняется усиление, расширение востоковедческих тем в трудах казанских историков и отдельных филологов конца 20 и начала 21 вв. Это привело в конечном счете к появлению достаточно серьезных исламоведческих трудов, свидетельствующих о начале становления одного направления многоотраслевой академической ориенталистики.

Актуализация исламоведения, его выдвижение на передний план на данном этапе вполне закономерны. Явление обусловлено объективными факторами: как результатами вульгарно-негативного отношения в нашей стране к религиям в прошлом, так и обострением межцивилизационных и межконфессиональных противоречий в настоящее время в международном масштабе. Религии, вместе с ними историко-культурные традиции народов стали и становятся объектом эксплуатации со стороны политиков и всевозможных политиканов. Как с этой, так и с другой сторон. Наблюдаются тенденции клерикализации не только общественного сознания, но и государственной политики. В такой ситуации единственным «лечащим», то есть отрезвляющим, средством является, прежде всего, научное осмысление ре-

альной действительности, свободной от политизированности.

Естественно, чтобы научное востоковедение в Казани приобрело полноценное качество и состояние, оно должно развиваться как многоотраслевой комплекс гуманитарных дисциплин со своими конкретными объектами изучения и специфическими методами исследования. В этом сложном комплексе исламоведение является лишь одним направлением историко-философского знания. Есть надежда, что в будущем такая цель будет достигнута и получат полноценное развитие классические историко-филологические, социально-философские и конкретно-страноведческие направления со своими подразделениями.

Как было видно из названий опубликованных работ, исламоведческие и вообще историко-востоковедческие публикации в Казани выполнены на двух языках – на татарском и преимущественно русском. Явление это вполне объяснимо. Во-первых, значительную часть будущих читателей такой литературы составляют люди, лучше знающие русский язык, а удельный вес владеющих татарским литературно-научным языком сильно сократился во второй половине 20 в. Аналогичное соотношение характерно и для круга исполнителей рассматриваемых исследований и публикаций. Во-вторых, как было видно на примере РИУ, среди потребителей (студентов) такой литературы немало представителей других регионов страны, которые также лучше знают русский язык, чем татарский. В-третьих, наконец, здесь прослеживается в определенной степени продолжение традиции казанского востоковедения, которое было русскоязычным и являлось частью общероссийской научной мысли, культуры. Что касается исследований и публикаций на татарском языке, то они являются как бы своеобразным продолжением дореволюционной татарской религиозно-научной традиции. Так что языковые особенности рассматриваемых работ

отражают реальную действительность.

Читатель, безусловно, обратил внимание на то, что автор данного обзора почти не коснулся спорных проблем и недостатков, содержащихся в перечисленных исследованиях и публикациях. И сделано это вполне сознательно, потому что на данном этапе им, автором обзора, преследовалась прежде всего одна конкретная цель: выяснение состояния и поэтапного возрождения востоковедческих изысканий в Казани. Что касается недостатков, спорных моментов, на наличие которых здесь делается намек, то они разнообразны и немалочисленны. В качестве примера, а не конкретного освещения и решения проблемы, отметим лишь некоторые общие моменты.

Начнем с полиграфических и технических оформлений отдельных изданий. Некоторые книги набраны так мелко, что читать их трудно, если не имеешь специальные очки или лупу (например, издание «Минбар»). Понятно, что сделано это с целью экономии средств. Но не получилось бы так, как в поговорке: «скупой платит дважды», ибо непрочитанная книга – тоже убыток. К тому же, чем украшать каждую страницу отдельных книг ненужными псевдохудожественными рамочками, полезнее было бы аккуратнее указывать на исходящие данные, например, не заставляя читателя искать год издания книги. В полиграфическом, техническом и эстетическом отношении наиболее качественными оказались томики из «Антологии».

Во-вторых, многие издания не снабжены достаточно качественным научным аппаратом, хотя бы минимальными комментариями и примечаниями. Приложенные библиографии иногда составлены очень небрежно; одни и те же названия книг, статей в одном и том же перечне изложены в разных вариантах и т.д.

В-третьих, некоторые авторы, в том числе переводчики как с восточных, так и с западных языков, плохо знают

соответствующие русские и татарские эквиваленты арабских, английских терминов, понятий, а также звучание некоторых собственных имен. Важно не только знание языка переводимого текста. В последние годы, в отличие от 1960–1980-х гг., стало больше сравнительно лучше понимающих и знающих иностранные языки, что, безусловно, хорошо. Но не менее важно качественно знать и тот язык, на который переводится тот или иной иностранный текст.

В-четвертых, в транскрипциях и транслитерациях арабских терминов и понятий при помощи современной кириллицы было бы желательно или пользоваться сложными знаками из так называемой «системы Крачковского», или же наравне с использованием обычной кириллицы, хотя бы один раз, при первом употреблении, давать их арабографические изображения. Это особенно важно при употреблении современного ущербного татарского алфавита на основе кириллицы. Следует лишь добавить, что при современной оргтехнике, особенно при компьютерном (естественно, снабженном соответствующей программой) наборе второй вариант из только что сделанных предложений окажется более удобным и эффективным. Этими возможностями желательно было бы пользоваться и в библиографиях. При этом необходимо уточнить, что для осуществления качественных востоковедческих публикаций в казанских условиях, где в текстологии присутствует специфика и татарского языка, лучше подходит программа с персидской «кассой» арабских букв, нежели только арабской (например, для правильного озвучивания слов, содержащих звуки-буквы *ə*, *u*, *o*, *n*, *z*, *ç*, *ж* и т.д.)

В-пятых, при издании памятников прошлого для современных читателей не следует ограничиваться лишь переводом текста на один из нынешних языков, а необходимо снабжать переводы более или менее полноценным научно-справочным аппаратом – пре-

дисловием, сведениями об авторах, характеристикой значения и степени изученности памятника, хотя бы минимальными комментариями и т.д. Например, публикация русского перевода «Мустафад аль-ахбар...» Ш.Марджани представлена в совершенно «оголенном» виде. Нет ничего из только что перечисленных минимальных требований, причем это тот памятник татарской исторической мысли, который имеет свою особую историографию. Создается впечатление, что перед нами не научное издание, а лишь механическая публикация конспектов текста, сделанных для личного пользования самим переводчиком.

Наконец, в-шестых, создается впечатление, что до сдачи рукописи в типографию некоторые тексты не подвергались корректорской проверке после компьютерной верстки и редактированию, как будто верстальщик торопился, корректор спал, а редактор отдыхал, хотя фамилии их присутствуют, причем часто с пометкой «научный» или «ответственный».

Таковы наиболее характерные недостатки некоторых новейших казанских исламоведческих публикаций. Ограничиваясь этими общими и обобщен-

ными замечаниями (конкретный анализ их мог бы стать темой для другой самостоятельной работы) необходимо отметить следующее. Эти недостатки по своему характеру и происхождению являются не чем иным как результатом торопливости, с одной стороны, и отсутствия в достаточной степени у энергичных молодых исполнителей достаточного опыта и навыков, присутствующих квалифицированным отечественным и зарубежным востоковедам, с другой. Ведь научная ориенталистика заключается не только во владении каким-либо восточным языком и желании писать, публиковать, а является специфическим историко-филологическим разделом гуманитарных наук, научной культуры со своей традицией, со своим богатым опытом и навыками, которые нужно осваивать системно.

Завершая обзор, хочу пожелать новому поколению энергичных казанских востоковедов дальнейших успехов, бесспорных достижений как в деле накопления опыта, освоения специфической научной культурой (что почти бесконечный процесс), так и осуществления глубоких исследований и качественных публикаций.

Сделанное уже обнадеживает.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН – Академия наук
 ВР – Восточный разряд КУ
 ИВ – Институт востоковедения КГУ
 ИИ – Институт истории имени Ш.Марджани
 ИЯЛИ – 1. Институт языка, литературы и истории (до 1997 г.)
 2. Институт языка, литературы и искусства (с 1997 г.)
 Каз.ут. – Казан утлары (журнал)
 КГУ – Казанский государственный университет
 КДУ – Казан дәүләт университеты
 КУ – Казанский университет
 НБ – Научная библиотека
 НИАЛ – Научно-исследовательская археографическая лаборатория (с 1988 г. при кафедре истории татарского народа КГУ)
 Татфак (татфилфак) – факультет татарской филологии и истории (с 1989 г.)
 ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (ранее – Казанский педагогический университет, еще ранее – Казанский педагогический институт, до 1994 г.)

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при КУ (1878–1929 гг.)
 ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии (функционировал некоторое время в начале 1960-х гг.)

РИУ – Российский исламский университет Казань, (с 1998 г.)

ФВЯ – факультет восточных языков Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶⁷ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами). Т.2. 1946–2004. – Казань – Лондон, 2005. – С.176, 281, 296, 310, 320, 334.

⁶⁸ Организация экспедиций, выявление и сбор рукописей среди населения осуществлялись совместно с сотрудниками кафедры истории татарского народа, при которой функционировала данная лаборатория. Описание рукописей требовало, естественно, определенную подготовительную работу, так как после болезни и смерти А.С.Фатхиева (1937–1992), сумевшего до этих преобразований опубликовать в НБ КГУ несколько выпусков описаний рукописей дореволюционных татарских литераторов, осложнился вопрос с кадрами. (См. последний выпуск: *Фатхиев А.С.* Татар әдипләре һәм галимнәренә кулъязмалары. КДУ фәнни китапханәсенә 1959–1969 елларда кергән кулъязмаларның тасвирламасы. Казан, 1986). Начатое в эти годы дело по описанию одного комплекса арабграфических рукописей завершилось через несколько лет публикацией фундаментального каталога 389 рукописей (*Арсланова А.А.* Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. Вып.1. М. – Казань, 2005), который был отмечен государственной премией Исламской Республики Иран. Издание библиографических указателей также дало ощутимые результаты (см.: *Мәрданов Р.Ф.* «Әл-Ислах» газетасының библиографик күрсәткече. Казан, 1991; *Мәрданов Р.Ф., Галләмов И.К.* XX йөз башы татар тәгълим-тәрбия журналларының библиографик күрсәткече: «Тәрбия-и әфәль», «Тәрбия», «Мәктәп», «Мөгәллим». Казан, 1997; *Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф.* «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000; *Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакурров Ф.Н.* Татарская периодическая печать начала XX века. Библиографический указатель. Казань, 2000). В последнем справочнике-каталоге даны сведения о 310 газетах и 89 журналах, изданных на татарском языке арабским шрифтом в 1905–1924 гг.. При этом поштучно и подробно указаны места их хранения, сколько и какие номера их находятся в настоящее время. Последние три указателя опубликованы совместно с Национальной библиотекой Республики Татарстан в рамках программы «Сотрудничество».

⁶⁹ Возвзвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988.

⁷⁰ Выше я не случайно отметил специальность двух ректоров, М.Т.Нужина и А.И.Коновалова. Также идею активно поддерживали физик Б.И.Кочелаев, биолог И.Б.Лешинская, юрист Д.И.Фельдман и др. Представители гуманитарных наук проявляли некоторую сдержанность особенно тогда, когда речь пошла о создании татароведческого подразделения. Такая осмотрительность, видимо, была связана, с опасением возможного обвинения в будущем в «буржуазном национализме», как это часто практиковалось в России и СССР.

⁷¹ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись... Т.2. – С.307.

⁷² Там же. – С.310. Следует отметить, что впервые в СССР историческая кафедра была названа именем конкретного народа, а не республики, как это практиковалось в прошлом.

⁷³ Там же. – С.392.

⁷⁴ Последняя кафедра введена в состав института позднее и занимает несколько автономное положение, так как научная проблематика ее шире, чем основное направление института.

⁷⁵ Назовем следующие в основном историографические исследования: *Ахунов А.М.* Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы. Казань, 2001; *Ахмадеев Р.Я.* Воздействие ресурсного потенциала на социально-экономическую модернизацию арабских стран. Казань, 2007; *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.). Казань, 1998; *Рахимова А.Р.* Төрөк грамматикасы: Түрк Dilbelgisi. Казань, 2000; *Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение (Из истории социально-политической теории и практики Китая в XIX в.). Казань, 2006; Сборники: Наследие монголоведа О.М.Ковалевского и современность. Доклады и сообщения международной научной конференции. 21–24 июня 2001 г. Казань, 2002; Монголовед О.М.Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004; Мусульманские страны. Очерки истории и культуры (VII–XV вв.). – Казань, 2003.

⁷⁶ *Махмутова А.Х.*: а) Лишь тебе, Народ, служенье. Из истории татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби. Казань, 2003; б) Пора и нам зажечь зарю свободы! Джадизм и женское движение. – Казань, 2006.

⁷⁷ Материалы форума: Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2003. Обзор о работе семинара см.: *Арсланова А.А.* Источниковедение истории Джучиева Улуса // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1999. – №4, июль–август. – С.151–161. Следует отметить, что в работе семинара кроме ученых из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов России принимали участие 14 историков из зарубежных стран (Англия, Венгрия, Германия, Египет, США, Тайвань, Турция, Украина и Япония), из них десять человек выступили с докладами.

⁷⁸ Сокровища Золотой Орды. Алтын Урда хэзинэлэре. The Treasures of The Golden Horde. – СПб., 2000.

⁷⁹ *Усманов М.А.* Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – С.26–53.

⁸⁰ Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 2008. Оговорка о «доступности» связана с тем, что ряд китайских материалов о монголах и Улусе Джучи до сих пор не имеет переводов ни на один из западноевропейских языков. Об этом свидетельствуют данные опубликованной кандидатской диссертации бывшего аспиранта нашей кафедры из Тайваня Чжао: *Чжао Чху-ченг.* Распад Монгольской империи. Казань, 2008; *он же.* К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи... С.188–192.

⁸¹ *Frank J.A., Usmanov M.* Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad-Walī al-Qazānī and Qurban-ʿAlī Khālidī. Berlin, 2001 (ANOR, 11); *Ivanics M., Usmanov M.* Das Buch der Dschingis-Legende (*Dāftār-i Ġingiz-nāmā*). I. (Vortwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002; *Frank J.A., Usmanov M.A.* An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe 1770–1912. Qurban-ʿAlī Khālidī. Brill, Leiden-Boston, 2005.

⁸² *Усманов М.А.* Татарское купечество в торговле России с восточными странами через Астрахань и Оренбург в XVII–XVIII столетиях // *Histoiry Russian.* – 1992. – Vol.19. – № 1–4. – P.505–513; *Usmanov M.A.*: а) Documents of Russian – Eastern Correspondence in Turkic languages and their Significance in the Science of Sources // *International Journal of Central Asian Studies.* Vol. 1. Seoul, 1996. – P.21–43. б) Zur Geschichte der tatarischen Handschriften // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries.* Band 200. Berlin, 1996. – S.49–68; в) Tatar settlers in Western China (second half of the 19th Century to first the half the 20th Century) // *Ibid, Vol.2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries.* Berlin, 1998. – S.243–269.

⁸³ *Gilyazov I.A.*: а) Die Islampolitik von Staat und Kirche im Wolga-Ural-Gebiet und der Batiroah-Aufstand von 1775 // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the 20th Centuries.* Band 200. Berlin, 1996. S. 69–89. б) Die Wolga-Tataren und Deutschland

im Ersten Drittel des 20. Jahrhunderts // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Band 216.* Berlin, 1998. – S. 335–353.

⁸⁴ *Minnullin Z.S.*: a) Zur Geschichte der Tatarischen Öffentlichen Bibliotheken vor der Oktoberrevolution // *Ibid. Band 200.* – S.207–237. Berlin, 1996. – S.207–237. b) Fraternal and Benevolent Associations of Tatar Students in Muslim Countries at the Beginning of the 20th Century // *Ibid. Band 216.* Berlin, 1998. – S.271–280.

⁸⁵ *Usmanova D.M.*: a) Die tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und quantitative Analyse // *Ibid. Band 200,* Berlin, 1996. – S.238–278; b) The activity of the Muslim Faction of the State. Duma and its Significance in the Formation of a Political Culture among the Muslim Peoples of Russia (1906 – 1917) // *Ibid. Band 216.* Berlin, 1998. – S.417–455; см. также: *Усманова Д.М.* Ограничительные нормы российского права в отношении мусульман Волго-Уральского региона в начале XX века // *Islamic Civilisation in the Volga-Ural Region. The international symposium, Kazan 8–11 June 2001.* Istanbul, 2004. – P.245–254.

⁸⁶ Татар әдәбияты тарихы. 6 томда. – Казан, 1984–1999.

⁸⁷ Татар халык ыжаты. 12 китапта. – Казан, 1977–1993.

⁸⁸ *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и восточная классика (вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань, 1993; *Сәйф Сарай.* Гөлстан. Лирика. Дастан. Төзүче Х.Миннегулов. – Казан, 1990; *Котб. Хөсрәү вә Ширин.* – Казан, 2003.

⁸⁹ Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. (руководитель Н.Ш.Хисамов). Казань, 1999; *Хисамов Н.Ш.* Сюжет Йусуфа и Зулейхи в тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв. (Проблема версии). – Казань, 2001.

⁹⁰ *Исламов Р.Ф.* Алтын Урда һәм Мәмләкләр мирасы: язма мирас, мәдәни баглаһышлар. – Казан, 1998.

⁹¹ *Сибгатуллина А.Т.*: a) Суфичылык серләре. – Казан. 1998; b) Илаһи гашыйклар юлыннан (Суфичылык турында очерклар). – Казан, 1999.

⁹² *Урманчеев Ф.И.*: a) Татар халык ыжаты. Казан. 2002; b) Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. Өч томда. I т.: А–Г. – Казан, 2008.

⁹³ *Бакиров М.Х.* Татар фольклоры. – Казан, 2008.

⁹⁴ *Ибраһимова Л.* Төрки халыклар ыжатында Чура-батыр. – Казан, 2002.

⁹⁵ *Хисамова Ф.М.*: a) Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности. Ч.I (XVI–XVII вв.). – Казань, 1990; b) Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). – Казань, 1999.

⁹⁶ *Нуриева Ф.Ш.*: a) «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань, 1999; b) Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань, 2004.

⁹⁷ *Баширова И.Б.* XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле. – Казан, 2008.

⁹⁸ *Ахметзянов М.И.*: a) Татарские шеджере. Казань, 1991; b) Меңеллык татар нәселе: татар шәжәрәләре һәм этник тарихыбызга бер караш. – Казань, 2001.

⁹⁹ *Гарипова Ф.Г.* a) Татарстан гидронимнар сүзлеге. Ике китапта. – Казан, 1984–1990; b) Татарская гидронимия. Казан, 1998; c) Авыллар һәм калалар тарихыннан. – Казан, 1997.

¹⁰⁰ Идегәй. Татар халык дастаны. Казан, 1988; Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. – Казань, 1990. Перевод был осуществлен еще до 1944 г., но в новом издании он несколько переработан и исправлен.

¹⁰¹ Идегәй. Татар халык дастаны. – Казан, 1994.

¹⁰² Edigeý Destaný. Hazırlayan Rüstem Sultı. Türksoy Yayınlary: №10. 1998.

¹⁰³ *Гилязутдинов С.М.* Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып. I–II. – Казань, 2002–2006.

¹⁰⁴ *Мәрданов Р.Ф.* (Составитель): a) Мәүлә Колый поэмалары. Казан, 2008; b) Түләк китабы. Дастан. – Казан, 2008.

¹⁰⁵ *Һадиев И.Г.* Зират тынлыгында еллар хәтере... // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2000. – № 1/2. – 82-90 бб.

¹⁰⁶ *Мәрданов Р.Ф., Гадиев И.Г.*: а) «Таш архив» серләре // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 3/4. – 65-75 бб.; б) Кече Кайбычтагы борынгы кабер ташлары // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 2. – 98-101 бб.; в) Әгерже төбөгенең ташгызма истәлектәре. – Казан, 2008.

¹⁰⁷ *Сафиуллина Р.* Арабская книга в духовной культуре татарского народа. – Казань, 2003.

¹⁰⁸ О соотношении разноязычных книг среди татарского населения разнообразный материал представлен в моей вышеназванной книге: *Госманов М.А.* Каурый каләм эзеннән...

¹⁰⁹ Ранним и основным трудом ученого является монография: *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основные проблемы. – Казань, 1976. В позднейших работах автора наблюдается постепенный отход его от прежних позиций, см. *Абдуллин Я.Г.*: а) Философ һәм фикер иясе // Каз.ут., 1988. – № 1. – 146-153 бб.; б) Марджани и его место в истории общественной мысли // Сб. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. – Казань, 1990. – С.5–23; в) Татар халкының тормышында исламның функцияләре һәм дини мирасны өйрәнүдә кайбер бурычлар // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С.12–19 и др.

¹¹⁰ *Юсупов М.Х.*: а) Шигабутдин Марджани. Казань, 2005 (первое издание см. выше); в) Галимджан Баруди. – Казань, 2003.

¹¹¹ *Мөхәммәдьяр.* Нуры Содур. Төзүче Ш.Абилов. – Казан, 1997.

¹¹² Кол Шәриф һәм аның заманы. – Казан, 2005.

¹¹³ *Вәлиди Ж.* Сайланма хезмәтләр: әдәби тел, грамматика, диалектология һәм лексикография мәсьәләләре. – Казан, 2007.

¹¹⁴ Жамал Вәлиди – энциклопедист галим. Республика фәнни-гамәли конференция материаллары. Апас – Казан, 2007.

¹¹⁵ *Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. – Казань, 2002.

¹¹⁶ *Давлетшин Г.М.*: а) Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан, 1999; б) История духовной культуры предков татарского народа. – Казань, 2004.

¹¹⁷ *Загидуллин И.К.*: а) Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – Казань, 2006; б) Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007.

¹¹⁸ *Измайлов И.Л.*: а) Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань, 2006. – С.28–52; б) Ислам в Улусе Джучи // Там же. С.53–88; в) Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. – Казань, 2008.

¹¹⁹ *Исхаков Д.М.*: а) Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах // *Tatarica*. 1997/98. – № 1. – С.42–95; б) Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С.329–366; в) О родословной хана Улуг-Мухаммада // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002. – С.63–74.

¹²⁰ *Байбулатова Л.Ф.* «Асар» Ризы Фахреддина. – Казань, 2006.

¹²¹ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002.

¹²² В качестве примера назовем следующие пособия: Краткий религиозно-этический словарь-справочник на русском и татарском языках. – Казань, 2000; Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004.

¹²³ *Валеев Р.К.*: а) Болак арты республикасы. Казан, 1999; б) Өзелгән хәрәкәт // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002. – № 1–2; в) Өзелгән дога. – Казан, 2007.

¹²⁴ *Усманова Д.М.*: а) Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань, 1999; б) Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. – Казань, 2002;

с) Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005; д) Депутаты Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. – Казань, 2006.

¹²⁵ Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман» 1862–1916 гг. – Казань, 2009.

¹²⁶ Там же. – С.151–520.

¹²⁷ Мухаметдинов Р.Ф.: а) Зарождение и эволюция тюркизма. – Казань, 1992 (книга переиздана: *Türkzylygyn doruşu ve gelişimi. Istanbul, 1998*); б) **Нация и революция** (Трансформация национальной идеи в татарском обществе в первой трети XX века). – Казань, 2000; с) Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.). (Сопоставление с опытом Турции). – Казань, 2006.

¹²⁸ Кандидатская и докторская диссертации профессора (с 1964 г.) М.З.Закиева были посвящены проблемам синтаксиса татарского языка. Его перу принадлежат следующие книги по этногенезу, посвященные одной проблеме, см.: *Закиев М.З.*: а) Проблемы языка и происхождения волжских татар. – Казань, 1986; б) Волжские булгары и их потомки. – М., 1993 (соавтор: Кузьмин-Юманади Я.Ф.); с) Татары: проблемы истории и языка. – Казань, 1995; д) Происхождение тюрков и татар. – М., 2003; е) История татарского народа: этнические корни, формирование и развитие. – М., 2008; ф) Төрки-татар этногенезы. – М.– Казан, 1998 и др.

¹²⁹ В оставшейся части названия института место компонента «история» заняло слово «искусство», поэтому оно сохранило старую аббревиатуру – ИЯЛИ.

¹³⁰ Перерабатывая содержание и уточняя, улучшая интерпретацию материалов прежнего трехтомного «Толкового словаря татарского языка» (более 46 тысяч слов; Казань, 1977–1981) лексикографы института осуществили следующие новые фундаментальные издания: Татар теленең анлатмалы сүзлеге (58 мең тирәсе сүз). – Казан, 2005; Татарча-русча сүзлек, 1–2 тт. (60 меңнән артык сүз). Казан, 2007; Татар халык сөйләшләре. I–II тт. – Казан, 2008; готовится к изданию также четырехтомник толкового словаря татарского языка.

¹³¹ Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Казань – М. – СПб., 2005 (на 885 с. большого формата); Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Мифы. Образы. Пространство. – Казань – М., 2006. – 479 с.; Тартарика. Этнография. – Казань – М., 2008. – 863 с.

¹³² История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степей Евразии в древности. – Казань, 2002; Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. Полностью завершен и находится в производстве: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV века.

¹³³ *Миргалеев И.М.* Материалы по истории Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007; *Камалов И.Х.* Отношение Золотой Орды с Хулагуидами. – Казань, 2007; *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. – Казань, 2008; Сборник статей «Золотоордынская цивилизация». Вып. I. – Казань, 2008; *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. – Казань, 2009. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – Казань, 2009. Центр нашел возможность опубликовать диссертацию бывшего аспиранта кафедры истории татарского народа КГУ Чхао из Тайваня, написавшего свое исследование преимущественно на основе малодоступных в России китайских и японских источников-историографических материалов: *Чхао Чху-Ченг.* Распад Монгольской империи. – Казань, 2008.

¹³⁴ *Марков А.К.* Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань, 2008. Из новейших публикаций см.: *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. – Казань, 2005 и др.

¹³⁵ *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII века. – Казань, 2003; *Абзалина Р.А.* Шамали из коллекции Национального музея Республики Татарстан (конец XIX – начало XX вв.). Альбом. Собрания профессоров И.М.Покровского и Н.Ф.Катанова. – Казань, 2003.

¹³⁶ *Валеев Р.М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань, 2007.

¹³⁷ Интересными по широте охвата различных тем являются сборники статей, опубликованные А.А.Бурхановым: Восток-Запад: диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып.4,5 и 8. – Казань, 2004–2007.

¹³⁸ Юзеев А.Н.: а) Мировоззрения Ш.Марджани и арабо-мусульманская философия. – Казань, 1992; в) Некоторые вопросы ислама в трудах А.Курсави и Ш.Марджани // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С.153–160; с) Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков. Кн.1–2. – Казань, 1998; d) Шихаб ад-дин Марджани: мыслитель, религиозный реформатор, просветитель. – Казань, 1997; e) Философская мысль татарского народа. Основные направления развития (X – начало XX вв.). – Казань, 2007 и многочисленные статьи.

¹³⁹ Татарская энциклопедия. Т.1: А–В. – Казань, 2002; Т.II: Г–Й. – Казань, 2005; Т.III: К–Л. – Казань, 2006; Т.IV: М–П. – Казань, 2009; Татар энциклопедиясе. Т.1: А–В. – Казань, 2008; Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999; Татар энциклопедия сүзлеге. – Казань, 2002.

¹⁴⁰ Последний аспект ярко иллюстрируется иногда названиями изданий. Например, «Шоферларны юл афәтләреннән саклаучы догалар», то есть «Молитвы, охраняющие шоферов от дорожных бедствий» (по каталогу: 1998 г. №136, на 32 с.). Такая конкретная адресованность – водителям машин, то есть предполагаемым покупателям этого молитвенника, разумеется, намного больше, чем летчиков и машинистов поездов – точно указывает на конечный интерес издателей...

¹⁴¹ Например, впервые фондом были переизданы: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990; Фукс Карл. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении; Краткая история города Казани. – Казань, 1991. Репринтное воспроизведение; Гаспринский И. Россия и Восток. – Казань: Фонд «Жиен», 1993.

¹⁴² Первые три сборника посвящены Ш.Марджани, Р.Фахретдину, братьям Нигматуллиным-Буби, были изданы в 1998–1999 гг. фондом «Рухият». С 2000 г. сборники, посвященные Ф.Карими, Г.Губайдуллину, братьям Рамеевым, А.Умари, оформленные как отдельные, но самостоятельные по содержанию выпуски из серии «Шэхеслэребез», были изданы с участием «Жиен» на средства фонда «Рухият». Книги о жизни и деятельности Г.Ахмарова, И.Гаспринского, Х.Фаизханова, Х.Атласи, братьев Туйкиных, Г.Саади, А.Рахима подготовлены и опубликованы фондом «Жиен» самостоятельно. Им же в составе этой серии издана книга, посвященная наследию Карла Фукса, немца, внесшего бесспорный вклад в изучение истории, культуры и быта татарского народа. Следовательно, выбор объектов осуществляется не по этническому принципу, а по реальному их вкладу. В выявлении материалов по персоналиям, обработке и подготовке их к печати принимали и принимают участие следующие молодые коллеги из числа моих учеников по Казанскому университету: Р.Марданов, З.Миннуллин, Р.Миннуллин, С.Рахимов, И.Хадиев и др.

¹⁴³ Фәхрәддин Р. Асар. – Казань, 2006–2009. 1–2 томнар.

¹⁴⁴ Султанов Ф.М.: а) Ислам и татарское национальное движение в Российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. – Казань, 1999; в) Татарское национальное движение: история и современность. – Казань, 2000.

¹⁴⁵ Амирханов Р.М.: а) Татарская социально-философская мысль средневековья: XIII – сер.XVI века. В 2-х книгах. – Казань, 1993; в) Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). – Казань, 2001; с) Татарская социально-философская мысль XVII–XVIII веков // Татарстан. 1994. – №7–8. – С.93–99 (в соавторстве с Р.Мухаметдиновым).

¹⁴⁶ Мухаметшин Р.М.: а) Татары и ислам в XX веке. – Казань, 2003; в) Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. – Казань, 2005.

¹⁴⁷ См. сборники: Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.). – Казань, 2004; Нужна ли реформа исламу. Материалы Всероссийского круглого стола «Нужна ли реформа взглядам об исламе» (Казань, май

2004 г.). – Казань, 2005; Ислам и благотворительность. Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). – Казань, 2006; Инновации в системе исламского религиозного образования в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 14 ноября 2006). – Казань, 2007 и др.

¹⁴⁸ Несмотря на такие препятствия, тексты докладов, даже непрочитанного в 1988 г., были опубликованы в «Бюллетене» Турецкого исторического общества: *Usmanov M.*: XIV–XVI. *Yüzyýllarda Coçi Uusunun Osmanly devleti ile kançýlariya işlerindeki temaslarynyn üzerine.* – Türk Tarih Kongresinden ayrýbaşým. – Türk Tarih Kurumu Basýmevi. Ankara, 1991. – S.903-909; b) XV–XVIII Yüzyýllarda Rus Hükümdarlarý ile Dođu ülkeler arasýndaky mektüplaşmada Türk Dilleri // XI. Türk Tarih Kongresinden ayrýbaşým. Ankara, 1994. – S.601–607.

¹⁴⁹ Например, в следующих солидных по содержанию двух сборниках: *Islamic Civilisation in the Volga-Ural Region*: a) Kazan, 8–11.06.2001; b) Kazan, 24–26.06.2005; Istanbul, 2004–2005.

¹⁵⁰ *Tatar History and Civilization*. Edit.: Sadýk Unay. Istanbul: IRCICA, 2009.

¹⁵¹ Например, см.: *Мараиш Ибрагим*. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). – Казань, 2005.

¹⁵² Проблема обмена педагогами для улучшения преподавания турецкого языка в Казани, для знакомства турецких коллег с особенностями татарского нуждается как самостоятельная тема в специальном изучении.

¹⁵³ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006. Следует отметить, что первый вариант этой коллективной работы почти под тем же названием (без уточнения «мусульманская культура») в качестве сборника «очерков» был издан в 2001 г. небольшим тиражом (50 экз.). Издание 2006 г. является всесторонне продуманным, расширенным и более качественным переизданием коллективного труда.

¹⁵⁴ *Абу-н-Наср 'Абд ан-Насир Курсави*. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад). – Казань, 2005.

¹⁵⁵ *Идиятуллина Г.Г.* Абу-н-Наср Курсави. – Казань, 2005.

¹⁵⁶ *Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари*. Трактат о выделке (Рисала-и дигаба); Жемчужины разъяснения (Джавахир ал-байан); Спасение погибающих (Инказ ал-халикин); Наставительный трактат (Рисала-и иршадиййа); Трактат о закате (Рисала-и шафакиййа); Острый меч (Ас-Сайф ас-сарим); Подарок любимым о правильном чтении книги Господа (Тухфат ал-ахбид фи таджвид калам ар-Рабб); Порицание чаепития (Замм шурб аш-шай); Трактат о важном (Рисала-и мухимма). – Казань, 2007.

¹⁵⁷ *Адыгамов Р.Х.* Габдрахим Утыз-Имяни. Казань, 2005. (В приложении осуществлена предварительная публикация двух трактатов, позднее включенных в антологию.)

¹⁵⁸ *Марджани Ш.* Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (Китаб ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-'акаид ал-ханафиййа). – Казань, 2008. Исследование составителя Д.Шагавиева занимает значительную вводную часть тома (с.7–124).

¹⁵⁹ Первая часть «Мустафад ал-ахбар...» (перевод с татарского Р.К.Адыгамова), опубликованная раньше «Зрелой мудрости...», является памятником не богословской, а исторической мысли: *Марджани Ш.* Извлечения вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч.1. [Казань, 2005].

¹⁶⁰ Муса Бигиев: мирас һәм хәзерге заман. Халыкара фәнни конференция материаллары (Казан, декабрь 1999). – Казан, 2000.

¹⁶¹ *Бигиев Муса Джаруллах*. Избранные труды в двух томах. Доказательства божественного милосердия (Рэхмәт[-е] илаһийә борһанлары); Взгляд на верование людей в божество (Инсанларнын гакыйдә илаһийәләренә бер назар); Пост в длинные дни (Озын көнләрдә рузә). Т.1. – Казань, 2005; [2 т.]: Обращение к Великому турецкому Национальному Собранию (Türkiye Büyük Millet Meclisine Müracaat); Введение к трактату «Аль Муафакат» (Әл-Мүәфәкәт мәкаддимәсе); Воззвание к мусульманским нациям

(Ислам милләтләренә дини, әдәби, сәяси мәсьәләләр, тәдбирләр хакында); Женщина в свете священных аятов Благородного Корана (Коръән-и Кәрим аят[-и] кәримәләре хозурында хатын). Т.2. – Казань, 2006.

¹⁶² Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань, 2005.

¹⁶³ В качестве одного из примеров следует назвать книгу основателя и издателя первой татарской газеты «Нур» (в Санкт-Петербурге), крупного общественного и религиозного деятеля, муфтия Атауллы Баязитова, опубликовавшего свои труды в 19 столетии: *Баязитов Гатаулла*. Ислам и прогресс. – Казань, 2005. Это издание своим содержанием и значением в какой-то степени примыкает к рассмотренной выше антологии.

¹⁶⁴ В первые годы функционирования РИУ в качестве учебных пособий по обучению студентов основам религиозных обрядов служили некоторые публикации издательства «Иман».

¹⁶⁵ См.: Россия ислам университеты хәбәрчесе. – Вестник Российского исламского университета. – 2006. – №1 (2).

¹⁶⁶ Суфизм как социокультурное явление в Российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007.

¹⁶⁷ Батыр Р.Г. Әбү-Хәнифәнен тормышы һәм мирасы. Казан, 2008.

¹⁶⁸ Әбү-Хәмид Мохәммәд әл-Газали әт-Туси. Кимийә-йи сәғәдәт (Бәхет эликсиры). [Текст переведен на татарский язык Г.Р.Латыповой]. – Казан, 2008.

¹⁶⁹ Шагабиев Д. Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.). – Казань, 2008.

¹⁷⁰ Минбар. Вып.1. – Казань, 2008.

¹⁷¹ Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulgar» Identity among the Tatar and Bashkirs of Russia. – Leiden – Boston, 1998.

¹⁷² Kemper Michael. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998.

¹⁷³ Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. – Казань, 2008; *Кемпер Михаэль*. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортстане. Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008.

¹⁷⁴ В настоящее время готовится перевод следующей монографии: DeWeese Devin. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

¹⁷⁵ В этом плане Институтом уже сделан небольшой робкий шаг вперед, например, в сборнике из предполагаемого ежегодника «История и культура Улуса Джучи» опубликованы извлечения из книги Бертольда Шпулера «Золотая Орда в России»: *Шпулер Б.* Золотая Орда. Традиции изучения и современность // История и культура Улуса Джучи. 2006. – Казань. 2007. – С.25–59.

¹⁷⁶ В обзоре учет востоковедческой литературы, опубликованной в Казани, ограничивается началом 2009 г.

¹⁷⁷ Статья «О судьбе Казанского востоковедения», написанная по предложению зарубежных коллег, опубликована: Mirkasym A. Usmanov. Oriental studies in Twentieth-Century Tatarstan, in: *Integrating Soviet Oriental Studies*. Ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. (Uondan: Routledge: Central Asian Series. 2010, forthcoming); турецкий перевод статьи (M.Usmanov. Kazan şarkiyatçılığının kaderi (xx yüzyıl). Tarih Yilliqı, cilt 2) находится в производстве. – *Ред.*

УДК 94(47)+94(470.41)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ТАТАРСКОГО НАРОДА В РОССИИ

Р.В. Шайдуллин, доктор исторических наук, профессор

Современный социально-правовой и общественно-политический статус татарского народа в Российской Федерации продолжает привлекать внимание ученых и политиков, занимающихся проблемами национальных отношений в стране. Слишком противоречива национальная история татарского народа, на протяжении всего XX в. боровшегося за реализацию своих национальных интересов и в условиях усиления «вертикали российской власти» в начале XXI в. все более утрачивающего атрибуты этнополитической самобытности. В какой-то мере сбываются опасения лидеров этнических движений, что чрезмерное усиление центростремительных устремлений среди представителей этнополитической элиты национальных субъектов (республик) и создание «мнимой» многопартийной системы в стране неизбежно приведут к деформации общественного сознания российского общества и ударят по национальным интересам народов: суверенитету, гражданству, самобытному национально-региональному компоненту.

Зарождение идеологии суверенизации национальных интересов татарского народа началось с обращения представителей широкой татарской общественности к национальной культуре: возрождения интереса к национальной литературе и языку, воскрешения памяти о былом величии народа, воспитания чувства патриотизма и формирования национального самосознания. Исторические труды пред-

ставителей татарской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. И. Гаспринского, Х.–Г. Габаша, Р. Фахретдина, Х. Атласи, Г. Баттала, А.–З. Валиди, Г. Исхаки и др., продолживших учение основоположника татарской национальной «идеи» Ш. Марджани, стали существенным вкладом в изучение истории татарского народа, его народных традиций и обычаев. Национальная концепция, выдвинутая ими, практически противостоит прежним племенным, региональным и конфессиональным интересам, легла в основу борьбы татарского народа за суверенизацию своих этнокультурных и политических интересов.

Появление на общественно-политической арене новой (джадидистской) идеологии, направленной на обновление патриархальных устоев татарского общества, было историческим следствием развития буржуазных отношений в этом национальном социуме. Последовательные приверженцы джадидистской общественно-политической идеологии стремились реформировать консервативные (кадимистские) устои татарского общества путем просвещения широких народных масс, обучения молодежи в передовых учебных заведениях, основанных на современных для своего периода достижениях науки и техники, прогрессивной общественной мысли. Главными двигателями этих устремлений являлись национальные интересы зарождающейся татарской буржуазии, в основе идеологии которой, наряду с повседневными

экономическими и социальными интересами, были и долгосрочные этнополитические интересы. Поэтому в тот период стратегия и тактика идейной борьбы за реализацию национальных интересов татарского народа главным образом определялись экономическими, этнополитическими и этнокультурными возможностями буржуазного страта татарского общества, как правило, повсеместно составляющего его интеллектуальную элиту.

Говоря о формах реализации национальных интересов татарского народа, следует заметить, что первоначально представители татарской этнополитической элиты выступали лишь за предоставление татарам культурной автономии. Так, например, во время работы 2-го Всероссийского мусульманского съезда Р. Ибрагимов предложил форму национально-культурной автономии для мусульман, предусматривающую следующие основополагающие принципы: равноправие с русскими; отдельные для татар земские управы; создание мусульманских корпусов в местах компактного проживания мусульманского населения; ассигнования на религиозные нужды мусульман; создание сети мусульманских учебных заведений отдельных от русских школ для сохранения морали¹.

Предложенная форма реализации национальных интересов татарского народа могла лишь усилить позиции сторонников культурно-национального равенства народов и, естественно, стимулировать поиски более цивилизованных подходов решения национального вопроса в России.

Немаловажную роль в поиске путей реализации национальных интересов татарского народа сыграла партия «Иттифак аль-муслимин», активно включившаяся в борьбу за равноправие мусульман во всех сферах экономической, общественной и культурной жизни России, добываясь при этом единства мусульманских народов империи. В связи с этим главным пунктом преткновения и бурных дискуссий

было противопоставление национальным интересам отдельных этносов, что в конечном итоге привело к ликвидации этой партии.

После Февральской революции 1917 г. на территории Российской империи начался новый этап борьбы за реализацию национальных интересов татарского народа. К лету 1917 г. во многих местах его компактного проживания возникли различные национальные культурно-просветительные, общественно-политические и благотворительные организации. В этот период основными руководящими центрами движения тюрко-татарского населения стали Милли Шура (Национальный Совет) и Харби Шура (Военный Совет). В ходе работы 1-го и 2-го Всероссийских мусульманских и 1-го Всероссийского мусульманского военного съездов были выработаны основы Культурно-национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Основа этой концепции практически состояла из главных пунктов программы партии «Иттифак аль-муслимин». Если раньше лидеры этой партии ратовали за организацию культурных автономий для мусульманских народов, то в условиях распада имперской модели Российской государственности, нарастания центробежных сил и усиления национальных интересов в среде мусульманского сообщества они стремились создать локальные культурные автономии с едиными централизованными руководящими органами в форме Милли идаре и Миллэт Меджлиси. По мнению многих лидеров буржуазно-демократического лагеря татарского национального движения, обретение культурно-национальной автономии тюрко-татарами было первым шагом в реализации национальных интересов татарского народа, в ходе которых большое внимание отводилось развитию образовательных, культурологических и языковых институтов.

Между тем следует заметить, что к лету 1917 г. в татарском обще-

стве оформилось новое этнополитическое течение, которое на первый план выдвигало идею об образовании тюрко-татарского государства. Этот вопрос конкретно был поставлен на парламентское обсуждение на одном из заседаний Миллэт Меджлиси в ноябре – декабре 1917 г. Первоначально было предложено три варианта проекта тюрко-татарской автономии. В ходе рассмотрения этого вопроса в парламенте оформилось несколько фракционных групп. Самая острая полемика по проблеме о ближайших национальных интересах татарского народа происходила между сторонниками культурно-национальной и территориально-национальной автономий. Первую фракцию, известную под названием «тюркчиляр» («тюркисты»), возглавлял председатель парламента С. Максуди, кроме него в эту группу входили З. Кадыри, А. Максуди, Г. Терегулов и др. (всего около 50 депутатов). Идейным руководителем другой фракции «тупракчиляр» («территориалисты») был заместитель председателя парламента И. Алкин (члены С. Атнагулов, Х. Атласи, Г. Батгал, С. Джантюрин, Г. Шараф и др.; всего 37 депутатов). Фракция, возглавляемая С. Максуди, во время обсуждения проблемы татарской национальной государственности попыталась навязать делегатам парламента идею культурно-национальной автономии. Культурная и экономическая отсталость большей части тюрко-татарских народов, по мнению представителей этой фракции, являлась серьезным препятствием на пути создания татарской национально-территориальной автономии. В этой связи на первом этапе реализации национальных интересов татарского народа тюркисты предлагали образовать тюрко-татарскую культурно-национальную автономию с широкими полномочиями, которая, как они считали, сможет оградить татар от революционных потрясений и способствовать мирному обретению национальной государственности. Такой

подход к реализации национальных интересов татарского народа наиболее близок к прагматическим и ситуативным попыткам приспособления «национальной идеи» к сиюминутным политическим требованиям времени.

Своеобразно решили для себя вопрос о реализации национальных интересов татарского народа сторонники И. Алкина, придерживающиеся в какой-то мере «социалистических идей». Исходя из этнокультурного уровня развития татарской нации, они, наоборот, предлагали образовать территориально-национальную автономию. Заметим, что некоторые представители фракции изучением этой проблематики занимались еще в период 1-й мировой войны. Так, например, члены студенческого кружка «Татар учагы» («Татарский очаг»), действовавшего в Петрограде в 1915–1916 гг., И. Алкин, Г. Шараф и другие во время его заседаний обсуждали вопросы национально-государственного строительства мусульманских народов Внутренней России, Сибири и Кавказа; в качестве одной из форм татарской государственности предлагали территориально-национальную автономию. Они уже тогда выступали против пантюркистских и панисламистских тенденций в татарском национальном движении. В ходе острых дебатов сторонники И. Алкина смогли склонить чашу весов в свою сторону: Миллэт Меджлисом было принято решение о создании территориальной автономии в форме «Идель-Урал Штаты» – Урало-Волжского Штата. Заметим, что немаловажную роль в их победе над сторонниками культурной автономии сыграла общественно-политическая ситуация в России, сложившаяся с приходом большевиков к власти, когда представители кадетской партии были объявлены вне закона, а деятельность их организаций запрещена. Этому способствовала и «большевистская декларация» о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Как известно из событий в период «Забулачной республики», когда своими решениями от февраля – марта 1918 г., а также некоторыми иными неконституционными актами большевистское правительство отказало татарам в праве на реализацию своей государственности, поставив тем самым под сомнение национальные интересы татарского народа, закрепленные в программе РСДРП (1903 г.). Под ударом оказались суверенные интересы татарского народа, избравшего как форму реализации своей национальной государственности Урало-Волжский Штат, причем в свое время они были провозглашены в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (от 3 января 1918 г.). В первом разделе этого документа Россия провозглашалась республикой Советов, которая учреждалась на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик. Правда, впоследствии появились и другие законодательные акты Советского государства, которые внесли новые коррективы в первую советскую декларацию о реализации национальных интересов народов России.

В марте – апреле 1918 г. под сильным напором федерального центра лидеры татарского демократического движения были вынуждены отказаться от идеи образования Урало-Волжского Штата, а затем согласиться с дезавуированием правовой парадигмы решений мусульманских съездов о национальных интересах мусульманских народов. Так, в марте 1918 г. был издан декрет Совнаркома РСФСР о ликвидации Харби Шура, в апреле – постановление о роспуске Милли Идаре, в мае – решение об упразднении Милли Шура. В марте – мае 1918 г. были распущены все национальные органы управления, избранные на Всероссийских мусульманских съездах. Советское руководство интереснейшим образом решило и проблему Казанской Советской Рабоче-Крестьянской Республики, образованной в период борь-

бы с татарскими национально-демократическими силами в феврале 1918 г., которую ликвидировало 16 мая того же года, объявив, что «ни один орган Советской власти такую республику не провозглашал».

Своеобразно была решена советским руководством и проблема татаро-башкирской государственности. 22 марта 1918 г. оно издало положение о Татаро-Башкирской республике, которое практически являлось видоизмененным проектом Урало-Волжского Штата. Таким образом, концепция Урало-Волжского Штата, ставшая одним из определяющих моментов реализации этнополитических интересов татарского народа, оказалась в какой-то степени востребованной. Однако с момента обнародования положения о Татаро-Башкирской республике сильно изменилась общественно-политическая направленность идеологии ведущей партии страны: нацистроительство в России превратилось в исключительную прерогативу большевистского руководства, народные массы фактически стали главными статистами процесса национально-государственного строительства, а большая часть их лидеров – «марионетками» в политических играх правящих партийных вождей. Все это стало возможным в зависимости от общественно-политической ситуации в стране навязывать нерусским народам ту или иную форму национальной государственности, как, например, они поступили с татарами и башкирами. Об этом свидетельствует речь одного из идеологов советского национального строительства, наркома по делам национальностей РСФСР И.В.Сталина на Совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики (10 мая 1918 г.): оказывается, что «идея автономии проистекает из самого существа Октябрьской революции 1917 г., давшей свободу национальностям. Декларация прав народов России, данная Совнаркомом в октябрьские дни, и известное решение III съезда Сове-

тов, объявившее Россию федерацией автономных областей, отличающихся особым бытом и составом населения, являются лишь формальным выражением существа Октябрьской революции. III съезд Советов дал общие положения Конституции Советской Республики, призвав трудовые элементы народов России высказаться, в какие конкретные политические формы они хотели бы сконституироваться в своих областях и в какие отношения они хотели стать с Центром. Из всех областей, кажется, только Финляндия и Украина высказались определенно ... высказались за независимость. Что касается остальных областей, то их трудовые элементы оказались несколько инертными в вопросах национально-го движения. Но чем более инертности было у них, тем более активности проявила буржуазия. Везде, почти во всех областях, создались буржуазные автономные группы, организовавшие «национальные советы», разбившие свои области на отдельные национальные курии, с национальными полками, национальным бюджетом и пр., превратившие ввиду этого свою страну в арену национальной борьбы и шовинизма. Эти автономные группы (я имею в виду татарские, башкирские, киргизские, грузинские, армянские и пр. национальные Советы), все эти национальные Советы добивались одного: получить автономию с тем, чтобы центральная власть не вмешивалась в их дела, не контролировала их»². Из содержательного контекста его высказывания ясно, какую автономию предпочитало советское руководство. Ему нужна была такая автономия, в которой власть над народом целиком принадлежала бы партийным вождям.

Само собой понятно, что Советская власть не могла санкционировать создание полноценной Татаро-Башкирской автономии с широкими властными полномочиями, которых добивалась торко-татарская общественность. И поэтому два совещания по вопросу о реализации Татаро-Башкирской рес-

публики, состоявшиеся 13–15 апреля и 10–16 мая 1918 г. в Москве, завершились безрезультатно, они не смогли принять основополагающих решений и документов по этому вопросу. Вероятно, все это делалось по указанию самого И.В.Сталина, поскольку его такая ситуация вполне устраивала и он, играя на противоречиях между этими народами, оттягивал образование автономии. Умелой политической игрой с татаро-башкирскими лидерами советское руководство добилось своего, оно перехватило инициативу у националов и тем самым значительно укрепило свои позиции среди левонастроенной общественности Поволжско-Приуральского региона.

В то же время следует выделить особый вид взаимоотношений между органами центральной власти и национальными лидерами в период крайнего обострения положения на фронтах Гражданской войны. В качестве примера можно привести переговоры советских руководителей с лидерами башкирского национального движения, в результате которых 20 марта 1919 г. было подписано соглашение о предоставлении автономии Башкирии. Башкирская автономия была создана на территории так называемой «Малой Башкирии» и включала южные, юго-восточные и северо-восточные земли современной Башкирии. Фактически этим актом большевики поставили окончательную точку на реализации положения о татаро-башкирской государственности. После стабилизации ситуации на фронтах Гражданской войны в Поволжье Политбюро ЦК ВКП (б) 13 декабря 1919 г. окончательно отказалось от идеи Татаро-Башкирского государства.

Однако политическая акция советского руководства, связанная с образованием Башкирской автономии, вызвала сильное недовольство у ряда татаро-башкирских национальных лидеров. Проблема Татаро-Башкирской республики жестко звучала на 2-м Всероссийском съезде коммунисти-

ческих организаций народов Востока, проходившем с 22 ноября по 3 декабря 1919 г. в Москве. В своей резолюции съезд констатировал, что «объявление Малой Башкирии Автономной Советской Республикой совершенно не аннулирует положения Совета Народных Комиссаров о Татаро-Башкирской республике и не разрешает в окончательной форме татаро-башкирского вопроса в целом, так как эта республика включает в себя лишь треть всех имеющих в Советской республике башкир. Самым правильным разрешением татаро-башкирского вопроса как с политической, так и с естественно-исторической и социально-экономической сторон является создание для них общей Советской республики, объединяющей вместе татаро-башкирский пролетариат; в состав республики входят губернии: Уфимская, Казанская и прилегающие к ним части с татаро-башкирским населением – Самарская, Симбирская, Вятская и Пермская. Татаро-башкирский вопрос является назревшим вопросом национальной политики Советской республики, требующим немедленного своего разрешения. И исходя из принципа самоопределения наций, декларированного Конституцией РСФСР, Всероссийскими съездами Советов и VIII съездом РКП(б)...., съезд признает необходимым: 1) Осуществить положение Совнаркома о Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республике в границах, исключаящих автономную Малую Башкирию. 2) Вопрос о включении в Татаро-Башкирскую Советскую Социалистическую Республику автономной Малой Башкирии оставить на разрешение пролетариата самой Малой Башкирии. 3) Осуществление постановления съезда возложить на особый ревком, выделяемый настоящим съездом по соглашению с ЦК РКП (б), поручив последнему созыв Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской Республики»³.

Характерно, что если татаро-башкирские национальные лидеры высту-

пали за создание такой автономии, то сталинское руководство, наоборот, развернуло борьбу против нее. Этот вопрос неоднократно становился предметом обсуждения на различных партийных и советских форумах, для его окончательного решения была создана даже особая комиссия. Он фактически исчерпал себя в ходе многочисленных согласований и аппаратной политической игры зарождающейся партийной бюрократии. Но к этому времени изменилась и общественно-политическая обстановка в стране, широкая общественность уже не могла открыто выставлять свои требования по вопросам реализации национальных интересов народов. Инициатива в вопросе национально-государственного строительства полностью перешла к советскому руководству. В апреле – мае 1920 г., в период обострения военного положения на Западном фронте (в ходе советско-польской войны), в Совнарком РСФСР состоялось специальное заседание под председательством В.И. Ленина (с участием И.В. Сталина) с представителями местных партийных и советских организаций по вопросу образования Татарской республики. Во время заседания некоторые представители русскоязычного казанского губернского руководства выступили против образования отдельной Татарской республики, доказывая, что среди татар нет выдержанных и идеологически подготовленных коммунистов, которым можно было бы доверить власть в автономной республике. Они считали, что образование Татарской республики при таких условиях поведет к плохой работе и распаду советского и хозяйственного аппарата. В апреле 1920 г. председатель Казанского губернского исполкома Советов И.И. Ходоровский, секретарь Казанского губкома РКП (б) Г.С. Гордеев и председатель губернского совета профсоюзов А.И. Догадов лично посетили В.И. Ленина, чтобы выразить протест против планов образования Татарской автономии. Но, несмотря на их возра-

жения, большинство участников этого заседания высказалось за создание отдельной Татарской республики.

4 мая 1920 г. совместным постановлением Политбюро ЦК РКП (б) и Совета Народных Комиссаров РСФСР была создана правительственная комиссия для разработки вопроса об образовании Татарской республики, установления ее границ. 27 мая 1920 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР издали декрет «Об образовании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики». ВЦИК постановил образовать Татарстан на территории, объявленной положением о Татаро-Башкирской республике. В действительности не только территория Малой Башкирии, но и Краснококшайский, Чебоксарский, Цивильский, Ядринский уезды Казанской губернии, Уфимский, Бирский и Белебеевский уезды Уфимской губернии, указанные в положении о Татаро-Башкирской республике, остались за пределами Татарской АССР. Что касается Белебеевского и Бирского уездов, этот вопрос тогда оставался открытым до всенародного референдума населения этих двух уездов. Вероятно, это было очередной тактической уловкой советского руководства. В конце 1922 г. Уфимский, Бирский и Белебеевский уезды с преобладающим татарским населением численностью около 800 тыс. человек были переданы в состав Башкирской АССР и таким образом была создана Большая Башкирия. В результате в Башкирской республике оказалось больше татар, чем башкир. Причем не власти отказали населению этих уездов в проведении референдума.

В результате произвольного установления границ Татарстана и искусственного расчленения татарского народа в его состав не вошли даже те уезды с компактным проживанием татарского населения, которые составляли сплошную территорию с вновь образованной республикой: Белебеевский уезд с населением в 671 тыс. человек (из них 62% татар и 4,5% башкир), Бирский уезд с населением в 626 тыс. человек

(из них 55% татар и 4,4% башкир)⁴. Известный татарский политический деятель и писатель Шамиль Усманов, касаясь решения вопроса о границах республики, отметил большую значимость Белебеевского и Бирского уездов для Татарской республики, нежели для Башкирской автономии.

Таким образом, сталинское руководство очередной раз проигнорировало национальные интересы татарского народа, за пределами Татарстана осталось более половины татарского населения европейской части России. Декретом об образовании ТАССР все проекты и предложения национальных организаций о границах и составе населения центральным руководством страны были целиком проигнорированы. Границы ее были проведены таким образом, что территория Татарстана составила 68 тыс. кв. км, вместо почти 130 тыс. кв. км по проекту Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и около 220 тыс. кв. км – Урало-Волжского Штата. В состав Татарской республики вошло лишь чуть более трети татарского населения Советской России (1459,6 тыс. из 4,2 млн.)⁵. В Татарской республике лишь около 50% населения составляли татары. Все это давало огромные возможности центральному руководству для вмешательства во внутренние дела Татарской АССР. Так завершился один из этапов затянувшегося процесса реализации этнополитических и этнокультурных интересов татарского народа: татары получили автономное образование с сильно ограниченными общественно-политическими правами и административными полномочиями.

С образованием в 1920-е гг. своей национальной государственности татары получили возможность реализовывать национальные интересы прежде всего в культурно-просветительской сфере. Впервые после падения Казанского ханства в 1552 г. татарский язык, наряду с русским, стал государственным. Быстрой реализации этнополитических интересов

татарского народа способствовали также политика коренизации государственных и общественных органов управления Татарстана, широкое введение в делопроизводство татарского языка.

Но вместе с тем с самого момента образования Союза ССР в 1922 г. в стране наблюдаются усиление имперских амбиций в отношении малых народов, а также чрезмерное давление Центра в лице коммунистической партии на автономии. Опираясь на традиционные дореволюционные постулаты имперской политики и определенные черты этнокультурной жизни малых народов послереволюционной России, советское руководство начинает формировать новые областнические формы территориально-административных связей и национальной государственности – «советское общежитие», отличное от традиционной ментальности и социально-семейных устоев этносов. Суть этой политики сводилась к тому, что интернациональные взаимоотношения между народами объявлялись первичными, а национальные интересы – вторичными. Этот оценочный момент стал своеобразным нормативным стандартом для советских автономий, коренные народы которых автоматически превращались в заложников большевистского правящего режима, «лояльных подданных» советской империи. В том случае, когда ситуация выходила за рамки принятых главных приоритетов советских вождей, то в ход пускался механизм политических репрессий. Так это было, например, с М.Х. Султан-Галиевым. Его борьба за суверенизацию политических и экономических интересов народов советских автономий сталинским руководством была расценена не иначе как очередной уклонизм от генеральной линии правящей партии. Именно тогда был организован первый политический процесс против национальных лидеров советских республик по сфабрикованным материалам – «дело Султан-Галиева», появился «грозный»

этнополитический ярлык «национал-уклонизм».

По своей ментальной сущности М.Х. Султан-Галиев не был противником советского строя, он выступал лишь против сталинского плана национально-государственного размежевания народов Советской страны, основанного на имперских принципах лозунга «разделяй и властвуй». Высказывая идею, что нельзя делить национальности по сортам, он одним из первых среди большевистских руководителей выдвинул идею суверенизации политических и экономических интересов народов бывшей Российской империи. М.Х. Султан-Галиев и его сторонники (А.М. Енбаев, К.Г. Мухтаров и др.), вышедшие из национального движения и сохранившие сильную этническую ориентацию, посчитали удобным случаем в период образования Союза ССР (1922 г.) заявить о повышении статуса автономных республик, прежде всего Татарстана. В частности, они предложили, чтобы существующие в составе РСФСР автономные этнические государственные образования также выступили в качестве соучредителей СССР. Таким образом, они стремились добиться уравнивания советских автономий в правах с союзными республиками.

Однако в условиях жесткой партийной дисциплины в высших органах власти РСФСР идея султангалиевцев встретила жесточайшую обструкцию. Попытки некоторых руководителей татарской и башкирской автономий добиться равного с Украиной и другими независимыми советскими республиками права участия в строительстве Союза ССР особое негодование вызвали у наркома по делам национальностей РСФСР И.В. Сталина. Он посчитал их предложения весьма нерациональными, даже вредными. По его мнению, «идя по этому неправильному пути, мы пришли к такому положению, в силу которого нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР специальный

русский ВЦИК и русский Совнарком, что привело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной, теперь и вредной ... Вот почему я полагаю, что субъектами, объединяющимися в союз, должны быть четыре республики: РСФСР, Закавказская федерация, Украина и Белоруссия»⁶. Конечно, предложения татаро-башкирских коммунистов были отвергнуты, а сами они причислены к буржуазным националистам, национал-уклонистам. Таким образом, М.Х. Султан-Галиев в 1920-е гг. одним из первых выступил против централизованного областничества, в защиту суверенных интересов татарского народа.

Отдельные попытки реализовать национальные и политические интересы коренных народов в Татарстане, республиках Закавказья и Средней Азии сильно настораживали советское руководство, поскольку они противоречили планам централизованного областничества, впоследствии стали стандартным поводом для репрессивных мер в отношении М.Х. Султан-Галиева, его сторонников в национальных республиках. Роспуск Наркомата по делам национальностей РСФСР и его организаций на местах в 1923 г. стал прелюдией для начавшегося процесса унификации суверенных национальных и политических интересов народов СССР. Таким образом, И.В. Сталин всем дал понять, что в Советской стране национальная проблема решена, остались лишь национальные отношения. После этого сталинское руководство приступило к целенаправленной ликвидации сторонников суверенизации национальных и политических интересов народов России. В ходе острой борьбы между татарскими политическими лидерами и сталинскими ставленниками в Татарстане постепенно замедлялись темпы и сужались формы реализации национальных интересов татарского народа, поскольку первые не смогли поставить надежный заслон последним и тем самым дали возможность «профессиональным по-

литикам» из Москвы подмять под себя татарское политическое руководство. В период «большой национальной чистки» в 1920-е гг. И.В. Сталин и его ближайшее окружение смогли определить основные приоритеты борьбы против суверенизации экономических и политических интересов татарского народа, уничтожили здоровые ростки национализма в Татарстане, превратив его из полудекompенсированного национального субъекта в республику областного типа. К тому же в 1923–1929 гг. была проведена масштабная ротация управленческих кадров в высшем политическом руководстве республики, в ходе которой смещались сторонники суверенизации национальных интересов татарского народа, а на их места для искоренения «национал-уклонизма» в татарской партийной организации активно привлекались управленческие кадры из других регионов Советской России. Все они ставились, как правило, на ключевые посты в правительство и Татарский обком РКП-ВКП(б). В течение короткого времени многие видные представители татарской политической элиты (Б.Х. Мансуров, И.К. Фирдевс, Ш.Х. Усманов, К.Г. Мухтаров, Р.А. Сабиров, А.М. Енбаев, Г.Г. Мансуров, И.М. Казаков, М.Ю. Брундуков, Х.З. Габидуллин и др.) были отстранены от руководства.

Сталинское руководство (конечно, при поддержке определенной части татарских руководителей) путем умелой манипуляции аппаратом секретариата и оргбюро ЦК РКП-ВКП(б) и постоянной ротации национальных руководящих кадров смогло превратить управленческие структуры Татарской республики в административно-политический институт управленцев-временщиков, готовых делать все под его диктовку. Современник этих чисток активный левый коммунист М.С. Сагидуллин, критикуя политику Центра, в одном из своих выступлений иронически заметил, что «национальная политика коммунистической партии очень хорошая, да, очень хорошая и все

должны ей подчиниться»⁷. Другой современник этих политических событий, председатель Совнархоза Татарской АССР Щербинин на заседании бюро Татарского обкома ВКП (б), состоявшемся 11 ноября 1927 г., по поводу национальной политики сталинского руководства заметил, что «... Хатаевич ведет линию на отрыв отдельных националов, искусственно сталкивая их лбами». Национальные коммунисты «... еще очень наивны и верят, что ЦК проводит правильную линию, а вот на местах искажают в целом в ряде вопросов решения предыдущих съездов, а в частности по национальному вопросу». «Всякая попытка националов к самостоятельному решению насущных вопросов всегда расценивается, как групповщина, и все предпринимается для того, чтобы их дискредитировать, а в результате оргвыводы и путевка в хубы. Сколько за это время сплавлено отсюда татарского актива, вы (имеется в виду ответсекретарь Татарского обкома ВКП (б) М.М. Хатаевич) об этом хорошо знаете»⁸. Таким образом, идейно-политическое противостояние между сторонниками суверенизации национальных интересов татарского народа и приверженцами усиления вертикали власти в стране завершилось полным подчинением политического руководства Татарстана Центру, Татарского обкома ВКП (б) Московскому обкому партии в 1930 г.

Даже после этого среди татарских лидеров не угасло желание борьбы за расширение этнополитического суверенитета Татарской республики. В 1930-е гг. в ходе обсуждения проекта новой Конституции СССР было вновь предложено преобразовать Татарскую АССР в союзную республику. Предложение отверг И.В. Сталин, заявив на 8-м (внеочередном) съезде Советов СССР 25 ноября 1936 г., что Башкирскую или Татарскую республику нельзя переводить в разряд союзных, так как они со всех сторон окружены советскими республиками и областями и им некуда выходить из состава СССР⁹. В

1937 г. была принята первая Конституция ТАССР, избран первый состав Верховного Совета ТАССР. В результате этих нововведений республика почти полностью потеряла свой политический и экономический суверенитет.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в период депортации мусульманского населения Северного Кавказа и Крыма, усилилось идейно-политическое давление на политическое руководство Татарской АССР: 9 августа 1944 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы Татарской партийной организации». Оно нанесло серьезный ущерб татарскому национально-государственному и культурному строительству. Продолжением этой политики стало навязывание татарскому народу теории о болгарском происхождении татар (Научная сессия АН СССР, 25–26 апреля 1946 г.). Дальнейшим шагом по пути централизованного областничества стало разделение Татарской АССР в 1952–1953 гг. на Бугульминскую, Казанскую и Чистопольскую области, которые были ликвидированы после смерти И.В. Сталина в апреле 1953 г.

В 1950–1980-е гг. представителями татарской научной и творческой интеллигенции неоднократно ставился вопрос о предоставлении Татарстану статуса союзной республики. В связи с возросшей активностью татарской интеллигенции и начавшейся реабилитацией жертв политических репрессий 1920–1930-х гг. в республике местное партийное руководство было вынуждено во второй половине 1950-х гг. пойти на ряд мер, способных разрядить национальную напряженность: в 1957 г. возобновила работу орфографическая и терминологическая комиссия по совершенствованию татарского языка; 21 мая 1958 г. пленум Татарского обкома КПСС принял постановление о национальной школе; было обсуждено состояние национальной

музыки; в октябре 1958 г. прошел 1-й съезд работников культуры и др. Самым знаменательным политическим и культурным достижением татарского народа в период «хрущевской оттепели» стала Декада татарского искусства и литературы в Москве (1957 г.).

Попытки добиться расширения политического и экономического статуса Татарстана были и позднее. Так, например, в 1967 г. в период празднования 50-летнего юбилея Октябрьской революции вновь зазвучала эта проблема. Эти попытки по расширению политического статуса и суверенизации национальных интересов народов республики стали исходной движущей силой для формирования нового этнополитического движения среди татар, которое в полную силу проявилось с началом горбачевской перестройки. Во второй половине 1980-х гг. провозглашение нового социально-экономического и политического курса в СССР вызвало заметные изменения в общественной и культурной жизни народов Татарстана. С провозглашением гласности и многопартийности резко активизировались неформальные национально-демократические движения; в республике начали создаваться различные национальные общественно-политические организации (Всетатарский общественный центр, «Иттифак», «Азатлык», «Суверенитет» и др.); началась идейная борьба за расширение суверенитета и изменение политического статуса татарской автономии. Неформальные организации сыграли важную роль в татарском национально-государственном строительстве, поднятые им проблемы были сформулированы как политические требования, которые затем легли в основу Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 г. В ней политический и экономический суверенитет Татарстана был провозглашен не от имени коренной нации, а от имени многонационального народа республики. В Декларации особо под-

черкивалось, что «Верховный Совет Татарской Автономной Советской Социалистической республики, *сознавая* историческую ответственность за судьбу многонационального народа республики; *свидетельствуя* уважение к суверенным правам всех народов, населяющих Российскую Федерацию и Союз Советских Социалистических Республик; *отмечая* несоответствие статуса Автономной республики интересам дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа; *реализуя* неотъемлемое право татарской нации, всего народа на самоопределение; *стремясь* создать демократическое правовое государство, провозглашает государственный суверенитет Татарии и преобразует ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику»¹⁰.

Смена внутреннего политического курса в стране в конце 1990-х – начале 2000-х гг., направленная на усиление политической и этнокультурной вертикалей власти в Российской Федерации, привела к усилению давления на народно-демократические институты и национальные интересы народов страны. В результате произошло возвращение к принципу «демократического централизма» времен СССР, когда основные вопросы социально-экономической жизни регионов решались в Москве. Это нашло свое отражение и в отмене выборности глав регионов России, и в приведении их «суверенного» законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации. По инициативе центрального руководства страны были опротестованы основные положения Конституции Республики Татарстан 1992 г., касающиеся политического и экономического статуса республики; ее основные законы были приведены в «соответствие» с общефедеральным законодательством. Население Татарстана лишилось возможности участия в выборах своего президента. Наряду с сужением политических прав рес-

публика в какой-то мере утратила экономическую самостоятельность и значительную часть налоговых поступлений, получаемых от продажи нефти и др. продукции. Возвращение к курсу жесткой властной вертикали вновь поставило народы Татарстана перед угрозой потери своей национальной и этнокультурной самобытности и нарастания ассимиляционных процессов в республике, особенно среди татарского народа.

Современное республиканское руководство активно содействует реализации национальных интересов народов Татарстана, применяя свои государственно-властные полномочия. Показательно и то, что Республика Татарстан оказывает государственную поддержку и содействие соотечественникам в сохранении самобытности, развитии национальной культуры и языка: ежегодно проводятся культурные мероприятия (фольклорные и песенные фестивали, федеральные Сабантуи и др.), научные и экономические форумы с

широким представительством татар из мест их компактного проживания. Все это в конечном итоге способствует реализации основных национальных интересов татарского народа.

Итак, в целом проблема реализации национальных интересов татарского народа является насущной задачей как для современных руководителей Республики Татарстан, так и для руководства Российской Федерации. Проблемы суверенизации национальных интересов как татар, так и других народов России решаемы. Однако их решение видится не в усилении вертикали политической и этнокультурной власти в России как важнейшего элемента государственно-правового суверенитета и целостности федерации, от которой уже недалеко и до возвращения к политике областничества, а на путях более уважительного отношения Федерального центра к суверенным интересам народов, населяющих нашу страну, и без очередных переключений унитаризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. НА РТ, ф.2461, оп.1, д.1, л.1–113.

² *Сталин И.В.* Выступление на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики // Сочинения. – М., 1951. – С.85–86.

³ 20 лет Татарской АССР (1920–1940). – Казань, 1940. – С.45–46.

⁴ Татарстан: веки истории. – Казань, 2010. – С.7.

⁵ Там же. – С.7.

⁶ *Сталин И.В.* Об объединении советских республик // Сочинения. – М., 1952. – Т.5. С.152.

⁷ ЦГАИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1098, л.168.

⁸ ЦГАИПД РТ, ф.15, оп.2, д.268, л.99.

⁹ Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С.40.

¹⁰ *Бухараев Р.* Президент Минтимер Шаймиев и модель Татарстана: Очерки политического творчества. – СПб, 2000. – С.45.

Аннотация

В современных условиях развития многоэтничного российского общества особую актуальность приобрела проблема реализации национальных интересов народов Российской Федерации, в том числе татар. В статье рассматриваются основные этапы движения татарского народа за реализацию своих этнополитических и этнокультурных интересов: конец XIX – начало XX вв.; 1917–1920-е гг. и 1990-е гг. В ней особое внимание уделяется системному анализу процесса создания татарской национальной государственности.

Ключевые слова: татарский народ, национальные интересы, национальная государственность, национально-культурная автономия, национально-территориальная автономия, политический статус Татарстана.

Summary

The realization of the national interests of the Tatars has become urgent in modern conditions of the development of the polyethnic Russian society. The article deals with the main stages of the Tatar people's movement for the realization of their ethnic political and cultural interests: the end of XIX – the beginning XX c.; 1917–1920-s and 1990-s. Special attention is paid to system analysis of the creation of the Tatar national statehood.

УДК 821.0

ХУДОЖЕСТВЕННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СНОВИДЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX в.¹

В.Р. Аминева, кандидат филологических наук, доцент

В произведениях татарских писателей начала XX в. (Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Ш.Камала, Г.Рахима) сны выполняют сходные функции: являются средством самоуглубления и самоанализа; откликом на непосредственные впечатления; способом психологической индивидуализации характеров; предваряют последующее развитие сюжета и приобретают прогностическое значение. Анализ идейно-художественной функции снов и видений открывает в творческом методе татарских писателей тенденцию к синтетическому и универсальному воспроизведению действительности, к мифологическому удвоению и сакральному углублению мира.

Форма сна занимает особое место в художественном мышлении писателей начала XX в., что обусловлено предельной активизацией внимания к бессознательному, его взаимодействию с сознанием и самосознанием личности, обострившимся интересом к «окнам в другую реальность». Писатели не только формируют обширное функциональное поле онейрических элементов в художественном тексте, но и экспериментируют с различными способами их воплощения.

Например, первый сон Марьям в романе Г.Ибрагимова «Молодые сердца» превращается в реальность, это апока-

липтическая программа всего романа. Это концептуальный сон: в нем звучит мотив, мифологическое значение которого символизирует вселенскую катастрофу, разрушение и гибель упорядоченного космоса, торжество над ним хаотических сил: «Менә, менә тагы бер... ике... күп булса, өч минут кына үтсен – көтелмәгән бер афәт чыгар да, бөтен дөнья жире, күге белән буталыр; һәммә нәрсәнең асты өсткә килеп, барлык жан ияләре артык дәрәжәдә мөдһиш булган гомуми үлем тарафыннан берьюлы жотылыр; бер минутта бөтен кяинат ниһаясе булмаган юклык караңгылыгы диңгезенә әверелер кеби тоела. Шул вакыт ерактан, бик ерактан, әллә кайдан түбәннән, ниһаясез караңгы вә тирән һавиянең нәкъ төбәннән килгәнгә охшап, бер тавыш ишетелә башлый»¹. В составе образного комплекса, рисующего картину солнечного затмения, присутствуют следующие компоненты: превращение светлого в темное, смена упорядоченности хаосом, покоя и равновесия – беспокойством и неустойчивостью, резкость, внезапность наступления перемены.

Природная аномалия имеет два измерения: космическое и психологическое. Солнечное затмение, угрожающее мирозданию и жизни, вносит в мировосприятие человека страх, рас-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406-а / В / 2010.

терянность и оцепенение: «Хэйрәттән гақыллар эшләмәс, күзләр аермас булды... Адәмнәр гүя юлларыннан шаштылар. Һәркем баскан жирендә катып калды... <...> Адәмнәр үзләре курыкмыйлар да, ләкин һичбер нәрсә аңламыйлар – гүя жан вә миләрен хэйрәт ташкыны басты, гүя ниндидер бер явыз кул аңларның миләрен суырып алган да, анда ниһаясез аптырау куәсенә башка һичбер нәрсә калмаган... Дөнъяның караңгылыгы куәтләнә, куркыныч арта бара шикелле...»². Раскрывая негативную символику солнечного затмения как понятия в равной мере космического, конкретно-исторического и обобщенно-психологического, А.М.Саяпова выявляет экзистенциальный подтекст социально-философской концепции писателя: «Образ затмения порождает образ странного мира, в котором господствует страх перед пугающей темнотой («куркыныч караңгылык»). Результатом страха стали безумие и слепота, приведшие к тому, что люди стали сбиваться с дорог своих, застывать «столбами» и т. д. <...> затмение – причина той злой силы, которая лишает человека сознания, повергая его в состояние оцепенелого недоумения-покая перед открывающейся пустотой, устрашающей бездной жизни времени катастроф»³.

Особенно важны переходы от темноты к свету, а затем вновь к холоду и мраку. Голос, доносящийся откуда-то снизу, из бездны, вначале чужой, тревожный и настолько страшный, что готов пронзить сердца насквозь, оказывается призывом муэдзина к молитве. Столб, тянущийся ввысь, к небу, превращается в минарет мечети, разрывающий тьму. Сон выстраивает такую модель мира, в которой эксцессы и аномалии сводятся к норме, фиксируются в качестве закономерностей. Эту модель структурируют принципы цикличности и центрированности. Принцип цикличности реализуется в чередовании света и тьмы, верха и низа, бездны, пропасти и возвышенной

области неба, луны – полярных противоположностей с сильным полем напряжения между ними. Во всех темах, связанных с иерофаниями луны (периодического перерождения; Времени и Судьбы; перемен, отмеченных противопоставлением Света и Тьмы или равновесием между бытием и небытием, возможным и подлинным), М.Элиаде выделяет в качестве господствующей идею ритма, «воплощающегося в последовательности противоположностей»⁴. В татарской литературе образ луны поэтизирован. Он восходит к мифу о Зухре, которая, терзаемая жестокостью мачехи, просит у луны избавления от страданий. Луна отвечает на мольбы девушки и забирает ее к себе. Проблематика этого светового образа в данном тексте состоит в синтетическом его характере, объединяющем в себе сочувствие и равнодушие, способность к сопереживанию и бесстрастность, свет и холод, эмоционально-чувственное и интеллектуальное начала: «Ул тулган; үзе бик зур, бик ерак, бик артык матур вә хыялый төстә нурлы, ләкин бу нурда вә бу югарылыкта мөлаямәт вә иркәлектән бигрәк кибер катыш салкынлык бардыр шикелле тоела. Ул, бер генә минутка суык вә һавалылыгын азайтып, сәждәдән калыккан адәмнәргә бер генә, тик бер генә мөртәбә, сөеп, иркәләп карый да калын катлаулы кара болыт артына кача»⁵.

Вместе с тем важна и центрированность созданного образа мира. Луна восстанавливает привычный жизненный ход и защищает человека от враждебных сил бытия: «Ләкин күңел ышанмый – бу чынлап та ай булдымы, әллә тәңренәң тәжәллисе идеме? Шуннан соң теге куркыныч тәмам югалып, дөнъя үзенәң табигый хәленә төшә, адәмнәр дә, гади төннәрдәге кебек, үз юлларына китәләр»⁶. Луна – традиционный образ, означающий манифестацию божественной сущности. Таким образом, созданная во сне картина мира сугубо архитектурна: устойчива, не случайна, провиденциально

завершена. В этом миропорядке ничто не может быть вполне суверенным, инициативным, свободным от сверхличной мотивировки.

В этом эсхатологическом сне конструируется мифологическая вселенная с присущими ей магическими зависимостями и мистическими сопричастностями, связующими действие человека и всеобщий природный ритм, становление или распад миропорядка. Марьям видит рядом с собой человека, с которым шла по длинному и узкому тупику. Это был ее муж Фахри – человек, которого она не любит и к убийству которого готовится. Негативно-магический аспект пересечения макро- и микрокосма воплощается в преступлении, совершаемом Марьям: «Фараз итегез, тәңренен үзеннен әмер килде: сез хәзерге минутта бөтен дөнъянын язмышын үзгәртәчеге ачык мәгълүм булган бер зур эшне башкарырга тиешлесең; менә бер бармагыңызны гына кыймылдатыңыз, хәзер теге зур эш эшләнер, теге мөдһиш нәтижә мәйданга килер...»⁷. В данной системе значений становится понятной таинственная связь между убийством Фахри и предшествующим этому событию потрясению основ бытия. В конце романа Фахри действительно убивают, но это событие не восстанавливает утраченную упорядоченность мира, а лишь подытоживает тему отпадения от целого, устранения персонажа из круга положительных культурных ценностей.

Итак, во сне задается существенная для всего романа антиномия «жизнь – смерть», вернее – насильственное уничтожение жизни. Детали (портретные, психологические, пейзажные), реплики, жесты героев изображаются как приметы кризисного состояния действительности, элементы негативно-деструктивных процессов, угрожающих мирозданию и жизни. Так, в глазах Марьям горит огонь, питающийся бессознательным и инстинктивным и обладающий разрушительной силой, руки дрожат, во всей внешности про-

ступает что-то ужасающее («бөтен торышына коточыргыч бер төс чыгып, таный алмаслык бер кыяфәт ала»). В характеристике Фахри используются мотивы холода, льда, указывающие не только на эмоциональную пустоту, но и на качества, несущие в себе смерть.

Сложным символом, вбирающим в себя мотивы ужаса, тьмы, преступления, смерти, становится железо. Оно играет в романе Г.Ибрагимова аналогичную негативно-деструктивную, танатологически ориентированную роль, становясь орудием преступления, символом смерти. Во сне Марьям убивает мужа из револьвера, который дали ей незнакомые люди. В другом сне Марьям железо приобретает форму ножа – орудия убийства: «... ул адәм Фәхри булды да, кулындагы зур пычагын ялтыратып, буларга таба атлый башлады. Булар икәү имеш, якындагысы Зыя имеш... Мәрьям, теге пычаклардан куркып, Зыяга таба: «Абау, харап булдык, безне үтерә...» – дип ташланырга өлгермәде, Зыя урыныннан сикереп торды да, кунычыннан зур пычак чыгарып, Фәхригә каршы килде»⁸.

В образ мира, который создается во сне, входят и высокие вечные ценности – красота и любовь. Во второй части сна, построенной по контрасту с первой, возникает высшее и идеальное пространство, заполненное божественным светом: «... көнме, төнме – аерыр хәл юк; дөнъя башка һичбер вакытта булмаган хыялый төсле нур белән тулган. Күк аяз, ачык һәм бик ерак булып, анда карасаң, күз камашырлык, адәмнең йөрәген бер минутта илаһи куәт илә тутырып, рухыңны яндырган гыйшыкка чыдый алмый, сәждәгә китәрлек жәмал балкый»⁹.

«Световые» мотивы воплощают неоплатоническую и религиозно-мистическую традиции метафизики света: «Так, примерно с IX века в арабоязычной философии, в мусульманском неоплатонизме в особенности, утверждается монистическая теория «божественного света» (по-арабски «ишрак»), согласно которой творец пе-

редает светоносную энергию сначала Мировому Разуму, через него Мировой Душе, а затем природе и вещам»¹⁰. Свет как средоточие божественной энергии снимает универсальную поллярность неба и земли, дня и ночи, стирает различия между материальным и идеальным.

С одухотворяющей природой света связано понятие красоты: «Красота есть не просто мера приобщения «вещи» к ее объективным истокам, но, прежде всего и по преимуществу, символическое отражение субстанциального качества Бытия как такового и сущности Бога»¹¹. С точки зрения восточного менталитета гармония составляет фундамент Мироздания, и человеку следует только сопрягать свою жизнь с законами космического совершенства, расширяя сознание, открывая в себе вселенский свет.

И в Зые, как и в окружающем мире, заложена некая врожденная светоносность, «лучезарность», делающая его причастным не только к гармонизированной эстетике космического порядка, но и к тайнам бытия: «Аның зур күзләре тирә-якка нур чәчеп туктаусыз елмаялар. Ул әүвәлге Зыя, ләкин бүген аның матурлыгы арткан, бөтен торышы нурга чолгангандай тоела»¹². Зыя и Марьям попадают в удивительно прекрасный сад с необыкновенными деревьями, шелковыми травами, ало-розовыми цветами, типологически близкий райскому саду. Сад в мышлении мусульман «олицетворял собой Мир, вбирая в себя всю тайнопись прошедшего, настоящего и будущего времени»¹³. Согласно исследованиям исламоведов, историческая судьба человека по велению рока должна обрести свою полноту и завершенность в исходном для него пространстве рая, т.е. там, где и была начата история человечества. Верующему человеку, совершившему однажды «путь нисхождения», предстоит проделать обратный путь – «путь восхождения»¹⁴.

Под воздействием божественного света герои лишаются земной тяжести

тела и приобретают воздушную сущность, дающую способность к вознесению: «Зыя белән Мәрьям шуларның уртасыннан баралар. Аяклары жиргә әллә житә, әллә юк; гәүдәләре жиңеләйгән; гүя һавада тора алалар кеби, гүя шул чәчәкләр өстеннән, шул нур дингезендә йөзеп барган кеби йөриләр»¹⁵. Пространство сада, заключенное в метафизической глубине мироздания, оказывается тем локусом, в котором Зыя и Марьям обретают счастье и единство: «Күңелләре әллә кая, әллә кая ашкына; телләр сөйләми, һәм аңа ихтыяж да юк. Чөнки бүген шул дәрәжәдә якынлашканнар ки, бер-беренен йөрәкләрендә булган хиссиятне сүзсез үк аңлыйлар»¹⁶. Образ сада имеет символическое значение единения с Абсолютом, постижения истины: «Последним этапом постижения является путешествие по четырем райским садам, последний из которых (Сад Сущности) объединяет мужской и женский принципы, но уже в состоянии взаимопреодоления и снятия противоположностей»¹⁷.

Идея гармонического мира, примиряющего противоположности и включающего в себя микрокосм как человеческого существования, так и природы, воплощается в образе шатра: «Ул бундый нәрсәне күргәне булу түгел, әкиятләрдә дә укыганы юк иде. Чатыр тыштан кечек булса да, эче бөтен бер дөнья: анда бар ниһаясез зур дингез; ул дингезнен әллә кай бер жирендә канатларын каерган пароходлар йөри; жир йөзөндәгегә бер дә охшамаган матур кошлар оча; әллә кай бер жирендә, матур агачлар уртасында, тәннәре нурдан яратылганга охшаш чибәр хатыннар су керәләр. Булар, әлбәттә, жир хатыны булмас, булар йә пәриләр, йә хурилар булыр. Чатырның бер ягында баягыдан да гажибрәк төсле нурга болганган чәчәкләр гөрләп утыра. Шулар уртасында тәхеткә охшаш бер урын бар»¹⁸. Значение шатра как устойчивого образа Храма и небесной скинии, который определяет архитектурную, изобразительную и духовную

деятельность мусульман, раскрывается в исследованиях Ш.М.Шукурова: шатер, введенный в художественное сознание как нечто идеальное, родовое и возможный объект сравнения и уподобления, является архетипом Каабы и истинного, небесного Храма, т.е. Дома Бога¹⁹.

О.Х.Кадыров обратил внимание на два плана образа шатра в романе «Молодые сердца»: «Первый план этого образа представляет собой продублированный идеальный мир, который с привлечением новых деталей предстает как более маняще-прекрасный. В другом плане этот образ воспринимается уже не просто как материально осязаемая внешняя оболочка, которая окружает героев, но и как некая идеальная сфера, идеально-гармоничский мир, абсолютно соответствующий устремлениям прекрасных и чистых сердцем Зыи и Марьям. Не случайно, предназначенная для двоих, сфера шатра одновременно вбирает в себя «идеально законченный мир» («бөтен бер дөнья»), многообразие его красок»²⁰. На религиозно-метафизический смысл, который приобретает топос шатра в аксиологическом контексте арабо-мусульманской культуры, настраивается «психологическая реальность» проекции внутреннего опыта («мечты»). Мир идеала несет полноту ощущений, чувства счастья и гармоничности бытия.

Выстраивается символический ряд: море, крылатые пароходы, женщины, тела которых сотканы из лучей, сказочные птицы, цветы, излучающие свет, наконец, трон, на который восходит ставшая в эту минуту прекрасней гурий Марьям, молитвенно преклонивший перед ней, ее красотой, обладающей божественной силой, колени Зыя – это элементы структуры мироздания, объединенные в одно неразделимое и иерархически упорядоченное целое. Соприкосновение божественного духа и праведной души выражается во вдохновенном, интуитивно доверчивом, целостном эмоциональ-

но-нравственном восприятии красоты мира.

Символика тронной сцены связывается с универсальными мифологическими представлениями о «центре мира». Как сакральный центр позитивно отмеченного пространства, средоточие высших духовных ценностей, трон ориентирует повествование по оси «верх – низ», соединяя явное и тайное, материальное и духовное, мир земных и небесных форм, человеческое и божественное. Репрезентируется, таким образом, вертикальная модель мира, семантически обусловленная логикой бинарных оппозиций аксиологического и этического характера.

Однако тронную сцену сменяет падение в пропасть, погружение в бездну черного хаоса. «Ләкин бу хәл озакка бармады: <...> бөтен тирә-як кара пәрдә илә чолганьп, чәчәкләр кара көйде; дөнья, теге хыялый төсле нурдан язып, кара корымдай бер сый-фатка керде; һәм шул минутта Мәрьям туташ, астындагы тәхетнең каядыр китеп, үзенең, зур куәт илә атылган таш рәвешендә, ниһаясез тирән вә карангы һавиянең төбенә таб ирексез төшөп барганын хис итте»²¹. Во сне мы видим доведенную до предела психологическую напряженность духовного мира героини.

Сюжет сна не просто повторяет извечный природный ритм смены света и тьмы, космоса и хаоса, добра и зла, жизни и смерти. В нем отображается состояние мира в преддверии больших потрясений, на грани краха и уничтожения. Редкие проблески света – только мираж, тут же тонущий во мраке. Сон наполняется историческим содержанием, осмысленным в философско-экзистенциальном ключе.

В фантастическом двойном сне Марьям запечатлены катастрофическое восприятие действительности, сугубая конфликтность бытия, резко обострившееся чувство зависимости от враждебных человеку субстанциональных сил, метафизического зла. На фоне сна и в сопряжении с его мотивами мно-

гие сюжетные события – разлука Зыи и Марьям, замужество Марьям, гибель Зыи – начинают восприниматься как глубоко закономерные. Образы и мотивы сна, проецируясь на окружающий контекст, намечают перспективы символической интерпретации центральных коллизий произведения. Первый сон Марьям предваряет и сам тип повествования в романе. Два плана сюжетного развития – личный (линия Зыи, Марьям и Фахри) и исторический (линия национальной и мировой истории) параллельны, тесно связаны друг с другом и входят в третий – план философского обобщения. Целостность художественного изображения дисгармонии, постижение общего смысла эпохи предполагают возведение частного, эмпирического к универсальному и всеобщему.

Характерная черта творческого метода Г.Исхаки состоит в том, что моменты, когда человек оказывается перед выбором, сопровождаются или предвосхищаются снами, кошмарами, подсознательными душевными движениями. В ночлежке для бедных героиня романа «Нищенка» видит кошмарный сон, в символических образах которого сопрягаются пророчества о перепутьях национальной судьбы и перипетиях жизненного пути героини. Ей снится, что вода, по которой она плыла вместе с родителями на корабле, превращается в песок. «Менә парашут бара торган су бик киң, имеш. Бик киң менә ул су түгел, имеш, кыр, имеш. Парашут туктады. Һәммә яктан ком чорнап алган, имеш, халыклар шул комнан китәләр, имеш. Менә Сәгадәт тә шуннан ките, имеш. Этиләре ни өчендер калдылар, имеш»²². Вода, ставшая песком, означает разрыв с привычным пространством жизни: возврат в старое невозможен, а устремление в неизвестность – неизбежно. Оставшиеся на пароходе, символизирующем безвозвратно утерянную прошлую жизнь героев, родители Сагадат вскоре умирают.

Замкнутый, устойчивый, структурированный *spatium* парохода сменя-

ется открытым, неупорядоченным, необжитым и тревожным пространством поля, символика которого обеспечивает интенциональное позиционирование горизонтальной перспективы модели мира. Сагадат выводится из привычной обстановки и попадает в новые условия жизни. Освоение социально-исторического пространства своей страны приведет к расширению кругозора героини.

Сагадат кажется, будто ее пытаются ужалить змеи и наступают поля чертополоха – традиционного символа греха и печали: «Ком арасында еланнар выжвыж итеп моны чагарга киләләр, имеш. Менә бара-тора Сәгадәт ялгыз гына калды, имеш. <...> Менә матур чирәм. Алай булса да, әллә нинди шайтан таяклары сирәк-сирәк кенә бар, имеш. Бара-бара барган саен шайтан таягы күбәя, имеш. Бервакыт һәммә ягы шайтан таягы булды. Шайтан таягыннан башка бернәрсә дә юк, имеш. Шайтан таяклары монарга килеп ябыша башладылар. Сәгадәтне чәнчә башладылар, имеш»²³. В змеях, олицетворяющих зло, обман и искушения, воплощаются угрозы, исходящие от враждебного мира. В некоторых мифологиях образ змеи связан с прохождением через ситуацию временной смерти, за которой следует символическое рождение в качестве нового человека. Впереди Сагадат ждут тяжелые испытания, беды и несчастья. Она одна противостоит внеположной ей субстанции мирового бытия.

Сны в романах Г.Ибрагимова и Г.Исхаки «предвосхищают» последующие события, открывая область таинственного, ирреального, инобытийного, и являются, таким образом, способом конструирования двоимирия. В произведениях татарских писателей прогностическая функция снов связана с идеей предопределенности судьбы человека, восходящей к религиозному учению – теологическому фатализму. Сны не только раскрывают скрытое, потаенное в душевном мире героев, но и являются знаками трансценден-

тного. Они нередко оказываются исходным пунктом для достижения того, что происходит с героями в реальной действительности. Сны выступают в роли посредников между двумя планами бытия, предельно разводят их и в то же самое время максимально сближают. Смысл, который открывается в функции снов и в их телеологии, усиливает внутреннее смысловое единство произведений, принадлежащих одной национальной традиции, через акцентирование доминантных аспектов их проблематики.

Эстетическую функцию формы сна, разрушающего единство изображенной жизни и эпическую целостность человека, и его роль в создании вероятностного, неопределенно-множественного статуса субъекта и его судьбы определил М.М.Бахтин: сон «вводится именно как возможность совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо как «мир наизнанку»). Жизнь, увиденная во сне, остранивает обычную жизнь, заставляет понять и оценить ее по-новому (в свете увиденной иной возможности). И человек во сне становится другим человеком, раскрывает в себе новые возможности (и худшие, и лучшие), испытывается и проверяется сном»²⁴.

Структурно-смысловая интерпретация снов, получившая развитие в работах В.Н.Топорова, выявляет познавательный потенциал онейросферы. Согласно этой концепции, сновидения образуют символическую систему, включающую в себя бессознательное и архетипическое как психический опыт самобытия. В свете теоретически обоснованного «антропного принципа», предполагающего взаимную адаптацию человека и вселенной, дана характеристика функциональной семантики сновидений²⁵.

В произведениях Г.Ибрагимова и Г.Исхаки дана глубокая характерологическая разработка сновидений. В романе «Молодые сердца» сны являются одним из способов психологического

анализа моральных основ характеров героев. После убийства старика-сторожа Марьям и Зыю мучают страшные сны: «Гүя энә шул таш өйнен бер почмагы ачылыр да, кәфеннәрен өстерәп Хажи карт килеп керер... яисә анын, белмим, каяндыр авыр ынгырашулары ишетелер кебек тоела иде. Төшләрдә дә бик борчыды. Мәрьям аны ничә мәртәбә кәфене белән килгәнән күрәп, куркып уянды. Мондый вакытта ничә көннәр авырып та йөри иде. Зыя бервакыт шундый төш күрдә. Зур бер су. Шунда бик калын баганалар өстендә зур күпер. Ләкин һичкем йөрми дә, йөргәнгә охшамый да. Шул күпернен астына караса, ниндидер бер мәет ята. Хажи картка охшый кебек, юк та кебек... Ул, ни эшләргә белмичә, арткамы, алгамы атларга аптыраган минутта, хода белсен, кайдан, әллә тирә-якның караңгылыгынан оешып, шунда бер күлгә ясалды... Менә шул күлгә ката бара, калыная бара. Менә ул куе караңгылык эчендә һич селкенми торган бер сурәткә әйләнде... Үзе кап-кара... Ялтыр күзләре гел мона карап торалар... Менә анын бер кулы күтәрелде дә әүвәл теге мәеткә таба ишарә кыйлды, сонра мөдһиш вә куркыныч күзләрен әйләндереп, Зыяга бармак белән яный башлады...»²⁶.

Сновидение фиксирует тяжесть душевного состояния человека, совершившего преступление. Не дающие Зыю покоя чувства вины, укоры совести трансформируются в зрительные образы. Тень, возникшая из тьмы, превратившаяся затем в черный силуэт со сверкающими глазами и грозющим пальцем, перекликается с целым рядом символических мотивов, пророчащих катастрофу, нагнетающих атмосферу страха. Эмоционально-напряженное содержание сна – символическая параллель к пережитому героем сильному душевному потрясению. Повторяемость картин сна усиливает и акцентирует напряженность чувств Зыи, сосредоточенность на них, передает ту нравственную пытку, через которую он проходит. То, что произошло,

автор, безусловно, относит к переломному моменту в жизни Марьям и Зыи.

Внутренние перемены, произошедшие с героями, помогает понять следующее сновидение Марьям: «Яр буенда зур-зур кимәләр тора... Йа ходай, кимәләр түгел имеш, – кулларына әллә нинди нәрсәләр тоткан адәмнәр имеш... Ходаем, нинди куркыныч йөзләре: женнәр, пәриләргә! Абау, илаһым, бу ни эш, бу ни эш? Шулар куркынычлардан берсе үзенең зур, куркыныч, усал һәм кара күзләре белән бергүктә Мәрьямгә карап тора... Йа ходай, бусы ни тагы? Шулар куркыныч адәм һаман күзләрен алмый, гүя карашы белән аны ташка әйләндермәкче; ә үзе үзгәрә бара, үзгәрә бара, үзгәрә бара. Бу ни бу, төшме, өнме? Үзгәрә торгач, шулар адәм таныш бер кыяфәткә әйләнде. Гүя Мәрьям аны танып, ләкин кем икәне хәтеренә генә килми. Шулар дип уйларга өлгермәде, ул адәм Фәхри булды да, кулындагы зур пычагын ялтыратып, буларга таба атлый башлады»²⁷. Сон психологически обоснован, мотивируется предшествующими событиями и связанными с ними переживаниями: Марьям получает известие, что Зыю забирают в солдаты, не имеет возможности проститься с ним перед отъездом.

Качественное преобразование образов: лодки превращаются в людей, далее оказывается, что это не люди, а черти и ведьмы, Марьям узнает в человеке со страшным лицом Фәхри, – погружает ненавистного Марьям человека в мощный поток мифических ассоциаций. Но страшные, фантастические, апокалипсические проекции героя указывают на темные корни бытия не только в душе Фәхри, но и Марьям. В стихии сна обнаруживается неожиданная общность противопоставленных в романе героев – Зыи и Фәхри (у обоих в руках появляется нож, оба готовы совершить преступление), преодолевается установленное в романе различие их характеров, позиций, жизненных ролей и судеб.

Первый сон открыл Марьям то, что она не знала о себе, из второго

сна она приобретает знание о людях, с которыми тесно связана ее судьба. Обобщающая, интегрирующая повествовательная семантика сна обнажает деструктивно-пугающие глубины ночной души в каждом из героев. Зло, преступление становятся универсальным началом, объединяющим всех участников любовной драмы.

Разлука с Зыей воспринимается Марьям как катастрофа, крушение надежд на счастье: «Шуннан соң аны алып киттеләр. Мәрьям калды. Ул, актык мәртәбә күз карашты, Мәрьямгә өмитсезчә кул селекте: – Юк, булмый; өмит бетте!»²⁸. Регулируя понимание романа смысловым освещением его ретроспективы и перспективы, сон является смысловым сгущением ситуаций, которые повторяются в реальной жизни героев.

Из онейросферы в контекст обрамления переходит мотив неразличения сна и яви, материального и идеального, заряжающий все дальнейшее повествование и организующий романное пространство и время по законам сновидческой логики. После отъезда Зыи Марьям впадает в переходное состояние между сном и явью, состояние на пороге двойного бытия. Восприятие жизни как сна воплощается в «затемненности» сознания, неспособности к действию, непосредственному переживанию, адекватной оценке происходящего. Нейтрализуется противоположность добра и зла, любви и ненависти, красоты и безобразия; стираются границы между различными феноменами, их признаками и качествами. Память становится деструктивной, обманчивой, ирреальной: «Хәзер дә ачык хәтерли алмыйм: әллә өнемдә, әллә төшемдә мин сине күргәли торган идем. Ләкин бер дә әүвәлге кебек түгел идең, кыяфәтң дә, мөгамәләң дә башка иде: жә кайгылы күзләрең белән ерак бер жирдән миңа озак карап тора идең дә, шелтәнемә, өмитсезлекнемә аңлаткан рәвеш белән кул селкеп китә идең; жә булмаса, караңгы төндә, ерак тау башында тор-

ган сыман булып, әллә кайда, күз аермас, тавыш ишетмәс жирдә карангы пәрдә аша караган кебек кенә күренә иден дә, акрын гына артка чигенеп, ходай белсен, ниндидер кин, ерак булган мөбһәм хыял дөнъясына кереп югала иден. <...> Гомумән, миңа дөнъя әллә бар иде, әллә юк иде. Әллә тагы бөтен нәрсә юкка чыгып, анларны тик төштә генә күрә, яки әүвәлдә күргән эшләр хыял күгемдә, хәтеремдә генә урала иде...»²⁹. Равнозначность противоположных полюсов, их отождествление проявляются в позиции аксиологического безразличия: «мне все равно!».

Сон наяву подменяет жизнь и порождает иллюзию некоего автономного существования, воплощаясь в мотиве двойничества («я» и «не я»), противоречивого отношения к себе: «...Белмим, белмим, валлаһи, бернәрсә дә белмим: ничек ул эшләр булды да, ничек итеп мин бу хәлгә – түбәнгә төшә алдым?.. Мин ни белән дә булса сихерләндемме? Әллә ул көннәрдә башымны югалтып, гакылымнан язып йөрдөмме?.. <...> Син киттең – менә шуның белән бергә минем аңым үзгәрдеме, башыма икенче ми, күкрәгемә башка йөрәк куйдылармы, әллә хәтерем югалдымы? Ни дә булса булды, мин дөнъяны икенче төрле күрә башладым»³⁰. Брак с Фахри переживается Марьям как потеря своего «я», событие, сделавшее ее чужой для самой себя.

Как и во сне, течение времени нарушается. Подобно тому, как в момент сновидения человек может «прожить» гораздо более длительный период, чем собственно длится сон, так и в перцептуальном пространстве сознания героини короткий миг вбирает в себя достаточно длительное разворачивание событий: «Чынлап та, нидер булды бугай... Гүя туй диделәр, гүя миннән ризалык та сорадылар... Гүя кешеләр белән бергә мин дә көлдем, шатландым, хәтта Фәхри белән күрешүемне, ана кул биреп, сөйләшүемне, аның белән икәү калуымызны да безаз хәтерлим. Ләкин ачык белә алмыйм: ул өнемдә булдымы, әллә төш иде-

ме?»³¹. В рассказе Марьям о своем замужестве, являющемся своеобразным способом понять смысл произошедшего, воспроизводятся такие принципы организации снов, как прерывистость повествования, внимание к кризисным моментам, относительность времени и его векторная направленность.

Выход из ситуации полного оцепенения, апатии, бесстрастного автоматизма осознается как пробуждение, возвращение в здешнюю жизнь: «Уйгандым, уйгандым, инде чыннан уйгандым! Ходаем, ни күрим, ничек итеп бу каһәрәңә түзим? <...> Шулу вакыт, шулу халәт мине уйгатты; ләкин... ләкин, газизем, кашки мин уйганмам...»³². При этом остается неясным, прошлое или настоящее, ставшее невыносимым, считается сном: «Әйт, зинһар, әллә болар бар да төш кенәме, әллә Фәхри дә юк, мин ана кияүгә дә бармаганмын, – булар бар да йокы хыяляте яисә авыр саташулар гынамы?»³³. И далее: «Ни булса булгандыр, – анлар, бәлки, төштер дә. Ләкин хәзергесе хакыйкать иде: сызылып таң атканда, карангы катыш яктылы, хыялый төсле бүлмәдә, мамык мендәрләр өстендә мин Фәхринә куенында идем!»³⁴. Процесс перехода от сна к действительности вначале происходит на физически-витальном уровне и выражается в мотиве сердца, рвущегося из груди; далее распространяется на психически-экзистенциальную сферу. «Я» героини вновь обретает свой личностный статус, эмоциональная холодность сменяется полнотой чувств. Глубину страдания и остроту переживаний традиционно передают слезы. Мотив невыплаканных, тайных слез проходит через произведения Ф.Амирхана, Г.Исхаки, Ш.Камала. В данном случае слезы не приносят облегчения, напротив, они действуют как яд, причиняют нестерпимую боль: «Ләкин башка вакыттагы кебек бу күз яше үзе белән бергә минем йөрәгемдәге кайгыны чыгарып түкмәде, жанымә жинеллек, күңелемә жуаныч бирмәде, – бу яшь, бу яшь дәрәясы авыр иде, салкын иде;

моның һәрбер тамчысы үзе белән бергә жанның әллә нинди назик вә яшерен жирләрен өзеп, йөрәкне агулап ала иде...»³⁵. Прием психофизического параллелизма выявляет природно-естественную основу духовного перерождения героини.

Рефлексия и тематизация «двоемирья», «междубытия», слившихся воедино сна и реальности используются автором для создания различного рода приглушенных смыслов, мистических и фантастических ситуаций. Человек неотделим от иного, потустороннего мира, оказывающего на него энергетически-метафизическое влияние: «Бунда әллә нинди, адәм белми торган, серен, хикмәтен аңлау мөмкин булмаган нокталар бардыр. Юкса, мин, мин, үз ирегем, үз саулыгым вә башымның үз куәте бар чагында бундый хәлгә төшмәс идем... Ходай белә, бу бәхетсезлектә иблисенң үз бармагы, газазилнең соңгы мөһәрәтләре эш иткән, шулар мине китереп каптырган булыр... <...> Мин, чынлап укта, әүвәлге мөнәсәбәтләренң барын онытып, йөрәгемнең әүвәлге тойгылары ниндидер бер явыз кул белән юк ителгән иде. <...> Бу афәтләрне тудырган иблис мәлгуньнең каһәрле бармагы талды, явыз кулның сихри куәте төгәнде булырга тиеш ки...»³⁶. Категория причинности перестает действовать, уступая место отношениям, репрезентирующим тайны трансцендентного. Сквозь поверхность самосознания просвечивает темная стихия бессознательного. Устрашающее отождествление действительности и сна указывает на неподвластную разуму и воле человека хаотичность бытия, на predeterminedный свыше трагизм человеческого существования.

В романе Г.Исхаки «Нищенка» сновидения характеризуют личность героини в критические и поворотные моменты жизни. Так, после смерти отца, находясь в бреду во время болезни, Сагадат видит сны, в которых переплетаются мучительные впечатления последних дней и образы далекого

прошлого. В одном из сновидений возникают идиллические картины счастливого, гармоничного бытия: «Ул галәм!! Яшел чирәмнәр, матур ага торган сулар, киндер тукмаклау тавышлары өстенә сандугач тавышлары, жылы, әллә нинди жылы, бөтен тәнне, жанны рәхәтләндерә торган жылы...»³⁷. Красочность этой грезы и ее подчеркнутая привлекательность, желанность противопоставлены ужасающей нищете обитателей казармы, их бедам и страданиям.

Сагадат возвращается к истокам своей духовной жизни: в образах сна воплощено состояние незамутненного душевного покоя, отрешенности от суетных забот, свободной погруженности в мир красоты, единения с природой. Эта идиллия, согретая теплом взаимной любви и душевной близости, повторяет внешне знакомые Сагадат черты патриархального деревенского быта. Выявляя актуальный для личности в данный момент слой культуры, данная картина включает в себе всеобщий смысл: это идеал «утраченного рая», уходящий своими корнями в праисторические времена, в древнейшие формы человеческой общности. Образы сна (сад, соловей, цветы, прекрасный юноша), раскрывая страстную тоску героини о счастье, жажду иной жизни, символизируют полноту физического бытия – молодость, любовь, радость, наслаждения: «... әллә нинди бер бик матур егет качаклаган кебек була иде, аның кочагында бик рәхәт кебек беленә иде... <...> күнелгә рәхәт, имеш, сәгадәт, имеш, кайгы юк, имеш»³⁸.

Кризис нравственного сознания Сагадат отражает сон, в котором она выходит за метафизические пределы своей жизни – видит себя умершей: «Сәгадәт үлгән, имеш. Әтисе дә, әнисе дә бик кәефсезләр, бер-берсенә дә, моңарга да бер сүз дә әйтмиләр, имеш. Тагы шунда әллә нинди этләр моны талый, имеш. Кычкыруына, акыруына карамый, имеш, һаман талый, имеш»³⁹. Смерть во сне, являясь одним из видов

трансформации внешних и внутренних качеств человека, представляет собой символическое обобщение того, что произошло в домике для развлечения господ, – пороговой ситуации, момента не только телесного, но и духовного изменения. Сновидение иллюстрирует конфликтный характер переживаний Сагадат после сближения с Габдуллою: предельная душевная чуткость сочетается с острым непреодолимым ощущением своего нравственного падения, иступленным чувством женского стыда. Сагадат мучают мысли о том, что она уже не такая, как прежде, и родители осудили бы ее. Проснувшись, Сагадат ощущает себя человеком, потерявшим гармонию с внешним миром, утратившим веру в добро и справедливость. «Сәгадәтнең актык өмете өзелде. Бу минут анардан муллаларда тәрбияләнгән Сәгадәтнең актык йимешләре булган яхшылык, начарлыкка, һәм дә эшенә күрә жәза бирелүенә хәтта бер-бер гадел Алланың булуына ышануын тәмам алды. <...> Бу Сәгадәт хәзер өченче Сәгадәт иде. Ул хәзер һәрбер начарлыкны кылырга хәзер, һичберсендә гөнаһ, кешегә жәбер кебек нәрсәләр күрми иде»⁴⁰.

Г.Исхаки широко использует прием смещения сна с реальностью, ориентируя читателя на углубление в подтекст изображаемого. В гостях у Салихи абыстай Сагадат, оскорбляемая женами казанских баев, поднимается на защиту своего человеческого достоинства. Она бросает открытый и гордый вызов им: движимая жаждой морального реванша за испытанное чувство унижения, потребностью самоутверждения, произносит обличительную речь, в которой определяет главное в облике своих обидчиков – противоречие между внешним благообразием и бездуховной сущностью. Казалось бы, Сагадат готова выдержать любые испытания на своем пути к счастью. Но фальшивое общество мстит всем, кто взрывает его устои. Одинокое противостояние ему имело тяжелые последствия для Сагадат: она тяжело заболела и потеряла

ребенка. Находясь в бреду, не понимая, сон это или явь, героиня ощутила всю силу злобы, вражды и ненависти этих людей, стремящихся погубить ее, свою беззащитность перед волей судьбы: «Башына әллә нәрсә, бик авыр нәрсә, терекөмешме, чуенмы тутырган кебек булды, күз алдына әллә нинди озын-озын, зур-зур хатыннар күрүнгән кебек булды. Колагына баягы хатыннарын тавышы ишетелгән кебек, өстенә әллә кем баса, кыса кебек тоелды»⁴¹. Метаморфозы, происходящие с Сагадат во сне, содержат угрозу распада, диссоциации, потери собственного «я»: «Ул төшендәме, өнәндәме? Әллә кая аккан кебек, әллә кая киткән, очкан кебек булды»⁴². Однако этим процессам противостоит мотив полета, связанный с идеей постепенно обретаемой внутренней свободы: «Тагы әллә кайларда оча башлады. Тагы үзенә йоклаганыны, йокламаганыны аермас бер дәрәжәгә килде»⁴³. Так, проецируя на архаически-бессознательную сферу внутренний опыт героини, писатель раскрывает истоки и глубины ее личности.

Сновидения имеют итоговое значение и даются на повороте сюжета: обозначают переломные моменты в судьбе, выявляют противоречия характера на разных этапах развития. Кроме того, онейрические элементы своей тематикой и композицией участвуют в формировании тройственного модуса жизни, смерти и сна в романе Г.Исхаки.

Итак, сон представляет собой повествование, обнаруживающее в герое возможность иной жизни и иного человека; он утрачивает свою завершенность и однозначность, перестает совпадать с самим собой. Сон, подчеркивая причастность героев к вневременному и внепространственному миру, является «точкой» пересечения исторической, временной «горизонтальной» с «вертикальной» вечности. Он формирует особую пограничную зону, которая приближает человека к последней черте бытия и предельно обостряет его отношения с собственной жизнью и смертью, с

судьбой и т.д. Будучи приемом сокрытия, перехода от явного к тайному, от низшего к высшему, от феноменального к ноуменальному, сны разрывают ход эпического повествования по горизонтали и придают отношениям между персонажами вертикальную направленность, соединяя два различных мира: мир тленный и преходящий с миром идеальным и вечным. Мир горний, открываясь миру дольнему, переводит повествование с горизонтальной оси на вертикальную. Обращение татарских писателей к универсально-синтетичес-

ким формам и методам психологического изображения порождено сходной идейно-эстетической установкой – стремлением воплотить объективную объемность внутреннего мира человека, выявить стихийно-неустрашимые движения души; показать связь индивидуального сознания с основами национального бытия, природно-космическим целым, движением времени; утвердить приоритет духовно-внутренних потребностей и ценностей человека над материально-внешними, бытовыми и социальными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – Б. 7–8.
- ² Там же. Б. 7.
- ³ *Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе.* – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. – С. 70–71.
- ⁴ *Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ.* – М.: Ладомир, 1999. – С. 178.
- ⁵ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 9.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Б. 11.
- ⁸ Там же. Б. 222.
- ⁹ Там же. Б. 14.
- ¹⁰ *Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи.* – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – С. 15.
- ¹¹ *Шукуров Ш.М. Искусство и тайна.* – М.: Алетейа, 1999. – С. 47.
- ¹² *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 13.
- ¹³ *Шукуров Ш.М. Указ. соч.* – С. 167.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 14.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Шукуров Ш.М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция (Текст и иллюстрация в системе иранской культуры XI – XIV веков).* – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. – С. 87.
- ¹⁸ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 15.
- ¹⁹ *Шукуров Ш.М. Искусство и тайна.* – С. 96–105.
- ²⁰ *Кадыров О.Х. Роль Л.Н.Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: дис. ... д-ра филол. наук.* – Казань, 1996. – С. 273–274.
- ²¹ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 15–16.
- ²² *Исхакый Г. Эсәрләр. 15 т. Т.3.* – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б. 20.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.* – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 198.
- ²⁵ *Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы).* – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 176–177.
- ²⁶ *Ибраһимов Г. Эсәрләр. 8 т. Т.2.* – Б. 126.
- ²⁷ Там же. – Б. 221–222.
- ²⁸ Там же. – Б.222.

- ²⁹ Там же. – Б. 240–241.
³⁰ Там же. – Б. 239–240.
³¹ Там же. – Б. 241.
³² Там же. – Б. 241–242.
³³ Там же. – Б. 239.
³⁴ Там же. – Б. 241.
³⁵ Там же. – Б. 242.
³⁶ Там же. – Б. 239–241.
³⁷ *Исхакый Г. Эсэрләр.* 15 т. Т.3. – Б. 28.
³⁸ Там же. – Б. 28.
³⁹ Там же. – Б. 71–72.
⁴⁰ Там же. – Б. 73.
⁴¹ Там же. – Б. 176.
⁴² Там же.
⁴³ Там же. – Б. 186.

Аннотация

В статье раскрывается прогностическая функция снов в романах Г.Ибрагимова «Молодые сердца» и Г.Исхаки «Нищенка», их роль в постижении иррациональной глубины душевной жизни человека, способной к самоанализу и самопознанию, постижению как эмпирического мира, так и запредельного, «умопостигаемого» бытия. Проведенный анализ позволяет установить сходные черты в творческом методе татарских писателей начала XX в., стремящихся к синтетическому и универсальному воспроизведению действительности и сопрягающих единичное и всеобщее, эмпирическое и метафизическое, феноменальное и абсолютное.

Ключевые слова: татарская литература начала XX в., Г.Ибрагимов, Г.Исхаки, психологизм, бессознательное, художественный метод.

Summary

The article reveals the prognostic function of dreams in the novels of G.Ibragimov «Young Hearts» and G.Iskhaki «The Beggar», their role in understanding the irrational depth of the person's spiritual life, capable of introspection and self-actualization, comprehension of both the empirical world and the world beyond the limits, intelligible existence. The results of the analysis allow determining the similar features in the creative methods of the Tatar writers of early 20th century, who were seeking after synthetic and universal reproduction of the reality and after coupling the solitary with the general, the empirical with the metaphysical, and the phenomenal with the absolute.

УДК 398+391/395+2

МУНАДЖАТЫ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА У ТАТАР

З.М. Брусско, старший научный сотрудник

Мунаджат – находящийся на стыке фольклора и литературы лирический жанр, который тесно связан с мусульманской культурой. Он был весьма распространён в средневековой ирано- и тюркоязычной восточной литературе, пронизанной исламской идеологией, а также в находившихся под сильным влиянием татарской письменной поэзии и народной лирике. Мунаджат («монәҗәт») в переводе с арабского звучит как «мольба к аллаху», «словословие», «религиозный гимн, псалом» [1: 370]. Среди многочисленных по своей тематике мунаджатов особое место занимают мунаджаты, исполняемые во время ночных бдений, прощаний – проводов покойника. Они как часть похоронного обряда татарского

народа являются одним из важнейших источников реконструкции языческих представлений о смерти и загробном существовании.

По обычаю татар, покойника никогда не оставляют одного, особенно ночью, рядом с ним всегда находится кто-нибудь из родственников или соседей, чаще всего это женщины. Помещение, где он лежит, принято оставлять освещённым. Ночные сидения около покойника называются «саклау», т.е. «охрана». Во время этих сидений женщины в напевных мелодиях исполняют мунаджаты. В них от имени покойного оплакивается прошедшая жизнь, выражается тоска и печаль в связи с вечной разлукой с близкими, родными местами, домом:

Әжәл ширбәтен мин бер эчәрмен,
Якты дөнъядан мин бер китәрмен.
Якты дөнъяда торып туймадым,
Йөрөп туйсам да мин,
мәңге тормамын.
Авыр булса да дөнъя көтүе,
Авыр хәл икән ташлап китүе [1].

Шербет смерти испью когда-нибудь,
Белый свет покину когда-нибудь.
Свет белый не опостылел мне,
Если даже опостылеет,
вечно жить не буду я.
Тяжело на свете жизнь прожить,
А еще тяжелей покидать белый свет.

Смерть в религиозных песнопениях рисуется как нечто закономерное, безысходное, которую каждый должен принять как есть. В то же самое время

смерть – могущественная и страшная сила, не шадящая никого. Ей покоряются и бедные, и богатые, и молодые, и старые, и здоровые, и больные:

Үлем дигән ачы агуны
Берәү дә татымый калмый,
Үлем угын атар туры,
Берәү дә котыла алмый.
Берәүгә дә тиндәш кылмас,
Бу карт, бу яшь диеп тормас.

Смерть под названием горький яд
Все отведают без исключения,
Смерть стрелу нацелит прямо,
Никто не уклонится, не спасется.
Смерть со всеми поквитается,
Не посмотрит, стар ты, иль молод.

Көтеп тормас чакырганны,
Алып китәр үлем хәле.
Патшалардан идерә баш,
Батырлардан койдыра яшь.
Алып калмый арыш-талаш,
Алып китә үлем хәле [5: 30-31].

Такой же грозной силой предстает смерть и в русской фольклорной традиции, где она воспринимается как враг. Наступление смерти описывается в плачах как ее вторжение в дом, незванный приход злого гостя [2: 73], она называется «злодейкой», «душегубицей», которая не делает уступок, не

Буш үткәrmә гомеренне,
Якын дип бел үлеменне.
Кичәләрдә зикер әйтәп,
Тынычландыр күнеленне [6: 406].

Или:

Барасы жир – ерак юлдыр,
Ризыгыңны әзерли тор.
Карангы гүр куркыныч, тар,
Укы салават, юлдаш булыр
[6: 402].

В иносказательной форме («начинай себе пищу готовить») передается мысль о необходимости читать молитвы, вести благочестивую, богоугодную жизнь. Загробный мир, который рисуется в мунаджатах как «карангы гүр» («черная земля»), «тар ләхет» («тесная

И Ходаем, морадым бир,
Ике дөнъя теләгем бер:
Атам-анам илә безне кәткән
Жәннәткә ирештер [2].

Совершенно другой изображается в мунаджатах посмертная «жизнь» тех,

Кяфер булганнар утта янырлар,
Тәмуг эчендә мәнге калырлар [6: 468].

Особенно тяжелым и мучительным становится для таких покойников момент прихода двух могильных ангелов (Мөнкир, Нәкир). Они прилетают к могиле каждого умершего сразу

Не будет ждать, когда позовешь,
Заберет с собою смерть тебя.
Цари перед ней головы преклоняют,
Богатыри перед ней слезы льют.
Не отгородят от смерти споры, ссоры,
Придет за всеми когда-то смерть.

внимает мольбам и просьбам [3: 63].

Основополагающей, доминирующей идеей мунаджатов является призыв к чтению молитв, к раскаянию в грехах. Думать о смерти, готовиться к ее приходу человек должен всегда, в определенном смысле – в течение всей своей жизни:

Не проживай напрасно жизнь свою,
Знай, что рядом ходит смерть твоя.
Украшив молитвами вечера свои,
Душе своей спокойствие найди.

Предстоит тебе дальняя дорога,
Начинай себе пищу готовить.
Темная могила страшная, узкая,
Читай салават, попутчиком будет.

могила»), «тәрәзәсе юк, ишек уймаган ялгыз өй» («одинокий дом без окон и дверей»), при условии праведной, безгрешной жизни способен превратиться в светлый и прекрасный мир, в рай, где ждут родители, предки:

О, Худай, позволь желаемого достичь,
Двух миров желание одно:
В раю, где ждут нас мать с отцом,
Дай оказаться нам.

кто грешил и не выполнял предписания Всевышнего, Аллаха:

Сгорят в огне неверные,
В адуг останутся навечно.

после похорон, чтобы испытать его в истинах веры. Если с верующими они обращаются бережно и милосердно: «ата-анасы кебек килер иманы нык бәндәләргә» («как мать с отцом ласко-

вы будут к тем, кто благочестиво жизнь прожил»), то с грешниками – весьма жестоко и сурово: «каты килер гөнаһы күп бөндәләргә» («с яростью придут к тем, кто грехов набрал за жизнь»).

Жавабыңны бирәлмәсән,
Хәлең мөшкел булыр ул көн.
Әгәр гөрзи белән орса,
Төнең парә-парә булыр ул көн
[6: 486].

Функцию нагнетания чувства страха перед смертью продолжают выполнять также строки, описывающие внешний вид ангелов. Использование изобразительно-выразительных средств, представленных в виде эпитетов, способствует созданию их реального образа. Они представляются «черноволосыми» («кара сачле»), «зеленоглазыми» («яшел күзле»), «со страшными лицами» («куркыныч йөзле»), «с устрашающими словами» («дәһшәт сүзле»), «с палицами на руках» («кулларына тогып гөрзи»). Встреча с такими непод-

Аяк астында чокыр бар,
Карап бас, әй, бата күрмә.
Бу дөньяларга алданып,
Иманыңны сата күрмә [6: 399].

В мунаджатах воспеваются терпимость (*сабырлык*), покаяние, вера в Аллаха, вознаграждаемые высшей добродетелью – раем. «Әгәр кыйлсаң үзең рәхмәт, жан алучы кыйлыр шәфкәт» («Если сотворишь благие дела, душу забирающий милостив будет»). В них ярко отражаются религиозные верования и представления народа, которые демонстрируют отношение человека к земной («фани дөнья») и вечной («бакый дөнья») жизни.

Философские размышления о Жизни и Смерти, идея душевного очищения перед событиями, ожидающими умершего человека после ухода его души в иной мир, определяют специфику, поэтику мунаджатов данного периода. В них наиболее полно и четко отражается психология мусульманина

Картина допроса изображается в мрачных, устрашающих тонах, покойник «ощущает», словно живой, и боль, и страдания, и страх:

Коль ответ держать не сможешь,
Будут плохи у тебя дела.
Если палицей ударит,
Разобьется тело вдребезги твое.

купными и беспощадными ангелами ждет после смерти грешников. Раскаяние в грехах, творение богоугодных дел станут единственным способом избежать участи быть наказанным, оказаться в райской обители.

Особое место в мунаджатах занимает тема наставлений, наказов, которые умерший адресует оставшимся в живых близким и родным. Слова эти звучат и как предостережение, предупреждение об опасности, и как совет, исходящий от умудренного опытом человека:

Под ногами пропасть есть,
Осторожно ступай, әй, не провались.
Попав на обманы жизни этой,
Веру свою не продай, не обманись.

«терпеть и преодолеть все жизненные невзгоды» [4].

Согласно распространенному поверью, исполнение мунаджатов облегчает уход души, обеспечивает «благополучный ее переход на тот свет» [2]. Благодаря сильному эмоциональному воздействию, особой манере исполнения, мунаджаты способны вызывать сильное сопереживание у слушателей. Большую роль в этом играет умение женщин-исполнительниц трогательно и возвышенно напевать религиозные куплеты, равные молитвам по своему очищающему и облагораживающему душу значению. Через эти куплеты, содержащие сведения о человеке, о его назначении в мире, о Жизни и Смерти, об Аллахе, происходит распространение знаний о миропорядке исламской

культуры, воспитании окружающих людей. В то же самое время они служат способом душевного очищения для самого исполнителя, так как являются личным обращением к Богу с самыми сокровенными мыслями и пожеланиями: переживаниями, связанными с потерей близких людей, размышлениями о смысле жизни и т.д.

Таким образом, мунаджаты, исполняемые возле покойного перед погребением, – это религиозно-духовного содержания художественно-поэтические произведения, в которых фольклоризованы исламские знания о потусторонней жизни, смерти, о человеческой вере – иман как об основном показателе человеческой духовности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арабско-татарско-русский словарь заимствований. – Казань, 1965. – 853 с.

² Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. – М.: Изд-во «Индрик», 2004. – 320 с.

³ Фольклор Новгородской области: история и современность / Составитель О.С. Бердяева. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. – 352 с.

⁴ Юнусова В. Музыкальные традиции праздника Мавлид у российских мусульман // Ежегодный богословский альманах «МАВЛИД АН-НАБИЙ». 2007. – № 1. (http://www.islamicvoronezh.info/analytic/mavlid_music.htm).

⁵ Мөнәжәтләр / Төз. А.Х. Садекова. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. – 64 б.

⁶ Хәснүллин К.М. Мөнәжәтләр һәм бәетләр / К.М. Хәснүллин. – Казан: Раннур, 2001. – 724 б.

Аннотация

В статье рассматриваются идеолого-функциональные и поэтические особенности мунаджатов. Мунаджаты исполняются во время ночных бдений, прощаний проводов покойника. На основе анализа огромного количества текстов раскрывается основная идея мунаджатов. Эта идея состоит в призыве к раскаянию в грехах, к благочестивой, богоугодной жизни.

Ключевые слова: мунаджат, мусульманин, молитвы, загробный мир.

Summary

The ideologically-functional and poetic features of munadjats (Muslim religious songs) are considered in the article. The munadjats are executed during night vigils, farewells-wives of the deceased person at Tatars. On the basis of the analysis of a great number of texts the leading idea of munadjats is revealed. This idea consists in an appeal to repent of sins, to lead a pious, charitable life.

УДК 82.0

ТИПОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИКИ

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент КГУ

Одной из задач литературной компаративистики является разработка сравнительно-типологической периодизации несинхронных историко-литературных систем. В современных исследованиях традиционные для отечественного литературоведения понятия жанра, стиля, метода, направления все чаще заменяются другими: «тип культуры», «тип художественного сознания», «парадигма художественности». Примечательно, что новые подходы к типологическому изучению литератур складываются в зоне контакта, взаимодополнения традиционных научных методов и современных, сформировавшихся в западном литературоведении во второй половине прошлого столетия. Оценивая перспективы современной сравнительной типологии, П.А. Николаев писал: «Теоретические опоры видны в интегративных процессах, свойственных нынешним научным системам. Исследователю предлагается использовать любой инструментальный анализа: идеи феноменологии, герменевтики, структурной лингвистики, философской антропологии. Трезвая ориентация во всем этом, иммунитет против эклектизма, осознание того, что не всякий метод годен для изучения любого художественного явления, – гарантия научной результативности в типологии и компаративистике»¹.

С другой стороны, сами современные методики в той или иной степени используют достижения сформировавшихся в отечественном литерату-

роведении методов: теория дискурса представляет собой своеобразное продолжение семиотического подхода, разрабатывавшегося тартуско-московской семиотической школой; нарратология содержит теоретические экспликации, соотносимые с концепцией субъектной организации текста, предложенной в свое время Б.О. Корманом.

Появившиеся в последнее десятилетие работы по типологическому изучению русской и татарской литературы в целом отражают методологический сдвиг в сравнительно-исторической типологии. Например, в монографии Ю.Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур» основу типологического соотнесения несинхронных художественных систем составляет семиотическая типология культур в трудах Ю.М. Лотмана. Герменевтический подход содержится в монографии А.М. Саяповой «Дардменд и проблема символизма в татарской литературе», в которой «ключом» к пониманию творчества татарских писателей начала XX в. выступают философско-эстетические системы, сложившиеся в рамках неклассического типа художественного сознания в европейской и русской культурах. В статьях В.Р. Аминовой герменевтическая стратегия реализуется применительно к типологии диалогических отношений между русской литературой XIX в. и татарской прозой начала XX в.

В сопоставительном изучении лирики перспективным представляется использование системного метода, разработавшегося в трудах Б.О. Кормана. В системе понятий, конституирующих кормановскую концепцию изучения лирики как системы («автор», «субъект сознания», «субъект речи»), значительный интерес представляет понятие «основной эмоциональный тон». В статье «О соотношении понятий «автор», «характер» и «основной эмоциональный тон» Б.О. Корман определяет последнее понятие как «определяемый мировоззрением закон эмоциональных реакций, лирическое самосознание самых различных людей»². «Лирика какого-то поэта, – пишет ученый, – изображает то общее, что свойственно внутреннему миру известной группы людей – общее в их мировосприятии, жизнеощущении, в их идейно-эмоциональных реакциях на разнообразнейшие явления действительности – вне различий, определяемых темпераментом, специфическими условиями формирования, многообразием форм социально-группового опыта. Единая идейная позиция, опирающаяся на общность социально-исторического опыта и внедряющаяся в чувство, ставшая особой *сверхэмоцией*, мировоззрение, превратившееся в эмоцию, характерную для множества людей, – вот что воспроизводит лирическая поэзия»³.

Понятие основного эмоционального тона соотносимо с понятием пафоса у Белинского, о чем Б.О. Корман писал в более ранних своих статьях: «В.Г. Белинский об эмоциональном тоне лирической поэзии» (1963); «Некоторые предпосылки изучения образа автора в лирической поэзии (понимание лирики как системы)» (1967). В последней работе, обращаясь к статьям Белинского о творчестве русских поэтов, Б.О. Корман рассматривает их как системный подход к лирике. По существу, можно говорить, что кормановское понятие основного эмоционального тона восходит к «пафосу»

Белинского, что свидетельствует о теоретической продуктивности рецепции идей критика в становлении системного метода ученого.

Работы В.Г. Белинского оказали значительное влияние на становление и развитие теоретической мысли в татарской литературе 1910-х гг. Значительный интерес с этой точки зрения представляет статья Г. Ибрагимова «Татарские поэты» (1913), в которой сравнивается творчество трех известных татарских поэтов: Г. Тукая, С. Рамиева и Дардменда. Д.Ф. Загидуллина, рассматривая эту статью как своего рода квинтэссенцию теоретических взглядов критика, указывает на сходство выраженных в ней идей с идеями В.Г. Белинского в статье «Стихотворения Лермонтова»⁴.

Сопоставляя творчество наиболее ярких татарских поэтов начала XX в., Г. Ибрагимов стремится раскрыть своеобразие лирики каждого из них, выявить ее эмоциональную доминанту.

Так, определяя доминанту лирики С. Рамиева, Г. Ибрагимов пишет о высоком напряжении чувства, в основе которого ощущение неразрешимого противоречия между высокой мечтой и свободой духа, с одной стороны, и низкой действительностью – с другой. Вместе с тем, критик пишет и о многообразии эмоций в лирике поэта, приводя примеры из пейзажной, любовной, философской, гражданской лирики. В этом отношении восприятие Г. Ибрагимовым лирики С. Рамиева сопоставимо с рецепцией лирики Лермонтова В.Г. Белинским, который, по мнению Б.О. Кормана, «стремился показать богатство эмоциональной палитры Лермонтова как *разнообразие* проявлений *единого* эмоционального тона его лирики»⁵.

Во второй части работы, посвященной творчеству Дардменда, Г. Ибрагимов сосредоточивает внимание на идее о связи между взглядом поэта на мир и общим настроением, характерным для его лирики. «Дардменд, – пишет критик, – со скорбью смотрит

на жизнь. Бытие, вмещающее жизнь и смерть, воспринимается им с точки зрения мысли о смерти, кладбище. Люди приходят в мир, живут... В конце наступает небытие... Вначале – жизнь, рождение... В конце – разрушение... Но Дардменд не видит начала, ему видится только конец: смерть, небытие, разрушение... Будущее человека, его надежды видятся Дардменду тщетными... Но и прошлое в состоянии разрушения: там развалины, могилы»⁶. Это мировоззрение, по мнению Г. Ибрагимова, находит адекватный эмоциональный тон, в котором преобладают настроения скорби, печали, тоски. Типологически основной эмоциональный тон лирики Дардменда может быть соотнесен с лирикой Баратынского, в которой Б.О. Корман вслед за В.Г. Белинским находит «безотрадный взгляд на человека, искусство, историю»⁷.

В заключительной части статьи Г. Ибрагимов обращается к творчеству Г. Тукая и ставит вопрос о влиянии культурно-исторического контекста на лирику поэта. Эмоциональный тон лирики Г. Тукая Ибрагимов рассматривает как отражение духа времени, идей обновления, прогресса нации. Чувство сопричастности жизни нации, ощущение нераздельности индивидуального и национального становятся, по мнению критика, доминантой лирики Тукая. Немаловажно, что Г. Ибрагимов прослеживает процесс становления этой доминанты, тем самым актуализируя мысль о динамичности лирической системы.

Значительное место в этой части статьи автором уделяется вопросу о слове в лирике Тукая. Становление лирики Тукая как некоего единства сопряжено, как показывает статья, с изменением поэтического языка. Чувство национальности делает его поэтический язык более живым, понятным. По Корману, «выбор и ореол слова в лирическом стихотворении связаны не только с данным содержанием: слово скрыто соотнесено с преобладающим тоном всей лирики поэта. Под воз-

действием тона в слове активируются *определенные* слои предметного и эмоционального содержания – даже в том случае, если они не вполне, не совершенно согласуются с частным значением и содержанием данного стихотворения»⁸.

Наконец, автор статьи выделяет принципы изображения действительности в лирике Тукая, среди которых особое место отводит социально-аналитическому началу и народности. Г. Ибрагимов определяет Г. Тукая как поэта, у которого рациональное начало преобладает над эмоциональным. Это качество критик обнаруживает во всех разновидностях лирики поэта, включая любовную и пейзажную. Говоря о народности Тукая, Г. Ибрагимов пишет о том, что в лирике поэта переживания выступают не как индивидуальные, а как всеобщие: лирическое сознание поэта понимается как релевантное сознанию эпохи, народа. Такой способ бытия лирического сознания характерен прежде всего для лирической системы Некрасова.

Таким образом, подобно тому, как статьи В.Г. Белинского явились для Б.О. Кормана предпосылкой для понимания лирики как системы, работа Г. Ибрагимова могла бы стать точкой отсчета в построении типологии лирических систем в татарской поэзии. В этой связи уместным представляется вопрос о границах «системно-субъектного» метода, его возможностях при обращении к художественному опыту иных литератур. Иначе говоря, насколько типология лирических систем, разработанная Б.О. Корманом преимущественно на материале русской лирики, применима, скажем, к лирике татарской?

Основывающаяся на изучении субъектной структуры русской лирики XVIII–XIX вв. кормановская типология лирических систем строится на противопоставлении моносубъектных и многосубъектных систем, с одной стороны, и закрытых и открытых – с другой. Представляется, что применительно

к татарской лирике такая дифференциация недопустима, что объясняется исторически: традиционалистский тип художественного сознания (для которого, как считает Б.О. Корман, характерна моносубъектность) в татарской литературе имеет иные хронологические рамки, нежели в русской. Традиционализм господствовал в татарской литературе вплоть до начала XX в., когда происходит становление новой парадигмы культуры, ознаменованное активизацией диалога с европейской и русской культурами, формированием неклассического типа художественности. Вместе с тем смена парадигм художественности на разных уровнях литературного процесса происходит с разной степенью интенсивности. Пожалуй, ощутив все процесс смены парадигм проявляется на жанровом уровне: разрушение жанровых канонов восточной поэзии, становление романа европейского типа и пр. В меньшей степени это затрагивает субъектную организацию литературы. С.Н. Бройтман, рассматривая субъектную структуру лирики в историческом освещении, выделяет три формы отношения субъектов в лирике, релевантные трем типам художественного сознания: «субъектный синкретизм» (мифопоэтическое сознание), отношение «нераздельности-неслиянности» (эпоха рефлексивного традиционализма), «субъектный неосинкретизм» (нетрадиционалистская эпоха)⁹. Характеризуя субъектную структуру неканонической лирики, С.Н. Бройтман пишет о том, что ее важнейшей особенностью «следует считать то, что теперь интенции «я» направлены не столько на «мы», сколько на «другого» – сначала на «другого» в самом «я», а потом на реального, но не объектно понятого «другого», благодаря чему между лирическими субъектами могут возникать диалогические отношения»¹⁰. В татарской лирике начала XX в. подобный тип субъектной структуры лирики не складывается, что объясняется ее генетическими связями с восточной лирикой. Выскажем предположение, что

лирические системы в татарской поэзии начала XX в. соотносимы с таким типом лирических систем, «при восприятии которых вопрос о субъекте сознания не имеет главенствующего значения»¹¹. «Субъект сознания, – пишет по поводу таких систем Б.О. Корман, – растворяется здесь в объекте; ощущение резко определенного носителя сознания уступает место ощущению резко своеобразного поэтического мира. Представление о поэтическом мире складывается из представлений о наиболее близкой поэту сфере жизни и об особом характере поэтического видения»¹². Приводя в качестве примера такого типа лирической системы лирику А. Фета и говоря о ее «субъектной неопределенности», Б.О. Корман отмечает, что «неопределенность, неясность картины мира в лирике Фета во многом связаны с преимущественно ассоциативным характером его поэтического мышления. Движение лирического сюжета может у него определяться переходом от прямого к переносному значению слова; порой все стихотворение основано на сцеплении и смене вторичных значений слов и их эмоциональных обертонов...»¹³. В этой связи особо ценными представляются размышления известного татарского ученого Ю.Г. Нигматулиной о нюансовом характере художественного мышления татарских поэтов. Сравнивая творчество Г. Тукая и Дардменда, Ю.Г. Нигматуллина пишет о разных формах нюансовости в их творчестве. У Тукая это «нюансовость», коренящаяся в народно-песенном складе мышления: «Силою таланта Тукай возводит эту национальную особенность мышления в новое качество: «нюансовость» мышления сочетается у Тукая со стремлением к устойчивости главной мысли. Это качество отличает Тукая и от русского поэта В.А. Жуковского, «нюансовость» мышления (черта его индивидуального стиля) которого передавала нерасчлененность, «синкретизм» его лирического чувства и только «правду настроения» (выражение А.Н. Веселовского), и от поэтов-импрессионистов, с их «ра-

зорванным» восприятием мира, с их установкой на показ «мгновенья»¹⁴. У Дардменда – особый характер мышления символами: «Стремление поэта к предельно обобщенному показу исторической судьбы нации обусловило мышление образами-символами. Однако эта тяга к символизации своеобразно сочетается с нюансовым характером мышления. Если, например, у Блока символы рождаются в процессе мышления, на основе синтеза ассоциаций, то у Дардменда символы оказываются исходным моментом мышления. Дардменд начинает мыслить традиционными символами, общими для литератур многих восточных народов. Но эти символические образы, развиваясь в новых оттенках, эмоциональных и смысловых, теряют свой традиционный характер»¹⁵.

Нюансовость в понимании Ю.Г. Нигматуллиной выступает как национальная особенность выражения основного эмоционального тона. Примечательно

и то, что, определяя специфику художественного мышления татарских поэтов, исследовательница использует прием сравнения, сопоставляя мышление Тукая с мышлением Жуковского, Дардменда – с Блоком.

Таким образом, при построении сопоставительной типологии лирических систем особую значимость приобретает вопрос о понятийном аппарате. Представляется, что не все понятия в равной степени применимы в тех случаях, когда речь идет о литературах неродственных народов, разьединенных языками, религией и художественно-эстетическими традициями.

С другой стороны, сопоставляя лирические системы на основании ставших классическими в отечественной науке понятий (к их числу можно отнести и восходящий к работам В.Г. Белинского «основной эмоциональный тон»), следует учитывать национальные особенности литератур в конкретный момент их истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаев П.А. Типология и компаративистика/ П.А. Николаев// Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. – М., 2003. – С. 9.

² Корман Б.О. О соотношении понятий «автор», «характер» и «основной эмоциональный тон»// Б.О. Корман. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск, 2006. – С. 96.

³ Там же. – С. 95–96.

⁴ Заһидуллина Д.Ф. Әдәбият кануннары һәм заман/Д.Ф. Заһидуллина. – Казан, 2000. – С. 210–211.

⁵ Корман Б.О. В.Г. Белинский об эмоциональном тоне лирической поэзии// Б.О. Корман. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск, 2006. – С. 67.

⁶ Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда/ Г Ибраһимов. – Т. 5. – С.105. Перевод выполнен автором статьи.

⁷ Корман Б.О. В.Г. Белинский об эмоциональном тоне лирической поэзии// Б.О. Корман. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск, 2006. – С. 59.

⁸ Там же. – С.73.

⁹ Бройтман С.Н. Лирика в историческом освещении/С.Н. Бройтман//Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 435–444.

¹⁰ Там же. – С. 443.

¹¹ Корман Б.О. Лирика Некрасова/ Б.О. Корман. – Ижевск, 1978. – С. 109.

¹² Там же. – С.109.

¹³ Там же. – С.112.

¹⁴ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала/ Ю.Г. Нигматулина. – Казань, 1970. – С.160.

¹⁵ Там же. – С. 186.

Аннотация

В статье ставится вопрос о категориях типологического изучения лирических систем в разных национальных литературах. Определяется типологическое сходство «основного эмоционального тона» лирических систем ряда русских и татарских поэтов.

Ключевые слова: литературная компаративистика, лирическая система, типология, основной эмоциональный тон, субъектная организация

Summary

The article deals with the problem concerning the categories of typological studying of lyrical systems in different national literatures. We defined typological similarity of «the basic emotional tone» of lyrical systems of some Russian and Tatar poets.

УДК 821.0

ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ РУСТЕМА КУТУЯ

М.В. Небольсина, соискатель

«Свою первую строчку я написал в далеком детстве... Во мне звучит колоколами время земли, и деревья живут несрубленными, и травы немятыми... В детстве – мое духовное начало, мои главные приобретения. Там – мои кладовые под свечой времен: мерцают, переливаются россыпи драгоценного наследия».

(Р. Кутуй. В детстве я задержался. Газ. «Комсомолец Татарии». 2 августа 1981).

Детская поэзия является своеобразным показателем общего духовного состояния, культурного развития народа и общества и занимает особое место в литературе вообще. Это сложная, разнообразная и в то же время единая система, в которой сконцентрировался богатый опыт человечества, накопленный многими поколениями.

В развитии татарской детской литературы во второй половине XX в. выделяется период «застоя» (1960–1985 гг.) и период перестройки и демократизации общества (1985–2000 гг.). Если в первый период татарская детская литература развивалась с учетом традиций предыдущих лет: постепенно расширяется тематика, жанры становятся разнообразными, и в целом наблюдается рост в качественном и количественном отношении, то во второй период развития татарской детской литературы на первый план выходит поэзия для детей как оперативный вид жанра.

Для исследователей данной темы немалый интерес представляет детская поэзия Рустема Кутуя.

Стихи для детей Рустем Кутуй начал писать в 60-е гг. XX в. В это время в Татарском книжном издательстве у него выходят прекрасно иллюстрированные детские книги: «Про забор

и Африку крокодилью» (1965), через год – «Дружные ребята. Утенок и гусята» (1966).

После значительного перерыва в 1979 г. Рустемом Кутуем был написан авторский текст для альбома-раскраски «Я растила цветы», в 1984 г. вышла книга «Босиком по радуге», в 1997 г. – «Сова под зонтиком», в 2001 г. в издательстве «Магариф» вышла книга «Петух-щеголь». Последняя среди 105 книг, изданных на русском языке и представленных на конкурс Республики Татарстан «Книга года 2001», была признана наиболее любимой и читаемой малышами.

Поэзия для детей учит ребенка воспринимать с детства такие понятия, как добро, справедливость, дружба, человечность; помогает ответить на многие вопросы, которые дети задают взрослым: о рыбаках, воробьях, улитках, страусах и других обитателях планеты; формирует представления маленького человека о вещах и явлениях, игрушках, домашних животных, временах года, об отношениях между ребенком и родителями.

Часто еще до того, как малыш сможет прочитать стихи самостоятельно, он слышит их от взрослых и выучивает наизусть. Это несложно сделать, потому что детские стихи богаты четкими,

звонкими и легко угадываемыми рифмами, красочными образами, ассонансами, аллитерациями, игрой смысла и звука, фонетически насыщены. Для них характерна особая дружелюбная интонация, направленная на то, чтобы вызвать доверие маленького читателя. Стиль стихов для самых маленьких отличается преобладанием простых синтаксических конструкций, нераспространенных предложений, существительных и глаголов.

Петух гуляет
 Весь, как разрисованный
 От гребешка до шпор.
 Хвост – как фонтан из красок.
 Походка – короля!
(Р. Кутуй. Петух-щеголь. Магариф. 2001 г.)

Слушая и читая детские стихи, ребенок с любопытством всматривается в окружающий мир, вбирая в себя самые разнообразные впечатления и чувства. Героями детских стихов Кутуя становится окружающий ребенка мир: люди («Охотник»), деятельность человека («Поливальная машина»):

Мимо нашего парадного
 Прокатилась чудо-радуга.
 Бьет струя из серебра,
 А посередине – радуга!
 За машиной поливальной
 Еле-еле попевали.
(Р. Кутуй. Босиком по радуге. Казань, ТКИ, 1984, с.14);

животные и птицы («Жук», «Петух», «Сорока»):

То дорогу облетит,
 То в окошко поглядит,
 То по крыше ходит –
 Ничего там не находит,
 То с березы на березу
 Скачет, лапку приморозив,
 То трещит в овраге,
 Где одни коряги.
(Р. Кутуй. Сорока. Босиком по радуге. Казань, ТКИ, 1964, с.40);

состояние («Сон», «Болею»), деревья и цветы («Верба»):

Зацвела в сугробе верба.
 А на ней-то не цветочки,
 А пушистые комочки,
 Мягонькие-мягонькие,
 Маленькие-маленькие...
 Из меха вербиного.
(Р. Кутуй. Верба. Босиком по радуге. Казань, ТКИ, с. 45)

Поэт рассказывает маленьким читателям о том, что им близко и знакомо, о том, что у них перед глазами. Отсюда такая особенность поэтики, как конкретность: если речь идет, например, о животных, то описывается какое-то конкретное животное, указывается на его характерные черты, отличающие его от других. Если же герои стихотворения дети, то и они наделены какими-то особенностями поведения и, как правило, получают имена.

Детские стихи Рустема Кутуя наполнены светлым мироощущением, детским очарованием. Автор умеет показать обыденные, привычные картины свежими запоминающимися образами. Он умело использует мир таких ассоциаций, которые понятны и знакомы ребенку. Вот как описаны краски дня в стихотворении «Индюк»:

...И глядит с тоской на юг
 Важный толстенький индюк,
 Где живут друзья-фазаны
 С изумрудными глазами,
 Где, как хвост плывет павлиний,
 День осенний над долиной.
(Р. Кутуй. День варенья. Казань, ТКИ, 1993, с.14)

Детская поэзия специфична, она сильно отличается от поэзии для взрослых. Детская поэзия, как правило, не отражает внутренних переживаний поэта. Детское стихотворение – это небольшая история со своим сюжетом, где главное – мир ребенка, в котором он живет, и все, что с ним связано. Но и детские стихи предназначены для

читателей разного возраста: и стихи для малышей, и стихи для школьников имеют различия.

Например, стихотворение Кутуя для детей школьного возраста «Гром» несколько отличается от беззаботных детских стихов для малышей.

Звуки стихотворения играют со смыслом, перекачиваясь, будто камешки, во рту. Словами поэту удалось передать тревожную атмосферу грозы. Читатель словно видит замершую природу, примолкнувших птиц и притихших зверей, потемневшее небо, слышит далекие зарождающиеся раскаты грома, звуки его приближения... И – резкий, неожиданный финал, когда гром «солнце закрыл, как окно»... Совокупность повторяющихся звуков создает впечатление динамики, движения. Настроение стихотворения усиливается от однообразного перечисления к молниеносному эпилогу.

Шатко,
ВАЛко,
ТЯЖКО ГРОМ
обошел поля кРуГом.
Лес потРогал за веРШины,
РАСКОЛОЛ оРех в лоШине.
Будто СвеЧи потуШил,
ТКНулся влево,
ТКНулся вправо–
Где по молодцу забава?
Поднял Пыль.
Пугнул лягуШек,
РоЖь пРигнул волною дуШной,
ПРОШагал по облакам,
Как запРавский великан,
И –
СОЛНЦЕ ЗАКРЫЛ,
КАК ОКНО...

В «Заповедях для детских поэтов» К.И. Чуковский перечислил правила, по которым следует создавать детские стихи. Важными представлялись ему образность в сочетании с действительностью, быстрая смена образов, музыкальность, насыщенность глаголами при минимальном использовании прилагательных, близость к детскому

фольклору, к игре, обилие юмора. Последняя заповедь такова: «Не забывать, что поэзия для маленьких должна быть и для взрослых поэзией».

Детская поэзия Рустема Кутуя несколько отличается от детского поэтического творчества многих других поэтов. Она не только познавательна, развлекательна – она философична. Автор рассказывает о своих душевных переживаниях, настроении, рисуя красочные картины природы:

Вышел я на крыльцо –
Месяц мне светит в лицо.
Долго стоял. Небо огромно.
Звук разбежался – затих у парома...
Ветлы горбато сошлись.
Тут и месяц.
Прямо стоит,
словно кто-то повесил
Свет на невидимый крюк.

*(Р. Кутуй. День варенья.
Месяц Казань, ТКИ, 1993, с.12)*

И во взрослой жизни не дают покоя Рустему Кутую воспоминания детства, и снова он в своих мечтах возвращается в свой деревянный двор на улице Комлева:

Жил да был человек,
Коротал нелегкий век,
Дождь любил и первый снег,
И движенье тихих рек...
Одного недоставало...
Золотого пустяка –
Из почти что старика
Превратиться
В маленького,
Чтоб –
Салазки,
Валенки,
Чтоб стоять, разинув рот,
Возле косеньких ворот
После тягостных забот.

*(Р. Кутуй. Босиком по радуге.
Казань, ТКИ, 1964, с.29–30)*

Образ мальчика, одиноко стоящего посреди заснеженного двора, преследовал его всю жизнь. Он всегда связан

с отцом, который возникает в его памяти как тоска о чем-то невозвращенном.

«Мы (с отцом) лепим снежную бабу... Снег прилипает к пальто, к валенкам, и от этого особенно радостно. Как это все-таки здорово – первый снег: пробежится гладкий след лыж, зазвенит лед под коньком, глупая снежная баба встанет посреди двора, опустевшего, выбеленного... Осугробится дом, оснежится планета... И это все снег, снег, снег...».

(Р. Кутуй. Я леплю снежную бабу. Такая жизнь. Казань, ТКИ, 1986, с. 337)

В последние годы жизни Рустема Кутуя часто, по его словам, тревожил один и тот же черно-белый, как любительская фотография, зябкий сон:

«Вечер, падает снег... Двор деревянный, огоньки в окошках... Я – в ушанке и шитой-перешитой шубейке из собачьего меха, в которой когда-то щеголял отец... Стою я один с деревянной лопаткой перед сугробом. (Была у меня такая идея – добраться до дна сугроба и оказаться на другом краю земли...). Отец – на войне, дома – мать, сестры... А я – один... Самого себя жалко! Я словно уже тогда понимал, что пройдет много времени – меня не будет, а снег так же будет падать, и другой мальчик с другой лопаткой так же будет стоять один...».

(Р. Кутуй. Из интервью)

Еще полгода назад Рустем Кутуй мечтал издать серию маленьких детских книжек для малышей, но не успел...

Двадцать с лишним лет назад два бельгийца – поэт Пьер Коран и педагог Робер Кюсс выпустили книгу «Рожок для муз», в которой собрали ответы детей на вопрос «что такое поэзия?».

Поэзия... «это песня без музыки», – сказала маленькая Коринна; «это история, которая поет», – сказала Софи; «это словно мячик катится по земле», – ответил десятилетний Жан-Мари; «это радость жизни, которая заключена в тексте», – заметил умудренный жизнью Марсель; «это утешение, когда я одинока», – вздохнула чувствительная Ширли... «Если не будет поэзии, что нам останется?» – подытожила двенадцатилетняя Соня.

(М. Яснов. Детская поэзия в саду и дома. По материалам сайта Книжный шкаф. Новая классика методической литературы)

Действительно, если не будет поэзии, что нам останется...

«Поэзия, наверное, началась тогда, когда человек удивился. Был ли то собственный голос, обернувшийся эхом, или отражение лица на поверхности воды, – во всяком случае, было удивление, заставившее запеть камень, дерево, слово».

(Р. Кутуй. Что называют поэзией. Литературная газета, 1964, 3 декабря)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кутуй Р. Босиком по радуге. – Казань: ТКИ, 1984.

² Кутуй Р. В детстве я задержался. Газ. «Комсомолец Татарии». 2 августа 1981.

³ Кутуй Р. День варенья. – Казань: ТКИ, 1993.

⁴ Кутуй Р. Петух-щеголь. – Казань: Магариф, 2001.

⁵ Кутуй Р. Что называют поэзией. Литературная газета, 1964, 3 декабря.

⁶ Кутуй Р. Я леплю снежную бабу. Такая жизнь. – Казань, Таткнигоиздат, 1986. – 493 с.

⁷ Чуковский К.И. От двух до пяти. Заповеди для детских поэтов. – М., 1934.

⁸ Яснов М. Детская поэзия в саду и дома. По материалам сайта Книжный шкаф. Новая классика методической литературы.

Аннотация

В статье рассматривается один из разделов творчества Р.Кутуя, посвященного детской поэзии.

Ключевые слова: Р.Кутуй, стихи для детей.

Summary

The article enlightens one of the chapters in the creation work of R.Kutuy devoted to children's poetry.

УДК 378+80/81

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ¹

М.М. Шакурова, кандидат филологических наук, доцент

Основной задачей методики преподавания татарского языка как иностранного является разработка научно обоснованной теории обучения татарскому языку в иноязычной аудитории. В 90-е гг. в Республике Татарстан начинается работа по совершенствованию учебных планов, программ, учебников и словарей татарского языка для русскоязычных учащихся. Многие ученые-методисты занимаются изучением процесса усвоения русскоязычными учащимися татарского языка. Методика преподавания татарского языка как иностранного, опираясь на достижения педагогики, психологии, методики преподавания иностранных языков, а также русского языка как иностранного, разрабатывает систему обучения татарскому языку для русскоязычных учащихся. Процесс становления методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории как самостоятельной науки находится лишь в начальной стадии. Для развития этой методики нужна система новых методических понятий и терминов, разработка новых концепций обучения. Пока еще недостаточно изучены закономерности усвоения татарского языка русскоязычными учащимися старших классов. В настоящее время обсуждаются принципы (дидактические, методические, лингвистические и психологические) и методы обучения татарскому языку, некоторые аспекты

его усвоения, грамматика и ее место в системе обучения, виды речевой деятельности в иноязычной аудитории, теория и практика обучения татарскому языку иностранных студентов (филологов и нефилологов).

История методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории пока еще не до конца осмыслена, не дана и ее периодизация. На наш взгляд, можно выделить шесть периодов истории развития данной науки.

Первый этап (1740–1804) – зарождение методики преподавания татарского языка в первых азбуках и учебниках грамматики, начало книгопечатания арабским шрифтом и открытие Казанского университета. Благодаря гимназии, типографии и университету Казань стала одним из центров передовых идей татарской культуры, очагом методико-педагогической мысли.

С конца XVIII в. в школах и гимназиях, училищах для русскоязычных учащихся преподавался татарский язык. Возникновение методики татарского языка как науки связывается с появлением в 1778 г. книги Сагита Хальфина – учителя татарского языка Казанской гимназии – «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов». Он также составил двухтомный словарь татарского языка и краткую татарскую грамматику. С.Хальфин прекрасно понимал, какую

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 10-04-29414 а / В / 2010.

огромную роль должны были сыграть его учебники как для развития татарского языка, так и для развития татарской культуры в целом. Преподавание старотюркского языка или же тюрко-татарского (под названием татарский) началось в Первой Казанской гимназии в 1769 г., в Тобольской семинарии – в 1783 г. Несмотря на то что вопрос о преподавании татарского языка в русских учебных заведениях как особый объект исследования был затронут во многих трудах наших ученых, тем не менее он все еще остается актуальным. Например, как отмечает М.З.Закиев, «научное изучение татарского и вообще тюркских языков в России начинается с того момента, когда эти языки стали вводиться как самостоятельные предметы в русских гимназиях, а затем в университетах»¹. Однако Д.Ф.Загидуллина в работе «Из истории преподавания татарской литературы в дооктябрьской школе» указывает, что «в 40-е годы 18 в. началось преподавание татарского языка в русских учебных заведениях, в 19 в. оно получило дальнейшее развитие, вследствие чего были изданы первые хрестоматии по татарской литературе»². Вполне вероятно, что преподавание татарского языка в первой половине XVIII в. имело свое место в мектебах и медресе.

В социально-экономической и культурной жизни России XVIII в. произошли значительные перемены. И это оказало сильнейшее влияние на жизнь, культуру и образование народов Среднего Поволжья. По указам Петра I 1701 и 1714 гг. создавались первые государственные общеобразовательные школы, в которых учили грамоте, счету. В XVIII в. уже проявилось недовольство старыми порядками, а также схоластическим методом обучения. Историческая аргументация особого положения татарского языка была сформулирована С.Х. Алишевым в работе «Общественно-культурное развитие народов Среднего Поволжья». Автор подчеркивает, что «сведений о количестве школ в более ранние времена не

сохранилось. Если при каждой мечети была школа, то их в 1742 г. было 536. По сведениям департамента иностранных исповеданий Синода, в 1858 г. в Казанской губернии было 430, в Оренбургской – 418 татарских школ»³. Старые религиозные представления уступали место новым, основанным на светском образовании и воспитании по европейскому образцу. Среди муэдзингов и мулл были и довольно одаренные, интеллектуально развитые люди. С.Х. Алишев, изучив жизнь татарского народа в XVIII в., справедливо указывает, что в это время влияние западной и русской культуры стало особенно заметным.

Рассматривая социально-исторические условия обучения татарскому языку русских и других народов, Ф.Ф.Харисов подчеркивает, что «Преподавание татарского языка в государственном масштабе началось в первой половине XVIII века»⁴. По его мнению, открытие татаро-калмыцкой школы для русских в конце 1730-х гг. в Самаре связано с именем ученого и государственного деятеля В.Н.Татищева, который явился инициатором составления нескольких рукописных словарей в помощь изучающим татарский язык.

Необходимо указать также на исследования М.Н.Нугманова, стремившегося установить татарские лексикографические памятники начального периода. Исследования автора русско-татарских рукописных словарей XVII–XVIII вв. показывают, что знание татарского языка в практике государственного управления приобретает определенное значение: возникает интерес к татарскому языку, усиливается стремление к его изучению и возникает необходимость подготовить для работы и для распространения влияния христианской религии среди татарского населения русских чиновников, миссионеров, знающих татарский язык⁵. Необходимым условием успешного усвоения татарского языка в XVII–XVIII вв. является создание

русско-татарских словарей: «Сборник рукописей XVII и начала XVIII веков», составленный русскими купцами, русско-татарско-чувашско-мордовский сравнительный глоссарий, составленный в 1738 г. в Симбирской провинции, русско-татарский глоссарий 1738 г., составленный в Тобольске, русско-татарский словарь-разговорник, составленный в 1740 г. Матвеем Котельниковым и т.д. Исторический подход М.Н.Нугманова к лексикографическим памятникам начального периода способствовал окончательному утверждению преподавания татарского языка в 1740 г.

Таким образом, методика постепенно развивается, и мы, опираясь на опыт и теоретическое наследие XVIII в., пытаемся осмыслить закономерности ее развития.

Второй этап (1805–1890) – написание учебников, самоучителей, разговорников и словарей для школ и накопление опыта обучения. Так как для обучения татарскому языку необходимы были учебники и словари, с конца XVIII в. и в течение всего XIX в. издавалось огромное количество разговорников и самоучителей татарского языка. От этого периода до нас дошло богатое наследие по методике преподавания татарского языка не-татарам. В этих самоучителях, как отмечает А.Ш.Юсупова, в качестве методических принципов использовались тематическое расположение лексического материала, ситуативные диалоги, коммуникативно-сознательный принцип и т.д. По мнению исследователя, рассмотренные самоучители обладают высоким уровнем, так как в них «грамматическому материалу отводилась второстепенная роль, что характерно для современной методики обучения языкам»⁶. Однако мы придерживаемся другой точки зрения, рассматривая грамматический материал в учебном процессе (в виде схем, таблиц, правил, теоретических комментариев контекста и речевых образцов) как средство выражения мыслей учащихся на та-

тарском языке и понимания чужого высказывания на этом языке. Грамматика не может выполнять служебную роль, так как при построении предложения учащийся должен овладеть единицами языка различных уровней в их взаимосвязи и функционировании. Этот языковой материал используется во всех видах речевой деятельности. В этом направлении работали И.Хальфин, И.Гиганов, А.Троянский, А.Казем-бек, Г.Вагапов, М.Бикчурин, Н.И.Ильминский, М.Махмудов, М.Иванов, С.Кукляшев, К.Насыри, В.Радлов, Н.Катанов и другие. Развитие методики преподавания татарского языка в русских учебных заведениях связано с именами этих выдающихся ученых и просветителей XIX в. Учебники этих авторов отличались друг от друга по объему фактического материала и по характеру изложения, но порой можно заметить сходство содержания грамматического материала и расположения его в учебниках. Но каждый автор по-своему стремился определить методику изложения курса татарского языка. Именно они разрабатывали теорию учебника и занимались вопросами методики преподавания татарского языка в русской аудитории. Заслуживают внимания взгляды Каюма Насыри на изучение татарского языка в русской школе, русского языка в татарской школе. В его работе «Нәхү: Русча өйрәнүче мөселман егетләре вә татарча өйрәнүче рус егетләре өчен тәсниф кыйлынды» (1864) проведено тщательное сопоставление особенностей русского и татарского синтаксиса.

Необходимо заметить, что в этот исторический период представители Казанской школы тюркологов и их последователи сыграли огромную роль в разработке основных проблем татарского языка и школьного преподавания и, как следствие этого, положение в школах и гимназиях, училищах, духовных семинариях, Духовной академии, Казанском государственном университете изменилось к лучшему. Итак, до 1890 г. учебники и азбуки создавались

в основном на русском языке и для русских, поэтому этот период оставил заметный след в области методики преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории и в становлении современного литературного языка у татар. Таким образом, исходной вехой лингвистической, а впоследствии и методической науки, без всякого сомнения, следует считать филологическую деятельность этих великих ученых.

Третий этап (1890–1917) – появление методических руководств, программ, учебных пособий для учителей татарского языка, работающих и с татарами, и с русскоязычными учащимися. В этот период основное внимание сосредоточено на изучении языка, на целях и задачах, методах и формах обучения татарскому языку. Как подчеркивает Д.М.Исхаков, «... с 1890-х годов часть мусульманских школ Волго-Уральского региона начала преобразовываться в новометодные (джадидистские) школы. В этих школах коренным образом изменялся учебно-методический процесс (звуковой метод взамен буквослагательного, классноурочная система, применение школьного оборудования и т.д.). Кроме того, преподавание шло на татарском языке»⁷. Татарский язык как родной язык преподавался в официальных школах и учебных заведениях в конце XIX и начале XX в. Революция 1905–1907 гг. явилась историческим событием для России и, в частности для татар. Открылись новые мектебы и медресе, например, в 1894 г. – 714, в 1905 г. – 945 (подсчеты Д.М.Исхакова), появилось 13 новых газет и журналов (в том числе по педагогике на арабском шрифте («Тәрбия» (1913), «Мәктәп» (1913), «Мөгаллим» (1913–1914)), при которых спланивались группы писателей, ученых, передовых учителей. Татарские писатели и поэты сами участвовали в составлении учебников и программ по татарскому языку и литературе.

Первым научным трудом по методике татарского языка в татарской шко-

ле, не потерявшим своего значения и в наше время, является работа великого татарского писателя Г.Ибрагимова «Татар телен ничек укытырга?» («Как преподавать татарский язык?»), опубликованная в 1916 г. Эта работа состоит из введения и шести глав, в которых заложены основы методики преподавания татарского языка в основном для начальных классов. Характерной особенностью работы является теоретическое обоснование сознательного изучения татарского языка как родного и определение методов обучения азбуке: 1) ижекләп уку (хәрәф кушу методы), 2) ысулы мәддия (хәрәф методы), 3) ысулы саутия (аваз методы). Сам писатель является сторонником третьего, звукового, метода.

В этот период основное внимание акцентируется на татарских школах, но тем не менее в учебных заведениях и школах активно продолжается обучение татарскому языку в иноязычной аудитории. Для этой цели, например, 18 раз издавался «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» Г.Вагапова (подсчеты А.Ш.Юсуповой). Структура самоучителя такова: 1) знакомство с азбукой, 2) изучение отдельных слов с правильным произношением по определенной тематике на татарском и русском языках, 3) составление предложений из этих слов на двух языках, 4) словарь. Значительное место в методике обучения языку в иноязычной аудитории в этот период занимают самоучители И.Кондратова «Новый практический самоучитель татарского языка. Полное руководство, как без посторонней помощи выучиться говорить и читать русским по-татарски, а татарам по-русски. С приложением татарско-русского словаря, фраз и разговоров. Составлен по Троянскому, Махмудову и Салихову» (издан в 1901, 1911 гг.), В.К.Траммакова «Практическое руководство к изучению татарского языка для русских» (Оренбург, 1908), Исмагила Рахматуллина «Перевод с русского языка на татарский и с татарского

на русский и самоучитель этих двух языков» (1913), М.Х.Юнусова «Татарский язык и грамота, изложенные на русском языке. С приложением русско-татарского словаря и сведений из татарской грамматики» (1903, 1911), Солтана Рахманкулова «Руслар өчен татарча өйрәткеч. Укырга, язарга һәм сөйләргә» (1912) и др. Эти самоучители оказали большое влияние на дальнейшее развитие методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории.

Четвертый этап (1917–1941 гг.) – поиски новых путей методики преподавания татарского языка, создание новых программ и учебников для нетатарской начальной и средней школы. Этот период характеризуется активным поиском новых теоретически обоснованных методов, приемов и форм обучения татарскому языку в иноязычной аудитории (прямой, смешанный, натуральный, переводно-грамматический и т.д.). Революция изменила систему народного образования Татарстана. С одной стороны, нужно было обеспечить всеобщее обязательное обучение детей, с другой стороны, стремиться к повышению грамотности всего татарского населения.

Следует отметить, что этот период связан с переходом татарской письменности с арабского на латинский алфавит (яналиф), а затем с латинского на кириллицу. Это обстоятельство в какой-то степени обострило проблему преподавания татарского языка не только в русскоязычной аудитории, но и в татарских школах.

В этот период в татарских школах были введены комплексные и стабильные программы, охарактеризованные в постановлении ЦК ВКП (б) о школе от 1931 г. Родной язык как отдельный предмет не преподавался. Это отрицательно повлияло на обучение татарскому языку, в частности, в татарских школах. В этот период в области методики преподавания татарского языка в нетатарской начальной и средней школе активно работали М.Х.Курбангалиев

вместе с Р.С.Газизовым и Х.Бадиги. Составлялись учебники и программы. Особое место в методике преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории этого периода занимают работы М.Х.Курбангалиева, которые развивают на новой основе идеи К.Д.Ушинского, Каюма Насыри и др. Подчеркивая вслед за своими предшественниками ведущую роль методики преподавания языков, он успешно реализует на практике обучение татарскому языку татар и нетатар.

Новым шагом в развитии методики преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории явились программы для начальной и средней школы. Особое место среди них занимают программы Наркомпроса для девятилетней русской школы второй ступени 1927 г. издания («2 – баскыч (9 еллык) рус мәктәпләре, шулай ук вакытлыча югары мәктәпләр өчен татар теле программасы») и для нетатарской начальной и средней школы 1933 г. издания. Программа 1933 г. (составители М.Х.Курбангалиев и З.Б.Бадигуллин) отличается от программы 1927 г. тем, что она является своего рода итогом научно обоснованной методики преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории. В этой программе более четко определяются задачи обучения татарскому языку, объем знаний и навыков по этапам обучения, т.е. обнаруживаются все виды речевой деятельности во взаимосвязи: 1) развитие устной и письменной речи: а) работа со словарем, б) работа над произношением, в) работа над построением речи; 2) чтение; 3) грамматика и правописание⁸.

Значительным вкладом в разработку методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории являются учебники М.Х.Курбангалиева. Его уроки, освещающие методику работы с текстами и словарями, сочетание грамматической теории с практикой, и в наше время представляют большой интерес. В учебниках делается попытка доказать возможность обобщения и

углубления понятия взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности⁹. При обучении татарскому языку может быть использовано многое из учебников М.Х.Курбангалиева («Татарлардан башкалар өчен татар теле дәреслеге» (Учебник татарского языка для нетатар, 1931), «Руслар өчен татар теле дәреслеге» (Учебник татарского языка для русских, 1929) и др.): разнообразие приемов обучения, система упражнений, богатая тематика учебного текста, связь занятий по грамматике с живой устной речью и фольклором (пословицы, поговорки, загадки, поучительные слова пожилых людей) и т.д.

Методическое наследство М.Х. Курбангалиева имело большое теоретическое значение, определило собой практическую деятельность школы на многие десятилетия и до сих пор не потеряло своей актуальности для русскоязычной аудитории современной школы. В целом это период расцвета методики преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории. В ее истории большую роль сыграли школьные учебники, составленные известными лингвистами и методистами (Дж. Валиди, Г.Алпаров, Г.Нугайбек, М.Курбангалиев, Х.Бадиги, Р.Газизов, Г.Бикбулатов и др.), которые раскрыли перед нами картину преподавания татарского языка в школе: виды занятий учителя, методики построения урока и т.д.

Подводя итоги изложенному по четвертому периоду, нужно отметить, что методика и практика обучения татарскому языку, осваивая наследие русской и зарубежной методики, нашла наиболее эффективные пути и способы работы.

Пятый этап (1941–1989) – создание традиционной советской методики преподавания татарского языка. Методическая литература 1940–1950-х г. характеризуется появлением работ, направленных на обеспечение сознательного усвоения учащимися основ грамматики русского и татарского

языков. Этому способствовали работы Р.С.Газизова «Опыт практической сравнительной грамматики» (1939), «Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей татарского и русского языков» (1952), «Сопоставительная грамматика татарского и русского языков» (1959, 1966, 1977), Н.З.Бакеевой «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе» (1952), а также труд «Родной и русский языки в национальной школе» (1953) под ред. чл.-кор. АПН РСФСР Н.К.Дмитриева и проф. В.М.Чистякова. В 1977 г. был опубликован отдельным изданием «Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков», авторами которого являются М.З.Закиев, Ф.С.Сафиуллина, К.З.Зиннатуллина, С.М.Ибрагимов. Работы Н.З.Бакеевой, Л.З.Шакировой, М.Ш.Субаевой, Р.Б.Гарифьяновой, Г.А.Ждановой и др. также содержат сопоставительную характеристику грамматических явлений в русском и татарском языках.

Необходимость всестороннего изучения татарского языка подчеркивается многими видными лингвистами этого периода (Ш.Рамазанов, В.Хангильдин, М.З.Закиев, Ф.А.Ганиев, Д.Г.Тумашева, В.Х.Хаков и т.д.). В 1960–1970-е гг. учебники и учебные пособия по татарскому языку сыграли огромную роль в повышении эффективности преподавания татарского языка в татарской школе, особенно в сельской местности.

В 1960-е гг. в области методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории было издано несколько учебников, в том числе учебник Р.Газизова «Татарский язык» (Для самостоятельно изучающих, 1960г.) и NichoLaz Poppe «Tatar Manial. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series» (vol. 25. The Hague, 1963). Учебник Р.С.Газизова состоит из четырех частей: теоретический материал (фонетика, морфология, синтаксис) с различными заданиями; материалы для перевода с русского на татарский язык

(даются слова для справок); материалы для перевода с татарского на русский язык; материалы для чтения (Г.Тукай («Исемдә калганнар»), Г.Ибраһимов («Көтүчеләр», «Карт ялчы»), Г.Камал («Беренче театр») и т.д.).

Согласно учебнику, сначала необходимо усвоить теоретическую часть татарского языкознания, затем выполнить упражнения с целью закрепления полученных знаний и применить их в практике устной и письменной речи. В его основу по грамматико-переводному методу были положены перевод и чтение оригинального, большого по объему текста. По мнению Р.С.Газизова, сначала надо усвоить грамматику и закрепить ее, а потом изучать живой язык, знакомиться с оригинальными текстами.

Учебник Николаса Поппе состоит из двух основных частей: теоретической и практической. В теоретической части содержится морфология татарского языка на английском языке, а в практической – произведения татарских писателей. Например, дан отрывок из произведения М.Гафури «Ярлылар, яки өйдәш хатын» для перевода и т.д. Таким образом, автор устанавливает тесную связь между грамматикой и литературой для того, чтобы учащиеся могли использовать грамматические конструкции в татарской речи.

Шестой этап (с 1990 г. по настоящее время) – поиски теории основ методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории, отвечающей современным требованиям. Преобразования, которые происходили на территории бывшего Советского Союза, вызвали значительный интерес во многих странах мира к татарскому народу, татарскому языку, и татарский язык стали изучать в Америке, Германии, Франции, Турции, Венгрии, Финляндии и т.д.¹⁰ Сегодня необходимость изучения татарского и русского

языков в нашей республике вызвана рядом причин. Первая – с провозглашением 30 августа 1990 г. Декларации о Государственном суверенитете Татарстана татарский язык стал одним из государственных языков. В связи с этим углубленное изучение татарского языка русскоязычными учащимися в республике потребовало издания огромного количества учебников, разговорников, самоучителей и словарей, а также организации системы подготовки специалистов соответствующего профиля. В правовом отношении данные задачи вызвали необходимость принятия Верховным Советом РТ Закона «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 г. и разработки государственной программы по его реализации. Следует отметить, что методика татарского языка в русскоязычной аудитории углубленно разрабатывается и в наши дни. Вторая причина – рост культуры и расцвет искусства в Республике Татарстан вызвал интерес к изучению татарского языка. Третья – необходимость поставить изучение татарского языка на научную основу способствовала появлению большого количества методических работ по преподаванию татарского языка в иноязычной аудитории. Четвертая – интерес к татарской культуре, литературе и истории за рубежом дал возможность преподавать татарский язык в различных странах мира. В последнее десятилетие студенты и аспиранты из разных стран мира стали приезжать в Татарстан для изучения татарского языка и для повышения своей научной квалификации. И, наконец, пятая причина – возможность распространения лучших произведений татарской литературы за рубежом. Именно поэтому актуальным в этом процессе является изучение места и роли каждого языка, в том числе и татарского как иностранного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Закиев М.З.* Роль идей М.В.Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов // Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – С.15.

² *Загидуллина Д.Ф.* Из истории преподавания татарской литературы в дооктябрьской школе // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 109.

³ *Алишев С.Х.* Общественно-культурное развитие народов Среднего Поволжья // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С.14.

⁴ *Харисов Ф.Ф.* «Учредить единожды навсегда...». Социально-исторические условия обучения татарскому языку русских и других народов / Ф.Ф.Харисов: Учеб. пособие. – Казань, 1995. – С.6.

⁵ *Нугманов М.Н.* Русско-татарские рукописные словари XVII – XVIII веков / М.Н.Нугманов: автореф. дис... канд. филол. наук. – Казань, 1964. – С.9.

⁶ *Юсупова А.Ш.* Историко-лингвистическая характеристика и анализ самоучителей и разговорников татарского языка конца XVIII – начала XX вв./ А.Ш.Юсупова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Казань, 1994. – С.11.

⁷ *Исхаков М.* Феномен татарского джадидизма: Введение к социокультурному осмыслению / М.Исхаков. – Казань: Изд-во «Иман», 1997. – С.27

⁸ Программа для нетатарской начальной и средней школы / Сост. М.Х.Курбангалиев, З.Б.Бадигуллин. – Казань, 1933. – С.5.

⁹ *Шәкүрова М.М., Йосыпов А.Ф.* Татар телен укыту методикасы: Теория һәм практика / М.М.Шәкүрова, А.Ф.Йосыпов. – Казан: Казан дәүләт ун-ты нәшр., 2009. – С.139.

¹⁰ *Шакурова М.М.* Татар теле: Татарский язык для иноязычной аудитории / М.М.Шакурова. – Казань: Изд-во КГТУ, 2001. – С.5.

Аннотация

Статья посвящена истории методики преподавания татарского языка. Процесс становления методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории как самостоятельной науки находится лишь в начальной стадий. Для развития этой методики нужна система новых методических понятий и терминов, разработка новых концепций обучения. История методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории пока еще не до конца осмыслена, не дана и ее периодизация.

Ключевые слова: виды речевой деятельности; говорение; история методики татарского языка; коммуникативно-сознательный принцип; метод обучения; период расцвета методики; речевая ситуация; ситуативные диалоги; текст; тематическое расположение лексического материала; языковые знания.

Summary

The main aim of the methodology of teaching Tatar as a foreign language is to establish scientifically settled theory of teaching Tatar in the audience speaking another language. In the ninties the work of improving curriculum, text-books' and dictionaries' syllabuses for Russian speaking students began in the Republic of Tatarstan. But the formation process of the methodology of teaching Tatar in the audience speaking another language as an independent science is in the early stage. A system of new methodical concepts and terms is necessary for the development this methodology.

УДК 80/81

ВСЕГДА НА НАПРЯЖЕННОМ ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ
 К юбилею члена-корреспондента АН РТ,
 доктора филологических наук, профессора Ф.А. Ганиева

Ф.Ю. Юсупов, профессор

Фуат Ашрафович Ганиев в 1957 году поступает в аспирантуру в Институт языка, литературы и истории КФАН СССР, пишет диссертацию под научным руководством известного профессора Латифа Заляя.

В 1963 году он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Видовая характеристика глаголов татарского языка». В ней он впервые в тюркологии открыл наличие предельных и непредельных глаголов в тюркских языках. Он научно доказал, что в тюркских языках нет категории совершенного и несовершенного видов. До него большинство исследователей допускали наличие данной категории в тюркских языках. Он установил, что значения категории совершенного и несовершенного видов, имеющиеся в русском языке, в тюркских языках передаются имплицитно формами времени, в зависимости от предельности и непредельности глаголов, что явилось совершенно новым положением в тюркологии. Он впервые сумел объяснить, что в тюркских языках модифицирующие глаголы (так называемые вспомогательные глаголы) никакого отношения не имеют к выражению категории совершенного и несовершенного видов. Фуат Ганиев впервые в тюркологии установил и системно исследовал категорию способов действия («Aktionsart»). Как показал ученый, например, в татарском языке это категория, является лексико-граммати-

ческой, ибо в ее выражении участвуют как лексические, так и грамматические средства: модифицирующие глаголы, редупликация глагольных форм и суффиксы.

В 1970–1985 годах он издает ряд монографий «Фонетическое словообразование в татарском языке» (1973), «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке» (1974), «Вопросы морфологии татарского языка» (1980), «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985).

В 1977 г. Фуат Ганиев защитил докторскую диссертацию на тему «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке». В докторской диссертации и в монографиях, изданных в вышеуказанные годы, им установлено 8 способов словообразования в татарском языке: 1) фонетический, 2) суффиксальный, 3) основосложение, 4) переход словосочетания в сложное слово, 5) переход словосочетания в сложное слово при одновременной его суффиксации, 6) конверсия (переход слова и словоформы одной части в другую), 7) лексико-семантический, 8) аббревиация.

Следует отметить, что в тюркологии в грамматиках до исследований Фуата Ганиева, как правило, рассматривалось лишь 3-4 способа словообразования. Более того, три способа словообразования, а именно: основосложение, переход словосочетания в

сложное слово, переход словосочетания в сложное слово при одновременной суффиксации – изучались как один способ – словосложение, что в корне искажало систему образования сложных слов в татарском языке.

В тюркологии практически не обращалось внимания на конверсию как на способ словообразования, тогда как она представляет целую систему и в какой-то степени напоминает конверсию в английском языке. Ф.А.Ганиев этой проблеме посвятил целый труд.

В татарском языке как реликтовое явление сохранился и фонетический способ словообразования, которому ученый уделил внимание в своих работах.

Ученый исследует *суффиксальное словообразование структурно-функциональным методом*, связывая значение каждого суффиксального слова со значением производящей основы, что дало возможность объективно и правильно раскрыть словообразовательные значения, чего не было в грамматиках до исследований Фуата Ганиева.

Во всем языкознании структура слова, как известно, рассматривается как морфологическая структура. Фуат Ганиев в слове находит две структуры: 1) *словообразовательную структуру*; 2) *морфологическую структуру*. По мнению ученого, они между собой ничего общего не имеют: словообразовательная структура выражает все то, что в слове имеет лексическое значение, морфологическая структура выражает все то, что в слове имеет грамматическое значение, и это является совершенно новым положением в лингвистике.

Следует подчеркнуть, что ученый категорически против употребления термина «аффикс» вместо термина «суффикс». Как известно, термин аффикс является общим обобщающим термином для многих понятий: для префикса, конфикса, инфикса, суффикса, интерфикса и т.д.

Ф.А.Ганиев определил также критерии различения омонимичных суф-

фиксов. Он учел и проанализировал практически весь состав словообразующих суффиксов в татарском языке, увеличив их количество более, чем в 2 раза в сравнении с существовавшими до него в исследованиях и грамматиках татарского языка.

Отдельные новые научные положения отражены также в труде «Татарский язык: проблемы и исследования» (2005). Ф.А.Ганиев создал самостоятельную лингвистическую дисциплину – словообразование в татарском языкознании.

Как известно, все исследователи рассматривают тюркские языки только как агглютинативные, по их мнению, в них как грамматические, так и лексические значения выражаются агглютинацией, т.е. суффиксацией. Такое рассмотрение полностью искажает сущность и характер тюркских языков, ибо в них больше половины лексических, около половины грамматических значений выражается *аналитически*, т.е. дополнительными словами. Как видно, отнесение тюркских языков только к агглютинативным далеко от истины. Тюркские языки, по мнению ученого, являются агглютинативно-аналитическими языками. Отсюда ясно, что морфология тюркских языков наполовину является аналитической, и в лексике тюркских языков больше половины аналитические, т.е. сложные слова. Это положение, безусловно, является *большим открытием*.

Фуат Ганиев впервые в тюркологии установил наличие аналитических падежей, как это имеет место во французском и английском языках. Например, в татарском языке имя с нулевым *суффиксом+послелог* широко употребляется в татарском языке. Это *положение* представляет собой новизну для татарского языкознания, в принципе и для тюркологии. По этой новой концепции, выдвинутой Ф.А.Ганиевым, уже успешно защищена кандидатская диссертация.

Новым для тюркологии является установление интерфиксов в тюркских

языках, что дает возможность конкретно и правильно раскрыть структуру многих тюркских производных слов и их форм, до сих пор неадекватно трактуемых в тюркологии (*алты+и+ар*).

Прорывом в изучении лексики татарского языка является установление наличия в нем *огромного количества сложных лексических единиц*. При составлении словарей не учитывалось, не принималось во внимание такое богатство языка из-за незнания его аналитизма. Ученый все это доказал научно. Поскольку при составлении словарей не учитывались сложные слова, тюркские словари выглядели и выглядят очень бедно. В настоящее время сложные слова уже включаются в словари. Как видно, научная теория проникает в практику.

В результате научных исследований Ф.А.Ганиева в татарском языкознании появилась новая дисциплина «Словообразование» наряду с «Морфологией» и «Синтаксисом». Эти же научные исследования дали возможность ученому впервые в татарском языкознании создать и издать учебное пособие для вузов «Словообразование в татарском языке» (1988, 2003, 2005, 2009). Башкирские ученые полностью использовали данный труд для написания своего пособия.

Ф.А.Ганиевым опубликована монография «Функциональное словообразование в татарском литературном языке» (2009), не имеющей аналога в тюркологии. В этой работе словообразование исследуется от семантики к форме. Монография представляет значительный интерес для сопоставительно-типологического изучения татарского языка.

Ф.А.Ганиев, по приглашению в Турцию участвовал в составлении «Общей грамматики тюркских языков» (в двух томах).

Ф.А.Ганиев – автор свыше 300 научных трудов, в том числе 16 монографий. В книге «Современный татарский язык: словообразование» ученый обоб-

щил все свои изыскания в области татарского словообразования. Создатель (в соавторстве) и научный редактор трехтомной академической грамматики татарского языка. За нее ведущие авторы, в том числе Ф.А.Ганиев, стали лауреатами Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан.

Вместе с тем, ученый внес и вносит большой вклад в татарскую лексикографию. Он соавтор однотомного «Русско-татарского словаря» (Казань, 1971), «Татарско-русского словаря» (Москва, 1966). Ученый является одним из основных составителей трехтомного «Толкового словаря татарского языка» (Казань, 1977–1981). Под его научным руководством, редакцией и при участии изданы такие солидные словари как: «Татарско-русский словарь» (Казань, выдержавший пять изданий), «Русско-татарский словарь» (Москва, выдержавший четыре издания), «Татарско-русский учебный словарь» (Москва, Казань выдержавший три издания), «Татарско-турецкий словарь» (Москва) и «Турецко-татарский словарь» (Москва).

В 2005 г. вышел из печати большой однотомный «Толковый словарь татарского языка» (143 печ.л.), который был высоко оценен широкой общественностью и специалистами. В него впервые в тюркологии включены составные глаголы. Этот словарь для татарской лексикографии является приблизительно тем же, чем является однотомный словарь С.И.Ожегова для русского языка.

Под его научным руководством, редакцией и при участии издан «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий» (2006), в котором татарский именник дан в транслитерации на русском языке. Данный словарь включает в себя правописание 7 тысяч личных имен так необходимых для различных отраслей и структур.

Ф.А.Ганиев занимается и проблемами орфографии татарского языка, исследованием ее научных основ. Им

в соавторстве создан и издан новый «Орфографический словарь татарского языка» с учетом орфографии толковых словарей, ибо их орфография, как правило, является нормой для письменности.

Ученым составлен и издан в 2009 г. оперативный «Русско-татарский словарь» (62,5 печ. л.) для изучения татарского и русского языков. Издана первая часть «Толкового словаря составных глаголов татарского языка» (буквы А-К). Этот словарь наглядно показывает исключительное богатство глагольной системы татарского языка, словарь не имеет аналогов в тюркологии. Под его руководством составлено и издано 24 русско-татарских лексических минимума для работников различных отраслей народного хозяйства и культуры для изучения государственных языков Республики Татарстан на курсах и кружках.

Составленная лично Ф.А.Ганиевым часть словарей составляет свыше 450 печ. л.

Под научным руководством Ф.А.Ганиева также составлены: «Школьный толковый словарь татарского языка» (70 авт. л.), «Русско-татарский словарь новых слов и новых значений» (40 авт. л.), «Татарско-русский словарь» (150 авт. л.). Начато составление 4-томного «Толкового словаря татарского языка» объемом 450 авт. л. Все эти словари составлены и составляются по «Инструкции», разработанной ученым.

Все это говорит об огромном вкладе ученого в *обогащение татарской лексикографии*.

Ф.Ганиевым прочитано 117 докладов, из них 24 – на международных (Берлин, Бухарест, Прага, Москва, Казань, Симферополь, Анкара, Измир, Елази и т.д.), 25 – на всесоюзных и всероссийских конференциях.

Ученый является научным редактором 110 научных изданий.

Под его научным руководством защищена 31 кандидатская диссертация, в настоящее время ученый руководит несколькими аспирантами.

По новым научным концепциям и положениям Ф.А.Ганиева написано и защищено 14 докторских и свыше 30 кандидатских диссертаций. За научной консультацией в Казань к Фуату Ашрафовичу очень часто приезжают ученые из разных республик и регионов.

Таким образом, ученым создана своя научная школа.

Ф.А.Ганиев является автором проекта «Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ» и автором проекта Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», которые были утверждены Верховным Советом Республики Татарстан. По реализации татарского языка как государственного ученый работал в комиссиях, опубликовал значительное количество статей, в которых подчеркивал, что ни слова, а только действия татарский язык сделают государственным!

Наряду с большой научной работой Ф.А.Ганиев около 30 лет вел общие и специальные курсы в Казанском государственном университете, Казанском педагогическом институте и Набережно-Челнинском педагогическом институте в качестве совместителя, читал лекции в Башкирском, Кабардино-Балкарском университетах, в Елабужском государственном педагогическом институте.

Он часто выступает в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций.

В течение нескольких лет с перерывами ученый был председателем ГЭК и ГАК в Казанском государственном университете, в Елабужском государственном педагогическом институте.

Ф.А.Ганиев активно участвовал и участвует в общественной жизни института и республики: долгие годы работал заместителем председателя и председателем профкома института. Возглавлял Республиканский координационный совет по лингвистике, являлся членом научного совета Академии наук СССР «Язык и общество»,

заместителем председателя комиссии по реализации татарского языка, членом Советского комитета тюркологов, в настоящее время является членом ученого совета ИЯЛИ АН РТ, членом диссертационных советов ИЯЛИ и КГУ, членом комиссии по топонимике Казанской городской думы, членом Всероссийского общества востоковедов.

Ф.А.Ганиев награжден несколькими государственными медалями. Кембриджским биографическим центром (Англия) внесен в энциклопедии: «Знаменитые люди XX века» (1998), «Международные интеллектуалы: кто есть кто» (1999), «Современная наука» (2003) – за большой вклад в филологию. Избран иностранным член-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (2000) и советником Американского биографического института (2000). Русской Академией наук и искусств он также включен в биографический справочник «Известные русские: кто есть кто на рубеже тысячелетия» (3-е изд.) (2000).

Заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Российской Федерации, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, действительный член Российской Академии гуманитарных наук, иностранный член-корреспондент Турецкого лингвистического общества, лауреат Государственной премии имени Кул Гали, лауреат Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан, главный научный сотрудник ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор Ф.А.Ганиев внес, бесспорно, весомый вклад как в татарское языкознание, так и тюркологию. Но впереди еще много дел, большие планы, интересные замыслы – словом, для ученого продолжается напряженная и плодотворная работа. Зная широкий диапазон его научных интересов, неиссякаемую энергию, умение без усталости трудиться, коллеги и его друзья уверены в том, что Фуат Ашрафович Ганиев полностью выполнит программу-максимум, принятую им самим же.

ПРИМЕЧАНИЯ

Монографии

1. Видовая характеристика глаголов татарского языка: (Проблема глагольного вида в татарском языке) / АН СССР. КФ. ИЯЛИ. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. – 180 с.
2. Фонетическое словообразование в татарском языке / Пед. общ-во РСФСР. Татар. отд-ние. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 40 с.
3. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке / АН СССР. ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 231 с.
4. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. – Казань: Изд-во КГУ, 1976. – 108 с.
5. Вопросы морфологии татарского языка. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 81 с.
6. Конверсия в татарском языке / АН СССР. КФ ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 110 с.
7. Татарская грамматика. – Т. I. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 586 с. (I изд.); 1995 (II изд.) / Науч. ред. и соавтор. Часть Ганиева Ф.А. составляет 312 с.
8. Татарская грамматика. – Т. II. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 398 с. (I изд.); 1997 (II изд.) / Науч. ред. и соавтор.
9. Татар грамматикасы. – Т. I. – М.: Инсан, 1998. – 512 б. / Науч. ред. и соавтор. Часть Ганиева Ф.А. составляет 312 с.
10. Татар грамматикасы. – Т. II. – М.: Инсан, 2002. – 448 б. / Науч. ред. и соавтор.
11. Хәзерге татар әдәби теле: татар телендә сүзьясалышы. – Казан: Татар. китап нәшр., Мәгариф, 2000. – 271 б.

12. Татарский язык: проблемы и исследования. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 432 с.
13. Образование сложных слов в татарском языке. – М.: Наука, 1982; – Казань: Печатный двор, 2002. – 192 с.
14. Способы действия глаголов в татарском языке. – Казань: Дом печати, 2003. – 152 с.
15. Современный татарский литературный язык. Словообразование по конверсии. – Казань: Дом печати, 2004. – 160 с.
16. Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 274 с.
17. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005. – 360 с.
18. Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы. – Казан: Мәгариф, 2006. – 275 с.
19. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. – Чебоксары: Тан Дим, 2009. – 263 с.
20. Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы. – Казан: Мәгариф, 2009. – 274 с.
21. Избранные статьи. – Казань: Паравитта, 2010. – 330 с.

Концептуальные статьи

1. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Вопросы тюркологии / КГПИ. – Казань, 1970. – С.74–84. – Учен. зап. – Вып. 74.
2. К вопросу классификации частей речи в современном татарском языке: (На материале существительных, прилагательных и наречий) // Вопросы тюркологии: К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М.Ш.Ширалиева / АН Азерб. ССР. ИЯ. – Баку: Элим, 1971. – С. 274–284.
3. К вопросу о сложном глаголообразовании в тюркских и монгольских языках // Проблема общности алтайских языков / АН СССР. ИЯ. – Л., 1971. – С. 377–382.
4. Методы и принципы изучения сложных слов // Сов. тюркология. – 1977. – № 4. – С. 31–35.
5. Аналитическая морфология тюркских языков: Проблемы и задачи // Сов. тюркология. – 1979. – № 1. – С. 3–8.
6. Об орфографии сложных слов в тюркских языках // Сов. тюркология. – 1979. – № 5. – С. 36–40.
7. Татарский язык на границе веков // «Татарстан», 2002, № 8-9. – С. 39–42.
8. Основа сохранения татарского народа – сохранение и развитие его языках // Актуальные экологические проблемы республики Татарстан. – Казань, 1997. – С. 344–345.
9. Функционирование татарского языка как государственного // Татарлар хәзерге дөньяда. – Казань: Фән, 1998. – С. 699–704.
10. Принципы транслитерации татарского именника на русский язык // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка: Сб.ст. – Вып. 6. – Казань: Фикер, 2003. – С. 23–30.
11. Татар орфографиясенә кайбер фәнни нигезләре турында // Фәнни Татарстан. – Казан, 2003.
12. Состояние и перспективы татарской лексикографии // Научный Татарстан, 2004, № 1–2, Казань. – С. 174–177.

Словари

1. Русско-татарский словарь (в одном томе) (соавтор). – Казань: Таткнигоиздат, 1971. – 521 с.
2. Татарско-русский словарь (соавтор). – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с.
3. Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә (соавтор). – 3 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977, 1979, 1981.

4. Русско-татарский словарь (руководитель, науч. ред., соавтор). – Москва: 1984, 1985, 1991, 1997. – 736 с.
5. Татарско-русский словарь (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988, 1995, 2002, 2004, 2009. – 462 с.
6. Русско-татарский словарь (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 212 с.; 2001. – 201 с.
7. Русско-татарский общественно-политический словарь (науч. ред., соавтор). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. – 128 с.
8. Русско-татарский словарь (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казань: Раннур, 2000. – 368 с.
9. Tatarca-türkçe sözlük (руководитель, науч. ред., соавтор). – Москва: Инсан, 1997. – 496 б.
10. Türkçe-tatarca sözlük (руководитель, науч. ред., соавтор). – Москва: Инсан, 1998. – 560 б.
11. Татарско-русский учебный словарь. (руководитель, науч. ред., соавтор). – М.: 1992, 1993; – Казань: Раннур, 2000. – 416 с.
12. Татар теленең орфография сүзлеге (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казан: Раннур, 2002. – 432 б.
13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (бер томда) (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 812 б.
14. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий. (руководитель, науч. ред., соавтор). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 374 с.
15. Русско-татарский словарь. – Казань: Раннур, 2009. – 630 с.
16. Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге (А–К). – Казан: Мәгариф, 2009. – 375 б.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

28 апреля 2010 г. в Национально-культурном центре «Казань» состоялась Международная научно-практическая конференция «Роль гуманитарных наук в современном мире», приуроченная к 70-летию образования Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

В работе форума приняли участие ученые Татарстана, представители научных учреждений Москвы, Уфы, Пятигорска, Чебоксар, Саранска, Ижевска, Йошкар-Олы и других городов России, а также Турции, Туркменистана и Азербайджана.

К мероприятию изданы юбилейный альбом, посвященный многолетней деятельности коллектива института, а также биобиблиографический указатель «Трудов ученых ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова: 1939–2009 гг.».

* * *

26–30 апреля вице-президент Академии наук Татарстана А.Л.Абдуллин, член президиума АН РТ, генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Р.С.Яруллин и начальник научно-инновационного отдела академии В.А.Арсланов посетили Баварию в составе делегации Татарстана. Визит в ФРГ состоялся по приглашению Министерства экономики, инфраструктуры, транспорта и технологий Баварии. Возглавил делегацию Татарстана министр промышленности и торговли РТ Р.Х.Зарипов.

Члены татарстанской делегации посетили предприятия Баварии, организовали и провели бизнес-форум «Татарстан – деловой партнер». Во время визита в Баварию состоялись переговоры с компанией «Krauss Maffei» – основным разработчиком и поставщиком оборудования и технологий для автомобилестроительной отрасли Германии. Были представлены экспозиции по актуальным разработкам в данной сфере. Участники встречи решили организовать совместную работу по направлению «автокомпоненты». «Krauss Maffei» также является производителем оборудования для точного литья из полимеров в абсолютно чистой среде при изготовлении медицинских изделий.

С руководством компании «Сименс» татарстанцы обсудили возможности создания совместного предприятия по производству электротехники среднего напряжения, а с представителями компании «IBM» – совместного производства электрозащитного оборудования.

Во время посещения фирмы «Химический кластер» была достигнута договоренность о предоставлении этой фирме инновационных проектов Татарстана, в том числе проекта по переработке использованных автомобильных шин. Также договорились о возможности сотрудничества с фирмой «Invest in Bavaria» по вопросу продвижения инновационных проектов Татарстана в Баварии.

В ходе деловых встреч с участием представителей Академии наук РТ, Комитета по развитию малого и среднего предпринимательства РТ, Министерства по делам молодежи, спорту и туризму РТ были достигнуты и другие договоренности. Участники совещания в Минпромторге РТ определили план действий по проработке договоренностей с предприятиями и организациями Татарстана.

* * *

С 21 апреля по 4 мая президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров находился в служебной командировке в Чехии и Германии.

В Чехии президент АН РТ А.М.Мазгаров встретился с президентом Академии наук Чехии Иржи Драгошем, а также с директором института астрономии Яном Палоушем. Речь шла о сотрудничестве ученых Татарстана и Чехии. Особое внимание было уделено работе с одаренной молодежью.

В это же время в Праге проходила образовательная смена «Сэлэт-Прага-2010», организованная Татарстанским республиканским молодежным общественным фондом «Сэлэт» при поддержке Министерства по делам молодежи, спорту и туризму РТ. В этом году школа была посвящена искусству управления проектами (Project management). Для участников были организованы спецкурсы «Медиаискусство», «Клуб английского языка» и «Составление проектов». В школе принимали участие 30 активистов движения «Сэлэт», а также представители научной и образовательной сфер. Президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров прочитал участникам школы лекцию.

3 мая радио «Азатлык» взяло у академика подробное интервью, в котором ученый поделился своими размышлениями о необходимости поддержки одаренных детей (текст интервью – <http://www.azatliq.org/content/article/2030675.html>).

Деловая часть поездки Ахмета Мазгаровича продолжилась в Германии. В городе Франкфурт-на-Майне состоялась встреча с доктором Peter K. Heesen, представлявшим фирму GWT. В Хемнице президент АН РТ провел переговоры с доктором Энгельманом – главой фирмы САС: обсуждалась совместная работа фирмы САС и Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья над проектом строительства газоперерабатывающего завода в Якутии.

* * *

14 мая 2010 г. в большом зале Академии наук РТ состоялся финал и торжественное закрытие II Республиканского конкурса среди учащихся 7–11 классов «Эрудит 2010». Организаторами проекта выступили Академия наук Республики Татарстан, Министерство образования и науки Республики Татарстан, Инновационный Технопарк «Идея» и ТГГПУ. Генеральный спонсор конкурса – директор ООО «Тандем-Д» Ю.А.Семенов.

Конкурс «Эрудит» проводится в третий раз. Цель конкурса – поиск и поддержка творческих и одаренных детей, развитие интереса у учащихся к науке и потребности к углублению и расширению знаний. «Эрудит» проводится в двух возрастных группах – 7–9 и 10–11 классы и состоит из двух туров. I тур, который прошел 11 апреля 2010 г., пре-

дусматривал письменные задания, содержащие вопросы как из области школьных знаний, так и вопросы на общую эрудицию.

Во II туре конкурса «Эрудит» приняли участие 152 человека из Казани и районов РТ, финалисты I тура. II тур был организован в очной форме и представлял собой устные ответы участников на вопросы ведущего. Вопросов было около 100 из 8 областей знаний: биологии, истории, литературы, математики, физики, философии, химии, экономики. Вопросы были подготовлены Отделениями Академии наук Татарстана. Ответы оценивало авторитетное жюри из представителей Академии наук Татарстана.

Все конкурсанты получили сертификаты «За участие» от Министерства образования и науки РТ, Академии наук РТ.

Учащиеся, набравшие максимальные баллы по итогам 2-х туров, были удостоены звания «Юные Академики». Победителями в этой номинации стали: Альфия Забирова, учащаяся 8 класса средней общеобразовательной школы № 16 (г. Альметьевск) и Аль Анси Аммар, учащийся 11 класса лицея им. Н.И. Лобачевского при КГУ.

Лауреатами в конкурсе «Эрудит 2010» стали:

Максим Меринов, учащийся 7 класса гимназии № 102 им. М.С. Устиновой, г. Казань; Денис Детистов, учащийся 9 класса средней общеобразовательной школы №7, г. Альметьевск; Георгий Ризаев, учащийся 8 класса лицея № 35, г. Нижнекамск; Алексей Терехов, учащийся 11 класса лицея № 35, г. Нижнекамск; Айдар Низамов, учащийся 11 класса, Стародрожжановская средняя общеобразовательная школа; Эдуард Гилязов, учащийся 11 класса лицея № 78 им. А.С. Пушкина, г.Набережные Челны; Денис Трофимов, учащийся 10 класса лицея № 35, г. Нижнекамск.

Поощрительные дипломы получили:

Андрей Синичкин, учащийся 8 класса лицея № 145, г. Казань; Анастасия Горлова, учащаяся 8 класса средней общеобразовательной школы № 15, г. Казань; Гульназ Гиматдинова, учащаяся 10 класса лицея № 78 им. А.С. Пушкина, г.Набережные Челны; Елена Лиманская, учащаяся 10 класса лицея № 145, г. Казань.

Дипломами «За активное участие в конкурсе» были награждены:

Аделя Зайнуллина, учащаяся 8 класса гимназии № 102 им. М.С. Устиновой, г. Казань; Артур Фахрутдинов, учащийся 7 класса средней общеобразовательной школы № 175, г. Казань; Мартин Габдушев, учащийся 8 класса средней общеобразовательной школы № 151, г. Казань; Дмитрий Ермолаев, учащийся 8 класса Матакской средней общеобразовательной школы, Дрожжановский район; Константин Сафронов, учащийся 9 класса гимназии № 3, г. Зеленодольск; Никита Мещеряков, учащийся 8 класса гимназии № 102 им. М.С.Устиновой, г. Казань; Гульназ Журавлева, учащаяся 8 класса лицея № 78 им. А.С. Пушкина, г. Набережные Челны; Лейсан Ахметзянова, учащаяся 7 класса НОУ «Академического лицея им. Н.И. Лобачевского», г. Казань; Адель Азизов, учащийся 9 класса гимназии им. М.М. Вахитова, г.Буинск; Валентина Афанасьева, учащаяся 9 класса Чувашско-дрожжановской средней общеобразовательной школы, Дрожжановский район; Михаил Бус, учащийся 9 класса гимназии №102 им. М.С. Устиновой, г. Казань; Кирилл Новиков, учащийся 9 класса гимназии № 102 им. М.С. Устиновой, г. Казань; Мария Медведева, учащаяся 9 класса лицея № 2, г. Казань; Александр Зайков, учащийся 8 класса Нурлатской средней общеобра-

зовательной школы № 1, г. Нурлат; Ильнур Ишмуратов, учащийся 11 класса средней общеобразовательной школы № 120, г. Казань; Артур Дулкарнаев, учащийся 10 класса средней общеобразовательной школы им. Ю.А. Гагарина, г.Бавлы; Юлия Зотова, учащаяся 11 класса лицея № 1, Зеленодольский район; Кристина Павловская учащаяся 10 класса гимназии № 3, г.Зеленодольск; Ольга Нивина, учащаяся 10 класса гимназии № 139, г.Казань; Константин Задворнов, учащийся 11 класса средней общеобразовательной школы, Пестречинский район.

Генеральным спонсором конкурса «Эрудит», директором ООО «Тандем-Д» Семеновым Ю.А. и директорами республиканских лагерей Л.В. Бикмуллиной и Ю.Б. Юсуповой были награждены:

– учащиеся, удостоенные звания «Юный академик», – электронными книгами;

– учащиеся, удостоенные звания «лауреатов» – лазерными принтерами и путевками в республиканские лагеря «Байтик», «Территория МБ».

Учащиеся, удостоенные Почетных грамот Академии наук РТ «За активное участие в конкурсе», были награждены памятными книгами от АН РТ. Учащиеся, набравшие самые высокие результаты по двум и более дисциплинам по итогам I письменного тура конкурса, были удостоены грамот оргкомитета конкурса «Эрудит».

* * *

14 мая в малом зале Академии наук РТ состоялся круглый стол «Выявление и поддержка одаренной молодежи: взаимодействие государства и бизнеса». Круглый стол был приурочен к финалу II Республиканского конкурса среди учащихся 7–11 классов «Эрудит 2010», цель которого – выявление одаренной молодежи.

О первостепенности задачи совершенствования системы выявления и поддержки одаренной молодежи в своем выступлении на совместном заседании президиума Госсовета, советов по культуре и по науке, прошедшем 22 апреля 2010 г., заявил Президент Медведев.

Целью круглого стола стал поиск путей модернизации системы выявления и поддержки одаренной молодежи в Татарстане на основе взаимодействия государства и бизнеса. Вела круглый стол Р.В.Даутова, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ.

В работе круглого стола приняли участие:

1. Салихов К.М. – академик, вице-президент АН РТ, директор Физико-технического института им. Е.К. Завойского.

2. Соломонов Б.Н. – профессор, заведующий кафедрой физической химии Поволжского федерального университета.

3. Семенов Ю.А. – генеральный директор ООО «Тандем-Д», генеральный спонсор конкурса «Эрудит».

4. Таркаева Н.А. – заместитель председателя Государственного комитета по развитию малого и среднего предпринимательства РТ.

5. Зарипова Г.Д. – руководитель городского центра творческого развития и гуманитарного образования для одаренных детей.

6. Беспалова Т.В. – директор НОУ «Академического лицея им. Н.И. Лобачевского»

7. Сочнева В.В. – директор республиканского физико-математического лагеря для одаренных детей «Квант».

8. Гуревич П.А. – профессор, директор республиканского химического лагеря «Орбиталь».

9. Юсупова Е.Б. – директор республиканского интеллектуально-психологического лагеря «Территория Мы».

10. Финалист конкурса Эрудит 2010 – академик – Аль Анси Амар, учащийся 11 класса Лицея им. Н.И. Лобачевского при КГУ (г. Казань).

* * *

14 мая Академию наук Республики Татарстан посетила с деловым визитом делегация из Республики Беларусь – первый заместитель председателя Президиума Национальной Академии наук Беларуси Сергей Кимович Рахманов и заместитель Председателя Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь Александр Петрович Русецкий. Цель визита – обсуждение конкретных направлений предстоящего сотрудничества Академии наук Татарстана и Национальной Академии наук Беларуси.

Белорусских гостей принимали от Академии наук Татарстана вице-президент Айрат Лесталевич Абдуллин, вице-президент Азат Шаймуллович Зиятдинов, главный ученый секретарь Дания Фатиховна Загидуллина и заместитель президента Асхат Мухаметзянович Гумеров, член президиума АН РТ, генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвестхолдинг» Рафинат Саматович Яруллин. Во время встречи обсуждался перечень проектов для совместной деятельности, который был представлен белорусскими коллегами. Проекты затрагивают актуальные проблемы в области химии и нефтехимии, энергоресурсосбережения, биотехнологии и машиностроения, а также в области светодиодной техники и электроники.

Нынешний визит представителей научного сообщества Беларуси в Казань стал продолжением завязавшихся в прошлом году контактов между двумя национальными академиями. В 2009 г. делегация Академии наук Татарстана участвовала в торжествах, посвященных 80-летию Национальной Академии наук Беларуси.

В июне 2010 г. планируется ответный визит ученых Академии наук Татарстана в Республику Беларусь, во время которого Академии собираются подписать договор о сотрудничестве.

* * *

17 мая представители Академии наук Татарстана приняли участие во встрече Премьер-министра Республики Татарстан Ильдара Халикова с президентом инвестиционного фонда «Burrill&Company» (США) г-ном Стивеном Беррелом. Речь шла о создании совместного венчурного фонда в области биотехнологий.

Академию наук Татарстана представляли вице-президент АН РТ А.Абдуллин, член президиума, генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Р.Яруллин. Во встрече также приняли участие директор ГНО «Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан» А. Айдельдинов, председатель правления банка «Ак Барс» Р.Миннегалеев, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И. Гафуров.

Встреча состоялась в здании Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации (Москва).

Оценивая предложения инвестиционного фонда «Burrill&Companу», Ильдар Халиков назвал их «живыми, конкретными предложениями».

Представители фонда «Burrill&Companу» сообщили, что их специалистами уже накоплен опыт в области создания и дальнейшей деятельности подобных совместных проектов в ряде таких стран, как Малайзия, Индия, Китай.

В случае создания татаро-американского венчурного фонда в области биотехнологий представители «Burrill&Companу» вложат в него портфель акций своих компаний.

* * *

25 мая в здании Академии наук РТ (ул.Баумана, 20) прошло Общее собрание АН РТ. Участвовали Премьер-министр РТ И.Ш. Халиков, заместитель Председателя Госсовета Р.А. Ратникова, первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф. Муратов, министр экономики РТ М.Р. Сафиуллин, министр образования и науки РТ А.Х. Гильмутдинов, министр экологии и природных ресурсов РТ А.К. Садретдинов, секретарь Совета Безопасности РТ В.А. Власов, министр по делам молодежи, спорту и туризму РТ Р.Т. Бурганов, академик РАН М.Ч. Залиханов и др. – действительные и почетные члены, члены-корреспонденты АН РТ, руководители научно-исследовательских и образовательных учреждений республики, представители государственных ведомств.

В программе Общего собрания было три главных вопроса.

С докладом «Об основных итогах деятельности Академии наук Республики Татарстан и очередных задачах» выступил президент АН РТ, академик А.М. Мазгаров. Затем слово было предоставлено академику РАН и АН РТ А.И. Коновалову, который поделился своими впечатлениями от Общего собрания РАН, состоявшегося в Москве неделю назад. Далее на трибуну была приглашена И.А.Ларочкина – помощник Президента РТ по вопросам недропользования, нефти, газа и экологии, директор Института проблем экологии и недропользования АН РТ. Она рассказала о последних достижениях и наиболее перспективных направлениях деятельности ИПЭН. Также с докладами выступили академик-секретарь Отделения математики, механики и машиноведения АН РТ Г.Л.Дегтярев, ректор Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева, академик АН РТ Ю.Ф.Гортышов, генеральный директор ОАО «ИПТ «Идея»», доктор технических наук С.В. Юшко.

Всеобщее внимание привлекло выступление Премьер-министра РТ И.Ш. Халикова. Он заверил научное сообщество о готовности обсудить наиболее важные проблемы развития науки в Татарстане, в частности, пообещал в ближайшее время встретиться с членами президиума АН РТ.

Второй вопрос повестки Общего собрания – выборы новых членов Академии наук Республики Татарстан. Свободные вакансии были объявлены по следующим специальностям: «Теория политики, история и методология политической науки (по историческим наукам)» на вакансию члена-корреспондента, «Экономика, организация и управление народным хозяйством» на вакансию действительного члена (академика), «Экономика и земельные отношения» на вакансию члена-корреспондента, «Нервные болезни» на вакансию члена-корреспондента (с

ограничением по возрасту: 50 лет для члена-корреспондента), «Технология производства продуктов животноводства» на вакансию члена-корреспондента, «Геология, поиски и разведка нефтяных и газовых месторождений» на вакансию члена-корреспондента, «Химическая технология» на вакансию члена-корреспондента (с ограничением по возрасту: 50 лет для члена-корреспондента). На 7 вакантных мест было выдвинуто 12 кандидатов, из которых после выборов в Отделениях АН РТ осталось 7.

Действительным членом Академии наук Татарстана единогласно избран Хамидуллин Фильза Гарифович, советник президиума АН РТ.

С результатом 2/3 голосов от всего количества проголосовавших избраны членами-корреспондентами Академии наук Татарстана:

– Хакимов Рафаиль Сибгатович, директор Института истории им.Ш.Марджани;

– Краснов Анатолий Васильевич, профессор, начальник Управления агропромышленного комплекса, земельных отношений и потребительского рынка Аппарата Кабинета Министров РТ;

– Гайнетдинова Дина Дамировна, доцент кафедры неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Казанского государственного медицинского университета;

– Сибгатуллин Фатих Саубанович, профессор Казанского государственного аграрного университета;

– Ларочкина Ирина Андреевна, помощник Президента РТ по вопросам недропользования, нефти, газа и экологии, директор Института проблем экологии и недропользования Академии наук РТ;

– Юшко Сергей Владимирович, профессор Казанского государственного технологического университета, генеральный директор Инновационно-производственного технопарка «Идея».

Также состоялись выборы в почетные (5 кандидатур) и иностранные (4 кандидатуры) члены АН РТ. Почетными членами Академии наук РТ стали:

– Кляшторный Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН;

– Пиотровский Михаил Борисович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, профессор, директор Государственного Эрмитажа;

– Гринберг Руслан Семенович – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института экономики РАН;

– Гильфанов Марат Равильевич – доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института космических исследований РАН, старший научный сотрудник Института астрофизики Общества им. Макса Планка (Германия);

– Лунин Валерий Васильевич – академик РАН, доктор химических наук, профессор, декан химического факультета МГУ.

Иностранцами членами Академии наук РТ стали:

– Иштван Фодор – доктор археологии, профессор, почетный Генеральный директор Национального музея Венгрии;

– Абдулла Аббас – доктор биологических наук, профессор Института биологии и биотехнологий Синьцзянского университета;

– Эдвард Дж.Бюргер – доктор медицинских наук, профессор, директор Института анализа политики здравоохранения (Вашингтон);

– Томас Штрайль – доктор наук, профессор, вице-президент Международного общества исследований геоопасностей, эксперт МАГАТЭ, Президент SARAD GmbH.

Закончилось Общее собрание вручением именных стипендий АН РТ победителям конкурса студенческих работ.

Традиционным финалом Общего собрания стали фотосъемки всех членов АН РТ и аппарата президиума АН РТ.

* * *

26 мая 2010 г. в Большом зале Академии наук Республики Татарстан прошла научно-практическая конференция «Республика Татарстан: история и современность», посвященная 90-летию со дня образования Татарской АССР. Организаторы – Государственный Совет РТ, Академия наук РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ.

В 10.00 часов открылось пленарное заседание, в котором приняли участие заместитель Председателя Госсовета РТ Р.А.Ратникова и руководители республиканских министерств и ведомств. Открыл конференцию президент АН РТ А.М. Мазгаров, который отметил, что 90-летие ТАССР – это большой праздник и повод для подведения некоторых итогов, обсуждения вопросов государственного строительства России, насущных и актуальных проблем современности. «Мы надеемся, что эта конференция станет значительным вкладом в изучение истории развития нашей республики», – сказал он.

Затем для приветствия от Российской академии наук слово было предоставлено академику РАН и почетному академику АН РТ, директору Института океанологии РАН Р.И.Нигматуллину. От имени Председателя Государственного Совета РТ Ф.Х.Мухаметшина поздравила участников конференции его заместитель – Р.А.Ратникова. Она отметила, что последний год в республике проходил под знаком 90-летия со дня образования ТАССР, проинформировала о ходе реализации основных мероприятий по празднованию юбилея. По ее словам, большое внимание уделялось работе по определению мест закладки памятных посадок в честь этой даты и благоустройству захоронений тех, кто внес вклад в становление республики. «90-летие ТАССР – это дата, наполненная глубоким историческим смыслом», – особо подчеркнула Римма Ратникова.

Президент АН РТ А.М.Мазгаров зачитал приветствие от всемирно известного ученого, академика АН РТ Р.З.Сагдеева: «Образование в 1920 г. Татарской АССР ознаменовало начало нового этапа в истории России, в истории ее научного и культурного развития. Я с гордостью наблюдаю, как республика интенсивно интегрируется в мировое сообщество, притягивает все большее внимание других государств. На сегодняшний день Татарстан выступает одним из наиболее стабильных и динамично развивающихся регионов России. Поздравляю многомиллионный народ Татарстана, научное сообщество республики с 90-летним юбилеем. Желаю дальнейших успехов во благо Татарстана и многонационального народа республики», – говорится в его поздравлении.

С докладами выступили заместитель министра экономики РТ А.А.Здунов, гл.н.с. Института российской истории РАН Н.Ф.Бугай, директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Центра социальной антропологии РГГУ, академик РАН, член Общественной палаты РФ В.А. Тишков, академик АН РТ, генерал армии М.А.Гареев, член-корреспондент АН РТ, директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов. Выступления на пленарном заседании были посвящены актуальным проблемам национальной политики и государственности.

В конференции также приняли участие: З.Р. Валеева – заместитель Премьер-министра, министр культуры РТ, А.Х. Гильмутдинов – министр науки и образования РТ, член-корреспондент АН РТ и др. министры; М.Х. Салахов – председатель Совета ректоров РТ, президент ПФУ (КГУ), академик АН РТ; Р.И. Валеев – председатель комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Госсовета РТ. Среди гостей конференции были такие известные российские ученые и политики, как В.А. Михайлов и Р.Г. Пихоя – зав.кафедрами Российской академии государственной службы при Президенте РФ, а также другие государственные и общественные деятели, внесшие вклад в становление и развитие государственности РТ, ученые и специалисты, работающие в области истории государственного строительства, образования и культуры, руководители и специалисты государственных учреждений республики, ведомств РТ и РФ, представители общественных организаций.

Затем обсуждение обозначенных на пленарном заседании актуальных проблем прошло на заседаниях четырех секций конференции:

1. Национальное и государственное строительство в СССР;
2. Достижения науки, образования и культуры в РТ;
3. Социально-экономическое развитие РТ: итоги, перспективы, приоритеты;
4. Развитие государственно-федеративных отношений в современной России.

Целью научно-практической конференции стало не только освещение прошлого, но и обсуждение современного состояния, а также направлений и тенденций развития республики в будущем.

В планы организаторов входит издание сборника тезисов и материалов конференции.

* * *

27 мая в Свияжском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (остров-град Свияжск) состоялось празднование Дня Волги-2010. Организаторы праздника – Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, Министерство образования и науки РТ. Партнер проекта – компания «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия».

Впервые День Волги, внесенный в международный экологический календарь программой «Живая Волга», отмечался 20 мая 2008 г. в Нижнем Новгороде в рамках 10-го Международного научно-промышленного форума «Великие реки».

Цель праздника Дня Волги – привлечение общественного внимания к проблемам сохранения экосистемы Волги и устойчивого использования ее ресурсов. Это региональный фестиваль, чествующий Великую

реку и ее важную роль в снабжении людей водой, питанием, энергией, местами отдыха и жизни. День Волги также акцентирует важность совместных действий всех заинтересованных групп в решении проблем, с которыми сталкивается эта экосистема. В 2009 г. к Нижнему Новгороду присоединились Астрахань, Волгоград и Казань.

В этом году празднование Дня Волги включало в себя как развлекательные мероприятия, так и научные семинары и совещания, посвященные экогидрологическим вопросам и управлению биосферными заповедниками, расположенными на территории Волжского бассейна.

ПРОГРАММА «ЖИВАЯ ВОЛГА»

Бюро ЮНЕСКО в Москве и компания «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» с 2006 г. осуществляют программу «Живая Волга». Программа способствует улучшению экологической осведомленности местного населения, помогая ему таким образом планировать и управлять водосборными процессами по принципам устойчивого развития и ответственно относиться к водным ресурсам. Мероприятия программы направлены на охрану и рациональное использование экосистем Волги.

«Живая Волга» соответствует одному из главных направлений деятельности Сектора естественных наук ЮНЕСКО (на двухлетие 2010–2011): а именно, содействовать устойчивому управлению и сохранению ресурсов пресной воды, суши и биоразнообразия. Также программа приобретает особое значение в рамках Международного десятилетия действий «Вода для жизни» (2005–2015 гг.) и Десятилетия образования в интересах устойчивого развития ООН (2005–2014 гг.).

Волга – самая большая речная система в Европе. Она берет свое начало северо-западнее Москвы и через 3700 км впадает в Каспийское море, где составляет около 80% общего стока речных вод. 2600 км реки пригодны для судоходства. А количество крупных притоков, включая Оку, Самару, Каму и Ветлугу, более двухсот.

Важными проблемами для сохранения и устойчивого использования водно-болотных угодий Волги являются недооценка их значимости, нехватка охранных действий со стороны правительства, коммерческих, общественных организаций и местного населения, недостаточное обучение специалистов и преподавателей, а также нескоординированные действия по сохранению Волги между всеми вышеперечисленными группами.

Интенсивное образование, проведение тренингов и повышение осведомленности об окружающей среде способны изменить отношение людей к воде и ценности водных ресурсов. Для достижения таких изменений были определены три области деятельности программы «Живая Волга».

Первая область деятельности улучшает взаимодействие различных групп населения друг с другом. Этому способствует распространение знаний о ценности водных и водно-болотных ресурсов Волги среди общественности.

Вторая область деятельности направлена на издание образовательных и просветительских материалов и их распространение.

И последняя, третья, область деятельности связана с вовлечением местных органов власти и бизнеса в рассмотрение проблем водных и водно-болотных экосистем. Участие власти и бизнеса в программе будет способствовать устойчивому развитию региона бассейна Волги.

Справка

Остров-град Свияжск расположен в 30 км от Казани в живописном устье реки Свияги на высоком холме площадью 62 га. Он известен с XIII в. После основания в 1551 г. города и монастырей он несколько веков был общероссийской православной святыней. После 1917 г. в Свияжске начались репрессии. В 1918 г. председатель Реввоенсовета России Лев Троцкий ввел здесь первую в Красной Армии децимацию – расстрел каждого десятого, заградительные отряды. С конца 1920-х г. Свияжск был местом изоляции заключенных, филиалом ГУЛАГа. В монастыре размещалась психиатрическая лечебница. Лишь в 1960 г. Свияжск объявлен памятником истории и культуры России. В 1997 г. в ведение Казанской православной епархии был передан Успенский Богородицкий монастырь, призванный оживить древний град и поднять его из руин.

На территории Свияжска находятся 19 памятников истории и культуры федерального значения и 18 – республиканского. Город включен в предварительный список культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

* * *

С 25 по 31 мая в Научной библиотеке при президиуме АН РТ прошла книжная выставка дарственных изданий. Главной особенностью этой выставки является то, что все издания получены в дар от российских, зарубежных ученых, а также писателей, поэтов и видных деятелей РТ.

«Библиотека – это мост из прошлого в будущее. Здесь сохраняется старое, появляется новое и готовится основа для управления информационными процессами в будущем. Мы решаем сейчас задачи, связанные с тем, чтобы оперативно внедрять в практику более совершенные информационно-библиотечные технологии и, несмотря на финансовые трудности, изыскивать возможности для комплектования библиотечного фонда новейшей отечественной и зарубежной литературой, отвечающей запросам читателей», – сказала заведующая научной библиотекой Танзиля Кашаповна Валиахметова.

Научная библиотека была основана в 1936 г. и почти 55 лет находилась на балансе Казанского горкома и Татарского обкома партии. Потом она была передана в ведение Республиканского центра подготовки и повышения квалификации кадров, и только в 1991 г. – в ведение Академии наук Республики Татарстан. На протяжении уже более 70 лет библиотека выполняет одну из основных своих задач: оказывает помощь в организации экономического и политического просвещения читателей, в проведении научных конференций и симпозиумов, пропагандирует достижения в области науки и техники, народного хозяйства, образования и культуры.

На сегодня книжный фонд содержит более 200 тыс. единиц. В его составе литература по истории, праву, технике, краеведению, экономике, художественные произведения русских, советских, зарубежных писателей, классиков татарской литературы и многие другие издания.

Тот факт, что библиотека включена в состав первой в истории Татарстана Академии наук очень значим, ведь наука является основным производителем нового знания. Свободный доступ к информации, дви-

жение идей – вот та питательная среда, которая является обязательным условием для плодотворного развития научной мысли.

Дарственные экземпляры книг библиотеке преподнесли научно-исследовательские учреждения Академии наук РТ: Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, Институт истории им. Ш.Марджани, Институт проблем экологии и недропользования, Академия управления «ТИСБИ», Научно-исследовательский центр семьи и демографии. Московские научно-исследовательские учреждения также прислали свои книги. Это Центр проблемного анализа государственно-управленческого проектирования и Институт экономики переходного периода. Научная библиотека КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, Казанский научный центр РАН, Национальная библиотека РТ также предоставили Научной библиотеке Академии наук РТ свои экземпляры книг.

Особую ценность представляют переданные в дар библиотеке экземпляры книг таких деятелей науки и культуры Республики Татарстан и России, как публицист, профессор КТТУ им. Туполева Н.В. Нарышкин (Махотин), поэт и литературный критик Амир Махмудов, литературовед, вице-президента АН РТ Наиль Валеев, писатель и переводчик Лирон Хамидуллин, а также книги писателей Мирсая Эмира и Гарифа Ахунова, преподнесенные их семьями. Писатели Авраам и Ольга Файнберг – заслуженные деятели науки и культуры РТ, прислали дарственные экземпляры книг из Израиля.

Танзиля Кашаповна говорила, что важнейшим средством распространения информации о достижениях науки и техники служит научная литература, представляющая собой «социальную память» человечества, без которой практически невозможно существование науки. Поэтому изданию и оснащению ею библиотек необходимо уделять не меньше внимания, чем оснащению исследователей научными приборами.

* * *

1 июня в Академии наук РТ открылись научно-практическая конференция и выставка «Инновации РАН – 2010». Эта конференция является ежегодным мероприятием и продолжением серии подобных встреч, проводившихся ранее в Черноголовке (2005, 2007), Нижнем Новгороде (2008), Томске (2009). На этот раз в организации конференции «Инновации РАН» наряду с Российской академией наук принимает участие Академия наук Республики Татарстан.

Программа научно-практической конференции, которая продлилась до 4 июня, включает в себя пленарные заседания и секционные дискуссии (всего 12 секций). Конференцию открыли с приветственными словами академик, вице-президент РАН С.М. Алдошин, Советник Председателя Совета Федерации, академик В.М. Бузник. В работе конференции принял участие и президент Академии наук Татарстана А.М. Мазгаров.

На конференции планируются выступления руководителей РАН и Казанского научного центра РАН, руководителей министерств, институтов и предприятий Республики Татарстан; руководителей структурных подразделений РосНауки, формирующих государственную политику и осуществляющих нормативно-правовое регулирование в сфере научной, научно-технической, инновационной деятельности; руко-

водителей Роспатента, отвечающих за эффективное использование интеллектуальной собственности. Участники конференции обсудили вопросы создания инновационных внебюджетных подразделений в структуре академических институтов, проблемы их взаимодействия с предприятиями малого бизнеса, организациями инновационной инфраструктуры, с органами региональной и местной исполнительной власти.

Были организованы также выставки достижений институтов РАН, отраслевых институтов и промышленных предприятий г. Казани и Республики Татарстан.

Целью конференции явились обсуждение вопросов повышения эффективности инновационной деятельности в институтах РАН, определение путей вовлечения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности в интересах развития экономики регионов России, расширение взаимодействия институтов РАН с институтами Казанского научного центра РАН, отраслевыми институтами и предприятиями республики.

* * *

Общественность Татарстана понесла огромную утрату. На 83 году жизни скончался Почетный член Академии наук Республики Татарстан, художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра Татарстана, дирижер Большого театра, профессор Фуат Шакирович Мансуров. Академия наук Республики Татарстан выражает глубокие соболезнования родным и близким, всей общественности республики.

* * *

16 июня в Академии наук РТ прошла пресс-конференция, посвященная проведению в период с 19 по 21 июня Международного болгарского форума на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. О предстоящем форуме представителям СМИ рассказали вице-президент АН РТ А.Ш.Зиятдинов, руководитель Национального центра археологических исследований при АН РТ А.Г.Ситдинов, член-корреспондент АН РТ Ф.Ш.Хузин.

На форуме обозначены, по словам А.Ситдикова, проблемы и достижения в вопросах изучения болгарской цивилизации. Рассмотрено влияние болгарской цивилизации на страны Восточной Европы. В форуме приняли участие ученые из четырех стран, общее количество участников – около 100 человек. Открытие состоялось в школе искусств города Болгар.

Как рассказал Ф.Хузин, в 2006 г. вышел 2-й том «Истории татар», где много внимания было уделено истории волжских булгар, тесно связанных с современными татарами. Сейчас поставлена задача создать подобный основательный труд, посвященный болгарской цивилизации средневековья. Туда будет включена история Волжских и Дунайских Булгар, а также народов Северного Кавказа, которые имеют болгарское наследие.

По мнению Ф.Хузина, проблемных вопросов в истории болгарской цивилизации много – когда были основаны болгарские города, когда и откуда пришли первые булгары (возможно, их корни искать надо на

Алтае). Этапы их миграции тоже точно не установлены. Чтобы решить эти вопросы, надо привлечь ученых не только России, но и других стран – Украины, Болгарии.

Президент РТ Минтимер Шаймиев предложил учредить ежегодный Болгарский форум в 2009 г. Ученые ряда стран (Украина, Венгрия, Молдова), а также специалисты академических институтов Российской академии наук и российских университетов проявили интерес к будущему форуму как постоянной площадке для обмена мнениями.

На Болгарском форуме рассмотрены проблемные вопросы, связанные с материальной и духовной культурой ранних болгар, их истоков, развития и внешних связей. Цели форума состоят в объединении специалистов, занимающихся болгарской цивилизацией в самом широком спектре; развитии Болгарского музея-заповедника как культурного и туристического центра; углубленном исследовании истоков болгарской цивилизации.

Работа форума прошла по следующим направлениям. Археология – история изучения и современные проблемы археологии болгар VII–X вв. Восточной Европы (традиции болгарской культуры и ее место в евразийской цивилизации); Историческая география археологических памятников салтово-маяцкого круга – региональные аспекты изучения и их своеобразие; Этнодиагностирующие признаки болгарской культуры – керамическое производство, погребальный обряд могильников болгарского круга и их региональная специфика; Архитектура – традиционная и градостроительная культура болгар как критерий цивилизации; Сохранение и развитие историко-культурного наследия болгарского мира.

Академия наук Республики Татарстан в течение многих лет исследует проблемы болгарской цивилизации. Болгары Среднего Поволжья и Балкан на многие века определили историю Восточной Европы, став основой Хазарского каганата, Волжской и Дунайской Болгарии, Золотой Орды.

За последние годы в круг объектов исследования специалистов Академии наук Республики Татарстан включены новые территории в Российской Федерации (Среднее и Нижнее Поволжье, Дагестан), а также введены в научный оборот материалы зарубежных ученых по Приднепровью и Подонью. Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ активно занимается изучением происхождения болгар.

* * *

19 июня состоялось Совместное заседание совета по благотворительной деятельности и попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ, на котором был рассмотрен ход реализации проекта возрождения культурного наследия древнего города Болгар и острова-града Свияжск. В работе заседания приняли участие Президент Татарстана Рустам Минниханов, Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, Премьер-министр РТ Ильдар Халиков, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин.

С основным докладом на заседании выступил Минтимер Шаймиев. Он отметил, что проект восстановления древнего города Болгар и острова-града Свияжск свидетельствует о духовной зрелости много-

национального народа Татарстана. Отрадно, что это благородное дело поддержало руководство Татарстана и России.

Первый Президент РТ назвал приоритетные мероприятия, которые будут проведены в Болгаре и Свияжске: прокладка современных коммуникаций, строительство речных вокзалов, масштабные восстановительные работы, археологические раскопки, строительство жилья для жителей этих городов.

По его словам, древние памятники Болгара и Свияжска будут восстанавливаться так же бережно, как в свое время восстанавливался Казанский Кремль. Уже сформирован первый список пообъектных спонсоров, которые будут восстанавливать объекты культурного наследия Болгара и Свияжска.

Минтимер Шаймиев заявил, что в Болгаре будут построены мечеть и комплекс медресе (на территории между будущим музеем Хлеба и Болгарским городищем). В медресе будет учиться до 30 шакирдов, и, возможно, этот учебный центр станет филиалом Исламского университета.

К следующему году будет построен первый модульный ряд палаточного лагеря, рассчитанный на прием 2000 паломников. Будут восстановлены Южные ворота и городской вал древнего городища. Притягательным объектом для туризма должен стать музей Хлеба.

Монастырь в Свияжске должен стать цветущим садом. Будут восстановлены Успенский собор, Никольская церковь, церковь Константина и Елены, монастырское училище, комплекс зданий казенных помещений, дом Каменева, конный двор и другие объекты.

«Мы знаем, что многие предприятия переживают непростой период в связи с кризисом. Но радует то, что нет ни одного отказа от участия в проекте – этом деле «от души и для души», – подчеркнул Минтимер Шаймиев.

Он отметил, что в фонд «Возрождение» ежедневно поступают средства от граждан и организаций. Широким потоком идут поступления. Особенно активны среди районов: Кукморский, Кайбицкий, Алексеевский, Спасский, Буинский и города Набережные Челны и Альметьевск. В проекте участвуют 547 предприятий и организаций.

Средства перечисляют индивидуальные предприниматели, сельчане, ветераны. «Молиться надо за таких людей», – искренне поблагодарил за этот добрый порыв жителей Татарстана и других регионов РФ Минтимер Шаймиев. По его словам, имена благотворителей будут вписаны в специальную памятную книгу. Будут предусмотрены и памятные знаки для благотворителей.

«Фонд «Возрождение» – это не очередной сбор денег. Деятельность по восстановлению Болгара и Свияжска имеет духовное значение и приносит радость всем. Это новая ступень возрождения духовности», – подчеркнул Государственный Советник РТ.

Он предложил с 1 сентября сделать вводные уроки о Болгаре и Свияжске, чтобы молодежь лучше узнала об этих памятниках истории и культуры. В освещении проекта возрождения Болгара и Свияжска важную роль играют СМИ. Они имеют прекрасную возможность показать хороших людей, участвующих в проекте. Это добрый посыл обществу. Ведущая роль в освещении проекта отводится агентству «Татмедиа».

По мнению Минтимера Шаймиева, началом работ по восстановлению Болгара и Свияжска Татарстан дал сигнал всей России. Пройдут

годы и по всей стране будут восстанавливаться памятники истории и культуры.

В завершении своей речи первый Президент РТ пожелал удачи всем людям и предприятиям, которые участвуют в восстановлении Болгара и Свяжска.

* * *

16–18 июня в Институте океанологии им. П.П.Ширшова РАН состоялась международная конференция «Многофазные системы: мировой океан, природа, человек, общество, технологии», приуроченная к 70-летию юбилею директора института, академика РАН, почетного академика АН РТ Р.И.Нигматуллина. В работе симпозиума принял участие с докладом по современным проблемам нефтепереработки президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров.

Уникальность конференции заключалась в том, что она носила междисциплинарный характер и затронула самые разнообразные научные сферы: физику и химию, историю и философию, медицину, математику и атомную энергетику. Список участников был весьма представительным – это российские и зарубежные ученые, известные как у нас в стране, так и за рубежом. Среди заявленных тем были и очень дискуссионные. Например, академик РАН, академик АН РТ Роальд Зиннурович Сагдеев предложил доклад на тему «Мораль и Наука», а профессор М.Г.Делягин поделился своими размышлениями на тему «Взаимосвязь основных кризисов современного человечества».

Вторая половина дня 17 июня посвящалась юбилею Роберту Искандеровичу Нигматуллину. Сначала с докладом «Парадигма Нигматуллина» выступил профессор А.И.Ивандаев, затем – три представителя знаменитой научной династии Нигматуллиных: брат Б.И.Нигматуллин (доклад «Российская энергетика: состояние и проблемы»), сын и дочь Роберта Искандеровича (Тагир Нигматуллин «Газовые турбины» и Карима Нигматуллина «Глобальные эпидемии и пандемии: математическое моделирование инфекционных заболеваний»). Завершил это заседание сам юбиляр, выступив с докладом «Многофазность, многомасштабность и асимптотики в механике, океанологии и экономике». Эти научные доклады были восприняты сообществом как самый замечательный итог жизни известного ученого.

Третий день симпозиума стал своего рода отчетом Института океанологии, возглавляемого Р.И.Нигматуллиным. Прозвучало более пятнадцати докладов, раскрывающих основные научные направления, над которыми работают в настоящий момент российские океанологи.

* * *

С 19 по 21 июня на базе Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника прошел Международный Болгарский Форум, направленный на рассмотрение проблемных вопросов, связанных с материальной и духовной культурой ранних болгар, их истоков, развития и внешних связей.

Данное мероприятие является ежегодным, а решение о его проведении было принято по инициативе первого Президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева, Академией наук Республики Татарстан, Министерством культуры Республики Татарстан и Казанским (По-

волжским) федеральным университетом в 2009 г. Целями форума стали объединение специалистов, занимающихся болгарской цивилизацией в самом широком спектре; развитие Болгарского музея-заповедника как культурного и туристического центра; углубленное исследование истоков болгарской цивилизации.

В форуме приняли участие более 100 ученых-исследователей и официальных представителей России и стран ближнего и дальнего зарубежья, среди которых: Украина, Молдова, Болгария, а также из ведущих научных центров Российской Федерации: Москвы, С.-Петербурга, Астрахани, Самары, Луганска, Казани, Черкесска, Уфы, Ульяновска, Чебоксар, Нижнего Новгорода и др.

Форум открыли официальные представители РФ, РТ, Украины, Болгарии:

Валеева З.Р. – вице-премьер РТ, министр культуры РТ.

Мазгаров А.М. – президент АН РТ.

Орджоникидзе Г.Э. – ответственный секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

Тодор Чобанов – заместитель министра культуры Болгарии.

Могаричем Ю.М. – председатель постоянной комиссии Верховного совета Автономной Республики Крым.

На пленарном заседании были подняты следующие проблемы:

– болгары в Среднем Поволжье;

– ранняя болгарская культура;

– проблемы интерпретации тюркской руники;

– концепция развития Болгарского историко-археологического заповедника.

Работа Форума прошла по следующим направлениям:

– Историческая география археологических памятников салтовомаяцкого круга: региональные аспекты изучения и их своеобразие;

– Этнодиагностирующие признаки болгарской культуры. Керамическое производство;

– Погребальный обряд могильников болгарского круга и их региональная специфика;

– Архитектура;

– Сохранение и развитие историко-культурного наследия болгарского мира.

По итогам форума запланирован выпуск сборника статей и материалов форума.

* * *

В рамках 8-го Российского нефтегазового конгресса прошло несколько важных для научной общественности симпозиумов: Нефтяной форум Platts (22 июня), День Нефти (23 июня), 1-я Российско-Иранская конференция «Деловое и технологическое сотрудничество в нефтегазовой отрасли» (23 июня) и День газа (24 июня).

1-я Российско-Иранская конференция «Деловое и технологическое сотрудничество в нефтегазовой отрасли» была включена в программу Российского нефтегазового конгресса впервые и касалась вопросов развития сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере.

Значение этого события было подтверждено высоким представительским уровнем участников конференции. Нефтегазовую сферу

Ирана представляли: Ахмад Гальэбани – заместитель министра нефти Ирана, Президент Нефтяной компании Ирана, Махмудреза Саджади – Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в РФ, Хамидреза Катузиан – председатель Комиссии по энергетике Меджлиса Исламской Республики Иран, Хамидреза Амириниа – директор Агентства по технологическому сотрудничеству при Администрации Президента И.Р.Иран (ТСО) и др. Российскую сторону представляли Андрей Хоменко – генеральный директор ГП НПКГ «Зоря-Машпроект», Илшат Валиуллин – генеральный директор Группы компаний «РусГазИнжиниринг», Александр Романихин – президент Союза производителей нефтегазового оборудования России и др.

Среди приглашенных докладчиков был президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров, который представлял на конференции и Россию, и Татарстан. Его доклад «Опыт сотрудничества между Академией наук Татарстана и Ираном в области сероочистки углеводородного сырья», посвященный многолетнему сотрудничеству Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья АН РТ с иранскими нефтяниками, прозвучавший на круглом столе «Российские технологии для нефтегазовой отрасли Ирана», вызвал большой интерес.

Научно-техническое сотрудничество между ВНИИУС и различными научными и производственными структурами Исламской Республики Иран началось в 1998 г. В 2000 г. был заключен крупный контракт с научно-исследовательским институтом нефтяной промышленности Ирана РИПИ на продажу лицензий по процессам ДМД-2к и ДМД-3 для очистки сжиженных углеводородных газов и нефти. В долгосрочной перспективе контракт предполагает строительство двадцати промышленных установок по данным технологиям, разработанным учеными ВНИИУС. В 2002 г. сконструированная по технологическому регламенту ВНИИУСа универсальная пилотная установка была успешно введена в эксплуатацию. В настоящее время уже завершено строительство первого в Иране промышленного комплекса сероочистки (суммарная мощность по сырью около 1500 тонн/сутки) по технологиям татарстанских ученых на о.Харг в Персидском заливе, пуск состоится в 2010 г.

Одним из самых крупных в мире газоконденсатных месторождений является месторождение Южный Парс. Особенностью состава сырья Южного Парса является высокое содержание меркаптановой серы. Академия наук Татарстана предложила свои услуги для решения проблемы сероочистки газового конденсата и в 2005 г. был заключен контракт между ВНИИУС и РИПИ на продажу лицензии по технологии ДМС-3 для демеркаптанализации конденсата на одной из очередей Южного Парса. В настоящее время завершено детальное проектирование установки, идет ее строительство. По результатам переговоров с Министерством нефтяной промышленности и компанией ROGС принято решение о внедрении технологии ДМС-3 для демеркаптанализации конденсата на всех вновь строящихся очередях Южного Парса. Реализация данного проекта позволит Ирану производить низкосернистый конденсат для переработки и использования как внутри страны, так и для экспортных поставок.

Обеспечение Ирана одорантом, вырабатываемым по технологии «ДМД-Одорант» из меркаптансодержащего конденсата Южного Пар-

са, является важным направлением партнерства Академии наук Татарстана и РИПИ. В настоящее время начато проектирование промышленной установки мощностью по производимому одоранту 800 тонн/год, что позволит Ирану отказаться от импорта дорогостоящего синтетического одоранта, закупаемого в настоящее время в Европе.

Важным является также и проект по строительству на терминале Нека на побережье Каспия установки по демеркаптанзации нефти, поставляемой из России, Казахстана и Туркменистана, по программе замещения сырья. Решение данной проблемы позволит Ирану избежать экологических и технологических проблем при приеме, транспорте и хранении импортной нефти, а для России и стран СНГ предоставит возможность расширить объем экспорта нефтяного сырья.

ВНИИУС после нескольких успешных предварительных тестовых поставок начал обеспечивать собственным, производимым в Татарстане, катализатором ИВКАЗ действующие установки демеркаптанзации взамен ранее поставляемых из Европы аналогов. В будущем, с пуском установок, построенных по технологиям ВНИИУС, объем поставок в Иран катализатора ИВКАЗ планируется значительно увеличить.

Кроме того, состоялся ряд встреч с руководством ведущих технологических вузов страны, в результате которых достигнуты соглашения о сотрудничестве в научной сфере, в том числе по прикладным исследованиям в области нефтедобычи, а также по программам научного обмена для студентов-нефтяников и аспирантов Ирана и Татарстана.

Таким образом, контакты между учеными нефтяной отрасли Ирана и Татарстана с каждым годом расширяются. Факты, прозвучавшие в докладе президента Академии наук РТ А.М.Мазгарова, заинтересовали участников 1-й Российско-Иранской конференции «Деловое и технологическое сотрудничество в нефтегазовой отрасли», показав, что перспективы научного сотрудничества ученых нефтегазовой сферы Татарстана и Ирана далеко не исчерпаны и будут интенсивно развиваться.

* * *

29 июня 2010 года состоялось выездное заседание Научного совета при президиуме АН РТ на базе ФГУ «Федеральный центр токсикологической и радиологической безопасности животных» (ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ»), находящегося под научно-методическим руководством АН РТ.

В заседании, прошедшем под руководством председателя Научного совета, члена-корреспондента АН РТ, профессора В.З.Латыповой, приняли участие члены Научного совета – член-корреспондент АН РТ, профессор Р.И.Сафин; заместитель председателя Комитета по экологии, природным ресурсам и землепользованию Госсовета РТ И.М. Сафиуллин; директор ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ», профессор А.В. Иванов; и.о. директора Института проблем экологии и недропользования АН РТ Р.Р.Шагидуллин; директор Волжско-Камского государственного биосферного природного заповедника Ю.А.Горшков; заведующий лабораторией химико-биологических исследований ИОФХ КазНЦ РАН, профессор В.В.Зобов; заведующий кафедрой зоологии позвоночных Казанского федерального университета, профессор В.А.Яковлев; заведующий кафедрой биоэкологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор И.И.Рахимов;

профессор Казанского государственного медицинского университета А.В.Иванов; заведующий лабораторией биогеохимии Института проблем экологии и недропользования АН РТ, ученый секретарь Д.В.Иванов; доцент Казанского государственного технологического университета М.В. Шулаев. От ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» в работе выездного заседания приняли участие первый заместитель директора, профессор К.Х.Папуниди; заведующий отделом радиобезопасности, профессор Г.В.Конюхов; заведующий отделом биологической безопасности, профессор Х.Н.Макаев; заместитель директора по НИР, профессор Р.Х.Юсупов; ученый секретарь, профессор В.И.Степанов.

Главный вопрос повестки дня: «О стратегии и перспективах научно-практических работ ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» в области экологической безопасности». Обсужден целый ряд приоритетных направлений развития фундаментальных и прикладных исследований Центра, направленных на обеспечение экологической безопасности населения Республики Татарстан. В их числе: постоянный мониторинг токсических веществ техногенного (тяжелые металлы, пестициды, бензапирены, полихлорированные бифенилы, диоксины) и природного происхождения (микотоксины, бакживотоксины, алкалоиды) во всех звеньях пищевой цепи: почва – растения, животные – продукция – человек; борьба с микотоксикозами; разработка тест-систем для обнаружения ГМО растительного и животного происхождения; производство экологически безопасной продукции и др.

Участники заседания отметили исключительную важность и уникальность проводимых в ФГУ «ФЦТРБ-ВНИВИ» исследований и создания реальных средств защиты от различных видов опасностей в РТ и отдельных регионах РФ. Особо затронута чрезвычайно серьезная проблема опасности микотоксинов, достигнуты договоренности о сотрудничестве с учеными ведущих научных экологических центров РТ, о целесообразности создания рабочей группы из числа специалистов секции «Экологически безопасная продукция и агроэкология» Научного совета и об активизации деятельности по экологически безопасной продукции.

Помимо этого на выездном заседании обсуждена и признана актуальной тематика проектов прикладных научных исследований и разработок по приоритетным направлениям развития экономики, предложенная министерствами и ведомствами РТ в президиум АН РТ, относящаяся к профилю Научного совета «Экологическая безопасность РТ». Принятое решение о поддержке тематики рассмотренных проектов представлено в президиум АН РТ.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта на 2-х дискетах 3,5” (шрифт **Times New Roman**, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК и **ключевых слов**, короткой аннотацией на русском и английском языках (1/3 + 1/3 страницы), примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие 2-х рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– оформление подписки на журнал будет способствовать сотрудничеству.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-79-39 (зам. гл. редактора),

292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ
«ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ
С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ
ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!

ДЛЯ ЗАМЕТОК